

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ ХІХ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

ИТАЛЬЯНСКІЯ НОВЕЛЛЫ.

Любовь сильнѣе смерти.

Флорентійскіе граждана стараго рода Альмери съ незапамятныхъ временъ принадлежали къ двумъ благороднымъ цехамъ: одни чтили покровителя мясниковъ, св. Антонія, другіе имѣли на своемъ знамени изображеніе овцы и занимались шерстянымъ промысломъ. Подобно предкамъ, къ этимъ цехамъ принадлежали братья Джіованни и Маттео Альмери. Джіованни торговалъ мясомъ на Старомъ Рынкѣ — Mercato Vecchio. У Маттео были шерстобойныя мельницы внизъ по теченію Арно. Покупатели охотно заходили въ мясную лавку Джіованни не только потому, что здѣсь можно было найти свѣжіе окорока, нѣжныхъ молочныхъ телятъ и жирныхъ гусей, но и потому, что хозяина любили за веселый нравъ и за острый языкъ. Никто не умѣлъ перекинуться такою мѣткою шуткой со случайнымъ прохожимъ, сосѣдомъ или покупателемъ, какъ мясникъ Альмери, никто не говорилъ съ такою свободою о всѣхъ дѣлахъ подлиннаго міра—дипломатическихъ ошибкахъ флорентинской республики, намѣреніяхъ турецкаго султана, проискахъ французскаго короля и о неожиданной, повидимому безпричинной, беременности сосѣдки-вдовы, которая въ послѣднее время слишкомъ часто повадилась ѣздить въ монастырь къ достойнымъ братьямъ чертозіанцамъ. Впрочемъ, рѣдко кто обижался на шутки мясника, и онъ приводилъ въ свое оправданіе старинную пословицу: «Шуткой добрый сосѣдь не порочится, а языкъ на шуткѣ какъ бритва точится».

Не таковъ былъ братъ Маттео, шерстобой. Человѣкъ себѣ на умѣ, ласковый, всегда немного угрюмый и молчаливый, вель онъ дѣла свои лучше, чѣмъ безпечный и добродушный Джіованни, и каждый годъ два корабля Маттео, нагруженные шерстяными товарами, отправлялись изъ Ливорнской гавани въ Константинополь. Замыслы имѣлъ онъ высокіе и честолюбивые, смотрѣлъ на торговлю, какъ на путь къ должностямъ государственнымъ, всю жизнь льнулъ къ аристократамъ, «жирному народу» — *popolo grasso*, какъ ихъ называли во Флоренціи, и питалъ надежду возвысить родъ Альмьери, быть-можетъ, предать имя его крыламъ безсмертной молвы. Часто убѣждалъ Маттео младшаго брата бросить мясную торговлю, какъ недостаточно для нихъ почетную, и присоединить свои деньги къ его, Маттео, собственному обороту. Но Джіованни не соглашался, и хотя уважалъ и цѣнилъ «тихоню» брата за умъ — втайнѣ побаивался его и если не говорилъ, то думалъ: «мягко стелеть, жестко спать».

Однажды, въ жаркій день, воротившись изъ лавки усталый, плотно по своему обыкновению поужинавъ и напившись холоднаго греческаго вина, Джіованни почувствовалъ себя дурно, слегъ, и съ нимъ сдѣлался ударъ, который былъ тѣмъ опаснѣе, что мясникъ имѣлъ тучное тѣлосложеніе и короткую шею. Въ ту же ночь онъ отдалъ душу Богу, не успѣвъ пріобщиться св. Тайнъ и составить духовное завѣщаніе. Вдова, монна Урсула, женщина скромная, добродѣтельная, но недалекаго ума, довѣрила торговыя дѣла мужа брату Маттео, умѣвшему ее обойти вкрадчивыми и тихими рѣчами. Онъ убѣдилъ простодушную женщину въ томъ, что покойный, благодаря легкомыслію, оставилъ свои счетныя книги въ беспорядкѣ, умеръ наканунѣ разоренія, и что необходимо, если она желаетъ спасти остатокъ имущества, прекратить торговлю и закрыть мясную лавку на *Mercato Vecchio*. Злые языки утверждали, будто бы этотъ «продувной тихоня» Маттео безбожно обманулъ вдову, чтобы, согласно своему давнему желанію, отвести всю воду изъ торговаго оборота Джіованни на колеса шерстобойныхъ мельницъ.

Какъ бы то ни было, но съ этого времени дѣла Маттео сильно пошли въ гору, и онъ сталъ отправлять ежегодно изъ Ливорно въ Константинополь уже не два, а цѣлыхъ пять или шесть кораблей, нагруженныхъ превосходною тосканскою шерстью. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему обѣщали выгодное и почетное мѣсто знаменосца Льяного Цеха — именитаго флорентинскаго Arte di Lana. Вдовѣ брата великодушно выдавалъ онъ небольшое ежемѣсячное вспомошествованіе, такъ что моннѣ Урсулѣ приходилось жить, во многомъ себѣ отказывая и терпя лишенія, тѣмъ болѣе, что на рукахъ ея осталось единственное и нѣжно-любимое дитя, молодая дочь, по имени Джиневра, а въ тѣ времена во Флоренціи такихъ жениховъ, которые не зарились бы на приданое, было столь же мало, какъ и теперь. Но благочестивая монна Урсула на падала духомъ, усердно молилась всѣмъ святымъ Божьимъ угодникамъ, въ особенности же св. Антонію, неустанному и горячему заступнику мясниковъ, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей, питала надежду, что Господь, защитникъ вдовъ и сиротъ, пошлетъ ея дочери-безприданницѣ добраго и достойнаго мужа, и имѣла тѣмъ больше права разсчитывать на это, что Джиневра отличалась рѣдкою красотою.

Трудно было повѣрить, чтобы у этого толстаго и неуклюжаго балагура Джіованни могла родиться дочь, одаренная такою нѣжною прелестью.

Джиневра всегда одѣвалась въ простыя и темныя ткани; но сквозь вырѣзь на груди ея виднѣлась въ мелкихъ сборкахъ рубашка тонкаго «ренскаго» полотна, и вокругъ ея прелестной шеи, немного худощавой и длинной, какъ у всѣхъ флорентинскихъ дѣвушекъ, обвивалась жемчужная нить, на которой висѣла древняя камя изъ хризолита съ изображеніемъ кентавра. Свѣтлыя блѣдно-золотистые волосы были покрыты кисеей, опускавшеюся до середины лба, такую прозрачною, что можно было сквозь нее различить красивую прическу, состоявшую изъ множества тонко и тщательно заплетенныхъ косичекъ, сложенныхъ кругообразно или узорами, подобными то листьямъ винограда, то листь-

ямъ папоротника. Блѣдное и кроткое лицо Джиневры было похоже на лицо той Мадонны, написанной Филиппо Липпи для флорентинской Бадіи, Непорочной Дѣвы, которая является въ пустынѣ св. Бернарду и нѣжными, блѣдными, какъ воскъ церковныхъ свѣчей, длинными пальцами перевертываетъ листы его книги. Въ дѣтскихъ губахъ, въ спокойномъ печальномъ взорѣ, въ высоко поднятыхъ, едва очерченныхъ бровяхъ Джиневры было выраженіе той же непроницаемой для зла, безконечной невинности. И хотя отъ нея вѣяло утреннимъ холодомъ и свѣжестью монастырской лиліи, вся она казалась непрочною, недолговѣчною, слишкомъ тонкою и хрупкою, какъ бы несозданной для жизни. Когда по улицамъ Флоренціи дочь мясника Альмьери шла въ церковь, скромная, тихая, съ опущенными глазами, съ молитвенникомъ въ рукахъ, — веселые юноши, спѣшившіе на пиръ или охоту, останавливали коней, лица дѣлались важными, шутки и смѣхъ умолкали, и почтительными взорами долго провожали они прекрасную Джиневру.

Дядя Маттео, слыша похвалы добродѣтелямъ племянницы, вознамѣрился выдать ее замужъ за человѣка не первой молодости, но всѣми уважаемаго, имѣвшаго связи съ тогдашними правителями города — Альбиццы, одного изъ секретарей флорентинской республики, мессэра Франческо дельи Аголанти. Это былъ великій знатокъ латинскаго языка, излагавшій канцелярскія донесенія и бумаги торжественнымъ слогомъ Тита Ливія и Саллюстія, — нрава нѣсколько суроваго и нелюдимаго, но зато безукоризненно честнаго, напоминавшій древняго римлянина; у него и лицо было похоже на лицо сенатора временъ республики и одѣваться онъ умѣлъ въ длинное, со многими складками, платье флорентинскихъ чиновниковъ изъ темно-краснаго сукна, какъ въ настоящую римскую тогу. Онъ такъ страстно любилъ древнюю письменность, что когда въ Тосканѣ распространилась мода на греческій языкъ и въ *studio* — тогдашнемъ университетѣ — стали объяснять грамматику пріѣзжій изъ Константинополя ученый византіецъ Эммануиль Хризолорасъ, то мессэръ Аголанти не постыдился, несмотря на

своей почтенной возрастъ, уже будучи секретаремъ флорентинской республики, сѣсть рядомъ съ мальчиками на школьную скамью и начать съ азбуки изученіе греческаго языка, въ которомъ достигъ немалыхъ знаній, такъ что читалъ въ подлинникѣ и Органонъ Аристотеля, и діалоги Платона. Словомъ, лучшей и болѣе выгодной родни не могъ себѣ представить хитрый шерстобой съ честолюбивыми замыслами. Маттео обѣщаль дать за своей племянницей хорошее приданое подъ условіемъ, чтобы мессэръ Аголанти соединилъ свое имя и гербъ съ именемъ и гербомъ Альмьери.

Наперекоръ, однако, всѣмъ этимъ многочисленнымъ и явнымъ достоинствамъ жениха своего, Джиневра долго противилась намѣреніямъ дяди, и свадьбу откладывали съ года на годъ. Когда же Маттео потребоваль скорого и рѣшительнаго отвѣта, она объявила, что есть у нея другой женихъ, болѣе любезный сердцу, и, къ немалому изумленію, даже испугу благочестивой монны Урсулы, назвала ей имя мессэра Антоніо дэ Рондинелли. Это былъ молодой и довольно бѣдный ваятель, державшій «боттегу» свою, или мастерскую, съ немногими учениками въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ, недалеко отъ Ponte Vecchio. Антоніо познакомился съ Джиневрой въ домѣ ея собственной матери: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ попросилъ ея позволенія вылѣпить изъ воска голову молодой дѣвушки, желая воспользоваться красотой Джиневры, знаменитою среди флорентинскихъ ваятелей и художниковъ, для рѣзной иконы св. великомученицы Варвары, которая была ему заказана богатымъ монастыремъ въ окрестностяхъ города. Монна Урсула не могла отказать ваятелю въ столь благочестивомъ дѣлѣ, и во время работы художникъ полюбилъ свой прекрасный образецъ, какъ нѣкогда Пигмалионъ Галатею. Затѣмъ встрѣчались они на городскихъ праздникахъ и зимнихъ посидѣлкахъ, куда хозяева всегда были рады пригласить Джиневру, ибо она могла служить украшеніемъ всякаго праздника.

Когда монна Урсула, робко и вѣжливо извиняясь, попробовала сообщить дядѣ Маттео, что у Джиневры есть другой женихъ, любезный ея сердцу, и назвала мессэра

Антоніо дэ Рондинелли, шерстобой, хотя втайнѣ сильно разгнѣвался, принялъ смиренный и ласковый видъ и, обращаясь къ моннѣ Урсулѣ, такъ повелѣ свою рѣчь тихимъ голосомъ:

— Мадонна, если бы собственными ушами не слышалъ я того, что вы мнѣ только что изволили сказать, — никогда не повѣрилъ бы я, чтобы такая добродѣтельная и благородная женщина обратила какое-либо вниманіе на легкомысленную прихоть неопытнаго ребенка. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время молодыя дѣвушки и заикнуться не смѣли о выборѣ жениха, покорствуя во всемъ волѣ отца или попечителя. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, кто такой этотъ мессэръ Антоніо, котораго племянница моя почтила своимъ выборомъ? Неужели вамъ неизвѣстно, что скульпторами, живописцами, поэтами, актерами и уличными пѣвцами дѣлаются люди, которымъ ничего лучшаго не остается, и которые не умѣютъ заняться никакимъ, болѣе почетнымъ и выгоднымъ, промысломъ. Это народъ самый лекомысленный и ненадежный, какой только можно встрѣтить на бѣломъ свѣтѣ: пьяницы, распутники, лѣнтяи, безбожники, сквернословы, расточители своего собственнаго и чужого имущества. Что же касается мессэра Антоніо, конечно, вы должны были слышать о немъ то, что всѣ во Флоренціи говорятъ, и что мнѣ извѣстно не менѣе, чѣмъ кому-либо другому, а потому только напомню вамъ объ одномъ обычаѣ этого юноши — о круглой корзинѣ, которая виситъ у него въ мастерской на шнуркѣ, перекинутомъ черезъ блокъ, такъ что одинъ конецъ веревки привязанъ къ корзинѣ, другой къ желѣзному гвоздю, вбитому въ стѣну. Въ эту корзину Антоніо бросаетъ, не считая, всѣ деньги, какія заработаетъ. И каждый, кто пожелаетъ, будь то ученикъ, или знакомый, можетъ притти, опустить корзину на блокъ, не спрашивая хозяина, взять столько, сколько нужно — мѣдныхъ, серебряныхъ или золотыхъ монетъ. Не думаете ли вы, мадонна, что я довѣрю мои деньги, приданое, обѣщанное вашей дочери, такому безумцу? Но это еще не все: извѣстно ли вамъ что мессэръ Антоніо питаетъ въ мысляхъ своихъ гнус-

ное, посянное дьяволомъ, безбожіе эпикурейской философіи, не ходить въ церковь, смѣется надъ святыми таинствами и не вѣрять въ Бога? Добрые люди рассказываютъ, что онъ болѣе поклоняется мраморнымъ обломкамъ мерзостныхъ языческихъ идоловъ, соблазнительныхъ боговъ и богинь, которыхъ нынче стали откапывать изъ-подъ земли, нежели благодатнымъ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ святыхъ Божьихъ угодниковъ. Также слышалъ я отъ другихъ людей, достойныхъ не меньшаго довѣрія, что въ своей боттегѣ по ночамъ вмѣстѣ съ учениками разсѣкаетъ онъ человѣческіе трупы, купленные за немалую цѣну у больничныхъ сторожей, для того, чтобы, какъ онъ говоритъ, изучать анатомію, строеніе человѣческаго тѣла, нервы и мускулы, и такимъ образомъ усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, а на самомъ дѣлѣ для того, полагаю, чтобы угодить помощнику и совѣтнику своему, исконному врагу нашего спасенія, дьяволу, который наставляетъ его въ искусствѣ черной магіи. Ибо ужь, конечно, не какими-либо иными средствами, а только чарами, колдовствомъ и бѣсовскимъ наважденіемъ, овладѣлъ этотъ еретикъ сердцемъ вашей невинной дочери.

Такими и подобными рѣчами дядя Маттео устрасилъ монну Урсулу и убѣдилъ ее во всемъ, въ чемъ ему было угодно. Когда мать объявила Джиневрѣ, что дядя, въ случаѣ рѣшительнаго отказа ея выйти замужъ за мессэра Франческо дельи Аголанти, отниметъ у нихъ ежемѣсячное содержаніе, и такимъ образомъ ей, моннѣ Урсулѣ, на старости лѣтъ грозитъ нищета, — молодая дѣвушка, полная несказаннаго горя, покорилась своей участи и выразила согласіе исполнить волю дяди.

Въ этотъ годъ Флоренцію постигло великое бѣдствіе, предсказанное многими астрологами на томъ основаніи, что въ небесномъ знакѣ Скорпіона Сатурнъ чрезмѣрно приблизился къ Марсу. Нѣкоторые купцы, пріѣхавшіе съ Востока, въ большихъ тюкахъ драгоцѣнныхъ индѣйскихъ ковровъ привезли чумную заразу. Устроено было торжественное церковное шествіе по улицамъ съ пѣніемъ

жалобныхъ *miserere*, съ чудотворнымъ образомъ Богоматери Импрунеты, предносимой клиромъ архіепископу. Стали издавать законы, воспрещавшіе свалку нечистотъ въ городской чертѣ, зараженіе водъ Арно разлагающимися отбросами кажевенныхъ заводовъ и скотобоенъ, принимать мѣру для отдѣленія больныхъ отъ здоровыхъ. Подъ страхомъ денежной пени, тюремнаго заключенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и смертной казни, запрещено было оставлять въ домахъ — умершихъ въ теченіе дня — до заката, — въ теченіе ночи — до восхода солнечнаго, хотя бы родственники утверждали, что смерть произошла не отъ чумы, а отъ какой-либо другой болѣзни. Городъ обходили дозоромъ сосланные надсмотрщики, имѣвшіе право во всякое время дня и ночи стучаться въ двери, спрашивать нѣтъ ли больныхъ или мертвыхъ, производить обыски. Всюду появлялись просмоленные страшныя дроги, въ дыму факеловъ, въ сопровожденіи молчаливыхъ людей въ маскахъ и черныхъ одеждахъ, пропитанныхъ дегтемъ, съ длинными крюками, которыми они издалека, чтобы не заразиться, хватали чумныя трупы, подымали и сваливали на дроги. Ходили слухи, что эти люди, которыхъ народъ называлъ «черными дьяволами», забирали не только мертвыхъ, но и умирающихъ, для того, чтобы лишній разъ не возвращаться на то же мѣсто. Зараза, начавшаяся въ концѣ лѣта, продолжалась до поздней осени, и зимніе холода, наступившіе въ тотъ годъ очень рано, не прекратили ее. Вотъ почему тѣ изъ достаточныхъ людей, которые не связаны были важными дѣлами, спѣшили покинуть Флоренцію, удаляясь въ загородныя виллы, гдѣ воздухъ былъ чище и здоровѣе.

Дядя Маттео, боясь всевозможныхъ случайностей и не рассчитывая на долгую покорность племянницы, торопилъ свадьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что моннѣ Урсулѣ съ дочерью слѣдуетъ поскорѣе уѣхать изъ города, а мессэръ Франческо дельи Аголанти предлагаетъ увезти Джиневру вмѣстѣ съ ея матерью, взявъ отпускъ тотчасъ же послѣ свадьбы, въ свою прелестную, загородную виллу на склонахъ Монте Альбано.

Такъ желалъ мессэръ Маттео, такъ и было рѣшено. Свадьбу назначили черезъ нѣсколько дней, и скромно, безъ всякой пышности, какъ прилично было въ столь печальные дни, совершили обрядъ. Подъ вѣнцомъ Джиневра стояла блѣдная, какъ полотно, и лицо ея выражало страшное спокойствіе. Но дядя надѣялся, что эти дѣвичьи прихоти какъ рукой сниметъ послѣ свадьбы, и что мессэръ Франческо сумѣетъ заслужить любовь молодой жены. Надеждамъ его не суждено было оправдаться: когда новобрачная, выйдя изъ церкви, вступила въ домъ своего мужа, съ нею сдѣлалось дурно, и она упала замертво. Сначала думали, что Джиневра въ глубокомъ обморокѣ, стали приводить ее въ чувство, но глаза не открывались, дыханіе ослабѣвало, кожа на лицѣ и на всемъ тѣлѣ покрылась смертельною блѣдностью, члены похолодѣли, и когда, нѣсколько часовъ спустя, позвали докторовъ (въ то время ихъ звали неохотно, опасаясь, чтобы не распространился слухъ, что въ домѣ зараза), они приложили зеркало къ бездыханнымъ губамъ Джиневры и на немъ не могли замѣтить влажнаго слѣда отъ дыханія, то всѣ, пораженные невыразимою скорбью и состраданіемъ, убѣдились въ томъ, что это — не мнимая, а настоящая смерть. Сосѣди говорили, что Богъ наказываетъ Альмьери за то, что они сыграли свадьбу въ такое непозволительное время, и что молодая жена мессэра Франческо, только что вернувшись изъ церкви послѣ вѣнчанія, заболѣла чумою и умерла. Слухи эти могли распространяться тѣмъ легче, что родственники дѣвушки, опасаясь посѣщенія «черныхъ дьяволовъ», до послѣдней минуты скрывали отъ всѣхъ обморокъ и смерть Джиневры. Но къ вечеру пришли надсмотрщики, которымъ сосѣди не преминули донести обо всемъ, что происходило въ домѣ Альмьери и стали требовать, чтобы родственники выдали тѣло Джиневры или немедленно его похоронили: когда же, послѣ долгихъ переговоровъ, имъ дали хорошую взятку, они согласились, чтобы тѣло усопшей оставалось въ домѣ мессэра Франческо никакъ не долѣе, чѣмъ до вечера слѣдующаго дня.

Впрочемъ, въ смерти Джиневры никто изъ родныхъ уже не сомнѣвался, кромѣ ея старой няни, на которую не обращали вниманія, полагая, что она выжила изъ ума и заговаривается. Старуха съ жалобными причитаніями молила не хоронить умершей, увѣряя, что доктора ошибаются, что Джиневра не умерла, а спитъ, и утверждала, что прикладывая руку къ сердцу своей голубки, она «чуветъ, какъ оно бьется слабо-слабо,—слабѣе, чѣмъ крыло ночной бабочки».

Прошелъ день, и такъ какъ молодая дѣвушка не подавала признаковъ жизни, ее одѣли въ саванъ, положили въ гробъ и отнесли въ соборную церковь Санта Репарата. Склепъ, сухой и просторный, выложенный гладкими тосканскими кирпичами, находился въ углубленіи между двумя дверями церкви, на одномъ изъ такъ называемыхъ кладбищенскихъ дворишковъ (avello), подъ тѣнью высокихъ кипарисовъ, среди усыпальницъ благородныхъ семействъ Флоренціи. За эту могилу, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слишкомъ роскошную для дочери мясника, Маттео Альмьери заплатилъ большія деньги, взятыя, впрочемъ, изъ приданого самой Джиневры. Отпѣваніе совершили торжественно. Восковыхъ свѣчей не жалѣли, и нищимъ раздано было на поминовеніе души усопшей по мѣрѣ ячменной крупы и масла оливковаго каждому на полъ-сольди. Несмотря на холодъ и страхъ чумы, много народу собралось на похороны; нѣкоторые, даже незнакомые, слыша горестный рассказъ о смерти новобрачной не могли удержаться отъ слезъ и повторяли нѣжный стихъ Петрарки:

Morte bella pareva nel suo bel viso.

Смерть казалась прекрасной на ея прекрасномъ лицѣ.

Мессэръ Франческо произнесъ надъ гробомъ рѣчь, съ цитатами не только латинскими, но и греческими изъ Платона и Гомера, что было тогда новостью, и многимъ слушателямъ, даже не понимавшимъ по-гречески, нравилось.

Смятеніе произошло только въ концѣ похоронъ, когда гробъ вынесли изъ собора и поставили въ склепъ для по-

слѣдняго цѣлованія. Блѣдный человѣкъ въ траурномъ шелковомъ плащѣ подошелъ къ покойницѣ и, откинувъ кисейную дымку съ лица ея, сталъ глядѣть на него пристальнымъ взоромъ. Его попросили отойти, замѣтивъ, что ему, «какъ чужому», непристойно подходить къ усопшей ранѣ, чѣмъ съ нею простятся родные. Когда блѣдный человѣкъ услышалъ, что его называютъ «чужимъ», а дядю Маттео и массэра Франческо «родными», онъ горько усмѣхнулся, поцѣловалъ мертвую въ уста, опустилъ дымку на лицо ея и отошелъ, не сказавъ ни слова. Въ толпѣ стали перешептываться, указывая на него, называя мессэра Антонио дэ Рондинелли, возлюбленнаго Джиневры, изъ-за котораго она умерла.

Наступили сумерки, и такъ какъ обрядъ похоронъ былъ конченъ, толпа разошлась. Монна Урсула желала провести ночь у гроба, но этому воспротивился дядя Маттео, ибо она была такъ истощена горемъ, что опасались за ея жизнь.

Въ склепѣ остался только фра Марьяно, доминиканецъ, который долженъ былъ читать молитвы надъ покойницей.

Прошло нѣсколько часовъ; въ тишинѣ ночи раздавался мѣрный гѣлосъ монаха и порою медленный, мѣдный бой часовъ на колокольнѣ, «кампаниллѣ» Джіотто. Послѣ полуночи фра Марьяно почувствовалъ жажду, вынулъ изъ кармана флягу тревбианскаго и, закинувъ голову, отхлебнулъ нѣсколько глотковъ съ наслажденіемъ, какъ вдругъ почувдился ему тихій вздохъ. Онъ внимательно прислушался; вздохъ повторился, и на этотъ разъ ему показалось, что легкая кисея на лицѣ покойной шевельнулась. Холодъ ужаса пробѣжалъ по спинѣ его, но такъ какъ онъ былъ не новичокъ въ этомъ дѣлѣ и хорошо зналъ, что даже привычнымъ людямъ ночью, наединѣ съ мертвымъ тѣломъ, всякое мерещится, рѣшилъ ни на что не обращать вниманія, перекрестился и зычнымъ голосомъ продолжалъ читать молитвы. Прошло еще нѣсколько времени. Вдругъ голосъ монаха оборвался, лицо вытянулось—онъ окаменѣлъ, вперивъ открытые глаза въ лицо покойницы: теперь уже не вздохъ, а слабый стонъ вылетѣлъ изъ устъ ея; фра Марьяно въ этомъ болѣе не сомнѣвался, ибо видѣлъ, какъ медленно подымалась и опу-

скалась грудь усопшей, колебля кисейный покровъ — она дышала. Крестясь, дрожа всѣми членами, бросился онъ къ двери и выскочилъ изъ склепа. Опомнившись на свѣжемъ воздухѣ и подумавъ опять, что ему померещилось, онъ прошепталъ нѣсколько разъ Ave Maria, вернулся къ двери и заглянулъ въ склепъ; въ то же мгновеніе крикъ ужаса вырвался изъ груди его: мертвая сидѣла въ гробу съ открытыми глазами. Фра Марьяно пустился бѣжать безъ оглядки черезъ кладбище, черезъ площадь Баптистерія Санъ-Джіованни, по улицѣ Рикасоли, — только деревянные сандалиі, «цокколи» монаха стучали, отбивая дробь по облебянѣлой кирпичной мостовой.

Джиневра Альмьери, проснувшись отъ сна или обморока, подобнаго смерти, съ недоумѣніемъ оглядывала могилу. При мысли, что ее заживо похоронили, ужасъ овладѣлъ ею, она сдѣлала отчаянное усиліе, вылѣзла изъ гроба и, кутаясь въ саванъ, вышла въ дверь, отворенную монахомъ, — на кладбище, потомъ на площадь передъ соборомъ. Сквозь быстрыя, разорванныя вѣтромъ облака падалъ свѣтъ луны, и въ немъ бѣлѣла мраморная колокольня Джіотто. Мысли Джиневры путались, голова кружилась: ей казалось, что колокольня вмѣстѣ съ нею уносится въ лунныя облака, и она не могла понять, живая она или мертвая, во снѣ ли все это происходитъ или наяву.

Не сознавая, куда идетъ, прошла она нѣсколько пустынныхъ улицъ, увидѣла знакомый домъ, остановилась, подошла къ двери и постучала. Это былъ домъ дяди Маттео.

Шерстобой, несмотря на поздній часъ, не ложился, ожидая нарочнаго съ извѣстіемъ о двухъ торговыхъ корабляхъ, возвращавшихся изъ Константинополя. Ходили слухи, что буря недалеко отъ Ливорнскаго побережья разбила множество фелуккъ и большихъ флорентинскихъ галеръ, такъ что дядя Маттео опасался, чтобы среди нихъ не потерпѣли крушеніе и его корабли. За ночь успѣлъ онъ проголодаться и заказалъ своей служанкѣ Ненчіи, рыжей красивой дѣвушкѣ съ веснушками и зубами бѣлыми, какъ молоко—жа-

ренаго на вертелѣ каплуна. Дядя Маттео жилъ старымъ холостякомъ, но всегда имѣлъ въ домѣ молодыхъ служанокъ. Въ эту ночь сидѣлъ онъ въ кухнѣ, у очага, такъ какъ въ остальныхъ комнатахъ было холодно. Ненчія, зарумянившись, засучивъ рукава, вращала надъ яркимъ огнемъ вертелъ, и веселое пламя отражалось въ блестящей глиняной чаше чистыхъ вымытыхъ горшковъ и блюдовъ, разставленныхъ на полкахъ.

— Ненчія, слышишь? — произнесъ дядя, насторожившись.

— Вѣтеръ. Не пойду. Вы меня и такъ уже три раза гоняли.

— Какой тамъ вѣтеръ? Стучать. Это нарочный. Ступай, отопри скорѣе.

Толстая Ненчія стала лѣниво спускаться по крутой деревянной лѣстницѣ, а дядя Маттео сверху, поднявъ надъ головою фонарь, освѣщаль ей путь.

— Кто тамъ? — спросила служанка.

— Это я... я... Джиневра Альмери, — отвѣтилъ слабый голосъ изъ-за двери.

— Gesù! Gesù! Съ нами крестная сила! — пролепетала Ненчія; ноги у нея подкосились, и, чтобы не упасть, она должна была схватиться за лѣстничныя перила. Мессэръ Маттео поблѣднѣлъ и чуть не выронилъ фонарь изъ рукъ.

— Ненчія, Ненчія, отопри скорѣе! — умоляла Джиневра. — Пусти погрѣться, мнѣ холодно... Скажи дядѣ, что это я...

Служанка, несмотря на тучное тѣлосложеніе, такъ взлетѣла по лѣстницѣ, что ступеньки затрещали подъ ея ногами.

— Вотъ вамъ и нарочный! Дождались — нечего сказать. Говорила я вамъ, мессэръ Маттео, ложитесь да спите, какъ всѣ добрые христіане... Ай, ай, ай! Опять стучить, слышите, — стонетъ бѣдная душенька, да какъ жалобно. Господи, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! Святой Лаврентій, моли Бога за насъ!

— Послушай, Ненчія, — произнесъ дядя нерѣшительно, — пойду-ка я, посмотрю что тамъ такое. Какъ знать, можетъ быть..

— Этого еще не доставало, — крикнула Ненчія, всплеснувъ руками, — скажите, какой храбрець отыскался! Такъ я васъ и пустила. Сами на тотъ свѣтъ захотѣли, что ли? Нечего шляться, сидите, пока съ нами чего похуже не приключилось.

Доставъ съ полки склянку святой воды, Ненчія окропила ею наружную дверь дома, лѣстницу, кухню и самого мессэра Маттео. Онъ уже болѣе не спорилъ и покорился умной служанкѣ, полагая, что она лучше знаетъ, какъ должно обращаться съ привидѣніями. И Ненчія громкимъ голосомъ произнесла заклинаніе:

— «Благословенная душа, ступай съ Богомъ — мертвая къ мертвымъ. Господь тебя да упокоить въ селеніи праведныхъ».

Джиневра, услышавъ, какъ ее назвали мертвою, поняла, что ей больше нечего ждать, встала съ порога, на который опустилась въ изнеможеніи, и поплелась далѣе искать себѣ пріюта.

Едва двигая замерзшими ногами, дошла она до сосѣдняго переулка, гдѣ находился домъ ея мужа, мессэра Франческо дельи Аголанти.

Секретарь флорентійской Синьории писалъ въ это время длинное философическое посланіе на латинскомъ языкѣ своему другу въ Миланѣ, Муцію дельи Уберти, такому же, какъ онъ, поклоннику древнихъ музъ. Это былъ цѣлый богословскій трактатъ, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о безсмертіи души по поводу смерти возлюбленной супруги моей Джиневры Альмьери». Мессэръ Франческо сравнивалъ ученіе Аристотеля съ ученіемъ Платона, опровергая мнѣніе Ѳомы Аквината, утверждавшаго, что философію Стагирита можно согласовать съ догматами католической церкви о раѣ, адѣ и чистилищѣ; тогда какъ мессэръ Франческо доказывалъ многими ясными и остроумными силлогизмами, что отнюдь не ученіе Аристотеля, который былъ тайнымъ скептикомъ и атеемъ, а ученіе великаго почитателя боговъ—Платона, согласуется съ христіанскою вѣрою.

Ровнымъ пламенемъ горѣла мѣдная лампада, привѣшенная надъ гладкою наклонною доскою уютнаго письменнаго поставца изъ точенаго дерева, со многими выдвигными ящиками и отдѣленіями для бумаги, чернилъ, перьевъ. Форма лампы изображала тритона, обнявшагося съ океанидой, ибо во всѣхъ мелочахъ будничной жизни мессэръ Аголанти любилъ подражаніе изящнымъ древнимъ образцамъ. На драгоценномъ пергаментѣ стариннаго Тимея, нѣжномъ, какъ шелкъ, твердомъ, какъ слоновая кость, свѣтилось золото заставокъ, изображавшихъ пляску голыхъ амуровъ или ангеловъ, съ гирляндами райскихъ цвѣтовъ.

Мессэръ Франческо только что началъ разбираться съ богословской точки зрѣнія ученіе о метампсихозѣ, или переселеніи душъ, при чемъ остроумно пошутилъ надъ пнеагорейцами, которые, какъ извѣстно, не ѣдятъ бобовъ, утверждая, что въ нихъ заключены души предковъ, — когда послышался слабый стукъ въ дверь. Онъ нахмурилъ брови, ибо не выносилъ шума во время работы и выбиралъ для занятій самые тихіе ночные часы, чтобы ему никто не мѣшалъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ подошелъ къ слуховому окну, открылъ его, выглянулъ на улицу и въ блѣдномъ лунномъ сумракѣ увидѣлъ мертвую Джиневру, окутанную саваномъ.

Въ то же мгновеніе, забывъ Платона и Аристотеля, мессэръ Франческо захлопнулъ окно такъ поспѣшно, что Джиневра не успѣла молвить слова, стала шептать Ave Maria и креститься въ суевѣрномъ ужасѣ, какъ Ненчія.

Впрочемъ, скоро пришелъ онъ въ себя, устыдился собственнаго малодушія и вспомнилъ то, что говорятъ александрійскіе неоплатоники Прокль и Порфирій о явленіяхъ мертвецовъ, а именно, что демоны, существа породы средней и двойственной, живущіе между землей и небомъ, иногда съ цѣлью доброю, чтобы пророчествовать, иногда злою, чтобы устрашать людей, облакаются въ прозрачныя тѣла, имѣющія сходство съ кѣмъ-либо изъ умершихъ и образованныя, по мнѣнію однихъ, изъ влажной стихіи воздуха, сгущеннаго холодомъ, по мнѣнію другихъ, изъ той огненной, безцвѣтной и прозрачной матеріи, изъ которой состоятъ и

низшія растительныя души, какъ разумныхъ, такъ и неразумныхъ тварей, живущихъ на землѣ. Вспомнивъ все это и объяснивъ себѣ то, чего сперва такъ испугался, логическими и естественными доводами, мессэръ Франческо окончательно успокоился, снова открылъ окно и произнесъ твердымъ голосомъ:

— Кто бы ты ни былъ, духъ земной или небесный,—скройся, удались туда, откуда пришелъ, ибо напрасно ты хочешь устрашить того, чей разумъ просвѣщенъ свѣтомъ высшей философіи. Ты можешь обмануть тѣлесныя, но не духовныя очи мои. Отойди же съ миромъ подъ своды Аида—мертвая къ мертвымъ.

И онъ закрылъ окно на этотъ разъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не отворять его, хотя бы стучались цѣлые легіоны жалобныхъ призраковъ.

А Джиневра пошла далѣе, и, такъ какъ была недалеко отъ Стараго Рынка, скоро увидала домъ своей матери.

Монна Урсула стояла на колѣняхъ передъ распятіемъ и рядомъ съ ней былъ суровый монахъ фра Джьякомо съ блѣднымъ лицомъ, изможденнымъ постами. Она подняла къ нему взоры полные ужаса.

— Что мнѣ дѣлать, отецъ мой? Помогите. Нѣтъ въ моей душѣ покорности, нѣтъ молитвы. Мнѣ кажется, что Богъ отступился отъ меня, и душа моя обречена на погибель...

— Покорись, покорись Богу во всемъ, до конца,—убѣждалъ ее монахъ,—не ропщи, смири голосъ буйной плоти, ибо чрезмѣрная любовь твоя къ дочери — отъ плоти, а не отъ духа. Скорби не о томъ, что она умерла тѣлесною смертью, а лишь о томъ, что предстала на судъ Всевышняго, безъ покаянія, великою грѣшницей.

Въ это время постучали въ дверь.

— Мама, мама, это — я... пусти меня скорѣе!

— Джиневра!.. — воскликнула монна Урсула и хотѣла броситься къ дочери, но монахъ остановилъ ее:

— Куда ты? Безумная! Дочь твоя лежитъ въ гробу, мертвая, и не встанетъ до страшнаго суднаго дня. Это злой духъ искушаетъ тебя голосомъ дочери, голосомъ плоти и крови

твоей. Покайся же, молись, молись, пока еще не поздно, за себя и за грѣшную душу Джиневры, чтобы вамъ обѣимъ не погибнуть.

— Мама, или ты не слышишь, не узнаешь моего голоса? Это я — живая, а не мертвая...

— Пустите, отецъ мой, пустите меня...

Тогда фра Джьякомо поднялъ руку и прошепталъ:

— Ступай и помни, — нынѣ обрекаешь ты на погибель не только себя, но и душу Джиневры. Богъ проклянетъ тебя и въ семь вѣкѣ и въ будущемъ!

Лицо монаха полно было такою ненавистью, глаза его горѣли такимъ огнемъ, что монна Урсула остановилась, объятая ужасомъ, сложила руки съ мольбой и въ изнеможеніи упала къ ногамъ его.

Фра Джьякомо обернулся къ двери, осѣнилъ ее знаменемъ креста и молвилъ:

— Во имя Отца и Сына, и Духа Святого! Заклинаю тебя кровью Распятаго на крестѣ — сгинь, сгинь, пропади, окаянный. Мѣсто наше свято. Господи, не введи во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

— Мама, мама, сжался надо мною, — я умираю!..

Мать еще разъ встрепенулась, простерла руки къ дочери, но ихъ раздѣлялъ монахъ, неумолимый, какъ смерть.

Тогда Джиневра упала на землю и, чувствуя, что замерзаетъ, поджала колѣни, обняла ихъ руками, склонила голову и рѣшила болѣе не вставать, не двигаться, пока не умретъ. «Мертвые не должны возвращаться къ живымъ», подумала она, — и въ то же мгновеніе вспомнила Антоніо: «Неужели и онъ прогналъ бы меня?» Она и раньше думала о немъ, но ее удерживалъ стыдъ, ибо она не хотѣла идти къ нему ночью одна, будучи женою другого. Теперь, когда для живыхъ она была мертвая — не все ли равно?

Луна закатилась; горы, покрытыя снѣгомъ, блѣднѣли на утреннемъ небѣ. Джиневра встала съ порога своей матери. Не найдя пріюта у родныхъ, пошла она къ чужому.

Мессэръ Антоніо въ мастерской недалеко отъ Понтэ Веккіо работалъ всю ночь при свѣтѣ огня надъ восковымъ

изваяніемъ Джиневры. Онъ не замѣчалъ, какъ пролетали часы, какъ въ круглыхъ стеклянныхъ граняхъ оконъ выступилъ холодный свѣтъ грубаго зимняго утра. Художнику помогаль его любимый ученикъ Бартолино, семнадцатилѣтній отрокъ, бѣлокурый и красивый, какъ дѣвушка.

Лицо Антоніо выражало спокойствіе. Ему казалось, что онъ воскрешаетъ мертвую и даетъ ей новую безсмертную жизнь: опущенныя вѣки готовы были вздрогнуть и подняться, грудь дышала и въ тонкихъ жилахъ на вискахъ билась теплая кровь.

Онъ кончилъ работу и старался придать губамъ Джиневры невинную улыбку, когда въ дверь раздался тихій стукъ.

— Бартолино, — молвилъ Антоніо, не отрываясь отъ работы, — отопри.

Ученикъ подошелъ къ двери и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Я — Джиневра Альмьери, — отвѣчалъ чуть слышный голосъ, подобно шелесту ночного вѣтра.

Бартолино отскочилъ въ дальній уголъ комнаты, блѣдный и дрожащій.

— Мертвая!..—шепталъ онъ, крестясь.

Но Антоніо узналъ голосъ своей возлюбленной, вскочилъ, бросился къ Бартолино и вырвалъ у него ключъ изъ рукъ.

— Мессэръ Антоніо, опомнитесь, что вы дѣлаете? — лепеталъ ученикъ, стуча зубами отъ ужаса. Антоній подбѣжалъ къ двери, отперъ ее и увидѣлъ Джиневру, упавшую на порогъ, почти бездыханную: въ сіяніи утра бѣлѣлъ могильный саванъ, и на распущенныхъ кудряхъ былъ иней.

Но онъ не ужасался, ибо сердце его исполнилось великою жалостью.

Онъ наклонился со словами любви, поднялъ ее и понесъ на рукахъ въ свой домъ.

Уложилъ на подушки, покрылъ ихъ лучшимъ ковромъ, какой у него былъ, послалъ Бартолино за хозяйкою, старою женщиною, у которой нанималъ мастерскую, развелъ огонь въ очагѣ, согрѣлъ вина и напоилъ Джиневру изъ своихъ

рукъ. Она вздохнула легче, и хотя еще не могла говорить, открыла глаза. Тогда сердце Антонію наполнилось радостью.

— Сейчас, сейчас, — повторялъ онъ, суетясь и бѣгая по комнатѣ, — вотъ придетъ хозяйка, все устроимъ... Только не взыщите, мадонна Джиневра, у меня такой беспорядокъ...

Смущаясь и краснѣя за свое хозяйство, опустилъ онъ съ потолка корзину на блокъ, который скрипѣлъ и визжалъ къ еще большему стыду мессэра Антонію, — вынулъ денегъ, отдалъ Бартолино, велѣлъ ему бѣжать на рынокъ за мясомъ, хлѣбомъ, овощами для завтрака, и когда пришла хозяйка, важно и заботливо, какъ будто дѣло шло о спасеніи его собственной жизни, заказалъ горячаго супа съ курицей.

Ученикъ бросился со всѣхъ ногъ за покупками, старуха пошла рѣзать курицу. Антонію остался наединѣ съ Джиневрой.

Она подозвала его, и когда онъ опустился рядомъ съ нею на колѣни, рассказала ему все, что случилось.

— О, милый мой, — молвила Джиневра, кончивъ рассказъ, — ты одинъ не ужаснулся, когда я пришла къ тебѣ, мертвая, ты одинъ меня любишь.

— Хочешь, я позову твоихъ родныхъ — дядю, мать или мужа? — спросилъ Антонію.

— Нѣтъ у меня родныхъ — ни мужа, ни дяди, ни матери. Всѣ чужіе, кромѣ тебя, ибо я для нихъ — мертвая, для тебя я — живая, и тебѣ одному принадлежу по праву.

Первые лучи солнца затеплились въ окнахъ. Джиневра улыбнулась ему, и по мѣрѣ того, какъ солнце становилось все ярче, румянецъ жизни приливалъ къ ея щекамъ, въ тонкихъ жилахъ на вискахъ билась теплая кровь. Когда Антонію наклонился, обнялъ и поцѣловалъ ее въ губы, ей казалось, что солнце воскрешаетъ ее, даетъ ей новую безсмертную жизнь.

— Антонію, — молвила Джиневра, — благословенна да будетъ смерть, которая научила насъ любить, благословенна да будетъ любовь, которая сильнѣе смерти!

Наука любви.

Мессэръ Фабриціо, одинъ изъ самыхъ ученыхъ профессоровъ Болонскаго университета, читаль діалектику, въ которой онъ обладалъ столь дивнымъ искусствомъ, что его называли «царемъ силлогизмовъ». Но не одна діалектика, а весь кругъ человѣческихъ знаній, *trivium* и *quadrivium*, былъ у мессэро Фабриціо, какъ на ладони. И замѣчательнѣе всего то, что ученый мужъ не только въ предметахъ важныхъ, но и по поводу самыхъ ничтожныхъ житейскихъ мелочей обнаруживалъ бездну своей премудрости. Студенты рассказывали, что однажды, когда ему надо было поставить на письмѣ адресъ: въ Падую, на Винную площадь, въ аптеку Луны, — мессэръ Фабриціо по разсѣянности написалъ: *nella città Antenorea, in sul foro di Vasso, all'aromataria della Dea triforme*, т.-е. въ городъ Антенора, на форумъ Вакха, въ ароматарію Богини Трехликой. Такъ много и прекрасно говорилъ онъ на языкѣ Туллія, что отчасти забылъ языкъ своей матери, чѣмъ не сокрушался, ибо находилъ его ниже своего достоинства, и, будучи въ дурномъ расположеніи духа, выражалъ мнѣніе, что Божественная комедія Данте въ нынѣшній вѣкъ истиннаго цинцеровскаго краснорѣчія пригодна развѣ къ тому, чтобы служить оберточной бумагой въ колбасныхъ лавкахъ. Зато, когда мессэръ Фабриціо объяснялъ, какъ должно писать слово *consumptum* — съ *p*, или безъ *p*, — передъ очами изумленныхъ слушателей открывался такой кладезъ учености, что самые легкомысленные и невѣжественные люди чувствовали трепеть благоговѣйнаго ужаса.

Мессэръ Фабриціо былъ малъ, хилъ и слабъ, такъ какъ тѣло его было истощено непрерывными и чрезмѣрными занятіями, но лицо имѣлъ важное и строгое, взоръ глубоко-мысленный, брови густыя и нахмуренныя, походку величественную и медленную, и никто не умѣлъ съ бѣльшимъ достоинствомъ носить малиновую профессорскую пелерину, подбитую заячьимъ мѣхомъ, и громадную шляпу, похожую на тотъ вкусный пирогъ съ вареньемъ, который хозяйки пекутъ дѣтямъ наканунѣ Иванова дня.

Въ это время въ Болонскомъ университетѣ изучали—одинъ каноническое, другой гражданское право — двое знатныхъ и богатыхъ молодыхъ людей изъ Рима, принадлежавшіе къ благородному дому Савелли, закадычныя друзья и пріятели. Одного звали Буччіоло, другого Пьетро Паоло. И такъ какъ всѣмъ извѣстно, что каноническое право по объему меньше гражданского, то Буччіоло, изучавшій церковное право, кончилъ свои занятія ранѣе, чѣмъ Пьетро Паоло. Сдѣлавшись лиценціатомъ, рѣшилъ онъ вернуться домой—и такъ сказалъ своему товарищу:

— Любезный Пьетро, я имѣю лиценціатъ и намѣренъ возвратиться на родину.

Пьетро возразилъ:

— Прошу тебя, не покидай меня здѣсь, на чужбинѣ, одного. Пережди эту зиму. Къ веснѣ я кончу, и мы можемъ ѣхать вмѣстѣ. А пока, чтобы не терять времени, выбери себѣ какую-нибудь науку по сердцу и займись.

Буччіоло согласился, обѣщавъ подождать друга, пошелъ къ своему профессору, мессэру Фабриціо, и молвилъ такъ:

— Я рѣшилъ обождать моего двоюроднаго брата и прошу васъ маэстро, тѣмъ временемъ преподавать мнѣ какую-нибудь еще другую прекрасную науку.

— Хорошо,—отвѣтилъ маэстро, — выбери себѣ, какую пожелаешь, я охотно съ тобою займусь.

Тогда Буччіоло сказалъ:

— Маэстро, ежели будетъ на то согласіе вашей милости, я желалъ бы изучить науку любви.

Мессэръ Фабриціо, услышавъ такую просьбу, нахмурилъ брови, собираясь такъ намылить голову дерзкому мальчишкѣ, чтобы у него навсегда прошла охота шутить съ профессорами; но, взглянувъ на Буччіоло, онъ увидѣлъ столь нѣжное и розовое лицо, столь простодушный и довѣрчивый взоръ, такую скромную и почтительную улыбку, что латинское ругательство замерло на его губахъ, ему вспомнилось что-то старое, пріятное и веселое, не относившееся ни къ силлогизмамъ, ни къ грамматикѣ Присціана и Доната; онъ тоже улыбнулся и отвѣтилъ ученику:

— Отлично. Ты не могъ бы выбрать науку, которая была бы болѣе мнѣ по сердцу. Итакъ, ступай въ слѣдующее воскресенье въ церковь миноритовъ, къ заутрени, когда туда собираются женщины со всего города, и поищи, не найдешь ли такой, которая тебѣ понравится. Если найдешь,— слѣдуй за ней издалека, пока не узнаешь, гдѣ она живетъ,— потомъ возвращайся ко мнѣ. Вотъ тебѣ первый урокъ, исполни его въ точности.

Буччіоло сдѣлалъ такъ, какъ научилъ его маэстро. Пошелъ въ церковь и сталъ внимательно разсматривать лица женщинъ, которыхъ туда собралось немало.

Болѣе всѣхъ понравилась ему одна дама, одаренная лукавою и нѣжною прелестью. Когда она вышла изъ церкви, Буччіоло послѣдовалъ за нею, замѣтилъ домъ, въ которомъ она жила, изъ чего дама заключила, что студентъ намѣренъ ухаживать за нею.

Потомъ вернулся къ маэстро и сказалъ:

— Я исполнилъ первый урокъ, и нашелъ даму, которая мнѣ нравится.

Мессэру Фабриціо все это казалось презабавнымъ, ибо втайнѣ онъ подсмѣивался надъ простодушнымъ Буччіоло и наукою, которой онъ желалъ учиться.

Съ видомъ важнымъ и глубокомысленнымъ молвилъ онъ:

— Теперь слѣдуетъ тебѣ раза два или три въ теченіе дня пройтись передъ ея окнами,—только держи себя скромно и прилично. Смотри на нее украдкою, такъ, чтобы никто

не замѣтилъ, и только дама могла понять, что ты въ нее влюбленъ. Потомъ возвращайся ко мнѣ. Это—второй урокъ.

Буччіоло простился съ учителемъ, пошелъ на улицу, гдѣ жила его возлюбленная, и началъ прохаживаться передъ домомъ, соблюдая благоразумную осторожность, но все же такъ, чтобы она могла замѣтить, что онъ дѣлаетъ это ради нея. Дама увидѣла его. Буччіоло нѣсколько разъ поклонился ей съ изысканною вѣжливостью. Она отвѣтила ему поклономъ, изъ чего онъ заключилъ, что она къ нему благосклонна. Тотчасъ же пошелъ онъ и сообщилъ объ этомъ учителю, который, выслушавъ его, сказалъ:

— Прекрасно. Я тобою доволенъ. До сихъ поръ все идетъ какъ по маслу. Теперь ты долженъ ей подослать одну изъ уличныхъ разносчицъ, которыя торгуютъ въ Болоньѣ кружевомъ, кошельками, лентами и другимъ моднымъ товаромъ. Вели передать своей дамѣ, что ты во всемъ, чего бы она ни пожелала, готовъ ей служить, что никого на землѣ не любишь болѣе, чѣмъ ее, и что отнынѣ ты намѣренъ быть ей вѣрнымъ рабомъ. Подожди отвѣта, потомъ возвращайся ко мнѣ: я научу тебя, что слѣдуетъ дѣлать далѣе.

Буччіоло пошелъ, не тратя времени, отыскалъ услужливую старую женщину, весьма опытную въ дѣлахъ подобнаго рода, и молвилъ:

— Вы можете оказать мнѣ большую услугу. Я заплачу такъ, что вы останетесь довольны.

Разносчица отвѣтила:

— Я сдѣлаю все, что вамъ угодно, ибо живу трудами рукъ моихъ, какъ честная женщина.

Тогда Буччіоло далъ ей два флорина и сказалъ:

— Прошу васъ, сходите на улицу Маскарелла, гдѣ живетъ молодая женщина по имени мадонна Джіованна, въ которую я влюбленъ. Передайте ей, что я — вѣрный рабъ ея и готовъ исполнить всякое ея желаніе. Выразите все это самыми нѣжными и увѣтливыми словами, какія сумѣете придумать.

Старуха отвѣтила:

— Ужъ знаю, знаю. Съ помощью Господа Бога и Пресвятой Маріи Дѣвы мы такъ обдѣлаемъ это дѣльце, что вы будете довольны, еще другой разъ придетъ ко мнѣ. Главное— выбрать подходящее время, ужъ объ этомъ предоставьте мнѣ позаботиться.

— Ступайте же, — молвилъ Буччіоло, — я подожду здѣсь.

Разносчица отправилась съ корзиною товара на улицу Маскарелла, увидала мадонну Джіованну, сидѣвшую у двери, поздоровалась и сказала:

— Мадонна, не приглянется ли вамъ что-нибудь изъ моего товара. Берите смѣло все, что понравится.

Старуха подсѣла къ ней и начала показывать ленты, кисею, кошельки, пояса, ножницы, зеркала и тому подобныя вещи. Джіованна долго разсматривала, наконецъ, понравился ей одинъ кошелекъ, и она сказала:

— Если бы у меня были деньги, я охотно купила бы этотъ кошелекъ.

Старуха возразила:

— Мадонна, стоитъ ли заботиться о такихъ пустякахъ. Говорю вамъ, берите изъ моего хлама все, что понравится. Мнѣ уже заплачено.

Дама удивилась и, желая объяснить любезность старухи, спросила:

— Что вы хотите сказать, добрая женщина? Что значать эти слова?

Тогда разносчица повела свою рѣчь тихимъ голосомъ:

— Сейчасъ я вамъ все объясню, мадонна. Одинъ юноша, по имени Буччіоло, послалъ меня къ вамъ. Онъ любитъ васъ и преданъ вамъ всею душою. Нѣтъ, говоритъ, на свѣтѣ такого труднаго и опаснаго дѣла, котораго бы я не предпринялъ съ радостью, чтобы заслужить любовь моей дамы. Господь Богъ, говоритъ, не могъ бы оказать мнѣ большей милости, чѣмъ если бы ей угодно было повелѣть мнѣ что-нибудь. А самъ такъ и плачетъ, заливаясь, какъ свѣча таетъ отъ любви къ вамъ. Да не услышитъ въ смертный часъ молитвы моей Царица Небесная, да разразитъ меня громъ на

этомъ мѣстѣ, ежели я въ чемъ-нибудь солгала и когда-либо въ моей жизни видѣла болѣе прекраснаго и благороднаго юношу!

Когда Джіованна услышала эти слова, лицо ея вспыхнуло.

— О, если бы только языкъ мой не удерживала скромность, я отвѣтила бы тебѣ такъ, какъ ты этого заслуживаешь, старая вѣдьма! Смѣешь ли ты съ такимъ предложеніемъ являться къ честной женщинѣ! Да накажетъ тебя Господь!

И, молвивъ такъ, вынула изъ петель двери деревянный шестъ, служившій запоромъ, и хотѣла ее ударить.

Старуха забрала въ охапку свой товаръ, убѣжала и не прежде почувствовала себя въ безопасности, чѣмъ вернулась къ Буччіоло.

— Ну, что, какъ! — спросилъ онъ, увидѣвъ ее.

— Да что, плохо, свѣтъ мой, такъ плохо, что хуже нельзя. Никогда еще во всю мою жизнь не терпѣла я этакаго срама. Если бы поскорѣй не утѣкла, пришлось бы старымъ костямъ моимъ отвѣдать палки. Не знаю, какъ вы, мессэръ Буччіоло, но что до меня, то ни за какія деньги я больше къ ней не пойду, да и вамъ не совѣтую.

Буччіоло весьма огорчился, немедленно пошелъ къ своему учителю и повѣдалъ ему все, что случилось.

Мессэръ Фабриціо утѣшилъ его и сказалъ:

— Успокойся, Буччіоло. Ни одно дерево не валится съ перваго удара. Пройдись-ка еще разъ подъ ея окнами, увидимъ какое лицо она сдѣлаетъ. Потомъ опять приходи ко мнѣ.

Буччіоло собрался и пошелъ къ дому своей возлюбленной. Только что она его увидѣла, какъ позвала служанку и приказала:

— Улива, ступай, видишь, за этимъ юношей и скажи отъ моего имени, чтобы онъ непременно приходилъ ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Улива подошла къ нему и молвила:

— Мессэре, мадонна Джіованна очень проситъ васъ пожаловать къ ней сегодня вечеромъ, такъ какъ она желаетъ съ вами говорить.

Буччіоло не зналъ, что подумать. Тѣмъ не менѣе отвѣтилъ:

— Хорошо. Передай твоей госпожѣ, что я съ радостью приду.

Затѣмъ поскорѣе вернулся къ Фабриціо. Профессоръ тоже удивился и спросилъ:

— На какой улицѣ живетъ твоя дама?

— На улицѣ Маскарелла.

— А какъ имя служанки?

— Не знаю. Она такая высокая, худая, черная, хромаетъ на лѣвую ногу...

— Клянусь Геркулесомъ, — Улива! — пролепеталъ себѣ подъ носъ профессоръ, краснѣя, какъ ракъ.

— Что вы хотѣли сказать, маэстро?—спросилъ Буччіоло.

Мессэру Фабриціо казалось, что полъ уходитъ у него изъ-подъ ногъ и лицо Буччіоло двоится. Не чувствуя достаточно силы, чтобы перенести послѣдній ударъ и боясь, чтобы Буччіоло не назвалъ ему мадонны Джіованны, его собственной жены, онъ не рѣшился спросить имени дамы. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ профессоръ ночевалъ въ зданіи университета, чтобы имѣть возможность читать лекціи студентамъ и въ ночные часы, такъ что мадонна Джіованна оставалась въ домѣ одна со служанкой.

— Ты пойдешь на свиданіе, Буччіоло?

— Конечно.

— Прошу тебя, зайди ко мнѣ и скажи, когда соберешься.

Буччіоло молвилъ: «Хорошо!» и удалился. Маэстро заключилъ по его виду и словамъ, что онъ ничего не подозреваетъ.

— Я не желаю, — подумалъ мессэръ Фабриціо, — чтобы онъ учился этой наукѣ на мой счетъ.

Вечеромъ пришелъ Буччіоло.

— Маэстро, мнѣ пора.

— Ступай и будь остороженъ.

— О, вы можете на меня положиться.

На груди имѣлъ онъ толстый панцырь, острый мечъ подъ мышкой и длинный кинжалъ при бедрѣ,—словомъ, при-

няль всё предосторожности. Когда онъ вышелъ, мессэръ Фабриціо послѣдовалъ за нимъ, тихонько, такъ, что Буччіоло не замѣтилъ. Онъ подошелъ къ двери своей дамы, и только что постучался, она отперла и впустила его. Профессоръ, убѣдившись собственными глазами, что возлюбленная Буччіоло — мадонна Джіованна, его жена, пришелъ въ неописанную ярость.

— Клянусь Минервою, теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ учится на мой счетъ.

Мессэръ Фабриціо побѣжалъ назадъ въ зданіе университета, взялъ мечъ, кинжалъ и вернулся на улицу Маскарелла, намѣреваясь захватить врасплохъ Буччіоло. Подойдя къ двери своего дома, началъ онъ стучаться. А мадонна Джіованна тѣмъ временемъ сидѣла со своимъ возлюбленнымъ у очага и, услышавъ стукъ, догадалась, что это мессэръ Фабриціо, взяла Буччіоло за руку, повела въ сосѣдную комнату и спрятала подъ грудой мокраго бѣлья, лежавшаго на столѣ у окна. Потомъ побѣжала къ двери и спросила: «кто тамъ?»

Маэстро кричалъ:

— Отопри, отопри же, негодная!

Джіованна отперла и, увидѣвъ профессора вооруженнымъ, воскликнула:

— Ай! Ай! Что это значитъ, мессэръ Фабриціо?

Онъ не унимался и вопилъ еще громче:

— Клянусь Аполлономъ, я знаю, кто въ моемъ домѣ.

— О, я несчастная, — воскликнула Джіованна, — что вы говорите? Въ своемъ ли вы умѣ? Обыщите весь домъ и если кого-нибудь найдете, пусть меня четвертуютъ. Какой стыдъ, какой стыдъ, Боже мой! Стоитъ быть вѣрной женой. Разспросите сосѣдей, они могутъ кое-что рассказать о моей скромности и добродѣтели. Еще недавно сюда приходила старуха... Но зачѣмъ говорить?.. Ежели вамъ померещилось недоброе, оградите себя крестомъ и молитвой отъ наважденія лукаваго, который ищетъ погубить вашу душу.

Маэстро велѣлъ зажечь свѣчу и началъ искать въ погребѣ между бочками, потомъ вышелъ въ комнаты, обшарилъ ихъ,

посмотрѣлъ подъ кроватью, прокололъ мечомъ соломенный матрацъ въ различныхъ мѣстахъ,—словомъ, не оставилъ въ домѣ мышиной норы необысканной, но Буччіоло не нашелъ. Мадонна Джіованна ходила за нимъ со свѣчой въ рукахъ и повторяла:

— Дорогой маэстро, опомнитесь, сотворите же крестное знаменіе, ибо теперь я вижу ясно, что врагъ Божій искушаетъ васъ, и вамъ померещилось такое, что стыдно сказать; знайте, что если бы хоть одинъ волосъ на головѣ моей пожелалъ чего-нибудь подобнаго, то я наложила бы на себя руки. Маэстро, заклинаю васъ именемъ Бога, не поддавайтесь наважденію лукаваго!

Не находя Буччіоло и слыша непрестанныя увѣщанія супруги, мессэръ Фабриціо почти повѣрилъ ей, задулъ свѣчу и вернулся въ школу.

А мадонна Джіованна тотчасъ заперла дверь на задвижку, вытащила возлюбленнаго изъ-подъ бѣлья, развела яркій огонь въ очагѣ, на которомъ зажарила молочнаго поросенка, и принесла изъ погреба различныхъ винъ. Они стали пить, ѣсть, веселиться, и во взаимныхъ ласкахъ провели ночь. Когда же наступило утро, Буччіоло сказалъ:

— Мадонна, я долженъ проститься съ вами. Не будетъ ли вашей милости угодно приказать мнѣ что-нибудь?

— О, да, — молвила она, обнимая и цѣлуя его съ нѣжностью, — моей милости угодно, чтобы ты пришелъ ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Буччіоло обѣщаль притти, вернулся въ школу и молвилъ учителю:

— Я имѣю нѣчто рассказать, что васъ позабавитъ.

— Говори. Я слушаю.

— Вчера вечеромъ, — произнесъ Буччіоло, — когда я былъ въ домѣ моей возлюбленной, вдругъ приходитъ мужъ, обыскиваетъ весь домъ и ничего не находитъ. Она спрятала меня подъ кучей мокраго бѣлья и такъ ловко умѣла обойти его, что глупый повѣрилъ и ушелъ. А мы остались съ ней наединѣ, поужинали молочнымъ поросенкомъ, отвѣдали множество тонкихъ винъ, и могу васъ увѣрить, маэстро, что

намъ было превесело и что эта наука любви кажется мнѣ самой любезной и забавной изъ всѣхъ наукъ, такъ что, по моему разумѣнію, никакая другая не можетъ съ нею сравняться. Право, я ужъ и не знаю, какъ васъ благодарить, дорогой учитель!.. А теперь, съ вашего позволенія, я пойду немного отдохнуть, такъ какъ мало спалъ эту ночь и обѣщаль сегодня вечеромъ притти къ ней опять.

Мессэръ Фабриціо молвилъ:

— Когда соберешься, зайди ко мнѣ и скажи.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Буччіоло и пошелъ спать.

Профессоръ былъ внѣ себя отъ ярости; пробовалъ читать лекцію, но вмѣсто силлогизмовъ у него выходили такія глупости, что онъ поскорѣ сошелъ съ кафедры, сказавшись больнымъ. Сердце его пожирала ревность, и весь день онъ мечталъ о томъ, какъ поймаетъ Буччіоло и накажетъ его. У стараго ландскнехта, имѣвшаго оружейную лавочку въ сосѣднемъ переулкѣ, взялъ онъ на прокатъ заржавленный панцырь и допотопный шлемъ съ забраломъ. Когда наступилъ вечеръ, къ мессэру Фабриціо пришелъ беззаботный Буччіоло и объявилъ:

— Я иду.

— Ступай, ступай, — возразилъ маэстро, — да не забудь притти ко мнѣ завтра утромъ рассказать, что съ тобой случится.

— Не беспокойтесь, приду, — молвилъ Буччіоло и отправился къ дамѣ.

А маэстро тѣмъ временемъ, надѣвъ панцырь и шлемъ, пошелъ за нимъ по пятамъ, намѣреваясь схватить его у дверей дома. Но Джіованна ожидала возлюбленнаго, поспѣшно впустила его и заперла дверь. Тотчасъ же затѣмъ пришелъ маэстро и началъ бушевать. Тогда Джіованна потушила свѣчу, стала передъ своимъ возлюбленнымъ, заслонивъ его собою, отперла дверь и одной рукой обняла мужа, между тѣмъ какъ другой выпроводила Буччіоло такъ ловко и быстро, что маэстро ничего не замѣтилъ, — и принялась кричать:

— Помогите! Помогите! Маэстро сошелъ съ ума!

И она крѣпко обнимала его, не выпуская. Буччиоло не узналъ мессэра Фабриціо, такъ какъ не могъ видѣть лица его, спрятаннаго забраломъ. Сосѣди сбѣжались на шумъ и, видя профессора вооруженнымъ въ несвойственный ему панцырь и шлемъ, слыша, какъ супруга его кричала: «Держите его, онъ помѣшался отъ чрезмѣрныхъ ученыхъ занятій!»— повѣрили и рѣшили, что мессэръ Фабриціо не въ своемъ умѣ. Соболѣзнуя, приступили они къ нему.

— Ахъ, маэстро, маэстро, что это такое съ вами приключилось? Ложитесь-ка скорѣе въ постель, да отдохните какъ слѣдуетъ и впредь не утомляйте мозга чрезмѣрными трудами. Хотя мы люди неученые, но совѣтуемъ вамъ отъ добраго сердца: право же, успокойтесь, маэстро.

— Да какъ же мнѣ успокоиться,—вопилъ мессэръ Фабриціо, — когда я видѣлъ собственными глазами, какъ эта негодная впустила въ домъ любовника!

— Любовника! — воскликнула мадонна Джіованна, — о, я несчастная! Да спросите же этихъ добрыхъ людей, случилось ли имъ примѣчать, чтобы я въ чемъ-нибудь провинилась передъ вами!

Тогда всѣ мужчины и женщины отвѣтили въ одинъ голосъ:

— Маэстро, выбросьте изъ головы этотъ вздоръ — ибо не было и не будетъ на свѣтѣ женщины болѣе скромной и добродѣтельной, чѣмъ ваша супруга. Что другое, а ужъ это мы знаемъ достоверно.

— Ничего вы не знаете! — кричалъ маэстро, — я говорю вамъ, что собственными глазами видѣлъ любовника, и знаю, что онъ теперь въ моемъ домѣ.

Въ это время подоспѣли двое братьевъ мадонны Джіованны. Увидѣвъ ихъ, она заплакала еще сильнѣе и сказала:

— Милые братья, мой мужъ сошелъ съ ума и хочетъ убить меня. Онъ говоритъ, что я впустила къ себѣ въ домъ любовника, — какъ это вамъ нравится? Вы вѣдь знаете, что я не такая женщина и не такъ я воспитана, чтобы терпѣть подобныя оскорбленія.

Тогда братья сказали:

— Мы удивляемся, что вы смѣете называть нашу сестру негодною женщиной. Сколько лѣтъ жили вы съ нею въ добромъ согласіи? Что же сегодня приключилось, и за что вы на нее въ такой ярости?

— Я видѣлъ любовника, — твердилъ мессэръ Фабриціо, — я видѣлъ его собственными глазами!

— Хорошо, — возразили братья, — поищемъ. И если найдемъ, накажемъ ее такъ, что вы останетесь довольны.

Одинъ изъ нихъ отозвалъ сестру въ сторону и спросилъ:

— Скажи правду, есть ли въ домѣ мужчина?

— Что ты говоришь, — воскликнула мадонна Джіованна, — какъ тебѣ не стыдно спрашивать объ этомъ! Избави меня Боже отъ такого позора. Я согласилась бы лучше тысячи разъ умереть, чѣмъ сдѣлать или даже подумать что-либо подобное.

Эти слова вполнѣ успокоили братьевъ, и вмѣстѣ съ мессэромъ Фабриціо начали они обыскивать домъ. Маэстро увидѣлъ кучу бѣлья, ринулся на нее и сталъ колоть мечомъ съ такою яростью, какъ будто это былъ самъ Буччіоло, ибо думалъ, что онъ спрятанъ въ бѣльѣ.

— Ну, вотъ видите, — всплеснула руками Джіованна, — не говорила ли я вамъ, что онъ ряхнулся? Развѣ это не явное сумасшествіе — портить собственное добро, которое не сдѣлало ему никакого вреда?

Братья обыскали домъ, ничего не нашли и убѣдились, что маэстро въ самомъ дѣлѣ не въ своемъ умѣ.

Одинъ произнесъ:

— Онъ помѣшался.

Другой прибавилъ:

— Маэстро, дорогой маэстро, согласитесь, что вы были очень неправы, называя нашу сестру негодною женщиной.

Услышавъ это, профессоръ пришелъ въ изступленіе, ибо не могъ сомнѣваться въ томъ, что видѣлъ собственными глазами, — и началъ осыпать ихъ жестокою бранью, при чемъ все время держалъ въ рукѣ обнаженный мечъ. Тогда они напали на него, схватили, обезоружили, связали по рукамъ и ногамъ, оставили такъ на всю ночь, а сами съ

сестрою пошли спать. Утромъ позвали врача: онъ прописалъ микстуру, велѣлъ положить на голову больному ледяныя примочки, сдѣлалъ кровопусканіе и посовѣтовалъ, чтобы никто съ нимъ не говорилъ, не отвѣчалъ на его вопросы, и чтобы его держали на діэтѣ, пока ему не станетъ лучше. Все это было точно исполнено.

Въ Болоньѣ распространился горестный слухъ, что мессэръ Фабриціо, знаменитый докторъ діалектики, «царь силлогизмовъ», сошелъ съ ума. Всѣ принимали въ немъ участіе. Студенты говорили между собою:

— А вѣдь я еще вчера замѣтилъ, что маэстро какъ будто не въ себѣ. Помните, онъ не могъ дочитать намъ лекціи, да и лицо у него было странное.

Многіе втайнѣ злорадствовали.

— Вотъ, къ чему приводитъ людей излишняя ученость. Того и гляди лукавый попутаетъ.

Студенты рѣшили навѣстить больного профессора. Буччіоло, ничего не зная, пришелъ въ университетъ, чтобы рассказать мессэру Фабриціо свои новыя приключенія. Но здѣсь сообщили ему, что маэстро сошелъ съ ума. Буччіоло удивился, весьма былъ огорченъ и вмѣстѣ съ товарищами пошелъ навѣстить больного. Когда же увидѣлъ, куда они идутъ и въ чей домъ, — недоумѣнію, потомъ ужасу его не было предѣла, такъ что, понявъ все, онъ едва не потерялъ сознание. Но изъ страха, чтобы никто не замѣтилъ его смущенія, вошелъ съ товарищами въ домъ и увидѣлъ мессэра Фабриціо на постели, обложеннаго ледяными примочками, связаннаго и блѣднаго. Студенты стали поочередно подходить къ профессору и выражать ему участіе и соболѣзнованіе. Когда очередь дошла до Буччіоло, онъ приблизился къ мессэру Фабриціо и сказалъ:

— Дорогой учитель, я люблю и почитаю васъ, какъ родного отца,—а потому, если могу сдѣлать что-нибудь угодное, приказывайте мнѣ, какъ сыну.

Маэстро, видя его сердечное раскаяніе, добродушно молвилъ въ отвѣтъ:

— Буччіоло, Буччіоло, ступай съ Богомъ! Довольно ты на мой счетъ поучился, хотя, сказать правду, и меня кое-чему выучилъ.

Тогда мадонна Джіованна поспѣшно прибавила:

— Не обращай вниманія на его слова: онъ бредитъ.

А Буччіоло поскорѣе ушелъ, отыскалъ Пьетро Паоло и молвилъ:

— Братъ, будь счастливъ. Я столько здѣсь научился, что у меня прошла охота учиться болѣе.

Съ этими словами онъ покинулъ друга, тотчасъ собрался въ путь и благополучно пріѣхалъ въ Римъ.

Желѣзное кольцо.

Новелла XV вѣка.

Графиня Віоланта, стоя передъ зеркаломъ, отказывалась надѣть роскошное бѣлое платье и капризничала, по своему обыкновенію, къ большому горю старой няни, фрейлинъ и прислужницъ.

— Надѣньте бѣлое платье,—упрашивала няня,—утѣшьте старуху, не упрямитесь...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Не приставайте. Слово мое твердо. Сказала, что не надѣну и кончено...

— Да вѣдь самъ графъ, его свѣтлость, намедни изволили приказывать...—пробовала возражать старуха.

— Ахъ, скажите, пожалуйста,—всплеснула руками негодующая графиня,—это еще что за новости, нынче батюшка мой заботится о цвѣтѣ моихъ платьевъ... Какое ношу всегда,—такое и сегодня надѣну. Ни одного цвѣточка, ни одной ленточки не прибавлю. Да знаете ли вы, что и такъ съ моей стороны большая любезность и снисхожденіе выходить на смотрины къ этому хваленому заморскому жениху. Можетъ-быть, вашъ каталонскій принцъ дурень, какъ обезьяна, и косъ, и хромъ, и ужъ во всякомъ случаѣ я увѣрена, что онъ отнюдь не такъ хорошъ, какъ о немъ говорятъ: славны бубны за горами. Вы всѣ только о томъ и думаете, чтобы я пришла къ нему по вкусу, но вѣдь надо, чтобы и онъ мнѣ понравился... Я первому встрѣчному руки своей не отдамъ...

— Мадонна Віоланта,—произнесла почтенная старая фрейлина вкрадчивымъ голосомъ,—мы всѣ увѣрены, что вы, при вашемъ ясномъ умѣ и благородномъ сердцѣ, вполне понимаете, сколь важны для блага и спасенія вашей

родины исполненіе воли вашего мудраго отца, свѣтлѣйшаго графа и повелителя Тулузы, Рената. Силы народа давно уже истощены долгими кровопролитными войнами съ могущественнымъ графомъ Каталоніи. Народъ жаждетъ мира, и ничто не можетъ такъ надежно закрѣпить союза нашего съ Каталоніей, какъ предлагаемый и столь желанный бракъ единственной наслѣдницы графа тулузскаго съ единственнымъ сыномъ короля каталонскаго, который равно славится тѣлесною красою, рыцарскою доблестью и несмѣтными богатствами. Вотъ почему, мадонна Віоланта, не только для вашего собственнаго счастья, но и для спасенія вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, для блага народнаго...

— Ну, вотъ, вотъ, я такъ и знала,—съ нетерпѣніемъ воскликнула графиня,—вотъ мы и договорились до блага народнаго. Господи, да когда же кончится эта мука? Со мной ни о чемъ говорить не хотятъ, кромѣ какъ о благѣ народномъ. И почему я должна жертвовать своимъ счастьемъ для спасенія отечества? Какое мнѣ дѣло до вашей политики? Ежели каталонцы и тулузцы такъ злы и глупы, что не умѣютъ ужиться въ мирѣ,—тѣмъ хуже для нихъ. Повѣрьте, никакими союзами этому горю помочь нельзя. Народы всегда найдутъ удобный предлогъ, чтобы перессориться и подраться. Не нами это началось, не нами кончится. Пусть же никто не пристаётъ ко мнѣ съ войнами, союзами, благомъ народовъ, со всей этой нелѣпою и лживою политикой. Конечно, меня могутъ силой выдать за вашего хваленаго принца, но волей я не пойду...

— Вы знаете,—возразила старая фрейлина,—что король французскій согласенъ былъ отдать руку дочери своей каталонскому принцу. Онъ отказался только для васъ, графиня!

— Напрасно. Черезчуръ много чести! Я вѣдь объ этомъ его не просила: куда ужъ мнѣ соперничать съ дочерью французскаго короля!..

— Молва гласитъ,—не унималась усердная совѣтчица,—что яснѣйшій рыцарь каталонскій не имѣетъ подобнаго себѣ по красотѣ...

— Можетъ-быть. Впрочемъ, будь онъ хромъ и кривъ и страшенъ, какъ смертный грѣхъ, вы объявили бы его первымъ красавцемъ въ мірѣ, только бы я скорѣе вышла за него замужъ. И все это, все это для вашей презрѣнной политики, для блага народнаго. Какая несправедливость, какая жестокость! Лучше бы я родилась дочерью бѣднаго угольщика или дровосѣка,—тогда бы никто не отнималъ у меня свободы!..

И Віоланта, къ немалому отчаянію всѣхъ нянь, прислужницъ и придворныхъ дамъ, залилась горькими слезами.

— Если такъ,—воскликнула графиня, и глаза ея вспыхнули грозно,—если всѣ меня покинули, всѣ противъ меня, то вотъ не выйду же, назло всѣмъ, ни за что не выйду за него замужъ, и пусть пропадаетъ вся ваша политика, и каталонцы съ тулузцами такъ подерутся, какъ еще отъ начала міра не дрались! Да, да, чего вы смотрите на меня, какъ на безумную. Не захочу—и не выйду. Вы вѣдь отлично знаете, что никто ничего со мной не подѣлаетъ. Слава Богу, въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ я свободна: не даромъ же, умирая, матушка взяла съ отца моего на крестѣ и на святомъ Евангеліи клятву, что онъ противъ моей воли насильно не выдастъ меня замужъ, хотя бы отъ этого зависѣла его жизнь и спасеніе отечества. Графъ Ренать не нарушитъ столь великой и ужасной клятвы, если бы даже сорокъ тысячъ каталонскихъ принцевъ требовали руки моей, угрожая войною и низверженіемъ тулузскаго престола.

При этихъ словахъ графини прислужницы, приспѣшницы, няни и придворныя дамы онѣмѣли отъ ужаса. Но мало-помалу гнѣвныя морщины на лицѣ Віоланты разгладились, и она прибавила съ тонкою и хитрою улыбкою:

— А впрочемъ, если каталонецъ сумѣетъ мнѣ понравиться,—чего ему не такъ-то легко будетъ достигнуть,—тогда, конечно, другое дѣло: поживемъ, посмотримъ...

Графъ Ренать былъ суровымъ и самовластнымъ повелителемъ, тѣмъ не менѣе онъ скорѣе согласился бы погубить свой народъ и самъ погибнуть, чѣмъ нарушить предсмертную волю нѣжно-любимой и рано умершей супруги

и въ чемъ-либо стѣснить свободный выборъ своей дочери. Это важное условіе было извѣстно каталонскому принцу. Но не будучи самонадѣяннымъ, онъ имѣлъ право думать, что слава его рыцарскихъ доблестей, мужества и красоты откроютъ ему путь къ сердцу Віоланты. Итакъ, графъ каталонскій выслалъ своего возлюбленнаго сына и единственнаго наслѣдника, въ сопровожденіи великолѣпной свиты, для свиданія и обрученія съ невѣстою. Вѣяніемъ пестрыхъ шелковыхъ знаменъ, громомъ воинственныхъ трубъ и литавровъ встрѣченъ былъ юный графъ въ стѣнахъ благородной Тулузы. Взаимныя условія утонченной французской вѣжливости и важнаго испанскаго приличія, которыя тогда, вслѣдствіе близкаго сосѣдства обѣихъ сторонъ, всѣмъ и каждому хорошо были извѣстны и въ томъ и въ другомъ государствѣ, на этомъ торжественномъ праздникѣ точно были соблюдены. Во дворцѣ графа Рената произошло свиданіе жениха и невѣсты. Віоланта была одѣта въ простое не праздничное платье безъ всякихъ украшеній, лишь тонкое ожерелье блѣднаго жемчуга окружало бѣлую шею, но эта суровая простота одѣянія не уменьшала, а скорѣе увеличивала прелесть лица ея. Графъ каталонскій, не умѣя скрыть своего волненія, жадно смотрѣлъ на Віоланту, и по внезапному румянцу и блѣдности, смѣнившихся на щекахъ его, всѣ могли заключить, что стрѣла крылатаго бога, напоенная сладкимъ и мучительнымъ ядомъ, пронзила сердце благороднаго рыцаря. Украдкою изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, почти не подымая глазъ, Віоланта, въ свою очередь, не однажды, а много разъ успѣла взглянуть на юношу. Предубѣжденная противъ него чрезмѣрными похвалами и докучными совѣтами, графиня коварно искала въ его наружности, одѣяніи, въ каждомъ его шагѣ и движеніи чего-либо достойнаго порицанія, но ничего не находила, и хотя еще не признавалась себѣ въ томъ, однако втайнѣ уже опасалась, что завистливая молва скорѣе уменьшила, нежели преувеличила достоинства рыцаря. Но чѣмъ больше онъ ей нравился, съ тѣмъ большею досадою противъ себя и противъ него искала она въ графѣ каталонскомъ какихъ-

либо недостатковъ и несовершенствъ. Послѣ первой встрѣчи столы съ великолѣпными яствами и драгоценными винами накрыты были на террасѣ дворца, прохлаждаемой тѣнью олеандровъ и журчаніемъ множества фонтановъ.

Согласно съ обычаемъ страны, по окончаніи роскошной трапезы, пажы въ бархатныхъ ливреяхъ съ вышитыми на груди соединенными геральдическими гербами каталонскаго и тулузскаго графа, стали разносить гостямъ на золотыхъ блюдахъ алые гранаты, которые, какъ всѣмъ извѣстно, отличаются необыкновенной сочностью въ этихъ мѣстахъ и подаются, послѣ всякой ѣды, какъ бы для прохладнаго омовенія и очищенія рта отъ остающагося вкуса разнообразныхъ блюдъ.

Каталонецъ, сидѣвшій рядомъ съ Віолантой, взялъ съ блюда нѣсколько плодовъ, при чемъ одно изъ гранатовыхъ яблокъ выскользнуло изъ руки его. Графъ подхватилъ яблоко на лету, какъ впослѣдствіи самъ рыцарь и многіе изъ очевидцевъ утверждали, пока оно еще не успѣло коснуться пола, быть-можетъ, для того, чтобы показать ловкость руки своей, съ улыбкою поднесъ свѣжій плодъ ко рту и вкусилъ отъ него.

Молодая графиня, которая продолжала съ коварнымъ любопытствомъ слѣдить за всѣми движеніями своего сосѣда, замѣтила, какъ онъ поднялъ гранатъ, и потому ли, что такъ судилъ рокъ, или потому въ самомъ дѣлѣ, что это движеніе, не лишенное мужественной граціи, показалось ей недостойнымъ великаго и щедраго повелителя, злобно обрадовалась, какъ будто нашла то, чего давно искала, и въ сердцѣ своемъ подумала такъ:

«Вотъ, наконецъ, то, чего я ждала и что я предчувствовала. Теперь вижу, сколь справедливы и разумны слова тѣхъ опытныхъ людей, которые утверждаютъ, что изъ всѣхъ народовъ Запада каталонцы самый глупый и алчный народъ, истинные скряги. А вѣдь съ перваго взгляда мнѣ показалось, что онъ отличается нѣкоторыми достоинствами. Впрочемъ, скупости—матери и кормилицѣ всѣхъ человѣческихъ пороковъ—какъ я слышала отъ одного изъ моихъ

наставниковъ, присуще то особенное внутреннее свойство, что скрыть ее вполнѣ и до конца рѣдко удается даже самымъ искуснымъ и опытнымъ изъ лицемѣровъ. Ибо въ чьемъ сердцѣ гнѣздится этотъ гнусный и страшный порокъ, тотъ чувствуетъ горе и досаду не только когда ему приходится лишаться собственнаго имущества, но и тогда—о диво!—какъ злѣйшій изъ враговъ его расточаетъ свое сокровище: скупецъ сокрушается о томъ болѣе, нежели расточитель, на глазахъ у коего присвоили бы несправедливо все его собственное имущество, не говоря уже о чужомъ. А если нравъ каталонскаго принца таковъ, какъ я предполагаю, то,—увы!—что ожидаетъ меня, несчастную? Если даже въ великомъ преизбыткѣ онъ выказываетъ скупость и готовъ наклоняться чуть не до земли, чтобы не потерять одинъ ничтожный плодъ,—то ужъ, конечно, въ случаѣ нужды, когда дѣло дойдетъ до его собственнаго золота, окажется онъ презрѣннѣйшимъ скрягою. А есть ли въ мірѣ большее несчастіе для благородной и великодушной дѣвушки, чѣмъ выйти замужъ за человѣка богатаго и скупого? Да избавить меня Господь и Пресвятая Марія Дѣва отъ такого страданія и позора! Лучше быть счастливою женою послѣдняго изъ конюховъ, нежели несчастною супругою славнѣйшаго изъ королей. Богъ съ нимъ и со всеми его богатствами! Пусть отецъ мнѣ говорить все, что ему угодно: не буду я отнюдь такою дурочкою, чтобы сердцу моему и глазамъ моимъ довѣрять меньше, чѣмъ молвѣ людской, и ни для какого блага народнаго, хотя бы мнѣ имъ уши прожужжали, не пожертвую недолговѣчнымъ и невозвратимымъ цвѣтомъ моей юности».

Когда старый графъ Ренать узналъ о рѣшеніи своей дочери и о странной, смѣшной причинѣ отказа, онъ почувствовалъ сперва немалое удивленіе, потомъ скорбь, наконецъ, гнѣвъ, но вспомнивъ предсмертную мольбу своей нѣжно любимой супруги и клятву, данную ей, отвѣтилъ дочери, что не желаетъ причинять ей никакого насилія, а потому откажетъ каталонцу, какими бы несчастіями ни угрожалъ этотъ отказъ ему и его народу; затѣмъ пошелъ къ своему

гостю, нетерпѣливо ожидавшему отвѣта и, заведя рѣчь издалека, упомянувъ о необъяснимыхъ капризахъ молодыхъ дѣвушекъ въ дѣлахъ любви, о безумномъ и непреодолимомъ упорствѣ, съ которыми женщины нерѣдко настаиваютъ на томъ, что должно причинить имъ же самимъ наибольшій вредъ,—любезнѣйшими словами, какія только могъ придумать, объявилъ жениху отказъ невѣсты. Несмотря, однако, на всѣ любезности, каждое слово графа тулузскаго было острымъ ножомъ для сердца гордаго каталонца, который съ этой стороны менѣе всего ожидалъ какихъ-либо препятствій. Робертъ затаилъ тяжелую обиду и съ тихою усмѣшкою выразилъ мнѣніе, что съ подобными прихотями женщинъ отнюдь не слѣдуетъ бороться и что такого рода несчастія уже не разъ постигали людей гораздо болѣе добродѣтельныхъ и достойныхъ, чѣмъ онъ. Вотъ почему, ежели на то будетъ согласіе гостепріимнаго хозяина, онъ завтра же намѣренъ пуститься въ обратный путь. Но для нѣкоторой улады и утѣшенія въ испытанной неудачѣ ему хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, знать, что именно не понравилось въ немъ прекрасной и добродѣтельной графинѣ тулузской, такъ какъ онъ питаетъ твердое намѣреніе на будущее время исправиться отъ своихъ дурныхъ качествъ. Ренату было стыдно солгать и столь же стыдно признаться въ легкомысленной прихоти дочери, но такъ какъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, послѣ нѣ котораго колебанія, онъ объявилъ каталонцу причину отказа. Гость выслушалъ его внимательно и промолвилъ:

— Сердечно благодарю васъ, любезный графъ, за вашу дружескую откровенность. Если когда-нибудь еще разъ придется мнѣ ѣхать на свиданіе съ невѣстой, я постараюсь выбрать такое время года, когда гранаты не поспѣли, ибо они лишили меня супруги такъ же, какъ нѣкогда лишили богиню Цереру дочери Прозерпины.

Потомъ похвалилъ онъ графа за вѣрность слову, за любовь къ покойной женѣ, попросилъ его не сомнѣваться въ томъ, что условія заключеннаго мирнаго договора будутъ соблюдены свято и ненарушимо, насколько это зави-

силь отъ отца его, графа каталонскаго, и со свойственной свѣтскимъ людямъ ловкостью перешель къ спокойному и легкому разговору о другихъ предметахъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось.

На слѣдующее утро онъ поблагодарилъ хозяевъ за гостепрѣимство, попрощался, и такъ скоро, какъ только могъ, направился обратно въ Каталонію.

На границѣ своихъ владѣній графъ Робертъ отпустилъ почетную свиту подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ въ уединеніи посѣтить святую обитель, находившуюся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ барселонской дороги. Почти всѣ придворные повѣрили ему, полагая, что въ самомъ дѣлѣ онъ направитъ свой путь въ Монферрато къ Пречистой Дѣвѣ Маріи.

Только что спутники его удалились и Робертъ остался наединѣ съ двумя вѣрными старыми слугами, какъ онъ открылъ имъ свое намѣреніе: переодѣться въ чужое платье, посредствомъ фальшивыхъ волосъ измѣнить свою наружность до неузнаваемости и направиться пѣшкомъ обратно въ Тулузу. Такъ было рѣшено, такъ они и поступили. Графъ каталонскій переодѣлся странствующимъ купцомъ, и на рукѣ его былъ одинъ изъ тѣхъ обитыхъ кожею коробовъ, какіе можно постоянно видѣть на улицахъ Парижа, а также и въ городахъ остальной Франціи, отчасти Италіи: въ такихъ ящикахъ носятъ они безчисленные и разнообразныя товары, какъ-то: платки, ленты, иголки, булавки, гребни, запястья, ожерелья, духи, румяна, молитвенники, помаду, сонеты Петрарки, деревянные осколки отъ колеса св. великомученицы Екатерины, заговоры отъ мышей и отъ зубной боли и множество другихъ полезныхъ и любопытныхъ предметовъ, которые и предлагаютъ въ селеніяхъ поденщикамъ и служанкамъ, а въ замкахъ благороднымъ дамамъ и синьоринамъ. Въ точно такихъ же простыхъ ящикахъ, чтобы не возбудить подозрѣнія и алчности воровъ, носятъ иногда еврей и ломбардцы весьма дорогіе товары и золотыя вещи, искусно спрятанныя на самомъ днѣ или между стѣнками, такъ что и опытный таможенный чиновникъ отыскалъ бы ихъ съ трудомъ. Такой именно ящикъ наполнилъ графъ

всякими драгоценностями, тонким шелковым товаромъ, золотыми бездѣлушками и многими другими предметами роскоши и прибавилъ къ нимъ два-три самоцвѣтныхъ камня изъ тѣхъ, что привезъ съ собою для подарка невѣстѣ. Сбрилъ бороду, которую въ это время носили при дворѣ въ Каталоніи и, простившись съ вѣрными слугами, одинъ направился къ Тулузѣ.

Здѣсь съ утра до поздняго вечера бродилъ онъ по улицамъ, предлагая товары то одному, то другому, торгуясь, какъ настоящій купецъ. Но усерднѣе и чаще всего ходилъ поблизости дворца, гдѣ жилъ графъ Тулузы и Лангедока.

Однажды вечеромъ, на одной изъ тѣхъ прохладныхъ террасъ передъ домомъ съ аркадами и колоннами, которыя въ Италіи называются *loggia*, въ кругу благородныхъ дамъ и рыцарей увидѣлъ онъ свою возлюбленную. Снявъ истертый бархатный беретъ, съ подобострастными поклонами и привѣтствіями, какъ подобаешь смиренному странствующему купцу, подошелъ онъ къ террасѣ и, выхваляя добротность и дешевизну товара, предложилъ—не угодно ли именитымъ и прекраснымъ дамамъ купить что-нибудь. Его подзвали, спросили, и когда увидѣли необыкновенное великолѣпіе драгоценныхъ товаровъ, окружили и стали наперебой съ любопытствомъ разсматривать. Одна вынимала одну вещь, другая—другую, и всѣ вмѣстѣ болтали, смѣялись, спрашивали, такъ что, не имѣя опытности въ этомъ дѣлѣ, онъ немного смутился и не зналъ, что кому отвѣчать, а потому рѣшилъ обращаться къ одной графинѣ и давалъ отвѣты, какіе умѣлъ, на предлагаемые вопросы. Продавъ за довольно дешевую цѣну нѣсколько вещей изъ тѣхъ, которыя имъ особенно понравились, онъ удалился, такъ какъ уже стемнѣло. Съ этого дня купецъ сталъ приходить ежедневно въ то же мѣсто и въ тотъ же часъ, такъ что всѣ дамы скоро привыкли къ нему и другіе странствующие купцы въ Тулузѣ завидовали его успѣху, ибо приближенныя графини, отказывая всѣмъ наотрѣзъ, говорили между собою: «останемя вѣрными нашему новаррцу». Новаррцемъ называлъ

онъ себя, не достаточно владѣя французскимъ языкомъ и желая скрыть свое испанское происхожденіе.

Скоро представился ему случай говорить наединѣ съ тою изъ приближенныхъ Віоланты, которую, какъ онъ замѣтилъ, она особенно любила и отличала. Продавъ этой молодой фрейлинѣ двѣ-три великолѣпныхъ вещи за безцѣнокъ, онъ шепнулъ ей, что въ домѣ своемъ, по сосѣдству, хранить драгоцѣнность, величайшую изъ всѣхъ, о какихъ когда-либо слышали на землѣ: не носить же съ собою среди остального товара, опасаясь воровъ, ибо это сокровище такъ ему дорого, что онъ не отдалъ бы его и для спасенія собственной жизни. Затѣмъ онъ умолкъ и вскорѣ ушелъ.

Вероника (таково было имя приближенной дамы) сгорала отъ нетерпѣнія, дожидаясь удобнаго случая рассказать госпожѣ своей то, что слышала она отъ новаррца. Вечеромъ, раздѣвая графиню, она поспѣшила сообщить ей о дивномъ сокровищѣ; по обычаю такого рода людей, украсила истину собственными измышленіями и прибавила въ заключеніе, что будь она, Вероника, на мѣстѣ графини, то ужъ, конечно, сумѣла бы найти средство, чтобы овладѣть драгоцѣннымъ камнемъ, хотя купецъ и увѣряетъ, что не продастъ его ни за какую цѣну.

— Ибо на все есть средство,—молвила приспѣшница,—исключая смерти, отъ которой уже никакія человѣческія средства не помогаютъ.

На основаніи множества примѣровъ изъ книгъ священныхъ и свѣтскихъ всему міру извѣстно, что дьяволъ, древній врагъ рода человѣческаго, на искушеніе и погибель нашу не создавалъ ни единой столь дерзновенной и неуголимой страсти, какъ женское любопытство. Не оно ли побудило и праматерь нашу Еву протянуть преступную длань къ запретному плоду, поданному зміемъ?

Когда Віоланта услышала о необычайныхъ свойствахъ, о рѣдкости драгоцѣннаго камня и о томъ, что купецъ скорѣе согласился бы продать свою душу, чѣмъ свое сокровище, то почувствовала, какъ сердце ея разгорается любопытствомъ и желаніемъ, если не обладать этимъ чудеснымъ кам-

немъ, то, по крайней мѣрѣ, увидѣть его. Она ничего не отвѣтила Вероникѣ, легла въ постель и велѣла потушить огонь. Но сонъ бѣжалъ ея глазъ,—и только утомленные вѣки слипались, какъ таинственный драгоценный камень мерещился ей. Рано утромъ графиня вскочила съ постели, объятая такимъ вожделѣніемъ, что не могла далѣе терпѣть, позвала къ себѣ Веронику, которую въ это время мучило не меньшее любопытство, и велѣла ей итти, не медля, къ новаррцу, молить и требовать, пока онъ не согласится продать драгоценный камень за какую угодно цѣну, если же это ей не удастся, то устроить такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ позволилъ графинѣ взглянуть на сокровище, ибо — кто знаетъ?—можетъ-быть, когда она увидитъ его, оно покажется ей менѣе прекраснымъ, чѣмъ она воображаетъ по слухамъ, и такимъ образомъ чрезмѣрное желаніе само собою утихнетъ.

Вероника тотчасъ же отправилась къ новаррцу, рассказала ему все, что случилось, и, чрезвычайно этимъ обрадованный, началъ онъ снова и еще подробнѣе объяснять ей, какъ и почему считаетъ онъ этотъ камень столь драгоценнымъ. Если и ранѣе восхвалялъ онъ его не мало, то теперь уже окончательно превознесъ до небесъ и сталъ увѣрять ее клятвенно, что скорѣе разстался бы съ жизнью, чѣмъ съ этимъ сокровищемъ. Тѣмъ не менѣе, желая сдѣлать ей угодное,—прибавилъ новаррецъ въ заключеніе,—онъ такъ и быть согласенъ показать камень ея госпожѣ, но только подъ условіемъ, чтобы при этомъ никто, кромѣ ихъ двоихъ не присутствовалъ. Вероника, которой не оставалось ничего лучшаго, должна была на все согласиться; они условились, въ какой часъ ночи онъ принесетъ во дворецъ свое сокровище, затѣмъ она поспѣшила къ Віолантѣ, изнемогавшей отъ нетерпѣнія и любопытства и рассказала ей все.

Въ условленное время пришелъ новаррецъ и принесъ камень. Это былъ заостренный брилліантъ необыкновенной величины и столь прекрасной воды, что ничего подобного невозможно было себѣ представить. Повелителю Барселоны достался онъ отъ каталонскихъ морскихъ разбойниковъ,

которые, миновавъ Гибралтарскій проливъ, на своихъ галерахъ доплыли до острова Мадеры и отняли этотъ камень у нѣкоихъ нормандскихъ пиратовъ, пріѣхавшихъ въ тѣ отдаленныя страны въ поискахъ за тѣмъ же самымъ сокровищемъ. Каталонцы побѣдили норманнъ, захватили ихъ въ плѣнъ и овладѣли брилліантомъ. Впослѣдствіи многіе годы принадлежалъ онъ королю неаполитанскому, а въ настоящее время, какъ мы слышали, находится у велпкаго турка, повелителя мусульманъ, который цѣнитъ его выше, чѣмъ всѣ остальные свои сокровища, вмѣстѣ взятыя.

Оставшись наединѣ съ Віолантой и ея приближенной дамой, новаррець, прежде чѣмъ вынуть изъ шкатулки драгоцѣнный камень, съ особенною важностью, свойственной испанцамъ, началъ его хвалить, при чемъ клялся имъ честью, что менѣе всего цѣнитъ въ камнѣ его красоту, ибо внутреннія свойства его даютъ ему неизмѣримо бѣльшую цѣнность, чѣмъ внѣшняя красота, затѣмъ прибавилъ, что позволяетъ имъ взглянуть на камень, не болѣе,—наконецъ отомкнулъ шкатулку и вынуть брилліантъ.

Сколь прекраснымъ ни воображала его себѣ графиня—въ дѣйствительности оказался онъ ей [еще безконечно прекраснѣе, и когда она имъ любовалась, душа ея находила неизъяснимую отраду въ холодныхъ нѣжныхъ лучахъ самаго твердаго изъ камней, въ которомъ природа заключила свою первобытную тайну. И загорѣлось въ ея сердцѣ непобѣдимое желаніе имѣть это сокровище у себя, чтобы вѣчно имъ утѣшаться, ибо она почувствовала, что лучше ей вовсе не жить, чѣмъ не утолить свое вожделѣніе. Тѣмъ не менѣе, побуждаемая женскою хитростью, сдѣлала графиня такой видъ, какъ будто была разочарована, и камень ей не слишкомъ понравился; затѣмъ спросила новаррца, о какихъ именно внутреннихъ качествахъ брилліанта онъ упомянулъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, какъ бы неохотно, отвѣтилъ онъ ей.

— Мадонна, когда кто-нибудь сомнѣвается и не знаетъ какое принять рѣшеніе въ дѣлѣ трудномъ и важномъ, то, взглянувъ въ этотъ камень, ежели предстоить удача, увидитъ онъ его прозрачнымъ и свѣтлымъ какъ бы въ немъ со-

крытъ былъ солнечный лучъ; въ противномъ случаѣ брилліантъ покажется чернѣе беззвѣздной ночи. Нѣкоторые знатоки утверждаютъ, что это и есть камень мудрости, котораго алхимики такъ долго и тщетно искали, другіе же видятъ въ немъ скорѣе произведеніе бѣлой магіи, чѣмъ природы. Говорятъ также, что въ древности принадлежалъ онъ Александру Великому, который никогда не пускался въ походъ безъ него, потомъ—Юлію Цезарю,—и благодаря силѣ этого брилліанта оба сдѣлались непобѣдимыми, какъ вы объ этомъ, конечно, слышали и читали не разъ.

Кончивъ свою рѣчь, новаррецъ взялъ камень, заперъ въ шкатулку, кростился и ушелъ.

А Віоланта, оставшись наединѣ съ Вероникой, тяжело вздохнула, и хотя не произнесла ни слова, но подумала про себя такъ:

— Сто кратъ блаженъ тотъ, кто обладаетъ столь великимъ сокровищемъ! Воистину это и есть камень мудрости, ибо въ чемъ и заключается высшая мудрость, какъ не въ предвидѣніи будущаго? Если бы я обладала этимъ камнемъ въ то время, какъ за меня сватался графъ Каталонскій, то ужъ, конечно, не сомнѣвалась бы и знала, какъ должно поступить.

Наконецъ, послѣ многихъ подобныхъ размышленій, попросила Віоланта свою вѣрную наперсницу еще разъ сходить къ новаррцу и во что бы то ни стало добиться того, чтобы онъ продалъ камень за цѣну, какую самъ пожелаетъ назначить. Вероника, хотя и мало надѣялась на успѣхъ,—чтобы доказать преданность госпожѣ своей, пошла къ нему разъ и два, но ничего не достигла и вернулась съ отвѣтомъ, что болѣе никогда никому въ мірѣ не рѣшится онъ показывать камень, не говоря уже о томъ, чтобы его продавать. Только на третій разъ новаррецъ счелъ благовременнымъ приступить къ тому, что предуготовлялъ съ перваго дня возвращенія въ Тулузу.

— Мадонна,—обратился онъ къ Вероникѣ,—такъ какъ ваши усердныя мольбы и несравненная прелесть повелительницы вашей графини Тулузы и Лангедока сломили мою

волю и побуждаютъ меня лишиться столь великаго сокровища, то пойдите и передайте ей мой послѣдній отвѣтъ: я готовъ отдать ей бриллиантъ, ежели, вмѣсто всякой платы, даруетъ она мнѣ единственный поцѣлуй, какъ своему жениху, и, кромѣ того, поклянется носить вѣчно на лѣвой рукѣ, не снимая до самой смерти, вотъ это простое по виду, но дивное по свойствамъ желѣзное кольцо: ибо нѣкогда мнѣ было предсказаніе, что ежели кольцо это будетъ носить та изъ женщинъ, которую я назову прекраснѣйшей въ мірѣ, и ежели она даруетъ мнѣ хотя бы единственный поцѣлуй, то на страшномъ судилищѣ Христовомъ я буду убѣленъ паче снѣга, и грѣшная душа моя спасется. Прошу васъ помнить, мадонна, и точно передать вашей госпожѣ, что кромѣ клятвы носить это желѣзное кольцо вѣчно, я ничѣмъ ее не связываю и, такъ какъ исполнѣ сознаю низость и ничтожество моего темнаго имени и неизмѣримую бездну, отдѣляющую меня, бѣднаго странствующаго купца отъ яснѣйшей графини тулузской, то она можетъ быть вполне спокойна и увѣрена, что никогда не дерзну я выдать тайны этого перваго и послѣдняго поцѣлуя, а если бы и дерзнулъ,—никто не повѣрилъ бы мнѣ, и меня сочли бы жалкимъ безумцемъ. Не удивляйтесь, мадонна, что за этотъ единственный поцѣлуй я отдаю величайшее сокровище, какое у меня есть на землѣ, ибо я однажды прочелъ въ комментаріяхъ къ божественному Платону, что и грѣшному человѣку порою достаточно бываетъ одного мгновенія высшаго блаженства, чтобы темная душа его очистилась и соединилась съ Богомъ. Послѣ этихъ словъ моихъ, надѣюсь, графиня Віоланта убѣдится, что въ сердцахъ низкорожденныхъ людей скрывается иногда рыцарское благородство, и болѣе не будетъ предлагать жалкое золото за то сокровище, въ сравненіи съ коимъ все золото міра не имѣетъ никакой цѣны.

Когда наперсница передала графинѣ это неожиданное условіе странствующаго купца, та не знала, что ей дѣлать: смѣяться или негодовать.

—Да онъ съ ума сошелъ,—воскликнула, наконецъ, Віоланта,—сколько благородныхъ рыцарей готовы были умереть, не

дождавшись моего благосклоннаго взгляда, а этотъ жалкій торгошъ смѣетъ требовать моего поцѣлуя. И еще собирается учить меня комментаріямъ Платона! Ему ли помышлять о небесной любви и о высшемъ блаженствѣ, наградѣ рыцарской доблести? Впрочемъ, на такую нелѣпость и сердиться нельзя: должно, скорѣе, смѣяться.

Строго-настрого велѣла графиня своей приближенной дамѣ отнынѣ не пускать ей на глаза этого сумасшедшаго купца и никогда ни единымъ словомъ не упоминать ни о немъ, ни о его бриллиантѣ, ибо она желала забыть о нихъ, какъ будто ихъ вовсе не существовало.

Но чѣмъ болѣе старалась Віоланта не думать о бриллиантѣ и не желать его, тѣмъ болѣе думала и желала и сердце ея грызла жадная тоска: она впервые въ жизни испытывала горечь неисполнимаго желанія. Ночью томила ее бессоница, она потеряла охоту къ пищѣ, лицо ея поблѣднѣло и осунулось, такъ что старый графъ Ренать смотрѣлъ на нее съ тревогою и спрашивалъ—не чувствуетъ ли себя графиня больною.

Каждый вечеръ, когда Віоланта сидѣла подъ тѣнью лавровыхъ и гранатовыхъ деревьевъ на террасѣ передъ дворцомъ, странствующій купецъ проходилъ мимо, и чѣмъ блѣднѣе и печальнѣе казалось лицо графини, тѣмъ большею радостью и надеждою наполнялось его сердце.

Наконецъ однажды приступила къ ней Вероника, томившаяся любопытствомъ и желаніемъ знать, чѣмъ все это кончится. Долго убѣждала она графиню покориться и въ заключеніе молвила такъ:

— Вы знаете, ваша свѣтлость, какъ сильно я люблю васъ, и не можете сомнѣваться въ томъ, что худого я вамъ не посоветую. Подумайте же, изъ-за чего вы терпите такія страданія, изъ-за какой-то малости. Конечно, я говорю не о драгоценномъ камнѣ, который, въ самомъ дѣлѣ, есть великое и неоцѣнимое сокровище,—нѣтъ, я говорю лишь о платѣ, которой требуетъ этотъ по одеждѣ странствующій купецъ, а по уму и благородству истинный рыцарь. Не лучше ли носить вѣчно самое уродливое и грубое желѣзное кольцо на

пальцѣ, чѣмъ такую печаль въ сердцѣ? И что значитъ этотъ единственный, первый и послѣдній, поцѣлуй, за который вы получите столь царственную награду? И какой вамъ можетъ быть стыдъ отъ него, ежели никто ничего не увидитъ и не узнаетъ? Я на десять лѣтъ старше васъ и у меня больше опытности въ дѣлахъ житейскихъ: повѣрьте же мнѣ, графиня,—если бы сразу всѣ женщины, которыя хотъ разъ въ жизни ошибкою поцѣловали не того, кого слѣдуетъ,—облысѣли, то промышляющіе издѣліемъ париковъ сдѣлались бы скоро самыми богатыми людьми въ мірѣ. Итакъ, пошлите меня къ новаррцу съ хорошимъ отвѣтомъ.

Когда, услышавъ всѣ эти и еще многіе другіе доводы, графиня горько заплакала, но не разгнѣвалась, то хитрая Вероника поняла, что упорство ея сломлено, и она согласится на все, только бы имѣть драгоцѣнный камень. Вотъ почему удвоила наперсница свои краснорѣчивыя убѣжденія и просьбы, пока Віоланта, въ знакъ согласія, не кивнула ей головой. Тогда Вероника побѣжала къ новаррцу и сообщила ему благопріятный отвѣтъ.

Все такъ и случилось, какъ было заранѣе условлено. Странствующій купецъ въ присутствіи наперсницы поцѣловалъ Віоланту весьма почтительно и тотчасъ же передалъ ей брилліантъ вмѣстѣ съ желѣзнымъ кольцомъ, которое она надѣла на безымянный палецъ лѣвой руки, чтобы никогда болѣе не снимать его. Желаніе обладать драгоцѣннымъ камнемъ, обида и стыдъ были такъ сильны въ душѣ Віоланты въ то время, какъ она рѣшилась исполнить требованіе новаррца, что она не взвѣсила опасности, которая ей предстояла: ибо рано или поздно отецъ долженъ былъ замѣтить кольцо на ея рукѣ и спросить, откуда оно. Графиня могла солгать и успокоить отца, сплетая хитрые вымыслы. Но теперь, когда ея желаніе было утолено, прежняя гордость и благородство проснулись въ душѣ Віоланты и солгать отцу казалось столь же унижительнымъ, какъ снять желѣзное кольцо, нарушивъ клятву, данную новаррцу. Вотъ почему всѣми силами старалась она, чтобы графъ Ренатъ ничего не замѣтилъ и не спросилъ ея, и при свиданіяхъ съ нимъ

прятала лѣвую руку свою подъ одежду. Но опасенія и заботы такъ мучили Виоланту, что она не имѣла ни минуты покоя, и сокровище, котораго нѣкогда она страстно желала, стало ей теперь ненавистнымъ. Отецъ, видя, какъ тайный червь тоски или болѣзни подтачиваетъ едва распустившійся цвѣтъ ея жизни, нерѣдко спрашивалъ ее съ отеческой нѣжностью и тревогою о причинѣ скорби, но отвѣты графини были такъ уклончивы, что погружали его въ еще большія сомнѣнія.

Наконецъ однажды за вечерней трапезой отецъ, предлагая Виолантѣ обычный вопросъ, обнялъ ее съ ласкою и взялъ за руку, которую она прятала подъ одеждой и на которой было желѣзное кольцо. Графъ Ренатъ замѣтилъ его сперва ощупью, потомъ глазами и спросилъ ее:

— Откуда это кольцо, дитя мое?

Виоланта опустила глаза и безмолвствовала. Но по ея внезапной блѣдности и молчанію, онъ понялъ, что коснулся сокровенной причины ея скорби и неоднократно повторилъ вопросъ, когда же увидѣлъ, что она продолжаетъ безмолвствовать, то сердце его наполнилось несказанной печалью и опасеніемъ, что въ тайнѣ, связанной съ желѣзнымъ кольцомъ, скрывается нѣчто постыдное для него и его дома.

— Виоланта,—молвилъ старый графъ,—я даю тебѣ на размышленія эту ночь, но завтра утромъ я приду въ твою опочивальню, и ты скажешь мнѣ все, что у тебя на сердцѣ. Помни, я повѣрю тебѣ, что бы ты мнѣ ни сказала, ибо знаю и готовъ поручиться моею рыцарскою честью въ томъ, что графиня Тулузы и Лангедока, хотя бы правда ей стоила жизни, не солжетъ.

Только что графъ удалился, прибѣжала Вероника и стала горько упрекать ее за то, что она не солгала и не успокоила графа Рената какимъ-либо вымысломъ. Но Виоланта, выслушавъ ее съ презрѣніемъ, ничего не отвѣтила, ибо непреклонная рѣшимость была въ ея сердцѣ, такъ что она уже болѣе не колебалась и знала, какъ должно поступить: тотчасъ же велѣла наперсницѣ призвать къ себѣ новаррца и,

когда онъ пришелъ, молвила ему не какъ слабая, робкая дѣвушка, а какъ разумная и сильная женщина:

— Мессэре, я убѣдилась въ томъ, что вашъ талисманъ обладаетъ болѣе могущественными чарами, нежели я предполагала. Желѣзное кольцо соединило насъ навѣки не только передъ Богомъ, но и передъ людьми: я должна быть вашей супругой. Приказывайте мнѣ, и я послѣдую за вами, куда вамъ будетъ угодно, покорствуя моей судьбѣ.

Когда графъ Робертъ услышалъ эти слова и увидѣлъ, что цѣль его уже почти достигнута, немалого труда стоило ему скрыть свою радость. Но въ то же время сердцемъ его овладѣла великая жалость къ Віолантѣ, такъ что онъ почувствовалъ желаніе сдѣлать то, чего она не дѣлала, будучи слабою женщиною,—дать волю слезамъ. Тѣмъ не менѣе преодолѣлъ онъ свое волненіе и молвилъ такъ:

— Мадонна, вы знаете, что я человѣкъ низкаго рода—бѣдный странствующій купецъ. Но всѣ мои желанія направлены къ тому, чтобы жить и умереть свободнымъ отъ брачнаго ига. А потому прошу васъ: возьмите свои слова назадъ, ибо я вполне увѣренъ, что изъ нашего союза ничего, кромѣ дурного, не могло бы выйти, какъ для меня, такъ и для васъ. Онъ хотѣлъ еще многое сказать, но состраданіе къ Віолантѣ, надежда ея обладать и страхъ, чтобы она не раскаялась въ своемъ предложеніи, заставили его умолкнуть.

— Не забывайте, мессэре,—возразила ему графиня,—что человѣку дается счастье въ жизни только разъ, и берегитесь, чтобы Фортуна, посылающая вамъ нынѣ такое благополучіе, не разгнѣвалась, ежели вы не воспользуетесь имъ и, будучи бѣднымъ, странствующимъ купцомъ, отвергнете руку графини Тулузы и Лангедока, которая недавно еще не удостоила своимъ союзомъ благороднѣйшаго графа Каталоніи.

При этихъ слишкомъ гордыхъ словахъ Віоланты, прежняя обида и жажда мести проснулись въ сердцѣ юноши: болѣе не возражая, отвѣтилъ онъ, что готовъ принять ея предложеніе, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы графиня забыла навѣки, что она—дочь славнѣйшаго графа тулуз-

скаго, такъ какъ, чтобы, не возбуждая подозрѣній, избѣгнуть опасности, грозящей ему, какъ похитителю дочери столь могущественнаго владыки, имъ придется немедленно покинуть эту страну, переодѣвшись въ нищенское платье, и по пути останавливаться для отдыха въ самыхъ бѣдныхъ гостиницахъ, гдѣ Віоланта должна будетъ безропотно терпѣть всевозможныя лишенія—усталость, жажду, голодъ, оскорбленія.

— Я предвижу все,—отвѣтила графиня,—и на все готова. Испытайте покорность мою не на словахъ, а на дѣлѣ.

— Мадонна, вы меня еще мало знаете,—возразилъ графъ Робертъ,—можетъ-быть, я человѣкъ нрава угрюмаго и жестокаго. Что, ежели потребую я отъ васъ того, что не согласилась бы исполнить не только благородная графиня, но и послѣдняя изъ вашихъ служанокъ. Будете ли вы мнѣ послушной во всемъ до конца и въ жизни и въ смерти, ибо безъ великаго послушанія не можетъ быть разумнаго, добраго союза между мужчиной и женщиной.

— Такъ же какъ нѣкогда,—отвѣчала графиня,—свобода, такъ нынѣ покорность моя будетъ безпредѣльной, ибо не вы меня, а я сама себя побѣдила.

Когда на слѣдующее утро старый графъ вошелъ въ комнату дочери—она была уже далеко отъ стѣнъ Тулузы, на большой дорогѣ къ Пиренеямъ вмѣстѣ со своимъ новымъ супругомъ—странствующимъ купцомъ. Графъ долго не хотѣлъ вѣрить своему несчастію: такъ же, какъ многіе придворные, полагалъ онъ, что Віоланта удалилась тайно въ одинъ изъ многочисленныхъ монастырей, находившихся поблизости Тулузы, и что все это—не болѣе, какъ одна изъ ея обычныхъ своевольныхъ прихотей. Вотъ отчего первые поиски направлены были не туда, куда слѣдовало, чему способствовала и хитрость Вероники, которая лгала за двоихъ, успокаивала графа и такъ ловко выгораживала себя, что ей удалось выйти сухой изъ воды.

Когда же, черезъ нѣкоторое время, графъ Ренать началъ поиски по большимъ дорогамъ и на постоянныхъ дворахъ, бѣглецы, выдавая себя за пилигримовъ, идущихъ по обѣту

въ монастырь Якова Галиційскаго, давно уже переступили границу Лангедока.

Виоланта оставалась вѣрной данному слову, безропотно переносила всѣ лишенія, ѣла грубую пищу, спала на голыхъ доскахъ, терпѣла зной и холодъ, несказанную усталость, муки тѣла и духа съ молчаливою покорностью. Но по странной прихоти своего сердца графъ Робертъ не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ этимъ наружнымъ смиреніемъ. Лицо ея загорѣло и осунулось, ноги были изранены острыми камнями, золотые кудри потускнѣли отъ пыли. Но, хотя она не жаловалась, ему казалось, что есть непобѣдимое упрямство и скрытое высокоуміе въ ея молчаніи и покорности, и красота ея подъ бѣдною одеждою странницы была болѣе царственной и величавой, чѣмъ подъ роскошною одеждою графини тулузской.

«Униженіе паче гордости,—думалъ графъ,—она покорилась мнѣ тѣломъ, но не духомъ. О чемъ она думаетъ? За чѣмъ она молчитъ? Можетъ-быть, уже догадалась, кто я, ждетъ, чтобы я заговорилъ съ нею первый, и не проситъ, не хочетъ моего прощенія. Теперь она презираетъ меня болѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда отвергла руку изъ-за упавшаго граната!»

Но порою въ тишинѣ ночи, когда онъ оставался одинъ, душу его наполняла неизъяснимая жалость и, по дивному противорѣчію сердца человѣческаго, онъ плакалъ отъ страданія, вспоминая тѣ муки, которыя самъ ей причинилъ. Когда же они снова встрѣчались, и графъ Робертъ видѣлъ ея гордое смиреніе, то жалость изгонялась изъ сердца его жестокостью, ибо непобѣдимая, молчаливая покорность Виоланты казалась ему притворной и оскорбительной.

— Униженіе паче гордости!—повторялъ онъ про себя, и чѣмъ болѣе жаждалъ онъ простить ее, тѣмъ болѣе казнилъ и мучилъ, такъ что желѣзное кольцо любви, неумолимой, какъ ненависть, и ненависти страстной, какъ любовь, соединяло ихъ все неразрывнѣе.

Черезъ нѣкоторое время пришли они въ главный городъ Каталоніи—Барселону, гдѣ, по своему обыкновенію, графъ

Робертъ остановился въ одномъ изъ самыхъ тѣсныхъ и грязныхъ постоянныхъ дворовъ на выѣздѣ города. Здѣсь, согласно съ волей своего повелителя, зарабатывая хлѣбъ трудами рукъ своихъ, какъ послѣдняя изъ служанокъ, должна была графиня исполнять всякую черную работу: убирать постели, мыть посуду, задавать корму осламъ и муламъ поселянъ, приѣзжавшихъ на ярмарку изъ окрестныхъ селеній. Но такъ какъ все это дѣлала она послушно и безропотно, при чемъ муки тѣлесныя и униженія только увеличивали ея недостижимую прелесть, то графъ недоумѣвалъ, какое изобрѣсти новое и неслыханное испытаніе, чтобы узнать, есть ли предѣлъ ея непреклонному смиренію.

— Слушай, Віоланта,—сказалъ онъ ей однажды,—завтра въ мастерской портного я хочу устроить выпивку, чтобы отпраздновать именины одного колбасника, моего закадычнаго друга. Надо купить хлѣба, но такъ какъ въ настоящее время онъ вздорожалъ, а денегъ съ тѣхъ поръ, какъ ты со мною, и безъ того выходитъ чересчуръ много, то вотъ что я придумалъ: завтра на зарѣ хозяйка этой гостиницы будетъ печь хлѣбъ: предложи ей помочь и, возвращаясь отъ печи съ корзиной готоваго хлѣба, будто у тебя что-нибудь упало, наклонившись, вынь изъ корзины четыре хлѣба и спрячь ихъ къ себѣ въ карманъ. Услужи мнѣ въ этомъ дѣлѣ, будь доброю. Часа черезъ два или три послѣ завтрака я приду за хлѣбомъ.

Такъ онъ промолвилъ и пристально взглянулъ ей въ глаза, ожидая отвѣта. Довольно было бы одного упрека или жалобы, чтобы вся его жестокость сразу превратилась въ жалость къ Віолантѣ. Но графиня молча потупила глаза и покорнымъ наклоненіемъ дала ему понять, что готова исполнить его приказаніе.

На утро, съ точностью слѣдуя волѣ супруга, украла она у хозяйки четыре хлѣба.

Въ это же самое время графъ Робертъ въ одеждѣ пилигрима вернулся во дворецъ къ немалому утѣшенію своихъ родителей, которые давно беспокоились о его долгомъ отсутствіи, тотчасъ же переодѣлся въ роскошное платье, взялъ

съ собою блестящую свиту пажей и рыцарей, сѣлъ на коня и поѣхалъ, какъ бы для прогулки, къ той самой бѣдной гостиницѣ, въ которой оставилъ свою жену. Завидѣвъ столь великолѣпныхъ всадниковъ, всѣ обитатели постоялаго двора высыпали на улицу; вышла также и хозяйка гостиницы съ Віолантой, только что укравшей четыре хлѣба. Графъ Робертъ, у котораго на лицѣ была черная маска, остановился передъ крыльцомъ, указалъ на Віоланту и спросилъ хозяйку:

— Кто эта дѣвушка?

Хозяйка почтительно отвѣтила ему и объяснила все.

— Послушайте, добрая женщина,—произнесъ графъ Робертъ,—судя по вашему виду вы немало времени прожили на бѣломъ свѣтѣ, а между тѣмъ ничему не научились. Если я что-нибудь смыслю въ наружности людей, то эта дѣвушка—самая искусная воровка. Смотрите же за ней въ оба, а то она васъ обокрадетъ.

Хозяйка, огорченныя столь грубыми и обидными для Віоланты словами, начала ее оправдывать и восхвалять. Тогда незнакомецъ въ черной маскѣ промолвилъ:

— Если такъ, то я желаю, чтобы вы собственными глазами убѣдились въ правотѣ моихъ словъ: подымите ей платье и загляните въ карманъ юбки. Вы увидите, что не даромъ семь лѣтъ въ университетѣ Толедо изучалъ я бѣлую магію и некромантію.

Віоланта поблѣднѣла, но изъ устъ ея не вырвалось ни жалобы, ни упрека, когда хозяйка, болѣе изъ послушанія столь важному и ученому господину, чѣмъ изъ подозрѣнія, заглянула въ ея карманъ и въ самомъ дѣлѣ нашла украденные хлѣбы. Честная женщина казалась не менѣе опечаленной и пристыженной, чѣмъ сама Віоланта, а некромантъ разсмѣялся недобрымъ смѣхомъ; спутники начали восхвалять его за удачную шутку и, пришпоривъ коней, всѣ поѣхали дальше.

Въ это время мать Роберта, графиня каталонская, вышивала жемчугомъ великолѣпные церковные воздухи для придворной капеллы. Сынъ, узнавъ объ этомъ, пообѣщаль

прислать ей одну бѣдную и скромную французскую мастерицу, весьма искусную въ рукодѣліи, затѣмъ, переодѣвшись купцомъ, пошелъ въ гостиницу и велѣлъ женѣ своей тотчасъ же итти во дворецъ, гдѣ ожидаетъ ее выгодная работа, и во время вышиванія украсть побольше крупныхъ жемчужинъ, положивъ ихъ въ ротъ.

Виоланта исполнила все, что ей было приказано, пошла во дворецъ, принялась за работу и, улучивъ удобную минуту, положила себѣ въ ротъ подъ языкъ четыре крупныя жемчужины. Только что она это сдѣлала, какъ въ комнату вошелъ знакомый некромантъ въ черной маскѣ и при всѣхъ обличилъ ея кражу насмѣшливыми и жестокими словами.

Когда несчастная Виоланта вернулась домой на постоянный дворъ, туда же пришелъ графъ Робертъ, опять переодѣвшись странствующимъ купцомъ, и, приступивъ къ ней, молвилъ такъ:

— Сколь великое и несносное бремя навалилъ я себѣ на плечи, взявъ тебя въ жены, ибо я убѣдился, что нѣтъ и не будетъ мнѣ отъ тебя никакого проку: вотъ уже дважды осрамила ты меня передъ людьми сначала съ хлѣбами, потомъ съ жемчугомъ. Но хотя я, можетъ-быть, и кажусь тебѣ человѣкомъ суровымъ, на самомъ дѣлѣ сердце у меня доброе, и я жалѣю тебя. Такъ какъ завтра большой праздникъ, и работы не будетъ—нечего тебѣ сидѣть дома, да скучать. Ступай-ка лучше во дворецъ, гдѣ будетъ великолѣпное и невиданное торжество по случаю бракосочетанія наследнаго графа каталонскаго съ дочерью короля аргонскаго, самую разумною и прекрасною дѣвушкою, какую когда-либо видѣли въ Испаніи. Воистину, графъ Робертъ долженъ благодарить Бога, что ты отказала ему изъ-за упавшаго граната, ибо теперешній бракъ его куда счастливѣе по роднѣ, богатству и красотѣ невѣсты. Итакъ, ступай-ка во дворецъ — походишь, посмотришь, а главное, постарайся украсть что-нибудь поискуснѣе, чтобы тебя снова не поймали и не осрамили. Ежели ты на этотъ разъ исполнишь все такъ, какъ я этого желаю и приказываю, то я тебя прощу и отны-

нѣ буду считать не балованной и лѣнивой дармоѣдкой, а покорною женою и разумною помощницею.

Такъ онъ сказалъ, самъ въ тайникахъ души ужасаясь своей жестокости, и хотя Віоланта близка была къ отчаянію, но до конца не измѣнила себѣ и не выдала своихъ страданій ни слезой, ни упрекомъ, ни жалобой.

На слѣдующій день, исполняя волю господина своего, графиня пошла во дворецъ, гдѣ увидѣла множество веселыхъ и прекрасныхъ дамъ, пажей и рыцарей. По срединѣ залы накрытъ былъ длинный столъ, уставленный золотыми и хрустальными сосудами, съ двумя престолами подъ царственнымъ балдахиномъ,—одинъ для жениха, другой для невѣсты. Віоланта остановилась робко въ темномъ и дальнемъ концѣ залы среди придворныхъ служителей, которымъ изъ милости дозволили взглянуть на празднество, и, затаивъ дыханіе, ни живая, ни мертвая, ожидала появленія новобрачныхъ. Грянули трубы и литавры, и въ толпѣ послышался шопоть: «идутъ новобрачные». Потомъ наступила тишина, и любопытные взоры устремились на запертыя двери, въ которыя должны были войти женихъ съ невѣстою.

Двери открылись, но, вмѣсто жениха и невѣсты, вошелъ хорошо знакомый Віолантѣ некромантъ, рыцарь въ черной маскѣ. Она вскрикнула отъ ужаса, ноги у нея подкосились, такъ что она едва не упала. Но рыцарь сквозь толпу подошелъ прямо къ ней, къ дѣвушкамъ въ бѣдныхъ, рабскихъ одеждахъ, преклонилъ колѣни и, когда снялъ онъ маску, Віоланта узнала въ немъ своего жениха, графа каталонскаго.

— Свѣтлѣйшая графиня Тулузы и Лангедока,—молвилъ рыцарь,—я умоляю васъ о прощеніи тѣхъ страшныхъ и безчисленныхъ обидъ, которыя въ образѣ странствующаго купца я причинилъ вамъ моею жестокостью, ибо, какъ ни отлична любовь отъ ненависти, но нерѣдко случается, что и мудрые люди принимаютъ одну за другую и, любя, причиняютъ обиды и страданія любимому, какъ бы питая къ нему величайшую ненависть. Я предоставляю вамъ, мадонна Віоланта, свободный выборъ—и вы можете во второй разъ отвергнуть меня, какъ недостойнаго: передъ людьми и пе-

редь Богомъ я освобождаю васъ отъ связующей насъ клятвы, отъ желѣзнаго кольца. Но ежели вы пожелаете принять мое раскаяніе и простить, то любовь моя отнынѣ будетъ непрестаннымъ благоговѣніемъ передъ величіемъ вашей покорности.

Віоланта ничего ему не отвѣтила, но слезы счастья струились по ея щекамъ и, наклонившись къ нему, она поцѣловала его въ уста.

Трубы и литавры грянули еще торжественнѣе, графъ каталонскій взялъ свою супругу за руку, повелъ ее на приготовленный престоль, и сердца ихъ соединились въ такомъ блаженствѣ, какого мы и вамъ пожелаемъ во вѣки вѣковъ, любезные слушатели, благороднѣйшія дамы и рыцари.

Рыцарь за прялкой:

Новелла XV вѣка.

Предки барона Ульриха были богаты и вели роскошную жизнь. Отець, расточивъ большую часть имѣнія, оставилъ сыну замокъ въ Богеміи и немного земли, которая приносила доходовъ столько, сколько нужно, чтобы жить одному неприхотливому человѣку. Молодой баронъ былъ нрава безпечнаго и добраго, не умѣлъ выжимать изъ крѣпостныхъ оброки, какъ это дѣлали сосѣдніе помѣщики, и когда ему предстояли неожиданные расходы, предпочиталъ занимать деньги на высокіе проценты у ростовщиковъ или закладывалъ клочки дѣдовскаго имѣнія алчнымъ нѣмцамъ и жидамъ. Рыцарь мало заботился о будущемъ, и такъ какъ рѣдко принималъ гостей, велъ тихую уединенную жизнь и, кромѣ двухъ страстей — къ лошадямъ и книгамъ, привычки имѣлъ скрѣпныя, то ему хватало, и онъ никогда не думалъ о своей бѣдности. Случалось, что старшій вѣрный управитель-кастелланъ приносилъ ему съ тревожнымъ лицомъ толстыя приходо-расходныя книги, записи жидовскихъ долговъ и хозяйственныя счета, но молодой баронъ отмахивался отъ него, какъ отъ надоѣдливой мухи, и не хотѣлъ заглянуть въ эти единственныя изъ рукописныхъ книгъ, которыя были ему ненавистны.

— На мой вѣкъ хватить, — говаривалъ Ульрихъ съ безпечной улыбкой и продолжалъ покупать привозимыя изъ Италіи и Византіи драгоцѣнные пергаменты съ миниатюрами п благородныхъ лошадей, потихоньку разоряя свое имѣніе, къ прискорбію сумрачнаго управителя.

Ульрихъ былъ честенъ и лѣнивъ, — два главныхъ свойства, которыя мѣшаютъ людямъ пріобрѣтать деньги. Пробоваль онъ служить, но военная служба показалась ему тяжелой. Скоро вернулся баронъ въ свой замокъ и окончательно поселился въ немъ. Жилъ онъ совсѣмъ одинъ съ немногими старыми слугами, не томясь одиночествомъ, скорѣе находя въ немъ отраду; изъ великолѣпнаго опустѣвшаго замка занималь Ульрихъ не болѣе двухъ, трехъ покоевъ, которые казались ему уютнѣе другихъ. Сосѣди называли его полупомѣшаннымъ, философомъ, алхимикомъ, или же, попросту, деревенскимъ увальнемъ и рохлей. Но рыцарь мало заботился о томъ, что говорятъ сосѣди. Онъ чувствовалъ себя, если не счастливымъ, то безопаснымъ и свободнымъ. Большую часть дня проводилъ въ охотѣ на волковъ и медвѣдей, которыхъ въ тѣ времена водилось множество въ лѣсахъ Богеміи. Удилъ рыбу, потому что любилъ тишину глубокихъ водъ, которыя иногда казались ему похожими на его собственное сердце. Или же, подобно старому римскому императору Діоклетіану, удалившемуся отъ суетной власти, — о которомъ онъ читаль въ книгѣ итальянскаго гуманиста Флавіо Бюндо, озаглавленной «*Libri Historiarum ab inclinatione Romanorum*», — копаль гряды на огородѣ, сажаль плодовые деревья и обчищаль ихъ, подрѣзая лишнія вѣтви большимъ садовымъ ножомъ. Но самая пріятная часть дня наступала послѣ ужина: въ долгіе осенніе и зимніе вечера, когда ставни на окнахъ содрогались отъ вѣтра, шумѣлъ дождь или завывала вьюга, — въ громадномъ закоптѣломъ очагѣ съ пышными каменными гербами разводили огонь. Ульрихъ въ мягкой заячьей шубѣ садился поближе къ трескучему пламени, наливаль кубокъ добраго вина, бралъ одну изъ любимыхъ книгъ и погружался въ чтеніе. То были латинскія хроники дѣяній грековъ и римлянъ, описанія путешествій въ далекія страны, только-что тогда входившія въ моду новеллы итальянскихъ писателей или сладкозвучные сонеты божественнаго Петрарки. Ульрихъ порой отрывался отъ книги, подлогу смотрѣлъ на пламя въ каминѣ, и слезы одинокаго счастья, рождаемаго гармоніей,

струились по его щекамъ. Или же, размахивая руками, громко декламировалъ тѣ строки, которыя ему особенно нравились, пробуждая ночное эхо въ темныхъ сводахъ; и подъ завываніе сѣверной вьюги, удивительными и волшебными казались пѣвучія рифмы, созданныя въ странѣ южнаго солнца.

Ульрихъ былъ высокъ, худощавъ, обладалъ большою силою въ рукахъ, голосъ имѣлъ тихій и пріятный, волосы такіе свѣтлые, что они казались почти бѣлыми, какъ будто сѣдыми, глаза лѣнивые, блѣдно-голубые, но въ нихъ вспыхивалъ иногда огонь,—и медвѣдицы богемскихъ лѣсовъ, на которыхъ онъ хаживалъ одинъ съ двумя охотничьими псами, чувствовали передъ смертью, какъ опасенъ этотъ внезапный огонь въ глазахъ Ульриха.

Однажды, въ зимнюю стужу, случилось барону выѣхать на медвѣжью охоту въ дремучій лѣсъ, далеко отстоявшій отъ замка. Охота была счастливою, доѣзжачіе взвалили на сани пушистую громаду убитаго звѣря и собрались домой. Завечерѣло, поднялась вьюга, снѣгомъ замело лѣсныя тропы, и охотники заблудились. Ночью напало на нихъ стадо волковъ. Они едва не погибли и не замерзли. Къ счастью, Ульрихъ замѣтилъ въ горахъ сквозь бѣлую мутную мглу огонекъ. Подѣхали къ замку. Когда на крики и стукъ ихъ отворились ворота, и рыцарь услышалъ имя владѣльца, то сперва хотѣлъ вернуться назадъ въ лѣсъ. Въ замкѣ жилъ врагъ; отцы и дѣды этого рыцаря съ незапамятныхъ временъ ненавидѣли семейство Ульриха. Столѣтія длилась вражда, породившая многія злодѣйства. Только въ послѣдніе годы, когда почти всѣ члены обоихъ родовъ, кромѣ двухъ сыновей, перемерли, вражда утихла. Молодые люди никогда не встрѣчались.

Ульрихъ подумалъ, что ему надо выбрать одно изъ двухъ: или замерзнуть и быть съѣденнымъ волками въ лѣсу, или искать убѣжища въ домѣ врага. Онъ предпочелъ послѣднее. Когда Арнольфъ — такъ звали владѣльца замка — узналъ имя нежданнаго гостя, то, исполняя рыцарскій долгъ, тронутый благородною довѣрчивостію Ульриха, дружески при-

гласилъ его въ свой домъ. Замерзшіе охотники скоро отогрѣлись у гостепріимнаго очага, и Ульрихъ съ Арнольфомъ разговорились такъ, какъ будто они были старыми друзьями. Когда подали ужинъ, къ столу вышла молодая дѣвушка, сестра Арнольфа. Ее звали Діанорой, и Ульрихъ узналъ вполсѣдствіи, что ея мать была итальянкой, дочерью одного сіенскаго купца. Арнольфъ родился отъ перваго брака, отъ другой матери.

Діанора съ перваго взгляда понравилась Ульриху. Вспоминая выраженіе одного итальянскаго поэта о прекрасной флорентинкѣ Симонетти, онъ мысленно назвалъ прелесть Діаноры «смиренно-гордою». Матовая блѣдность ея лица подъ гладкими, черными и блестящими волосами напоминала твердые и свѣжіе лепестки бѣлыхъ цвѣтовъ въ черно-зеленой листвѣ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ той страны, которую Діанора считала своей родиной и любила, хотя никогда ея не видѣла.

Оба рыцаря разстались друзьями, и память о старой враждѣ разсѣялась, ибо они были молоды, великодушны и не имѣли причины желать другъ другу зла.

Съ тѣхъ поръ Ульрихъ сталъ посѣщать замокъ Арнольфа, благословляя ту жестокую вьюгу, которая привела его въ жилище Діаноры, и каждый разъ она казалась ему еще прекраснѣе.

Скоро онъ узналъ, что Арнольфъ бѣденъ и долженъ выдать сестру замужъ почти безъ приданаго: это сдѣлало Ульриха смѣлѣе и, увѣрившись въ его благосклонности, онъ рѣшился попросить у брата руки сестры. Видя благородную любовь рыцаря и желая увѣковѣчить кровнымъ союзомъ новую дружбу, Арнольфъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился.

Великолѣпные покои замка, гдѣ молодой отшельникъ недавно велъ тихую жизнь, наполнились брачнымъ веселіемъ. Скоро Ульрихъ увидѣлъ, что не ошибся въ своемъ выборѣ, такъ какъ Діанора была доброю женою.

Несмотря на свою бѣдность, онъ дѣлалъ ей роскошные подарки, купилъ прекрасную флорентійскую лютню, украшен-

ную перламутромъ, и когда проѣзжали московскіе купцы съ мѣхами, поспѣшилъ продать тополиную рошу и подарилъ Діанорѣ драгоцѣнную шубу пунцоваго бархата, опушенную соболемъ.

Въ замкѣ все чаще стали появляться подозрительные заимодавцы, все съ большею рѣшимостью подписывалъ Ульрихъ жидовскіе векселя. И лицо стараго вѣрнаго управителя становилось мрачнѣе. Наконецъ онъ добился своего, показалъ Ульриху счетныя книги, объяснилъ все, и рыцарь увидѣлъ, что черезъ годъ ему предстоитъ нищета.

Діанора ничего не знала и казалась совершенно счастливою. Теперь только понялъ Ульрихъ горечь бѣдности. Безпечность покинула его, и скоро жена замѣтила сердечную тревогу мужа. Но такъ какъ жемчужина всѣхъ женскихъ добродѣтелей — стыдливая скромность украшала Діанору, то она не дерзала спросить супруга о причинѣ этой тревоги.

Наконецъ, однажды вечеромъ, когда, по старому обычаю, онъ сидѣлъ съ кубкомъ вина и книгой у камина и думалъ невеселую думу, а Діанора тонкими пальцами перебирала струны лютни, рѣшилась она спросить мужа, какая забота омрачаетъ душу его. Ульрихъ смутился и хотѣлъ скрыть тревогу притворною веселостью, но, чувствуя въ ея взорахъ нѣжную укоризну за то, что онъ не хочетъ раздѣлить съ нею горя, — не вытерпѣлъ и самъ открылъ ей все. Тогда Діанора воскликнула радостно:

— Благословенъ да будетъ Создатель мой, посылающій мнѣ такое легкое испытаніе! Ибо я ждала гораздо худшаго. Въ юдоли плача и въздыханія, именуемой земною жизнью, человѣка подстерегаютъ на всѣхъ путяхъ его вражда, болѣзнь, безуміе, смерть и многія другія страданія, среди которыхъ бѣдность еще самое отрадное. Да не смущается сердце господина моего. Въ домѣ брата я не привыкла къ роскоши. Въ этомъ прекрасномъ замкѣ есть все, что намъ нужно. Съ голода мы не умремъ: хлѣба, плодовъ и вина хватитъ на двоихъ. О чемъ же горевать? Мы будемъ жить просто и умѣренно, какъ учатъ древніе мудрецы, книги которыхъ такъ любить ваша милость, и я питаю увѣренность, что

многіе земные владыки могли бы позавидовать нашему счастью.

Такъ сказала она, — мудрость озарила лицо ея, и никогда красота Діаноры не казалась Ульриху такою царственной. Рыцарь склонилъ передъ нею колѣни, поцѣловалъ ея тонкія, блѣдныя руки и сказалъ:

— Слова твои, Діанора, кажутся мнѣ прекрасными. Но ты, какъ женщина молодая и не искушенная опытомъ жизни, заботишься только о сегодняшнемъ днѣ и о насъ двоихъ, между тѣмъ какъ я предвижу будущее. Тебѣ, быть-можетъ, не безызвѣстно, что мой великодушный король и повелитель, Маттіасъ Корвинъ, любитъ меня не меньше, чѣмъ отца моего и дѣда. Я слышалъ, что готовится новый походъ въ землю невѣрныхъ: король съ радостью приметъ меня, дастъ мнѣ почетное мѣсто въ своемъ войскѣ, и ежели мнѣ удастся заслужить его милость, — на что я питаю твердую надежду, то онъ наградитъ меня съ обычною щедростью, за которую стоустая молва не даромъ прославила его у всѣхъ народовъ.

Ульрихъ умолкъ на мгновеніе, и жена спросила его:

— Что же препятствуетъ господину моему исполнить это мудрое намѣреніе?

— Діанора! Какъ оставляю я тебя одну въ этомъ уединенномъ замкѣ, такую молодую и неопытную?

— Но развѣ ваша милость еще не увѣрилась въ томъ, что я добрая хозяйка. Вамъ нечего бояться. Старые вѣрные слуги не покинутъ меня. Къ тому же у замка глубокіе рвы и желѣзныя рѣшетки...

— О, милая, ни глубокіе рвы, ни желѣзныя рѣшетки не защитятъ тебя отъ этихъ двуногихъ волковъ, которые, почувявъ, что есть для нихъ лакомая добыча (ибо ты вѣдь знаешь, Діанора, что красота твоя славится по всей Богеміи), сбѣгутся, чтобы похитить у меня самое драгоцѣнное...

Тогда Діанора подняла на него свои ясные глаза и молвила:

— Я сохраню честь господина моего и въ жизни и въ смерти.

И она взглянула на него такъ, что рыцарь повѣрилъ, и если бы теперь весь міръ свидѣтельствовалъ противъ нея,

не усомнился бы. Тогда онъ уже болѣе не колебался и рѣшилъ поступить на службу къ королю.

Не желая медлить, продалъ все лишнее,—часть денегъ взялъ съ собою на дорогу, другую оставилъ женѣ, и назначилъ день отъѣзда.

Знаменитый король венгерскій Маттіасъ Корвинъ благосклонно принялъ Ульриха и далъ ему при дворѣ столь же почетное, какъ и выгодное мѣсто. Когда же Маттіасъ выступилъ въ давно замышляемый имъ походъ противъ невѣрныхъ, то поручилъ богемскому рыцарю защиту пограничной крѣпости, которую осаждалъ предводитель турокъ Мустаффа-паша. Рыцарь велъ войну съ такимъ успѣхомъ, что скоро приобрѣлъ славу храбраго и мудраго военачальника. Каждый день получалъ онъ отъ государя щедрые подарки, между прочимъ, прекрасный замокъ съ обширными землями и угодьями, приносившими немалый доходъ. Скоро Ульрихъ настолько поправилъ свои дѣла, что могъ заплатить долги, выкупить заложенные земли и, уже помышлялъ о возвращеніи домой.

Жена Маттіаса Корвина, прекрасная королева Беатриче Аррагонская, дочь неополитанскаго короля Фердинанда старшаго, подобно большинству тогдашнихъ итальянскихъ принцессъ, будучи женщиной образованной, считала своимъ долгомъ покровительствовать ученымъ, поэтамъ и привлекать ихъ къ своему двору. Многіе знаменитые гуманисты пріѣзжали къ ней изъ Франціи, Италіи и Греціи.

Баронъ Ульрихъ, который былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, заслужилъ особенную милость королевы. Она не разъ ходатайствовала за него передъ супругомъ и, такъ какъ рыцарь справедливо считалъ самымъ презрѣннымъ изъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ—неблагодарность, то ему неѣдко случалось сѣтовать на судьбу за то, что она не представляетъ удобнаго случая доказать королевѣ его преданность.

Когда онъ вернулся изъ похода на невѣрныхъ, Беатриче попросила его остаться при дворѣ ея нѣкоторое время. Какъ ни стремился Ульрихъ домой, но не могъ отказать

великодушной покровительницѣ въ этой просьбѣ и согласился отложить свой отъѣздъ.

Беатриче, слѣдуя пріятному итальянскому обычаю, по вечерамъ, когда спадалъ жаръ, приглашала все общество, сходившееся вокругъ нея: придворныхъ дамъ, кавалеровъ, ученыхъ, поэтовъ, гуманистовъ, въ обширный прекрасный садъ, находившійся неподалеку отъ дворца. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, среди цвѣтовъ и деревьевъ, царствовала непринужденная веселость. Юноши и молодья дѣвушки играли въ мячъ, водили хороводы, пѣли пѣсни на свѣжемъ зеленомъ лугу. А старшіе, подъ тѣнью сосенъ и дубовъ, на удобныхъ скамьяхъ изъ дерева, вокругъ журчащаго фонтана, вели бесѣды, рассказывали по очереди смѣшныя или поучительныя новеллы, затѣвали споры, которые Беатриче всегда умѣла направлять къ возвышеннымъ предметамъ человеческого созерцанія.

Однажды, въ лѣтній вечеръ, какъ это часто бываетъ въ обществѣ, гдѣ есть много прекрасныхъ дамъ и кавалеровъ, зашла рѣчь о любви. Одни, по прѣимуществу люди старые, искусенные въ лицемѣрїи и порокахъ, превозносили любовь небесную, платоническую. Другіе, болѣе молодые и чистые сердцемъ, выражали насмѣшливое недовѣріе къ неземной любви, стараясь показаться болѣе старыми и опытными во злѣ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. И, какъ тоже всегда бываетъ въ подобныхъ разговорахъ, среди собесѣдниковъ нашелся одинъ наиболѣе упорный и яростный врагъ женщинъ, который, извинившись передъ королевой и признавъ, что она — единственное прекрасное исключеніе изъ правила, далъ волю злomu языку и началъ доказывать краснорѣчивыми примѣрами изъ древнихъ и новыхъ писателей, изъ Библии и миѳологїи, что женщины — самое порочное и опасное существо подъ луною. Съ особеннымъ озлобленіемъ нападалъ онъ на непостоянство ихъ — причину всѣхъ человеческихъ бѣдствій, утверждая, что не было, нѣтъ и не будетъ такой женщины, за вѣрность которой можно бы поручиться. Ему возражала сама королева Беатриче и намекнула на супругу барона Ульриха Діанору, которая славилась своей

добродѣтелью не менѣе, чѣмъ красотою. Ульрихъ тихонько всталъ и удалился.

Тогда Беатриче, замѣтивъ его отсутствіе, начала уже открыто восхвалять добродѣтели прекрасной Діаноры, называя ее по имени, что было непріятно многимъ, ибо ея мужу всѣ при дворѣ завидовали. Между прочимъ, одинъ изъ присутствующихъ, пріѣзжій польскій рыцарь, панъ Владиславъ, человѣкъ неглупый, но самонадѣянный, считавшій себя побѣдителемъ женщинъ, молвилъ такъ:

— Ваше величество, я не имѣю чести знать добродѣтельной супруги барона Ульриха, которую вы только что восхваляли съ обычнымъ вашимъ краснорѣчіемъ, скорѣе божественнымъ, нежели человѣческимъ. Но не во гнѣвъ будь сказано вашей мудрости я считаю себя не меньшимъ знаткомъ въ этихъ дѣлахъ, чѣмъ кто-либо другой, и полагаю, что мадонна Діанора—такая же дочь прародительницы нашей Евы, пожелавшей вкусить отъ запретнаго плода, — какъ и всѣ остальные жены. Не разъ случалось мнѣ замѣчать, что именно тѣ изъ нихъ, которыя особенно прославляются за добродѣтель и съ наибольшимъ упорствомъ противятся самымъ жаркимъ и долгимъ мольбамъ, не ждано, не гадано уступаютъ любовному взгляду перваго встрѣчнаго юноши, одному слову, одному вздоху, одной притворной слезѣ, и гораздо быстрѣе другихъ попадаютъ въ сѣти соблазна. Есть ли кто-нибудь изъ живущихъ на свѣтѣ, кто могъ бы имѣть твердую увѣренность въ подобномъ дѣлѣ? Кто знаетъ неисповѣдимыя тайны ихъ сердца. Полагаю, что никто, кромѣ Господа Бога. Что это такъ и что Діанора нисколько не лучше другихъ женщинъ, я берусь доказать ни на словахъ, а на дѣлѣ, и побиться объ закладъ, при чемъ поставилъ бы не какихъ-либо двѣсти-триста дукатовъ, а все мое имущество.

— Мессэръ Владиславъ, — возразила королева съ вѣжливой улыбкой, хотя не безъ досады, — вы говорите съ такою смѣлостью только потому, что знаете, что въ этомъ спорѣ никто не пожелаетъ биться съ вами объ закладъ.

Тогда всѣ заговорили еще съ большею горячностью, перебывая другъ друга, споря, смѣясь. Одни, желая угодить королевѣ, превозносили до небесъ добродѣтель Діаноры, а другіе, надѣясь, что изъ этого можетъ выйти что-нибудь непріятное для Ульриха, подзадоривали самонадѣяннаго поляка, который славился своей неблагоразумной любовью ко всякимъ хвастливымъ спорамъ, поединкамъ и закладамъ

— Ваше величество!—воскликнулъ, наконецъ, панъ Владиславъ, — никогда еще не отступалъ я отъ словъ моихъ и теперь не отступлю: я утверждаю, и готовъ поручиться въ томъ всѣмъ моимъ достояніемъ, что если бы я находился тамъ, гдѣ обитаетъ прославленная Діанора и могъ бы нѣкоторое время побыть съ нею наединѣ, то мнѣ скоро удалось бы смягчить это сердце, которое отличается, ежели вѣрить молвѣ, твердостью адаманта и алмаза.

Всѣ немало удивились необыкновенной смѣлости Владислава, и хотя явно оспаривали его, втайнѣ сочувствовали и желали ему успѣха. Многія изъ присутствующихъ дамъ уже смотрѣли на польскаго рыцаря, какъ на героя, и не отказались бы подвергнуться искушенію Діаноры,—такъ понравилась имъ безумная рѣшимость его, которую онѣ громко, съ притворнымъ негодованіемъ порицали.

Среди придворныхъ кавалеровъ былъ одинъ другъ Владислава — венгерскій баронъ Альбертъ, юноша красивой наружности, съ розовыми щеками, какъ у молодой дѣвушки, и длинными золотистыми кудрями. Онъ одѣвался роскошно, по ломбардской модѣ, въ шелковыя, разноцвѣтныя ткани съ вырѣзами, фестонами, зубчиками, лентами и бантами, такъ что походилъ на рѣдкую заморскую птицу съ блестящими перьями; былъ придворнымъ поэтомъ, краснобаемъ и любимцемъ женщинъ. Альбертъ присоединился къ своему другу и объявилъ королевѣ, что ежели пари состоится, то и онъ вмѣстѣ съ польскимъ рыцаремъ готовъ биться объ закладъ, поручившись всѣмъ своимъ имуществомъ, что одному ихъ нихъ не удастся склонить къ невѣрности добродѣтельную Діанору.

Никакіе увѣщанія и доводы не могли сломить упорства обоихъ друзей — поляка и венгерца, которые стояли на своемъ, какъ будто отъ этого зависѣла ихъ честь.

Въ это время по саду проходилъ король Маттіасъ Корвинъ, наслаждаясь вечернею прохладою. Услышавъ громкіе голоса спорившихъ, онъ подошелъ и пожелалъ узнать, о чемъ они бесѣдуютъ. Когда же ему все рассказали, король весело разсмѣялся и молвилъ такъ своей супругѣ:

— Я не совѣтовалъ бы вашей милости настаивать въ такомъ дѣлѣ, слишкомъ опасномъ для нашего общаго друга, доблестнаго рыцаря Ульриха, которому вы, надѣюсь, не менѣе, чѣмъ я, желаете блага. Воистину, кто поручится за добродѣтель самой добродѣтельной изъ женщинъ? Полагаю, что отъ такого невѣрнаго поручительства откажется и баронъ Ульрихъ, какъ человѣкъ благоразумный и предусмотрительный. Что можетъ быть ненадежнѣе сердца женщины, мужъ которой отсутствуетъ изъ дома почти два года. Оставьте же этотъ споръ и лучше уступите..

Шутливыя слова короля задѣли Беатриче за живое. Она обратилась къ присутствующему пріѣзжему легисту изъ падуанскаго университета, Курцію Аттелану, и спросила можно ли придать этому дѣлу законную форму. Докторъ обоихъ правъ, желая показать свое искусство, отвѣтилъ, что ничего не можетъ быть легче. Тогда королева съ женскимъ упорствомъ и горячностью, велѣла принести бумагу, чернила, перья и тотчасъ же, въ присутствіи короля, пригласила падуанскаго легиста составить необходимый нотаріальный актъ: панъ Владиславъ и рыцарь Альбертъ обязываются отдать все свое имущество, движимое и недвижимое, знаменитому и доблестному рыцарю богемскому Ульриху въ томъ случаѣ, ежели ни одному изъ нихъ не удастся склонить къ невѣрности, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ заключенія этого договора, супругу вышереченнаго Ульриха — Діанору.

Королева втайнѣ надѣялась, что въ послѣднюю минуту полякъ и венгерецъ поймутъ свое неблагоразуміе, не подпишутъ договора, и что, такимъ образомъ, ей удастся обратить

все дѣло въ шутку и пристыдить хвастливую самонадѣянность мужчинъ, къ торжеству женщинъ.

Но случилось иначе. Альбертъ и Владиславъ подписали договоръ, и теперь оставалось только получить подпись барона Ульриха.

Королева тотчасъ же удалилась въ свои покои и, оставшись наединѣ съ Ульрихомъ, попросила его согласія. Баронъ не сомнѣвался, что выиграетъ закладъ, что все это дѣло должно обратиться въ смѣхъ и стыдъ обоимъ рыцарямъ, и въ прославленіе цѣломудренной Діаноры, а потому, не желая оказаться неблагодарнымъ передъ великодушной покровительницей и зная, какимъ непобѣдимымъ упорствомъ въ прихотяхъ отличаются женщины, когда онѣ избалованы властью, онъ, чтобы доказать сердечную преданность королевѣ, далъ свое согласіе и подписалъ неслыханный договоръ.

На слѣдующее утро Альбертъ, который долженъ былъ первымъ попытать счастья, собрался въ путь и черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Богемію, въ то мѣсто, гдѣ находился замокъ барона Ульриха.

Онъ остановился съ лошадьми и слугами въ сосѣдней гостиницѣ и послалъ предупредить Діанору, что онъ явится въ замокъ засвидѣтельствовать свое почтеніе и передать ей сердечный привѣтъ отъ королевы Беатриче и отъ ея мужа.

На слѣдующій день, не подозрѣвая ничего дурного, Діанора встрѣтила Альберта ласково, какъ и подобало гостепріимной хозяйкѣ. Зная о необыкновенной любви Діаноры къ Италиі, родинѣ ея матери, венгерець придумалъ цѣлую басню, чтобы заслужить ея первое вниманіе: рассказалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ счастье посѣтить эту прекрасную страну, и она такъ ему понравилась, что съ тѣхъ поръ онъ тоскуетъ о ней, какъ о своей родинѣ, и желаетъ вернуться въ нее. Въ настоящее время, исполняя это давнее намѣреніе, передъ тѣмъ, чтобы направить свой путь въ Италию, онъ пріѣхалъ въ Богемію повидать больного стараго дядю. Такимъ образомъ объяснивъ свой пріѣздъ,

онъ заговорилъ о прекрасныхъ городахъ Италіи, о царицѣ лагунъ — Венеціи, о Миланѣ, Флоренціи, Римѣ и Сіенѣ. Разказы его очень понравились Діанорѣ, и она попросила Альберта притти еще разъ.

Онъ сталъ посѣщать замокъ, игралъ ей на лютнѣ, читалъ стихи, пѣлъ, забавлялъ веселыми шутками, новеллами, и во всѣхъ его дѣйствіяхъ, взорахъ и словахъ ничего не выражалось, кромѣ невинной дружбы и рыцарской почтительности.

Но скоро тѣни глубокой задумчивости все чаще стали омрачать лицо юноши. Онъ слушалъ ее разсѣяннo, отвѣчалъ невпопадъ, смотрѣлъ на нее подолгу, молча, какъ будто хотѣлъ что-то сказать или спросить, но ничего не говорилъ и уходилъ поспѣшно. Діанора была такъ неопытна въ любви, что не понимала этой игры и разспрашивала Альберта съ искреннимъ участіемъ, что съ нимъ, какая забота наполняетъ его сердце.

Однажды, играя на лютнѣ, той самой, которую подарилъ ей Ульрихъ, Альбертъ запѣлъ тихую старую пѣсню любви, унылую и нѣжную, какъ долгій страстный вопль. Діанора заслушалась и почувствовала неодолимое смущеніе. Вдругъ онъ оборвалъ пѣсню, отложилъ лютню въ сторону и закрылъ лицо руками.

Полная состраданія, она тихонько коснулась его плеча и спросила о причинѣ скорби.

— Мессэръ, если я что-нибудь могу сдѣлать для вашего блага, — прибавила она, — то, видитъ Богъ, я готова.

Тогда онъ упалъ передъ ней на колѣни и, обливаясь горячими слезами, сталъ говорить о любви.

Діанора молчала въ ужасѣ. Наконецъ, опомнившись, велѣла ему уйти.

Когда Альбертъ увидѣлъ, что мольбы напрасны, то рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству. Сбросивъ съ себя личину притворнаго смиренія, онъ объявилъ, что не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ, чтобы достигнуть цѣли, что готовъ погубить свое тѣло, свою душу и рыцарскую честь, ибо любовь оправдываетъ все, — что

онъ сумѣеть оклеветать ее передъ мужемъ: нанесеть себѣ самъ въ ея домѣ тяжелую рану и скажетъ, что она велѣла своимъ слугамъ убить его изъ мести за то, что онъ не согласался обмануть съ нею Ульриха.

Когда Діанора услышала эти угрозы, то жалость къ нему превратилась въ ненависть.

Притворившись побѣжденной страхомъ и любовью, она сказала, что, во избѣжаніе большихъ несчастій, уступаетъ ему, но такъ какъ увѣрена, что баронъ Ульрихъ убьетъ ее, если узнаетъ отъ слугъ объ измѣнѣ, то проситъ Альберта притти на свиданіе въ одну отдаленную башню замка, гдѣ никто не можетъ ихъ видѣть и слышать, подробно объяснивъ ему тѣ примѣты, по которымъ онъ могъ найти эту башню.

Одѣвшись въ роскошныя одежды, Альбертъ на слѣдующій день въ условленный часъ пошелъ въ замокъ и по указаннымъ примѣтамъ отыскалъ темную пустынную галлерею, которая привела его прямо къ двери желаннаго покоя въ отдаленной башнѣ, который назначенъ былъ для свиданья.

Дверь была открыта настежь, и рыцарь не вошелъ, а впорхнулъ въ нее, не чувствуя подъ собою ногъ отъ радости. Онъ притворилъ тяжелую, окованную желѣзомъ, дверь, устроенную такъ, что изнутри ее нельзя было открыть безъ ключа. Когда Діанора, спрятавшаяся неподалеку, услышала, что мышеловка захлопнулась, она заперла ее еще снаружи на замокъ и унесла ключъ съ собой.

Альбертъ удивился, что дама выбрала такое странное мѣсто для свиданія: голыя стѣны, рѣшетчатое окно такъ высоко, что до него нельзя было достигнуть безъ лѣстницы, и никакого убранства, кромѣ узкой постели, какія употребляются въ монашескихъ кельяхъ, и двухъ-трехъ деревянныхъ стульевъ. Эта башня была въ прежнія времена тюрьмою, гдѣ содержались знатные плѣнники въ пожизненномъ заключеніи.

Пока рыцарь ожидалъ, съ радостною тревогою, появленія Діаноры, въ двери открылось окошечко, такое маленькое, что въ него едва можно было подать заключенному хлѣбъ

и кубокъ вина. Альбертъ увидѣлъ насмѣшливое лицо одной изъ служанокъ Діаноры и услышалъ слѣдующія слова:

— Мессэръ Альбертъ, моя госпожа велѣла передать вамъ, что такъ какъ вы проникли въ замокъ, какъ воръ, чтобы похитить ея честь, то и она заключила васъ въ тюрьму, какъ вора, выбравъ такое наказаніе, какое считаетъ наиболѣе справедливымъ. Пока вы будете находиться въ этой темницѣ, вы должны зарабатывать себѣ пропитаніе пряжею, и чѣмъ больше нарядете за день, тѣмъ будетъ вкуснѣе вашъ обѣдъ, а ежели вздумаете лѣниться,—ничего не получите, кромѣ хлѣба и воды.

И окошечко захлопнулось.

Рыцарь хотѣлъ что-то закричать ей вслѣдъ, но голосъ ему измѣнилъ, и только тихій стонъ вырвался изъ горла. Онъ поблѣднѣлъ, шатаясь подошелъ къ постели и упалъ на нее почти безъ сознанія. Когда же опомнился, сталъ помышлять о самоубійствѣ. Но у него не было меча, а повѣситься онъ не могъ, ибо своды темницы были слишкомъ высокіе. Къ тому же, въ сердцѣ его сохранилась надежда, что все это окажется шуткою, и что скоро его выпустятъ.

Онъ ходилъ по тюрьмѣ, ломалъ руки, говорилъ самъ съ собой, какъ сумасшедшій, проклиналъ день и часъ, когда пришла ему несчастная мысль биться объ закладъ, богохульствовалъ, молился, плакалъ, и ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Вспоминалъ также о потерѣ имущества, и хотя скорбѣлъ, но скорбь была ничто передъ болью стыда, отъ котораго сердце его ныло и горѣло, какъ будто его сжимали острыми клещами. Въ этихъ мукахъ прошелъ день, и наступила ночь. Въ то время, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по кельѣ при блѣдномъ сіяніи луны, лучъ которой проникъ въ окно, рыцарь увидѣлъ въ одномъ углу темницы новую хорошенькую прялку, съ свѣжею паклею и веретеномъ, какъ будто ожидавшую работы. Въ припадкѣ ярости Альбертъ хотѣлъ схватить ее и разбить въ щепки. Но что-то удержало его, и онъ толкнулъ ее ногою осторожно. Передъ самымъ утромъ, уснувъ тревожнымъ сномъ, плѣнникъ скоро проснулся отъ голода и жажды. Идя на свиданье, онъ ничего

не ѣлъ отъ радости, а такъ какъ большое горе не менѣе заставляетъ чувствовать пустоту желудка, чѣмъ большая радость, то теперь съ немалымъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ, когда окошечко въ тюремной двери откроется, и служанка подастъ ему хлѣба и воды. Веселыя ласточки защебетали подъ окномъ, замычали коровы, заигралъ рожокъ пастуха, раздался тихій колокольный звонъ, повѣяло утреннею свѣжестью луговъ; несчастный Альбертъ почувствовалъ то же, что пойманная птица чувствуетъ, въ первый разъ встрѣчая утро въ клѣткѣ. Тюрьма освѣтилась, и въ углу, выступивъ изъ мрака, нелѣпая прялка торчала теперь, лѣзла въ глаза, преслѣдовала его съ оскорбительною назойливостью.

Наконецъ желанное окошечко открылось, и, какъ вчера, изъ него высунулось лукавое, безпощадно-веселое и розовое лицо молодой служанки.

— Ну, какъ наши дѣла, мессэръ Альбертъ? Много ли поработали? Покажите пряжу,—и говорю вамъ, что должна видѣть ее и смѣрять точно, чтобы знать, какой обѣдъ принести.

Тогда рыцарь не выдержалъ, сталъ кричать, топтать ногами, требовать немедленнаго освобожденія, грозить, осыпать госпожу и служанку отборными ругательствами. Наученная Діанорой, служанка отвѣтила ему спокойно:

— Напрасно изволите гнѣваться, мессэръ. Я тутъ не при чемъ: только исполняю волю госпожи. Мой совѣтъ — успокойтесь, будьте благоразумнѣе. Перемелется — мука выйдеть. Злоба въ бѣдѣ не помогаетъ. Лучше покоритесь. Госпожа моя желаетъ знать, какое намѣреніе привело васъ къ ней въ замокъ, такъ какъ она вполне увѣрена, что все это случилось не спроста. Послушайте, рыцарь, вы должны какъ можно скорѣе открыть тайну, а кромѣ того, для вашего собственнаго блага, совѣтую вамъ заняться пряжей. Не бойтесь, это дѣло немудреное, и ежели мы, глупыя женщины, справляемся съ нимъ, то вамъ и подавно покажется оно легкимъ. Помните же, Альбертъ, рѣшеніе Діаноры неумолимо. Вы изъ этой башни не выйдете и не получите на обѣдъ ничего, кромѣ хлѣба и воды, пока не назовете

вашихъ сообщниковъ и не сядете за прялку. Не упорствуйте же, принимайтесь-ка за работу скорѣе: сегодня къ полудню я снова навѣдаюсь въ вамъ, и ежели вы довольно напрядете, принесу превкусный обѣдъ.

И Барбара — такъ звали служанку — захлопнула окошечко, смѣясь.

Въ это время Діанора велѣла тайно захватить слугъ и лошадей мессэра Альберта, содержать ихъ въ плѣну въ полной сохранности, такъ, чтобы люди его не испытывали никакихъ другихъ лишеній, кромѣ лишенія свободы, и распространила слухъ, что рыцарь вернулся къ себѣ домой въ Венгрію.

Дни проходили за днями, и такъ какъ Альбертъ все еще не садился за прялку, которая одна могла избавить его отъ невольнаго поста, то ему приходилось довольствоваться черствымъ хлѣбомъ и водою. Голодъ почти все время терзалъ его внутренности, ибо онъ получалъ пропитанія не болѣе, чѣмъ нужно было для того, чтобы не умереть отъ истощенія. Теперь несчастный уже не помышлялъ о самоубійствѣ, о потери имущества, о стыдѣ, о любви: все это казалось ему далекимъ и неважнымъ, — съ гораздо большимъ волненіемъ мечталъ онъ о жирныхъ каплунахъ, объ огромныхъ паштетахъ дичи съ поджаренной хрустящей коркой, о прохладныхъ, душистыхъ винахъ. И какъ нарочно, именно въ это мгновеніе, когда слюнки текли у него отъ этихъ мечтаній и, расширяя ноздри, онъ вдыхалъ лакомый запахъ воображаемыхъ блюдъ, — прялка была тутъ какъ тутъ, такъ и металась ему въ глаза, такъ и лѣзла, какъ будто подсмѣивалась надъ нимъ, кивала своимъ длиннымъ дурацкимъ шестомъ, обмотаннымъ паклей.

Голодный рыцарь кидался на нее съ яростью, чтобы уничтожить, но всякій разъ что-то удерживало его, онъ останавливался, сжавъ кулаки, подолгу смотрѣлъ на ту, которая каждое мгновеніе согласна была сдѣлаться его кормилицей, — и не то съ отвращеніемъ, но то съ любопытствомъ, брезгливо, тихонько трогалъ веретено. Потомъ, тяжело вздыхая, уходилъ въ другой уголь тюрьмы, подальше отъ соблазна.

Однажды, въ оцѣпенѣнїи отъ голода, почти не думая о томъ, что дѣлаетъ, онъ подошелъ къ прялкѣ, сѣлъ и взялъ въ руки веретено. Дѣтство Альбертъ провелъ въ деревнѣ, нерѣдко случалось ему наблюдать, какъ поселянки прядутъ свою грубую сѣрую пряжу, и онъ учился у нихъ, играя, какъ это дѣлаютъ переимчивыя дѣти. Теперь бѣдный рыцарь вспомнилъ старые уроки, и потихоньку, неумѣлыми пальцами, сталъ сучить нитку и наматывать на веретено. Она выходила у него пресмѣшною,—въ одномъ мѣстѣ слишкомъ толстой, въ другомъ слишкомъ тонкой, — но занятіе это показалось ему легкимъ и довольно забавнымъ, ничуть не хуже другихъ человѣческихъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, трудъ избавлялъ его отъ нестерпимой скуки, которую онъ испытывалъ, проводя цѣлыя дни въ праздности. Мало-помалу рыцарь совсѣмъ увлекся пряжей, забылъ и горе и голодъ, не слышалъ, какъ пролетали часы, и только тогда, когда предательское окошечко стукнуло и въ немъ появилось ненавистное насмѣшливое лицо Барбары, онъ отскочилъ отъ прялки, ужаленный стыдомъ, покраснѣвъ до ушей, какъ школьникъ, застигнутый за шалостью. Но плутовка ничего не сказала, не замѣтила, или, пожалѣвъ бѣднягу, притворилась, что не замѣчаетъ.

Еще нѣсколько дней крѣпился онъ, убѣждая себя, что прядетъ только такъ, для собственнаго развлеченія, отъ скуки, что никто никогда объ этомъ не узнаетъ, и весьма тщательно скрывалъ наработанную пряжу въ постели, подъ изголовьемъ. Наконецъ, однажды, когда волчій голодъ сжималъ ему внутренности и миражи пироговъ съ дичью обезсилили его мужество, онъ сунуль въ окно всю наработанную пряжу, отвернувшись, не подымая глазъ, желая провалиться сквозь землю. Барбара приняла нитки, какъ ни въ чемъ не бывало, и серьезно похвалила его, какъ будто это было дѣло обычное, свойственное благороднымъ рыцарямъ. Тогда, чтобы кончить сразу, онъ тутъ же, запинаясь и кусая губы, пробормоталъ свою исповѣдь и, пока она внимательно, съ едва уловимою усмѣшкой женскаго лукавства, разсматривала пряжу, какъ бы оцѣнивая доб-

ротность никто, объяснилъ ей все, какъ съ согласія королевы Беатриче онъ, Альбертъ, и его другъ польскій рыцарь Владиславъ побились объ закладъ съ барономъ Ульрихомъ, что одному изъ нихъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, удастся склонить добродѣтельную Діанору къ невѣрности. Служанка передала это признаніе госпожѣ, и въ тотъ же вечеръ принесла отощавшему рыцарю вкусный ужинъ, питательный, но легкій, заботливо предупредивъ, что черезчуръ наѣдаться послѣ долгаго голода нездорово.

Съ тѣхъ поръ все пошло какъ по маслу. Каждое утро усаживался рыцарь за прялку и работалъ весь день усердно, не стыдился и не отскакивалъ отъ нея, когда Барбара неожиданно открывала окошечко и выглядывала изъ него. Плѣнника щедро вознаграждали за долгій постъ. Никогда еще не ѣдалъ онъ такъ много и сладко. Изъ благодѣтельнаго окошечка, какъ изъ рога изобилія, сыпались дары Циреры, Вакха, и Помоны, — плоды, пирожное, паштеты, рыба, дичь, мясо, вино — одно вкуснѣе другого. Скоро онъ отѣлся, расцвѣлъ, повеселѣлъ и, сидя за прялкой, сталъ напѣвать баззаботную пѣсенку, какъ это дѣлаютъ сельскія женщины. Съ хорошенькой тюремщицей бесѣдовалъ онъ дружелюбно, даже слегка приударялъ за ней. Барбара была этимъ, кажется, довольна и строила ему глазки. Если молвить правду, то Альбертъ гораздо менѣе скучалъ, чѣмъ въ иныхъ блестящихъ забавахъ королевскаго двора, и такъ вошелъ во вкусъ простодушной, невинной работы, какъ будто отроду ничего иного не дѣлалъ. Мало-по-малу достигъ онъ въ прядильномъ искусствѣ изряднаго мастерства, и нитки выходили у него почти совсѣмъ ровными, такъ что, пожалуй, и добрая сельская пряжа не постыдилась бы признать его работу своею.

Въ это время панъ Владиславъ безпокоился о долгомъ отсутствіи друга: такъ какъ срокъ, назначенный для его пребыванія въ замкѣ барона Ульриха, миновалъ, а рыцарь не возвращался и не было о немъ ни слуху, ни духу, то Владиславъ рѣшилъ, болѣе не мѣшкая, отправиться въ Богемію, чтобы провѣдать о товарищѣ и самому попытать счастья.

Діанора была предупреждена и ожидала гостя.

Онъ остановился въ той же гостиницѣ, неподалеку отъ замка: здѣсь ему сказали, что Альбертъ давно уѣхалъ и вернулся къ себѣ въ Венгрію.

Полякъ недоумѣвалъ, но хозяйка приняла его такъ любезно, что онъ успокоился и подумалъ:

«Ого. Ну, здѣсь мы живо справимся. Видно подъемъ на гору менѣе крутъ, чѣмъ всѣ предполагаютъ».

Діанора знала, куда онъ гнетъ, и, чтобы скорѣе покончить, сама направила воду на мельничное колесо.

Не сомнѣваясь въ побѣдѣ, панъ на всѣхъ парусахъ поплылъ къ мели, на которой долженъ былъ сѣсть. Чтобы сказать кратко, доблестнаго польскаго рыцаря постигла точь въ точь такая же плачевная участь, какъ и венгерца.

Такъ же ему было назначено свиданье въ уединенной башнѣ, такъ же попался онъ въ западню и былъ запертъ рядомъ съ другомъ въ сосѣдней темницѣ. Такъ же открылось окошечко въ двери и изъ него выглянуло лукавое лицо Барбары. Только работа, назначенная ему, была иная: онъ долженъ былъ большими костяными спицами, какія можно видѣть въ морщинистыхъ рукахъ старыхъ ключницъ, вязать чулки изъ тѣхъ самыхъ нитокъ, которыя наработалъ въ сосѣдней темницѣ его товарищъ.

Нечего и говорить, что панъ пришелъ въ неописанную ярость, ругался, кричалъ, безумствовалъ не меньше, чѣмъ Альбертъ, также помышлялъ о самоубійствѣ, и въ припадкѣ отчаянія ударился головой о тюремную дверь, но ничего изъ этого не вышло, кромѣ шишки на лысомъ лбу. Владиславъ былъ эпикуреецъ и обжора, а потому постъ, не означенный въ календарѣ, показался ему отвратительной пыткой. Посидѣвъ дня два-три на одномъ хлѣбѣ и водѣ, панъ сдѣлался, какъ шелковый, принялъ веселый видъ при печальной игрѣ, и притворился, что все это считаетъ презабавной шуткой. Развязно объяснилъ онъ паннѣ тюремщицѣ, что всегда считалъ своимъ первымъ рыцарскимъ долгомъ во всемъ угождать очаровательнымъ дамамъ, владычицамъ сердецъ, безпрекословно исполняя прихоти и капризы ихъ, которые,

ежели молвить правду, бываютъ иногда немного странными. Но вотъ бѣда: панъ отроду не вязалъ чулокъ и не умѣетъ взять спицы въ руки. Барбара отвѣтила, смѣясь, что не велика бѣда, что было бы только со стороны пана усердіе, она въ нѣсколько уроковъ научить его вязать. И тутъ же, просунувъ длинныя спицы съ Альбертовой пряжею въ окошечко, стала ему показывать, какъ должно дѣлать петли. Владиславъ оказался непонятливымъ ученикомъ, но такъ какъ нужда прекрасная наставница, то въ концѣ-концовъ, съ грѣхомъ пополамъ, научился нехитрому дѣлу. Правда, петли выходили нелѣпыя и такія громадныя, какъ будто предназначались для повѣшенія конокрада. Но усердіе цѣнили болѣе, чѣмъ искусство, и пана тоже стали кормить отборными яствами. Черезъ нѣкоторое время онъ началъ дѣйствовать спицами довольно проворно, но такъ какъ у него не было природнаго дара къ женскому рукодѣлію, то въ этомъ искусствѣ онъ никакъ не могъ бы поспорить съ посредственной чулочницей.

Когда прошло условленныхъ два мѣсяца, баронъ Ульрихъ вернулся въ замокъ; вѣрная Діанора встрѣтила его съ великою радостью и повела въ башню, гдѣ сидѣли птицы въ клѣткѣ. Сперва она тихонько открыла окошечко въ двери Альбертовой кельи, — Ульрихъ взглянулъ и залюбовался. Солнце проникало въ темную келью снопомъ лучей и освѣщало прилежно наклоненную голову сидѣвшаго за прялкой юнаго рыцаря, съ падавшими локонами, золотистыми и длинными, какъ у молодой красавицы. Царствовала тишина, только веретено однообразно жужжало и пѣло. Вверху, на окнѣ, въ паутинѣ, товарищъ узника, неутомимый паукъ прядъ свою сѣрую тонкую пряжу, внизу рыцарь такъ же безмолвно, такъ же проворно сучилъ и тянулъ изъ кудели тонкую бѣлую нить.

Потомъ Діанора подвела мужа къ другой двери и также тихо открыла слуховое окно. Баронъ заглянулъ въ келью и едва удержался отъ смѣха: посреди комнаты, широко разставивъ ноги, держа въ рукахъ нелѣпый громадный чулокъ, сидѣлъ панъ Владиславъ, и уморительно было видѣть въ его толстыхъ неуклюжихъ пальцахъ вязальныя

спицы; онъ дѣлалъ усилія, чтобы не спустить петли, — сморщивъ лысый лобъ, высоко поднявъ брови, выпятивъ губы, пыхтя и отдуваясь, какъ будто ворочалъ тяжелые камни, потный и красный.

— Какъ нравятся вашей милости птицы въ клѣткѣ?— спросила Діанора мужа, и въ глазахъ ея свѣтилось торжество женской хитрости.

Ульрихъ великодушно простилъ плѣнниковъ и не пожелалъ отнимать у нихъ имущества, на что имѣлъ право по договору. Впрочемъ, панъ Владиславъ, не ожидая рѣшенія своей участи и забравъ съ собой все, что имѣлъ, — а это сдѣлать было ему легко, такъ какъ имъ же распушенный слухъ о богатыхъ польскихъ помѣстьяхъ оказался хвастовствомъ, — счелъ благоразумнымъ бѣжать черезъ Триестъ въ свободный городъ яснѣйшей республики Венеціи. Что же касается до рыцаря Альберта, то, по настоянію королевы Беатриче, баронъ Ульрихъ потребовалъ, чтобы этотъ неисправимый щеголь, угодникъ дамъ, на придворномъ балу протанцовалъ въ огромныхъ безобразныхъ чулкахъ, связанныхъ въ тюрьмѣ изъ его же собственной пряжи паномъ Владиславомъ. Бѣдный рыцарь, чтобы спасти свое имѣніе, протанцовалъ бы еще и не въ такомъ нарядѣ.

Панъ зажилъ въ Венеціи припѣваючи: онъ любилъ хвастать своими побѣдами надъ венгерскими красавицами, и подробно рассказывалъ, какъ однажды побился объ закладъ при дворѣ короля Маттіаса Корвина съ доблестнымъ рыцаремъ Ульрихомъ. Но, доходя въ повѣствованіи до того мѣста, какъ Діанора назначила ему свиданье въ уединенной башнѣ замка, умолкалъ, скромно и самодовольно улыбаясь.

Если же юный внимательный слушатель спрашивалъ его: что же дальше?—

— Много будете знать, мессэръ, рано состаритесь, — говорилъ ему панъ, лукаво подмигивая и покручивая длинный крашеный усъ.

Превращеніе.

Флорентинская новелла XV вѣка.

Тѣ, кто бывали во Флоренціи, помнятъ величественный куполь собора Марія-дель-Фіоре — истинно божественное созданіе человѣческаго духа. Со времени грековъ и римлянъ ничего во всей Европѣ не было построено столь свѣтлаго и разумнаго. Замысль купола, какъ бы повѣшеннаго въ воздухѣ волей строителя, рѣющаго надъ городомъ на страшной высотѣ, легкаго, прекраснаго и незыблемо утвержденнаго по вѣчнымъ законамъ механики, казался такимъ дерзновеннымъ и неисполнимымъ, когда былъ предложенъ на собраніи опытныхъ строителей, что архитектора, придумавшаго этотъ планъ, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско сочли безумцемъ. Чтобы исполнить свой замысль, Филиппо долженъ былъ всю жизнь бороться съ ненавистью и презрѣніемъ глупцовъ, съ боязнью и упорствомъ умныхъ людей, не смѣвшихъ повѣрить въ законы собственнаго разума.

Великій строитель съ виду былъ важенъ, мраченъ и тихъ. Но подъ грубою корою въ сердцѣ его таились родники нестоимаго веселья. Эта свобода и веселье—въ куполѣ Санта-Марія-дель-Фіоре, въ свѣтлыхъ, открытыхъ солнцу *loggii*, въ легкихъ, какъ бы воздушныхъ аркахъ и колоннахъ построенныхъ пмъ галлерей, въ новой эллинской обнаженности простыхъ и чистыхъ линій созданной пмъ архитектуры. Свобода и веселье были и въ жизни Филиппо. Всѣ эти строгіе, молчаливые, дѣловитые флорентинцы съ нахмуреннымъ челомъ любили смѣхъ и при всякомъ удобномъ случаѣ

предавались шалостямъ, какъ рѣзвые школьники, вырвавшіеся на волю.

Я хочу рассказать одну изъ такихъ шалостей знамени-таго архитектора, того, чья жизнь была непрерывнымъ трудомъ, страданіемъ, борьбою съ людьми и напряженною мыслью.

Однажды въ городѣ Флоренціи, въ 1409 году, воскреснымъ вечеромъ собралось къ ужину общество молодыхъ людей въ домѣ одного вельможи, по имени Томмазо де-Пекори, чело-вѣка благороднаго и умнаго, любившаго повеселиться.

Когда послѣ ужина убрали со стола, подали лакомства и лучшее вино, и всѣ стали, громко и непринужденно разговаривать о томъ и о другомъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ собраніяхъ, одинъ изъ собесѣдниковъ произнесъ:

— Почему, скажите на милость, сегодня вечеромъ чу-дакъ Манетто Амманнатини ни за что не хотѣлъ притти сюда, и его никакъ нельзя было убѣдить?

Этотъ Манетто Амманнатини славился, какъ превосходный художникъ-столяръ, мастеръ деревянныхъ инкрустацій; лавка его, или, какъ во Флоренціи говорятъ, «боттега», находилась на площади Санъ-Джіованни. Манетто всѣ любили за веселый нравъ и весьма почитали его талантъ, ибо въ прекрасномъ столярномъ искусствѣ не было ему равнаго мастера. Но въ житейскихъ дѣлахъ онъ былъ довѣрчивъ, простъ и неопытенъ, какъ ребенокъ: его обманывали, надъ нимъ потѣшались, что не нарушало его добродушной веселости. Славный былъ чело-вѣкъ Манетто Амманнатини, котораго въ пріятельскомъ кружкѣ за неуклюжесть и высокій ростъ звали Верзилою. Лѣтъ 28, громадный широкоплечій, съ ясными глазами, съ вѣчно разсѣянной улыбкой, съ воло-сатыми, мозолистыми, запачканными лакомъ и клеемъ, руками столяра, изъ которыхъ выходили тонкія небесныя лица херувимовъ, веселыя, дерзкія рожи сатировъ изъ точенаго кипариса и дуба,—Верзила былъ не исправимымъ чудакомъ: несмотря на обычную общительность, вдругъ находила на него внезапная прихоть, припадокъ черной ме-

ланхолиі,— и тогда онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, смотрѣлъ какъ волкъ на лучшихъ друзей, огрызался, когда его спрашивали, что съ нимъ, и уже никакими силами нельзя его было затащить въ пріятельскій кружокъ. ¶ Потомъ нелѣпое чудачество проходило само собою, и Верзила возвращался къ друзьямъ добродушнѣе и беззаботнѣе, чѣмъ когда-либо.

Къ великому прискорбію и досадѣ собесѣдниковъ, которые считали его пріятнымъ и любезнымъ членомъ своего общества, одно изъ этихъ чудачествъ напало на столяра какъ разъ въ тотъ воскресный вечеръ, когда они собрались къ ужину въ прекрасный палаццо сэра Томмазо де-Пекори.

— Этого такъ оставить нельзя,—воскликнулъ одинъ изъ гостей, немного подвыпившій, ударяя кулакомъ по столу,—надо проучить Верзилу!

— Но, можетъ-быть, у него дѣла,—заступился другой.— Я слышалъ, что намедни герцогиня Мантуанская заказала ему свадебный сундукъ...

— Вздоръ! Я знаю дѣла его, какъ свои пять пальцевъ. Что за работа въ воскресенье вечеромъ? Это у него опять меланхолія. Сидитъ теперь гдѣ-нибудь одинъ въ тавернѣ и пьянствуетъ. Или, еще хуже, лежитъ въ постели и дрыхнетъ. Говорю вамъ, что слѣдуетъ, наконецъ, хорошенько проучить его за эти чудачества, для его же собственнаго блага, чтобы онъ уже болѣе никогда не смѣлъ пренебрегать друзьями, изъ-за какихъ-то дурацкихъ бредней.

— А чѣмъ могли бы мы проучить Верзилу,—усомнился третій.— Побить его, что ли? Такъ вѣдь шкура у него дубленая—ничѣмъ не проймешь. И притомъ въ рукахъ такая силища, что ежели сдачи дастъ, не поздоровится. Или надуть его, чтобы заплатилъ за всѣхъ по счету въ гостиницѣ,—такъ вѣдь какой это урокъ? Надъ нами же онъ посмѣется. Денегъ Верзила не жалѣетъ.

Тогда заговорилъ бывший въ этомъ веселомъ кругу другъ и почитатель Верзилы, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, славный архитекторъ Санта-Марія-дель-Фіоре. Лицо у него было и теперь, какъ всегда, строгое, почти суровое,

сумрачное, взоръ холодный, и только на гладко выбритыхъ тонкихъ губахъ играла хитрая, пронзительная усмѣшка, и по этой усмѣшкѣ, собесѣдники тотчасъ же поняли, что наступаетъ истинное веселье,—такой смѣхъ, отъ котораго животики подведетъ. У юношей, особенно лакомыхъ до всякихъ шалостей, даже глаза разгорѣлись, и всѣ притихли, замерли и ожидали благоговѣйно, что-то выйдетъ изъ устъ этого новаго оратора. Тогда Филиппъ, не торопясь, обвелъ всѣхъ глубокомысленнымъ взглядомъ, какъ будто рѣчь шла о важномъ дѣлѣ, и молвилъ:

— Любезные друзья, вотъ что я сейчасъ придумалъ. Мы можемъ сыграть съ Верзилой презабавную штуку, которая, полагаю, доставитъ вамъ немалую утѣху. Штука моя заключается въ томъ, чтобы убѣдить столяра Манетто, что онъ— не онъ, а совсѣмъ другой человѣкъ.

Тогда многіе стали возражать Филиппо, утверждая, что это невозможно. Но, по своему обыкновенію, онъ съ математическою ясностью, какъ будто дѣло шло объ изящной теоремѣ, привелъ имъ свои доказательства и сумѣлъ ихъ убѣдить, что этотъ замыселъ исполнимъ.

Все подробно до послѣдней мелочи обсудили они и составили заговоръ противъ злополучнаго Верзилы. И этотъ заговоръ съ тѣмъ большею легкостью могъ имъ удасться, что во Флоренціи всѣ, отъ мала до великаго, отъ важнаго сѣдовласаго пріора, засѣдающаго въ Palazzo Vecchio, до босоногаго уличнаго мальчишки, который спускаетъ бумажные караблики въ дождевые ручьи, находятся какъ бы въ непрерывномъ безмолвномъ заговорѣ и всегда готовы помочь другъ другу, чтобы посмѣяться надъ простодушнымъ человѣкомъ. И нѣтъ такого суроваго блюстителя законовъ, нѣтъ такого тяжеловѣснаго купца, состарившагося надъ счетными книгами, который при всякомъ удобномъ случаѣ съ радостью не пожертвовалъ бы временемъ, трудомъ, даже деньгами, чтобы учинить своему ближнему какую-нибудь веселую школьническую шалость, «beffage», какъ они тамъ говорятъ. Флорентинцы смѣются надъ лучшими своими друзьями, и тѣ не думаютъ сердиться, а только въ свою оче-

редь ждутъ удобнаго случая пересмѣять насмѣшника. Такии создалъ ихъ Богъ, такой у нихъ воздухъ въ Тосканѣ: не даромъ есть пословица: «тосканцы бѣдовый народъ—не кладѣ имъ пальца въ ротъ». Они иногда и рады бы не смѣяться, да не могутъ. Смѣхъ въ крови флорентинцевъ, какъ соль въ морской водѣ. Вотъ почему великій искусникъ въ такихъ шалостяхъ, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, съ полной увѣренностью составилъ заговоръ и зналъ, что каждый знакомый и незнакомый будетъ ему всячески служить и способствовать, и онъ могъ обдѣлать это дѣльце на чистоту такъ, что и комаръ носа не подточилъ бы.

Рѣшено было, что на слѣдующій день, въ понедѣльникъ вечеромъ, начнется Овидіево превращеніе, или метаморфоза Манетто-Верзила.

Въ тотъ часъ, когда солнце заходитъ, желтые пески Арно розовѣютъ и ремесленники запираютъ потемнѣвшія мастерскія, Филиппо зашелъ въ боттегу своего друга, столяра Манетто, на площади Санъ-Джіованни, и весело болталъ съ нимъ до тѣхъ поръ, пока расторопный мальчуганъ—какъ было условлено—не прибѣжалъ въ мастерскую и не спросилъ, запыхавшись и торопясь, какъ будто дѣло было важное и спѣшное:

— Не въ эту ли боттегу заходитъ иногда Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, и не здѣсь ли онъ теперь?

Филиппо выступилъ, назвалъ себя и спросилъ посланнаго, чего онъ желаетъ.

— Идите-ка скорѣе домой, мессэръ,—произнесъ мальчуганъ,—часа два тому назадъ съ теткой вашей приключилось недоброе, и она при смерти. Васъ всюду ищутъ. Бѣгите же, не медлите.

Филиппо притворился пораженнымъ дурною вѣстью и воскликнулъ:

— Господи, помоги!.. Этого еще не доставало!..

И тотчасъ же попрощался съ Верзилою, который, какъ человѣкъ добрый и услужливый, молвилъ съ дружескимъ участіемъ:

— Пойду-ка и я съ тобою, Филиппо. Быть-можетъ, на что-нибудь пригожусь. Знаешь, въ такихъ случаяхъ всегда полезно имѣть около себя друга.

Немного подумавъ, Филиппо отвѣтилъ:

— Теперь ты мнѣ не нуженъ. Но если что-либо понадобится, я сюда пришлю за тобою.

Филиппо пошелъ какъ будто по направленію къ своему дому, но когда Манетто уже не могъ его видѣть, повернулъ за уголъ и направился къ дому Верзила, находившемуся въ узкомъ переулкѣ, какъ разъ наискосокъ отъ церкви Санта Репарата. Онъ искусно отомкнулъ запертую дверь, безъ ключа, тонкимъ лезвеемъ перочиннаго ножа, вошелъ въ домъ и крѣпко, желѣзнымъ болтомъ, заперъ дверь изнутри такъ, чтобы никто не могъ войти. Съ Верзилою жила мать, которая на эти дни уѣхала въ загородное мѣстечко Полверозу, гдѣ у нихъ было имѣніе,—на ежемѣсячную большую стирку, которую домовитыя флорентинскія хозяйки, для удобства и дешевизны, устраиваютъ за городомъ.

Тѣмъ временемъ Верзила, заперевъ боттегу, прошелся, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ, нѣсколько разъ взадъ и впередъ по площади Санъ-Джіованни: изъ головы его не выходила мысль о Филиппо, и сердце было исполнено сочувствіемъ къ другу, передъ великимъ гениемъ и умомъ котораго онъ преклонялся.

Спустя часъ послѣ солнечнаго заката, когда наступили сумерки, и площадь опустѣла, Верзила подумалъ:

«Филиппо такъ и не послалъ за мною: теперь ужъ я, должно-быть, ему не нуженъ.

И онъ рѣшилъ вернуться домой. Подошелъ къ своей двери, поднялся на двѣ ступени, которыя къ ней вели, и, по обыкновенію, хотѣлъ ее отпереть, но какъ ни старался, это ему не удалось. Наконецъ онъ замѣтилъ, что дверь крѣпко-накрѣпко заперта изнутри желѣзнымъ болтомъ. Верзила подумалъ и позвалъ:

— Эй, кто тамъ наверху? Отоприте!

Филиппо, подстерегавшій его внутри дома, спустился съ лѣстницы, подошелъ къ двери и сказалъ:

— Кто тамъ?

Онъ говорилъ голосомъ Верзилы, ибо весьма искусно умѣлъ подражать всевозможнымъ голосамъ. Но тотъ закричалъ:

— Отопри же!

Филиппо притворился, что принимаетъ стучащагося въ дверь за Маттео, въ котораго Верзила,—какъ они сговорились,—долженъ былъ превратиться: самъ же Филиппо притворился Верзилою и молвилъ такъ:

— Эй, Маттео, ступай-ка съ Богомъ. Я очень разстроенъ: у меня въ мастерской только что былъ Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, когда ему пришли сказать, что тетка его при смерти. Это меня опечалило на весь вечеръ: я просто не свой. Зайди, братецъ, какъ-нибудь въ другой разъ.

И потомъ, обернувшись къ лѣстницѣ, какъ будто говорилъ съ тѣмъ, кто внутри дома, прибавилъ:

— Монна Джіованна,—ибо такъ звали мать Верзилы,—соберите скорѣе поужинать. Что это, право, за безпорядки? Вы обѣщали быть здѣсь два дня тому назадъ, а возвращаетесь только сегодня ночью.

И онъ еще немного поворчалъ, все время подражая голосу Верзилы.

Верзила, не только услышавъ свой собственный голосъ, но и видя во всемъ, что произносилъ этотъ голосъ, отраженіе своихъ затаенныхъ мыслей и чувствъ, какъ въ зеркалѣ, не могъ притти въ себя отъ изумленія и думалъ:

«Это еще что такое? Не чудится ли мнѣ, будто тотъ, кто тамъ у двери—я самъ, и будто онъ мнѣ же, моимъ собственнымъ голосомъ, рассказываетъ, что Филиппо только что былъ у меня въ мастерской, когда пришли сказать, что тетка его заболѣла?.. И кромѣ того, онъ разговариваетъ съ монной Джіованной. Экая пакость! Видно, со мной творится неладное. Голова совсѣмъ кругомъ пошла...»

Верзила спустился съ двухъ ступенекъ крыльца и немного отошелъ, чтобы крикнуть въ окна дома. Въ это же время, приблизился къ нему, какъ было условлено, знаменитый флорентинскій скульпторъ Донателло, создатель бронзовой

статуи Иоанна Крестителя, тоже искусный насмѣшникъ, участвовавшій въ заговорѣ, другъ Верзила. Какъ бы случайно проходя въ сумеркахъ, Донателло взглянулъ на него и сказалъ:

— Доброй ночи, Маттео!

— Не Маттео, а Манетто, — крикнулъ ему Верзила.

Но Донателло, не останавливаясь, быстро прошелъ и сказалъ, какъ будто не разслышавъ:

— Да, да, — я найду къ тебѣ завтра поутру, Маттео, — и скрылся во мракѣ.

— Фу, ты, пропасть! — воскликнулъ Верзила, — говорились они, что ли, называть меня Маттео! И померещится же человѣку этакая дрянь. Надо пройтись, освѣжиться, и главное — не думать объ этомъ. Тогда все пройдетъ. А то, чортъ возьми. Этакъ вѣдь и спятить не мудрено...

И Верзила, понутивъ голову, медленными шагами удалился отъ своего дома. Стемнѣло. Улицы опустѣли. Ночь была безвѣтреная, жаркая и душная. Какъ это нерѣдко бываетъ въ Тосканѣ лѣтомъ, землю сжигала засуха. Перепадали капли скупого дождя, но прекращались, и блѣдное, изнеможенное небо не имѣло силы разразиться грозою. Въ эту ночь надъ холмами Фіезоле громоздились тяжелыя тучи, и, какъ судорожныя крылья подстрѣленной птицы, блѣдныя зарницы трепетали беззвучно и безнадежно надъ черепичными кровлями домовъ. Черный мракъ былъ жарокъ и душень, какъ черный мѣхъ, и отъ него вѣялъ такой же запахъ, какъ лѣтомъ отъ мѣховой шубы. Слабый дальній громъ напоминалъ глухіе раскаты злого, сумасшедшаго, тихаго смѣха. Кровь ударяла въ виски, нечѣмъ было дышать.

Верзила остановился, чтобы отереть потъ съ лица. Въ это время изъ подворотни выскочила и шарахнулась ему въ ноги черная кошка. Онъ задрожалъ, поблѣднѣлъ, ибо былъ суевѣренъ, и, перекрестившись, началъ бормотать: «Ave Maria». А кошка или, можетъ-быть, вѣдьма, отвратительно мяукнувъ, скрылась.

Верзила слышалъ, какъ сердце у него въ груди колотится тяжкими, мѣрными ударами, точно молотъ о наковальню.

Вдругъ въ мертвой тишинѣ донесся издали, должно-быть, изъ предмѣстья Санъ-Сеполкро, протяжный, зловѣщій вой собаки.

«Поскорѣй бы домой,—подумаль Верзила,—да въ постель, да головой подъ одѣяло. А то эта ночь—не хорошая, не благословенная... Въ такую ночь всякая нечисть по землѣ шляется...»

На душѣ его было скверно. Ему хотѣлось не то плакать, не то кричать и бить кого-нибудь, а лучше всего зарыться въ холодную, сырую землю, какъ слѣпыя кроты зарываются, и тамъ замереть такъ, чтобы никто его не видѣлъ и не слышалъ.

Онъ вернулся на площадь Санъ-Джіованни, гдѣ находилась его боттега. Здѣсь было легче дышать. Верзила поднялъ голову и увидѣлъ межъ тучъ, вверху, открытое небо и робкія звѣзды. Онъ обрадовался имъ. Оттуда сверху, какъ будто отъ звѣздъ, вѣяло тихое, едва уловимое дуновение неземной свѣжести.

«Чего я такъ перепугался, дуракъ,—подумаль онъ, ободрившись,—оборотень я, что ли? Какое мнѣ дѣло до Маттео? Я Верзила-Манетто Амманнатини, столяръ,—вотъ и боттега моя. Мало ли что иной разъ почудится? На это не надо обращать вниманія... Само собою пронесетъ, какъ рукой сниметъ... Вотъ я похожу здѣсь немного, подышу чистымъ воздухомъ, а потомъ вернусь домой, отопру дверь ключомъ, который у меня здѣсь въ карманѣ... Это еще что за новости, чтобы не пускать человѣка въ его собственный домъ?... Что я—старый шутъ Каландрино? Смѣяться надъ собой позволю?.. Нѣтъ, шалишь, братъ... Отопру и войду... И хотѣлъ бы я посмотрѣть на такого человѣка, который помѣшаетъ мнѣ сдѣлать это сейчасъ же?..»

Онъ уже собирался вернуться домой, какъ услышалъ на площади шаги. Верзила обрадовался живымъ людямъ и подумаль:

«Навѣрное, встрѣчу знакомыхъ, они назовутъ меня Верзилою,—и все объяснится».

При свѣтѣ смоляныхъ факеловъ увидѣлъ онъ, что это были городскіе стражники флорентинскаго торговаго суда. Съ

ними былъ нотаріусъ и кредиторъ того самаго Маттео, въ котораго бѣдный Верзила ни за что не хотѣлъ превратиться. Кредиторъ приступилъ къ Верзилѣ и сказалъ нотаріусу и стражникамъ, вооруженнымъ аллебардами:

— Вотъ мой должникъ Маттео!.. Держите его!.. Ага, голубчикъ, наконецъ - таки попался мнѣ въ руки. Небось, теперь не убѣжишь!

Стражники суда и нотаріусъ крѣпко схватили его за руки и собирались увести.

Тогда Верзила обернулъ свое блѣдное, растерянное лицо къ тому, кто называлъ его своимъ должникомъ, и воскликнулъ:

— Я тебя не знаю и никогда не имѣлъ съ тобою никакихъ дѣлъ. Скажи сейчасъ же, чтобы они меня отпустили!.. Ты принимаешь меня за другого... Слышишь?.. Ты отвѣтишь передъ судомъ за тяжкое оскорбленіе, наносимое незнакомому человѣку... Я—столяръ Верзила, и никакого Маттео знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Съ этими словами онъ попробовалъ освободиться отъ стражниковъ, ибо обладалъ большою силою. Но ихъ было много, они держали его крѣпко за руки и не отпускали. Кредиторъ подошелъ къ нему вплотную, заглянулъ прямо въ глаза и молвилъ:

— Какъ? Тебѣ нѣтъ до меня никакого дѣла? Неужели я не знаю Маттео, должника моего, и не сумѣлъ бы его отличить отъ столяра Манетто Амманнатины, по прозвищу Верзила?.. Ну, нѣтъ, братецъ, дудки! Этимъ ты отъ меня не отвертишься. Долгъ твой записанъ въ моей счетной книгѣ, и вотъ уже цѣлый годъ, какъ я имѣю по нашему дѣлу рѣшеніе торговаго суда. Конечно, тебѣ выгодно отречься и говорить, что ты не Маттео, но теперь ты не выскользнешь, и я заставлю тебя заплатить весь долгъ до послѣдняго сольдо, и не помогутъ никакія превращенія. Ведите-ка этого оборотня,—мы сейчасъ увидимъ, тотъ ли онъ, за кого мы его считаемъ, или кто-нибудь другой!..

Верзила похолодѣлъ отъ ужаса: онъ вспомнилъ и черную кошку и вой собаки, и старую косоглазую нищенку, похожую

на вѣдму, которая дня два тому назадъ посмотрѣла на него «дурнымъ глазомъ», когда онъ отогналъ ее отъ порога, не подавъ милостыни. Звонъ стоялъ у него въ ушахъ, сердце билось, какъ будто твердило ему: «быть худу, быть худу, ой, смотри, Верзила, быть худу!»

Крича и споря, стражники повели его въ торговый судъ, и такъ какъ время было позднее, то по дорогѣ не встрѣтили ни одного знакомаго Манетто. Бѣдняга былъ такъ пристыженъ и растерянъ, что не сообразилъ, что въ такой часъ, когда добрые люди, поужинавъ, ложатся спать, въ торговомъ судѣ не можетъ быть никакого засѣданія, кромѣ шуточного. Теперь все казалось ему возможнымъ. Мысли мѣшались въ его головѣ, и онъ встряхивался и щипалъ себя, чтобы проснуться. Но не такъ-то легко было проснуться: чары проклятой ночи тяготѣли надъ нимъ, морозъ пробѣгалъ по кожѣ, и онъ думалъ:

— Чего только на свѣтѣ не бываетъ?.. Что, если со мною случилось такое несчастье отъ дурного глаза,—и я взялъ да и обернулся въ Маттео?...

Въ торговомъ судѣ нотаріусъ написалъ мнимую бумагу о заключеніи Маттео въ долговую тюрьму и сдѣлалъ видъ, что прикладываетъ къ бумагѣ судебную печать. И его повели въ тюрьму.

Верзила вступилъ въ залу съ высокими сводами и рѣшетчатыми окнами и увидѣлъ многочисленныхъ товарищей по заключенію. Одни разговаривали, другіе пѣли, третьи играли въ шашки, въ карты, въ кости, при свѣтѣ оплывшихъ салныхъ огарковъ. Иные просто лежали на постеляхъ, наслаждаясь праздностью. Все это былъ веселый, разбитной народъ, какъ будто стоило только попасть въ общество несостоятельныхъ должниковъ, чтобы хлебнуть воды изъ Леты и сразу освободиться отъ всѣхъ человѣческихъ заботъ и непріятностей. Одинъ уморительный, подвыпившій старикашка, по прозвищу Вислоухій, приплясывалъ и притопывалъ подъ звуки самодѣльной скрипицы, ко всеобщему удовольствію, исполняя модную тогда испанскую пляску

«равана». Хотя часъ былъ поздній, но, повидимому, спать еще никто не думалъ, такъ всѣмъ было весело, отрадно надушѣ.

Увидѣвъ, входящаго Верзилу, они загалдѣли съ единодушнымъ восторгомъ:

— Новичокъ, смотрите, братцы, новичокъ!

Верзилѣ казалось, что онъ умеръ, и душа его попала въ адъ. Заключение спросили стражниковъ, какъ зовутъ новаго товарища, и когда узнали его имя, то загалдѣли еще громче:

— Добраго вечера, Маттео! Какъ ты себя чувствуешь, Маттео? За какія добродѣтели, Маттео, попалъ ты къ намъ въ царствіе Божіе?

Такъ называли они свою тюрьму.

Верзила стоялъ растерянный, блѣдный, щурился на свѣтъ, беспомощно моргалъ глазами, улыбался изъ вѣжливости и не зналъ, какъ отвѣчать на привѣтствія. Ему казалось неприличнымъ и даже зазорнымъ отречься отъ имени Маттео, которое, повидимому, крѣпче пристало къ нему, чѣмъ колючій репейникъ къ ослиному хвосту. Онъ рѣшилъ покориться плачевной участи, разыгрывать роль ненавистнаго Маттео, и робко, запинаясь и путаясь, объяснилъ новымъ товарищамъ, что попалъ сюда потому, что не успѣлъ во-время заплатить долга своему кредитору, но что онъ питаетъ надежду завтра утромъ освободиться.

Тогда заключенные сказали:

— Ступай ужинать, Маттео. А потомъ, если у тебя есть два-три сольда, мы испытаемъ, хорошо ли ты играешь въ кости. Ночь проведешь съ нами, а утромъ иди съ Богомъ. Только мы можемъ сказать тебѣ по опыту, что утро вечера мудренѣе, и что отсюда выйти не такъ легко, какъ оно кажется съ перваго взгляда.

Когда наступилъ часъ отходить ко сну, Вислоухій, который оказался человѣкомъ сердобольнымъ, уступилъ Верзилѣ часть своей постели.

Потушили огни, все утихло, и раздался ровный, единодушный храпъ, ибо несостоятельные должники спали сномъ праведниковъ. Но Верзила всю ночь не могъ уснуть и лежалъ съ открытыми глазами. Удушливый мракъ іюльской

ночи опять навалился на него, какъ тяжелая, черная мѣховая шуба. Теперь онъ уже не видѣлъ собственнаго тѣла, и, обливаясь холоднымъ потомъ отъ ужаса и отвращенія, чувствовалъ ясно, какъ весь съ головы до ногъ, и внутри и снаружи неудержимо превращается въ проклятаго Маттео. Верзила казался ему другимъ человѣкомъ, отличнымъ отъ него какъ прежде Маттео.

— О, Господи, помоги!—стонать онъ въ отчаяніи.— Только бы мнѣ узнать положительно и твердо, кто же я, наконецъ, Манетто или Маттео? Я не могу, не хочу быть въ одно и то же время обоими. Ну, хорошо, положимъ, я не Верзила, а Маттео, какъ это ясно изъ всего, что со мной происходитъ. Что же, однако, мнѣ въ такомъ случаѣ предпринять? Вѣдь, если я пошлю домой къ моей матери моннѣ Джіованнѣ, и Верзила окажется тамъ, у нея, то всё надо мною будутъ смѣяться и скажутъ, что я сошелъ съ ума. А съ другой стороны, мнѣ все еще кажется, что я — Верзила.

Такъ бѣдный столяръ — какъ говорится — заблудился между двумя соснами.

Въ темнотѣ, гдѣ-то надъ его головой, муха въ паутинѣ однообразно бесконечно ныла и жужжала, все тоньше и жалобнѣе. И ему иногда казалось, что это не муха, а сердце его ноетъ, бьется и замираетъ въ паутинѣ, изъ которой нѣтъ выхода.

Наконецъ стало свѣтать. Верзила не безъ тайнаго опасенія взглянулъ на свое тѣло и увидѣлъ съ радостью, что оно нисколько не измѣнилось за ночь. Онъ смотрѣлъ внимательно на жилистыя руки съ веснушками, на каждый палецъ, на каждый волосокъ, и убѣждался, что это руки, несомнѣнно, Верзилины, и ноги его и грудь. Онъ ощупалъ на щекѣ своей родинку, и родинка была Верзилина. Все это его нѣсколько ободрило.

«Можетъ-быть, — подумалъ онъ, — вмѣстѣ съ окаянною ночью разсѣялись и дьявольскія чары. Только бы мнѣ увидѣть знакомаго человѣка, который знаетъ меня въ лицо и скажетъ всѣмъ, что я — Манетто, а не Маттео. Тогда сейчасъ же все объяснится, и меня выпустятъ.»

Между тѣмъ должники проснулись и опять заговорили весело, продолжая называть Верзилу — Маттео, что, впрочемъ, было не удивительно, такъ какъ среди нихъ никто съ нимъ раньше не былъ знакомъ.

Онъ вышелъ на дворъ, сталъ къ небольшому окну, продѣланному въ тюремной двери, и началъ смотрѣть, ожидая съ нетерпѣніемъ, не пройдетъ ли мимо кто-нибудь изъ знакомыхъ. Къ зданію торговаго суда, соединеннаго въ тѣ времена съ долговою тюрьмою, подошелъ одинъ знатный флорентинскій юноша, по имени Джіованни ди Мессеръ Франческо Ручеллаи, который участвовалъ въ шуточномъ заговорѣ, составленномъ Филиппо сэръ ди-Брунеллеско. Джіованни, хорошій знакомый Верзилы, недавно заказалъ ему рѣзной балдахинъ изъ дерева для Пречистой Дѣвы Маріи. Еще напередъ заходилъ онъ въ мастерскую столяра, просилъ поскорѣе кончить работу, и Верзила обѣщаль, что дня черезъ четыре балдахинъ будетъ готовъ. Проходя къ торговому суду по узкому переулку, мимо долговой тюрьмы, Джіованни взглянулъ въ окошко и увидѣлъ столяра лицомъ къ лицу. Верзила тоже посмотрѣлъ и разсмѣялся: тогда Джіованни съ удивленіемъ, какъ будто прежде никогда его не видываль, произнесъ:

— Чего ты смѣешься, любезный?

— Такъ себѣ смѣюсь, ваша милость,—молвилъ добродушный Верзила, надѣясь, что Джіованни сейчасъ его узнаеть.—Скажите мнѣ, пожалуйста, не знаете ли вы нѣкоего столяра Верзилу: его мастерская на площади Санъ-Джіованни.

— О, да,—отвѣтилъ Джіованни,—я его знаю. Мы съ нимъ друзья, и я сейчасъ отсюда иду въ его боттегу, чтобы поговорить насчетъ одного заказа.

Когда Верзила услышалъ эти слова, увидѣлъ, что Джіованни смотритъ ему въ лицо и не думаетъ узнавать, то сердце у него такъ и екнуло, ибо онъ понялъ, что и при свѣтѣ дня злыя чары продолжаютъ дѣйствовать и отнюдь не разсѣиваются, какъ онъ сперва надѣялся. Мало было ему радости въ томъ, что самому себѣ казался онъ прежнимъ

Верзилю, если лучше друзья все-таки принимали его за другого.

— Не окажете ли вы мнѣ одной услуги, мессэръ?—продолжалъ Верзила вѣжливо, преодолевъ смущенье.—Вы вѣдь сейчасъ идете въ мастерскую Манетто: передайте же ему, что здѣсь, въ долговой тюрьмѣ, находится одинъ изъ старыхъ друзей его, что онъ проситъ Манетто забѣжать сюда на минутку, чтобы переговорить о важномъ дѣлѣ.

Джіованни еще разъ пристально посмотрѣлъ въ лицо Верзилѣ, едва удерживаясь отъ хохота.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу,—молвилъ онъ и пошелъ по своимъ дѣламъ.

А Верзила остался у тюремнаго окна и, едва не плача, говорилъ себѣ такъ:

— Конечно, теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія: я превратился въ Маттео. О, да будетъ проклятъ день рожденія моего! Ежели я открою то, что со мною произошло, люди назовутъ меня глупцомъ, уличные мальчишки будутъ указывать на меня пальцами. А если промолчу, то могутъ произойти еще тысячи недоразумѣній такихъ же, какъ вчера вечеромъ, когда меня задержали... И въ томъ и въ другомъ случаѣ будетъ мнѣ плохо... Посмотримъ, однако, придетъ ли сюда Верзила... Ежели придетъ, то я расскажу ему все, и увидимъ, что значитъ эта притча.

Онъ прождалъ у воротъ еще нѣкоторое время: но, убѣдившись, что надежда его тщетна, съ тяжелымъ вздохомъ отошелъ, уступилъ окно другому заключенному и сталъ въ уныніи бродить взадъ и впередъ по мощеному тюремному двору.

Въ числѣ несостоятельныхъ должниковъ въ тюрьмѣ находился одинъ старшій, почтенный челоувѣкъ, по имени Паоло ди-Санта-Кроче, бывшій судья, опытный легистъ, славившійся, глубокою ученостью по многимъ отраслямъ челоувѣческаго знанія, главнымъ же образомъ—по церковному и гражданскому праву. Паоло раньше не былъ знакомъ съ Верзилою, но, видя его мрачнымъ, постоянно вздыхающимъ, погруженнымъ въ раздумье, вообразилъ, что бѣдняга сокрушается о долгахъ, и пожелалъ нѣсколько утѣшить его:

— Ты такъ горюешь, Маттео,—молвилъ онъ,—какъ будто дѣло идетъ о твоей жизни, а между тѣмъ, судя по тому, что я слышалъ,—долгъ твой ничтожный. Въ несчастіяхъ никогда не слѣдуетъ терять присутствіе духа. Отчего ты не пошлешь за кѣмъ - нибудь изъ друзей своихъ или родственниковъ и не попробуешь заплатить кредитору, или, по крайней мѣрѣ, войти съ нимъ въ соглашеніе, чтобы тебя выпустили на волю, и чтобы тебѣ совсѣмъ не впасть въ отчаяніе?

Когда Верзила услышалъ, съ какой добротою утѣшаетъ его судья, то рѣшился открыть ему свое горе. Онъ отвелъ ученаго мужа въ сторону, въ дальній уголь двора, гдѣ никто не могъ ихъ слышать, и здѣсь, то и дѣло боязливо оглядываясь, обратился къ нему съ таинственнымъ видомъ.

— Хотя вы не знаете меня, досточтимый сеньоръ, я, однако, слышалъ о васъ и знаю, что вы—человѣкъ ученый и благородный. А потому я рѣшилъ открыть вамъ причину моей горести. Не думайте, пожалуйста, что меня сокрушаетъ забота о какомъ-нибудь пустячномъ долгѣ, о, нѣтъ! Тутъ, видите ли, дѣло иного рода...

И, обливаясь слезами, какъ ребенокъ, рассказалъ онъ ему сначала до конца все, что съ нимъ произошло со вчерашняго вечера, и заключилъ свою необыкновенную исповѣдь двумя просьбами: во-первыхъ, чтобы Паоло ни съ кѣмъ не говорилъ о его признаніи, во-вторыхъ, чтобы онъ далъ ему какой-либо добрый совѣтъ или оказалъ помощь.

— Я знаю,—прибавилъ Верзила,—что вы цѣлые годы изучали право въ Болонскомъ университетѣ и прочли множество книгъ, въ которыхъ рассказывается о всякихъ чудесахъ и приключеніяхъ. Скажите же мнѣ на милость, случалось ли вамъ читать во всѣхъ этихъ книгахъ о чемъ-либо подобномъ?

Бѣдный Верзила, ожидая отвѣта, смотрѣлъ на стараго законовѣда широко открытыми, недоумѣвающими глазами, полными слезъ и надеждъ. Паоло, услышавъ его признаніе и обдумавъ все про себя, пришелъ къ тому заключенію, что надо допустить одно изъ двухъ: или что онъ имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ, или что все это (какъ оно и было на самомъ

дѣлѣ) злая флорентинская шутка. И въ томъ и въ другомъ случаѣ судья считалъ благоразумнымъ не противорѣчить Верзилѣ, а потому немедленно отвѣтилъ, что неоднократно читалъ въ старыхъ книгахъ о подобныхъ превращеніяхъ одного человѣка въ другого, и что это случай обыкновенный.

— Собственными глазами,—прибавилъ онъ,—видѣлъ я однажды романьольскаго поселянина, съ которымъ приключилась точь-въ-точь такая же непріятная исторія, какъ съ тобою.

Верзила поблѣднѣлъ и не находилъ, что отвѣтить.

— Божественный Гомеръ,—продолжалъ ученый невозмутимо,—разсказываетъ о такомъ же превращеніи спутниковъ Улисса и многихъ другихъ, которыхъ очаровала колдунья Цирцея. По знаменитой поэмѣ латинскаго поэта Овидія Назона о «Метаморфозахъ» видно, съ какою необычайною легкостью люди превращаются не только въ звѣрей и въ растенія, но и въ неодушевленные предметы, какъ, на примѣръ,—въ скалы, планеты, рѣки и тому подобное.

Верзила слушалъ, выпучивъ глаза, открывъ ротъ, затавивъ дыханіе, и можно было подумать, что съ нимъ начинается Овидіева метаморфоза, и онъ сейчасъ превратится въ дерево или статую.

— Впрочемъ, ты не предавайся безмѣрному отчаянію,—успокаивалъ Паоло бѣднягу,—судя по тому, что я слышалъ и читалъ, если только память мнѣ не измѣняетъ, случается иногда, что потерпѣвшій метаморфозу возвращается въ прежній образъ. Но, конечно, довольно рѣдко, и тѣмъ меньше надежды, чѣмъ дольше пребываетъ онъ въ своей новой оболочкѣ.

— Скажите, пожалуйста, — полюбопытствовалъ Верзила,—ежели я превратился въ Маттео, то что же случилось съ нимъ, со старымъ Маттео?

— Несомнѣнно,—отвѣтилъ ученый,—Маттео превратился въ Верзилу.

— Ну, хорошо,—молвилъ столяръ,—мнѣ, однако, было бы интересно увидѣть, каковъ-то этотъ новый Верзила.

Среди такихъ разговоровъ наступило послѣобѣденное время. Двое братьевъ Маттео пришли въ долговую тюрьму и

спросили нотаріуса-казначея, не находится ли въ заключеніи ихъ братъ, по имени Маттео, и какъ великъ долгъ, за которой его задержали, ибо они, молъ, его братья и желаютъ заплатить, чтобы Маттео выпустили на свободу. Нотаріусъ, участвовавшій въ заговорѣ, такъ какъ онъ былъ закадычнымъ другомъ Томмазо де-Пекори, отвѣтилъ, что, дѣйствительно, Маттео находится въ тюрьмѣ, сдѣлалъ видъ, что перелистываетъ тюремныя книги, и сказалъ:

— Онъ посаженъ въ долговую тюрьму за такую-то и такую-то сумму, по требованію такого-то и такого-то кредитора.

Все это Верзила слышалъ и видѣлъ со двора.

— Мы желали бы,—сказали братья,—поговорить съ Маттео, а потомъ доставить деньги.

И, подойдя къ тюрьмѣ, попросили одного изъ заключенныхъ, который смотрѣлъ въ окошко:

— Будь добръ, скажи Маттео, что пришли братья, чтобы освободить его изъ тюрьмы. Мы желали бы съ нимъ переговорить.

И, взглянувъ въ окошко, они узнали судью Паоло ди-Санта-Кроче, который бесѣдовалъ съ Верзилою. Услышавъ, что его спрашиваютъ братья, онъ спросилъ законовѣда, что случилось съ его романьольскимъ поселяниномъ, и когда Паоло сказалъ, что превращенный уже никогда не возвращался къ своему первоначальному виду, то Верзила еще болѣе опечалился, подошелъ къ рѣшеткѣ и поздоровался съ гостями.

Старшій изъ братьевъ молвилъ такъ:

— Ты помнишь, Маттео, какъ часто мы совѣтовали тебѣ бросить дурную жизнь, которая несомнѣнно приведетъ и тѣло и душу твою къ гибели. Бывало, то и дѣло, предостерегали мы тебя: «ой, смотри, Маттео, что ни день, навязываешь ты себѣ на шею все новые и новые долги, сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ, никому не платишь, и вслѣдствіе безумныхъ тратъ, до коихъ доводитъ тебя игра и другіе скверные пороки, у тебя нѣтъ въ карманѣ ни одного сольда». Видишь, любезный, то, что мы предсказывали, исполнилось. Кредиторы упрятали тебя въ долговую тюрьму... Легко ли

это намъ, братьямъ... А? Какое пятно для честнаго нашего имени... Слушай, вотъ мы говоримъ въ послѣдній разъ, Маттео, и ты хорошенько заруби себѣ это на носу: на гадкія прихоти ты уже расточилъ цѣлое сокровище, а потому, если бы не заботы о нашемъ добромъ имени и о твоей бѣдной матери, которая молить за тебя и не даетъ намъ покоя, мы оставили бы тебя здѣсь покорпѣть, чтобы ты нѣсколько пришелъ въ себя и опомнился. Но ужъ такъ и быть еще на этотъ разъ мы тебя освободимъ и уплатимъ долгъ: но смотри, ежели ты опять сюда попадешь, то придется тебѣ посидѣть здѣсь дольше, чѣмъ хочется. Пока объ этомъ довольно. Мы идемъ за тобой сегодня вечеромъ къ Ave Maria, въ сумерки, когда на улицахъ мало народу, для того, чтобы какіе-нибудь знакомые не увидѣли насъ въ тюрьмѣ, и чтобы не было лишнихъ свидѣтелей нашего стыда, и намъ не пришлось еще болѣе краснѣть за тебя.

Верзила сдѣлалъ видъ раскаявшагося грѣшника, отвѣтилъ имъ благоразумными словами и торжественно обѣщаль исправиться, измѣнить жизнь и отказаться отъ гадкихъ расточительныхъ привычекъ, чтобы болѣе не причинять такого стыда ихъ честному дому. Онъ умолялъ ихъ, ради Христа, не покидать его въ долговой тюрьмѣ и притти въ условленный часъ. Они повторили обѣщаніе и удалились, а Верзила отошелъ въ сторону и молвилъ такъ законовѣду:

— Все болѣе удивительныя вещи происходятъ со мною, мессэръ Паоло: только что были здѣсь двое братьевъ того самаго Маттео, за котораго меня всѣ принимаютъ, говорили со мною, какъ съ Маттео, и прочли мнѣ цѣлое нравоученіе, пообѣщавъ сегодня въ сумерки, къ Ave Maria, притти сюда и освободить меня. Но вотъ вопросъ,—прибавилъ онъ въ горькомъ недоумѣніи,—если меня отсюда выпустятъ, куда же я дѣнусь? Въ мой домъ я уже не могу вернуться, ибо тамъ живетъ Верзила, и начни я только съ нимъ объясняться,—меня непременно сочтутъ за помѣшаннаго и подымутъ на смѣхъ, ибо я вѣдь знаю, какой бѣдовый народъ флорентинцы. Съ ними надо держать ухо востро. А съ другой стороны, мнѣ теперь кажется несомнѣннымъ, что Верзила живетъ въ моемъ

домъ, у Санта Репарата, ибо если бы его тамъ не было, то, конечно, моя матушка, стала бы меня всюду искать, и только потому, что видитъ Верзилу, не замѣчаетъ она своей горестной ошибки.

Паоло съ трудомъ удержался отъ смѣха, и эта великолѣпная, истинно флорентинская шутка, въ которой онъ узнавалъ руку большого мастера, какимъ и былъ на самомъ дѣлѣ строитель Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско, доставила ему не малую утѣху.

— Не ходи въ свой домъ,—посовѣтовалъ онъ Верзилѣ,—а ступай за тѣми, которые считаютъ себя твоими братьями. Слушайся ихъ и дѣлай, что они тебѣ скажутъ. Ужъ если, братъ, на то пошло, то теперь главное—окончательно и, такъ сказать, чисто-начисто превратиться въ Маттео, чтобы въ тебѣ отъ Верзилы и духу не осталось.

Верзила покорно, но тяжело вздохнулъ: ему было жаль себя; какъ-никакъ, а онъ все-таки любилъ Верзилу: ему казалось, что этотъ новый столяръ Манетто ни за что не окончитъ, какъ слѣдуетъ, начатаго херувима въ рамѣ изъ чернаго дерева и, пожалуй, перепортитъ всю работу. Онъ готовъ былъ плакать отъ грустной нѣжности къ старому Верзилѣ.

Наступилъ вечеръ, пришли братья Маттео и сдѣлали видъ, что удовлетворяютъ кредитора, уплачиваютъ тюремной кассѣ и получаютъ расписку. Тогда нотаріусъ всталъ, взялъ связку ключей, подошелъ къ двери и спросилъ въ окно:

— Кто изъ васъ Маттео?

Верзила выступилъ впередъ и произнесъ:

— Съ вашего позволенія, мессэръ, я самый и есть Маттео...

Нотаріусъ посмотрѣлъ на него пристально и сказалъ:

— Вотъ эти твои братья уплатили долгъ: ты свободенъ, Маттео.

И онъ открылъ ворота тюрьмы, выпустилъ Верзилу и молвилъ:

— Ступай съ Богомъ!

Такъ какъ было уже темно, то мнимые братья поскорѣе повели его въ свой домъ у Санто-Феличита, въ переулкѣ,

какъ разъ тамъ, гдѣ подъемъ въ Санъ-Джіоржіо. Они вошли съ нимъ въ комнату нижняго этажа, вровень съ землею и сказали:

— Посиди-ка здѣсь до ужина, Маттео.

И притворились, что дѣлаютъ такъ, не желая пускать сына на глаза больной матери, чтобы не разстраивать ее на ночь.

Одинъ изъ братьевъ остался посидѣть съ Верзилою, а другой тѣмъ временемъ пошелъ къ приходскому священнику Санта-Феличита, ихъ духовному отцу, который былъ немного простоватъ, но человѣкъ прекрасный. И братъ сказалъ ему такъ:

— Я прихожу къ вашей милости съ полнымъ довѣріемъ, какъ это водится между добрыми сосѣдями. Надо вамъ сказать, что насъ у матери трое братьевъ, изъ которыхъ одного зовутъ Маттео. За нѣкоторые неуплаченные долги посадили этого самага Маттео въ тюрьму, и заключеніе, должно-быть, такъ сильно подѣйствовало на него, что мы боимся, не сошелъ ли онъ съ ума. Впрочемъ, у него только одно больное мѣсто, а во всемъ остальномъ онъ еще прежній Маттео: онъ, видите ли, вообразилъ, что превратился въ другого человѣка, и ни за что не хочетъ отказаться отъ этой нелѣпой мысли. Слыхали ли вы когда-нибудь о такой странной выдумкѣ? Маттео утверждаетъ, что онъ болѣе не Маттео, а столяръ Верзила, у котораго боттега на площади съ церковью Санъ-Джіованни, а домъ недалеко отъ Санта-Марія-дель-Фіоре. И въ этомъ мы не могли его разубѣдить никакими доводами, а потому поспѣшили взять изъ тюрьмы, привели домой, посадили въ отдѣльную комнату, чтобы по городу не начали говорить о сумасшествіи, тѣмъ болѣе, что онъ еще, можетъ-быть, и придетъ въ себя: ибо вы вѣдь знаете, кто разъ по этой дорожкѣ прошелся, на того потомъ всегда смотрятъ какъ-то косо, если даже къ нему и вернется разсудокъ. Кромѣ того, мы не хотѣли бы, чтобы наша мать узнала о его помѣшательствѣ: изъ этого могутъ выйти неприятели. Женщины такъ легко пугаются, она же старая и больная. А пото-

му и рѣшили мы просить вашу милость—изъ состраданія къ намъ, зайти въ нашъ домъ, чтобы поговорить съ братомъ и попробовать, нельзя ли какъ-нибудь разубѣдить его въ этой нелѣпой мысли. За услугу были бы мы вамъ по гробъ благодарны.

Священникъ, какъ человѣкъ добрый, охотно согласился, отвѣтилъ, что поговоривъ съ Маттео, сейчасъ увидить, въ чемъ тутъ дѣло, и представить ему такіе ясные доводы, что съ Божіей помощью надѣется вытащить этотъ гвоздь, какъ бы крѣпко онъ ни засѣлъ въ его головѣ. Тогда братъ Маттео привелъ его къ себѣ въ домъ и вошелъ съ нимъ въ ту комнату, гдѣ находился Верзила. Когда Верзила, погруженный въ свои мрачныя мысли, увидѣлъ входящихъ, то сейчасъ же всталъ, а священникъ молвилъ;

— Доброй ночи, Маттео!

— И вамъ также доброй ночи,—отвѣтилъ Верзила.— Что скажете, отецъ?

— Я пришелъ, любезный Маттео, чтобы кое о чемъ поговорить съ тобой.

Священникъ сѣлъ и сказалъ Верзилѣ:

— Сядь-ка вотъ здѣсь, рядомъ со мною, и я тебѣ скажу, какая у меня къ тебѣ надобность.

Верзила, чтобы не противорѣчить, усѣлся рядомъ, и священникъ началъ такъ свое увѣщаніе.

— Причина, по которой я сюда пришелъ, Маттео, есть одно дѣло, весьма меня огорчающее. Судя по тому, что я слышалъ,—намедни тебя посадили въ тюрьму за долги, и, говорятъ, ты такъ принялъ это къ сердцу, что легко можешь лишиться разсудка. Между прочими глупостями, которыя ты дѣлалъ или дѣлаешь, ты утверждаешь, что ты уже болѣе не Маттео, а другой человѣкъ, нѣкій столярныхъ дѣлъ мастеръ, по прозвищу Верзила. Не похвально, сынъ мой, весьма не похвально, что изъ-за ничтожной непріятности допустилъ ты въ сердце свое такое безмѣрное отчаяніе, которое сдѣлаетъ тебя, вслѣдствіе твоего упрямства и неразумія, жалкимъ посмѣшищемъ людей. И все изъ-за какихъ-то

шести дукатовъ... Ну, стоитъ ли, почтенный, такъ сокрушаться? Тѣмъ болѣе, что они уже уплачены!

Священникъ ласково пожалъ ему руку и продолжалъ такъ:

— Любезный Маттео, злого я тебѣ не посоветую: оставь-ка ты эту прихоть, говорю тебѣ, какъ родному сыну: общай мнѣ, что отнынѣ ты уже не станешь возвращаться къ своимъ глупостямъ и опять примешься за обычныя дѣла, какъ подобаетъ человѣку здравомыслящему, и какъ поступаютъ прочіе люди, чѣмъ ты доставишь великое утѣшеніе братьямъ своимъ, мнѣ и каждому, кто только желаетъ вамъ добраго. Развѣ этотъ Верзила такой удивительный мастеръ, что ли, или такой богачъ, что ты лучше хочешь быть имъ, чѣмъ собою? Ну, какая тебѣ въ этомъ корысть? Допустивъ даже, что онъ—человѣкъ достойный и богаче твоего,—а вѣдь это не такъ, судя по тому, что я слышалъ отъ твоихъ братьевъ,—утверждая, что ты въ него превратился, ты тѣмъ самымъ не приобретаешь ни его достоинствъ, ни его денегъ. А между тѣмъ, если въ городѣ узнаютъ, что ты сошелъ съ ума, то уже, конечно, ты—человѣкъ погибшій: хотя бы потомъ и выздоровѣлъ, и сдѣлался мудрѣе царя Соломона, все-таки люди будутъ говорить, что ты помѣшанный. Короче сказать, опомнись, будь человѣкомъ, а не скотомъ, и брось всѣ эти пустяки свои,—убѣдительно прошу тебя объ этомъ. Какой тамъ Верзила или не Верзила? Послушайся меня, тебѣ же будетъ лучше!

И старикъ смотрѣлъ ему въ глаза съ отеческою доброю. Когда Верзила услышалъ совѣтъ, хорошенько взвѣсилъ въ умѣ своемъ и обдумалъ каждое слово священника, то уже болѣе не сомнѣвался, что онъ—Маттео, и, не размышляя, отвѣтилъ, что готовъ сдѣлать все, чтобы быть пріятнымъ священнику, который, какъ это онъ ясно видитъ, заботится о его благѣ. Онъ обѣщаль употребить всѣ силы, чтобы болѣе не допускать въ свой умъ мысли, что онъ—не онъ, т.-е. не Маттео, и чтобы окончательно выбить Верзилу такъ, какъ будто его никогда не существовало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просить, какъ о единственной милости, если это возможно,

въ послѣдній разъ поговорить съ Верзилою, чтобы ужъ совсѣмъ убѣдиться.

— Это принесло бы тебѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы,—возразилъ священникъ.—Я вижу, что эта нелѣпая мысль все еще не вышла изъ твоей головы. Ну, посуди самъ, для чего тебѣ говорить съ Верзилою? Какія такія у тебя съ нимъ могутъ быть дѣла? Чѣмъ больше ты будешь говорить, чѣмъ больше будетъ свидѣтелей твоего безумія, тѣмъ болѣе позоръ ты навлечешь на своихъ братьевъ.

Такъ убѣждалъ онъ Верзилу, пока, наконецъ, тотъ не согласился и не отказался отъ своего желанія переговорить въ послѣдній разъ съ Верзилою. Тогда священникъ вышелъ и рассказалъ братьямъ, какъ онъ убѣдилъ Маттео, и какъ тотъ обѣщалъ ему не настаивать болѣе на своей нелѣпой мысли. Затѣмъ онъ попрощался съ нимъ и пошелъ домой. Одинъ изъ братьевъ, пожимая ему руку, вложилъ въ нее серебряный гроссо для того, чтобы сдѣлать все это еще болѣе вѣроятнымъ. Тѣмъ временемъ, пока священникъ убѣждалъ Верзилу, въ домъ потихоньку вошелъ Филиппо ди-сэр-Брунеллеско, и въ отдаленной комнатѣ, среди безконечнаго смѣха и веселья братья рассказали ему, какъ привели Верзилу изъ тюрьмы, что говорили ему по дорогѣ, и все прочее. Филиппо налилъ большой кубокъ вина, подсыпалъ въ него снотворнаго порошка и сказалъ одному изъ братьевъ:

— Надо, чтобы Верзила во время ужина выпилъ это вино—напитокъ безвредный, отъ котораго онъ уснетъ такъ крѣпко, что не почувствуетъ въ теченіе двухъ часовъ, если бы его стали сѣчь розгами. Часамъ къ пяти я снова навѣдаюсь, и мы тогда устроимъ все.

Братья вернулись въ комнату Верзилы и сѣли за ужинъ когда уже прошелъ третій часъ по закатѣ солнца. Во время ужина поднесли они ему усыпительнаго напитка такъ ловко, что онъ не замѣтилъ, какъ проглотилъ его. Скоро лѣкарство начало дѣйствовать, и Верзила съ большимъ трудомъ держалъ глаза открытыми,—такъ хотѣлось ему спать. Тогда братья сказали ему:

— Маттео, ты, кажется, падаешь отъ усталости. Должно-быть, эту ночь ты плохо спалъ?

Они угадали вѣрно.

— Признаюсь,—молвилъ Верзила,—мнѣ никогда во всю мою жизнь не хотѣлось такъ спать. Кажется, какъ будто я цѣлыхъ два мѣсяца не спалъ. Лягу-ка я въ постель....

Онъ началъ раздѣваться, но, едва имѣлъ силу снять обувь и броситься въ постель, какъ тотчасъ же захрапѣлъ. Въ условленный часъ вернулся Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско съ шестью товарищами и вошелъ въ комнату, гдѣ спалъ Верзила. Они потихоньку взяли его, положили на носилки вмѣстѣ со всѣми одеждами и отнесли въ домъ его, который стоялъ совершенно пустымъ, такъ какъ мать еще не возвращалась изъ имѣнія. Здѣсь уложили его въ кровать, рядомъ бросили платье на то мѣсто, на которое онъ обыкновенно его клалъ, но самого Верзилу повернули головой туда, гдѣ должны были находиться его ноги. Потомъ взяли ключи отъ боттеги, которые висѣли на крючкѣ въ спальнѣ, отперли лавку, вошли въ нее, перемѣшали, перепутали всѣ его столярные инструменты, повынимали изъ плотничьихъ струговъ всѣ желѣзные языки, вложили ихъ, повернувъ острыми концами вверхъ, а толстыми внизъ. То же самое продѣлали они со всѣми молотками и топорами, и во всей мастерской произвели такой беспорядокъ, такую путаницу, какъ будто здѣсь перебивало сто тысячъ дьяволовъ. Потомъ опять заперли лавку, отнесли ключи на прежнее мѣсто въ спальню, заперли и тамъ двери, вернулись домой и легли спать. Верзила, одурманенный снотворнымъ зельемъ, проспалъ всю ночь, ни разу не просыпаясь. На слѣдующее утро къ часу Ave Maria въ соборѣ Санта-Марія-дель-Фіоре кончилось дѣйствіе усыпляющаго напитка: онъ проснулся, открылъ глаза и при свѣтѣ солнца, проникавшаго въ окна, узналъ собственную спальню, мало-по-малу сталъ припоминать все, что съ нимъ приключилось, и когда понялъ, что онъ опять въ своемъ домѣ, на своей постели, то великое изумленіе и радость овладѣли имъ. Припомнилъ онъ также священника и домъ Маттео, гдѣ онъ вчера уснулъ, и вдругъ на него напало силь-

ное сомнѣніе, тогда ли ему это снилось, или теперь. Правдою казалось ему то одно, то другое; сонъ сливался съ дѣйствительностью, проникалъ въ нее, смѣшивался, и невозможно было провести границы между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что снилось.

За ночь прошла гроза. Воздухъ освѣжился. Голубое небо виднѣлось въ окнахъ, такое нѣжное и радостное, что Верзила, несмотря на всѣ свои сомнѣнія, почувствовалъ веселіе. Онъ соскочилъ съ постели, одѣлся, взялъ ключи боттеги, побѣжалъ туда, отперъ и увидѣлъ мастерскую въ безпорядкѣ, всѣ желѣзные инструменты перевернутыми и перепутанными, чему весьма удивился. Мало-по-малу привелъ онъ все въ порядокъ, поправилъ и положилъ на обычное мѣсто. Въ это время въ боттегу вошли двое братьевъ Маттео, и одинъ изъ нихъ сказалъ Верзилѣ такъ, какъ будто раньше никогда его не видѣлъ:

— Добраго утра, маэстро.

Верзила обернулся, узналъ ихъ, покраснѣлъ, но тотчасъ же отвѣтилъ:

— Добраго утра и добраго года. Съ чѣмъ приходите, господа?

Тогда одинъ изъ братьевъ молвилъ:

— Я сейчасъ объясню тебѣ все. Есть у насъ братъ, по имени Маттео, намедни его посадили въ долговую тюрьму, и отъ горя онъ едва не сошелъ съ ума. Между прочимъ, утверждаетъ, что онъ уже болѣе не Маттео, а хозяинъ этой мастерской, котораго зовутъ Верзилою. Мы его всячески уговаривали образумиться и вчера вечеромъ привели къ нему приходскаго священника, которому Маттео обѣщалъ отказаться отъ своей нелѣпой выдумки, такъ что, чувствуя себя недурно и поужинавъ, онъ при насъ легъ спать. Но сегодня утромъ онъ незамѣтно убѣжалъ, никто не знаетъ куда. Вотъ почему мы и пришли въ эту лавку, чтобы провѣдать, не заходилъ ли онъ сюда, или, по крайней мѣрѣ, не можетъ ли Верзила что-нибудь сообщить намъ о немъ.

При этихъ словахъ у бѣднаго Верзилы въ глазахъ потемнѣло, холодный потъ выступилъ на тѣлѣ:

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите,—возразилъ онъ, дрожащимъ голосомъ,—и чего вамъ отъ меня нужно. Никакого Маттео здѣсь не было, и ежели онъ, въ самомъ дѣлѣ, выдаетъ себя за меня, то съ его стороны это большая наглость. Клянусь спасеніемъ души моей, если только когда-нибудь я съ нимъ повстрѣчаюсь, то спинѣ его придется испробовать Верзилиныхъ кулаковъ, и тогда мы увидимъ достовѣрно, я ли—онъ, или онъ—я. Что это еще за чертовщина происходитъ въ послѣдніе дни, отъ которой нельзя никуда дѣваться.

Съ этими словами онъ схватилъ плащъ, яростно захлопнулъ двери боттеги, повернулъ спину двумъ братьямъ, корчившимся отъ безмолвнаго хохота, и большими шагами, все время грозя и ворча себѣ подъ носъ, направился въ соборъ Санта-Марія-дель-Фіоре.

Здѣсь онъ началъ ходить взадъ и впередъ, какъ разъяренный левъ,—такъ былъ озлобленъ всѣмъ, что съ нимъ происходило. Туда же въ соборъ зашелъ случайно товарищъ его, который вмѣстѣ съ Манетто учился столярному и токарному ремеслу у знаменитаго маэстро Пеллегрини въ Терма. Этотъ молодой человѣкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уѣхавъ изъ Флоренціи, переселился въ Венгрію и здѣсь сталъ получать много заказовъ, благодаря покровительству другого флорентинца—Филиппо Сколари, который въ то время былъ главнымъ военачальникомъ въ арміи Сигизмунда, сына чешскаго короля Карла. Этотъ Филиппо Сколари благосклонно принималъ всѣхъ пріѣзжихъ флорентинцевъ, которые отличались знаніями или искусствомъ, и оказывалъ имъ всяческую помощь, такъ какъ былъ человѣкомъ великодушнымъ, любилъ земляковъ своихъ и заслуживалъ ихъ любовь, оказывая имъ многія благодѣянія.

Въ то время пріѣхавъ во Флоренцію столяръ, товарищъ Верзили, поселившійся въ Венгріи, рассчитывая найти и взять съ собой какого-нибудь флорентинскаго мастера, который помогаль бы ему въ работѣ, такъ какъ онъ имѣлъ столько заказовъ въ Венгріи, что уже не могъ одинъ справиться. Неоднократно приглашалъ онъ Верзилу, объясняя ему, какъ легко имъ было бы за нѣсколько лѣтъ разбогатѣть въ этой странѣ.

Увидѣвъ его въ соборѣ, Верзила сказалъ:

— Ты уже много разъ приглашалъ меня поѣхать въ Венгрію, но я отказывался. Теперь, вслѣдствіе одного страннаго приключенія и нѣкоторыхъ несогласій съ моею матерью, я окончательно рѣшилъ принять твое предложеніе, если, впрочемъ, ты еще попрежнему желаешь меня взять съ собою. Миѣ хотѣлось бы уѣхать завтра же утромъ, ибо въ случаѣ замедленія что-нибудь снова могло бы миѣ помѣшать.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ, что онъ весьма радъ, но завтра утромъ не можетъ выѣхать, такъ какъ у него есть еще нѣкоторыя дѣла во Флоренціи, но ничто не мѣшаетъ Верзилѣ завтра же отправиться въ Болонью и подождать его тамъ, куда и онъ подоспѣетъ черезъ нѣсколько дней. Верзила согласился, и они ударили по рукамъ. Маннето вернулся въ боттегу, взялъ свои инструменты, нѣкоторыя мелочи, которыя удобно было увезти съ собою, пошелъ въ предмѣстье «борго» Санъ-Лоренцо, нанялъ лошадь и на слѣдующее утро направился въ Болонью, оставивъ письмо своей матери, въ которомъ заключалось, что она можетъ взять себѣ въ подарокъ все, что есть въ его мастерской, и продать, чтобы выручить деньги, и что онъ, побуждаемый большою неминуемой опасностью, грозящею ему въ родномъ городѣ, на нѣкоторое время уѣзжаетъ въ Венгрію.

Такъ Верзила уѣхалъ изъ Флоренціи, дождалъ въ Болоньѣ своего товарища и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Венгрію, гдѣ ихъ дѣла такъ хорошо устроились, что черезъ три, четыре года, благодаря покровительству названнаго Филиппо Сколари, они разбогатѣли.

Впослѣдствіи, Верзила, женившись на красивой венгеркѣ, достигнувъ славы и преуспѣянія, вполне довольный своею судьбою, вернулся во Флоренцію, которую онъ все-таки любилъ съ нѣжностью, какъ родную мать, и считалъ прекраснѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и зажилъ здѣсь припѣваячи. Онъ навсегда излѣчился отъ припадковъ черной меланхоліи, и однажды, въ бесѣдѣ съ Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско, когда тотъ спрашивалъ его, по какой причинѣ онъ переселился въ Венгрію, Верзила откровенно и подробно рассказалъ ему о своемъ чудесномъ превращеніи.

Микель-Анжело.

Тебѣ навѣки сердце благодарно,
Съ тѣхъ поръ, какъ я, раздуміемъ томимъ.
Бродилъ у волнъ мутно-зеленыхъ Арно,
По галлереемъ сумрачнымъ твоимъ,
Флоренція! И статуи нѣмыя
За мной слѣдили; подходилъ я къ нимъ
Благоговѣйно. Стѣны вѣковыя
Твоихъ дворцовъ объаты были сномъ,
А мраморные люди, какъ живые,
Стояли въ нишахъ каменныхъ кругомъ:
Здѣсь былъ Челлини, полный жаждой славы,
Боккачіо съ привѣтливымъ лицомъ,
Макиавелли, другъ царей лукавый,
И нѣжная Петрарки голова,
И выходецъ изъ Ада величавый,
И тотъ, кого прославила молва,
Не разгадавъ, — да-Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древняго волхва
Похожій и во всемъ необычайный.
Какъ счастливъ былъ, храня смущенный видъ
Я — гость межъ ними робкій и случайный,
И, попирая пыль священныхъ плитъ,
Какъ юноша, исполненный тревоги,
На мудраго наставника глядитъ, —
Такъ я глядѣлъ на нихъ: и были строги
Ихъ лица блѣдныя, и предо мной
Великіе, безстрастные, какъ боги,

Они сіяли вѣчной красотой.
Но больше всѣхъ межъ древними мужами
Я возлюбилъ того, кто головой
Поникъ на грудь, подавленный мечтами,
И опытный въ добрѣ, какъ и во злѣ,
Взиралъ на міръ усталыми очами;
Напечатлѣла дума на челѣ
Такую скорбь и отвращенье къ жизни,
Какихъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ на землѣ
Я никогда и къ собственной отчизнѣ,
Презрѣнье было горькое въ устахъ,
Подобное печальной укоризнѣ.
И я замѣтилъ въ жилистыхъ рукахъ,
Въ уродливыхъ морщинахъ, въ поворотѣ
Широкихъ плечъ, въ нахмуренныхъ бровяхъ
Твое упорство вѣчное въ работѣ,
Твой гнѣвъ, создатель Страшнаго Суда,
Твой беспощадный духъ, Буонаротти.
И скукою безцѣльнаго труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушалъ покоя никогда.
Усилюмъ тяжкимъ воли напряженной
За міромъ міръ ты создавалъ, какъ Богъ,
Мучительными снами удрученный,
Нетерпѣливъ, угрюмъ и одинокъ.
Но въ исполинскихъ глыбахъ изваяній,
Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ
Осуществить чудовищныхъ мечтаній,
И, красоту безмѣрную любя,
Порой не успѣвалъ кончать созданій.
Упорный камень молотомъ дробя,
Испытывалъ лишь ярость, утоленья
Не зналъ вовѣкъ, — и были у тебя
Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
Являютъ намъ могучія творенья
Страданій человѣческихъ предѣлъ.

Одной судьбы ты понялъ неизбежность
Для злыхъ и добрыхъ: плодъ великихъ дѣлъ —
Ты чувствовалъ покой и безнадежность.
И проклиая, падая къ ногамъ Христа,
Земной любви обманчивую нѣжность,
Искусство проклиая, но, пока уста
Безъ вѣры Бога въ мукахъ призывали,
Душа была угрюма и пуста.
И Богъ не утолилъ твоей печали,
И отъ людей спасенья ты не ждалъ:
Уста навѣкъ съ презрѣньемъ замолчали.
Ты больше не молился, не ропталъ,
Ожесточень въ страданьи одинокомъ,
Ты, ни во что не вѣря, погибалъ.
И вотъ стоишь, непобѣжденный рокомъ,
Ты предо мной, склоняя гордый ликъ,
Въ отчаяньи спокойномъ и глубокомъ,
Какъ демонъ — безобразень и великъ.

I.

Весною тысяча пятьсотъ шестого года въ Римѣ половина площади передъ древнею, еще не перестроенною, базиликою св Петра была завалена громадными глыбами каррарскаго мрамора: онѣ искрились на солнцѣ, какъ бѣлыя груды только что выпавшаго снѣга съ голубыми тѣнями. Каждый день моремъ до Остіи, потомъ по Тибру къ выгрузной пристани Рима приходили все новыя и новыя барки съ мраморомъ. Сваленныя глыбы громоздились до церкви Санта Катарина и между церковью и тѣмъ узкимъ коридоромъ, который ведетъ изъ дворцовъ Ватикана въ крѣпость св. Ангела. Съ утра до вечера скрипѣли колеса тяжелыхъ повозокъ, запряженныхъ быками и буйволами, раздавались крики погонщиковъ, стучали молотки каменщиковъ.

Римляне, которые съ древности славятся жадностью къ зрѣлищамъ, толпами собирались въ Борго, чтобы любоваться на эти величественныя приготовленія. По городу ходили разные слухи, но достовѣрно было одно: новый папа Юлій II заказалъ флорентинскому ваятелю и зодчему Микель-Анжело Буонаротти гигантскую гробницу, какой не удостоивались ни императоры, ни великіе полководцы древности. На высотѣ трехъяруснаго мавзолея, окруженнаго каріатидами, аллегоріями всѣхъ искусствъ и наукъ, мраморными колоссами и титанами, среди которыхъ долженъ былъ возсѣдать, подобный чудовищному двуроугому демону, длиннобородый гигантъ, разгнѣванный, готовый разбить скрижали, Моисей, — вознесутся два изваянія, исполнская Кибелла, богиня Земли, плачущая о смерти папы, и

ликующая о его переселеніи въ лучшій міръ, Уранія — владычица Неба: онѣ будутъ поддерживать гробъ Юлія. Благочестивые люди находили кощунственнымъ подобный замысель — двѣ языческія богини, несущія на рукахъ своихъ саркофагъ намѣстника Христова, служителя того Бога, который пожелалъ родиться, какъ нищій, на соломѣ, въ пріютѣ пастуховъ, чтобы проповѣдать людямъ любовь къ бѣдности. Для новой гробницы старая базилика Петра, древняя святыня христіанскаго міра, оказывалась малой и тѣсной: Юлій, желая построить новую, болѣе просторную и пышную, не задумался разрушить тысячелѣтнія стѣны храма, основаннаго во времена Константина Равноапостольнаго. Онѣ поручилъ это дѣло своему любимцу, человѣку на все готовому, расторопному и угодливому — Браманте изъ Урбино, бывшему придворному архитектору герцога Людовико Моро.

Когда однажды старый поселянинъ изъ Кампаніи, нѣсколько лѣтъ не бывавшій въ Римѣ, зашелъ въ церковь св. Петра помолиться и увидѣлъ, какъ низвергнута и опозорена древняя святыня, — онѣ не могъ удержаться отъ слезъ. Пыль столбами подымалась между деревянными лѣсами. На груды извести, мусора и щебня навалены были обломки порфировыхъ колоннъ; гробницы древнихъ святителей церкви Христовой были разрыты, и прахъ костей ихъ развѣянъ по вѣтру; мозаики, надъ которыми работали поколѣнія искусныхъ мастеровъ, были разбиваемы молотками поденщиковъ, и жалко было смотрѣть, какъ ихъ нѣжная, драгоценная чешуя осыпается подъ ударами каменщиковъ. Браманте ничего не жалѣлъ, ни передъ чѣмъ не останавливался. Новые люди закладывали основаніе новаго храма.

Угождая своеволю папы, архитекторъ заставлялъ рабочихъ готовить известъ и кирпичи, обмазывать цементомъ куски травертина ночью при свѣтѣ факеловъ, чтобы днемъ, на глазахъ Юлія, какъ бы волшебствомъ вырастали изъ-подъ земли новыя стѣны: чудотворный строитель мало заботился о прочности, только бы обмануть нетерпѣніе своего повелителя.

Папа торопилъ ваятеля не меньше, чѣмъ зодчаго. Римляне указывали другъ другу на подъемный мостъ за церковью Санта Катарина, соединявшій коридоръ Ватикана съ домомъ и мастерскою Микель-Анжело: Юлій во всякое время дня и ночи, никѣмъ не замѣченный, могъ приходить къ художнику, бесѣдовать съ нимъ наединѣ и слѣдить за его работой. Прелаты и кардиналы завидовали пришельцу, флорентинскому «выскачкѣ», каменотесу, которому первосвященникъ оказывалъ такія милости.

Надолго ли? У Микель-Анжело опасные враги: хитрый Браманте нашептываетъ папѣ злыя рѣчи и старается охладить его къ мавзолею. Ему удалось оттѣснить отъ постройки собора Джуліано ди-Санъ Галло, призвавшаго Буонаротти къ римскому двору; теперь очередь за Микель-Анжело.

II.

Однажды, въ началѣ апрѣля, въ тихое солнечное утро, изъ тѣхъ, какія бываютъ въ Римѣ, когда въ городѣ пахнетъ свѣжестью окрестныхъ полей и къ небу возносится, какъ пѣніе, звонъ колоколовъ, двое каменщиковъ вели бесѣду, сидя за работой среди бѣлыхъ обломковъ мрамора. Одинъ былъ старый генуэзецъ, по имени Грилло, изъ небольшого мѣстечка Лаванья, къ сѣверу отъ Каррары, гдѣ Микель-Анжело нанялъ лодочниковъ и гребцовъ, чтобы перевозить камень въ Римъ, другой — юноша, по имени Чьопполи, каменотесъ изъ флорентинскаго предмѣстья Сеттиньяно.

— Что, какъ вино у монны Пипы?—произнесъ Грилло, постукивая молоткомъ и щуря отъ мраморной пыли и солнца воспаленныя вѣки.

— Сказать правду — кислятина. Монна Пипа такая же пройдоха, какъ всѣ эти трактирщицы. Но есть у нея просоленная рыбка,—какъ ее наѣшься, то такъ захочется пить, что, кажется, вылокалъ бы цѣлый монастырскій погребъ, и ужъ всякое вино тогда покажется вкуснымъ... Ничего, мы вчера изрядно напились, еще сегодня голова трещить.

Подлеца Амброджіо за ноги вытащили изъ-подъ лавки. Весело было. Пойдемъ-ка сегодня, куманекъ, къ моннѣ Пипѣ. Будешь доволенъ.

— Куда мнѣ, старику! — тяжело вздохнулъ Грилло; — ты человекъ холостой, одинокій, у тебя мысли веселыя, а у меня на сердцѣ кошки скребуть. Дома, въ Лаваньи, жена да двѣ дочери на выданьи. Можетъ-быть, онѣ безъ меня уже съ голоду померли или по міру пошли, если только, не дай Богъ, чего-нибудь хуже не приключилось. Долго ли до грѣха съ молодыми дѣвками. Эхъ, поскорѣ бы домой, право. И чего насъ держать? Получить бы деньги по расчету...

— Ну, нѣтъ, братецъ, деньги ты не такъ-то скоро получишь. Теперь у хозяина денегъ мало, и Богъ знаетъ, когда будутъ.

У Грилло вытянулось лицо, маленькое, загорѣлое и сморщенное, какъ печеное яблоко; онѣ безпомощно заморгаль красными вѣками.

— Что ты, что ты, Чьопполи! Да избавить насъ св. Георгій отъ такого несчастія. Мы люди бѣдные, нанимались по уговору. Мессэръ Микельаньоло господинъ добрый и честный, онѣ насъ не обманеть...

— Онъ-то не обманеть, да его самого обманули, а ты знаешь, Грилло, что на папу суда нѣтъ и жаловаться некому.

— Да вѣдь папа любитъ хозяина; я слышалъ, что онѣ впередъ далъ тысячу скуди.

— Что дано — истрачено, а больше не даетъ...

— Объясни же мнѣ, Чьопполи, что случилось. Ты лучше меня знаешь здѣшнія дѣла.

— Неладно, Грилло. Черная кошка пробѣжала между папою и Микельаньоло.

— Кто же ихъ поссорилъ?

— Браманте, архитекторъ собора. Знаешь, такой важный господинъ, тучный и лысый, ѣздитъ на бѣломъ мулѣ въ шелковой упряжи, и щедрый, никогда меньше не даетъ на выпивку, какъ по сольди...

— Знаю, онъ мнѣ намедни серебряную монету бросилъ на улицѣ Банки за то, что я ему низко поклонился.

— Ну, вотъ, вотъ. Это, видишь ли, ловкій пройдоха, въ одно ухо влѣзеть, въ другое вылѣзеть. Онъ-то и роетъ яму нашему хозяину.

— А за что онъ его не взлюбилъ?

Чьоппѣли на минуту остановилъ молотокъ и съ таинственнымъ видомъ наклонился къ уху товарища:

— За то и не взлюбилъ, что тутъ, братецъ ты мой, дѣло нечистое. У Браманте губа не дура. Синьоръ щедрый и великолѣпный. Такіе пиры задаетъ, что и герцогу впору. Деньги ему всегда нужны до зарѣза. У жидовъ кругомъ въ долгу, а привыкъ, чтобы куры у него червонцевъ не клевали. Папу обманываетъ и разоряетъ казну. Зданія возводитъ непрочно; говорятъ, лѣтъ черезъ десять стѣны трещины дадутъ. Папа на него не нарадуется, потому что скоро строить,—скоро, да не споро, все на пескѣ. А мессэръ Микельаньоло насквозь его видитъ, всѣ шашни его знаетъ. Микельаньоло человекъ правдивый и неподкупный. Браманте и боится, чтобы нашъ-то хозяинъ его не обличилъ, на чистую воду не вывелъ, и наушничаетъ, и увѣряетъ папу, что строить себѣ гробницу при жизни — дурная примѣта: значить, моль, смерть себѣ пророчить. Папа испугался, гробница ему опротивѣла, и денегъ больше не даетъ. Каменщиковъ, лодочниковъ наняли, мрамору навезли гору, заварили кашу, а кто расхлебаетъ — Богъ вѣсть... Я такъ полагаю, что еще не скоро ты вернешься въ Лаванью, Грилло...

— Тише, тише, Чьопполи, хозяинъ.

И они усердно принялись за молотки.

III.

Сопровождаемый толпою подрядчиковъ: плотниковъ, барочниковъ, каменотесовъ, которые спорили, кричали, приставали, лѣзли со счетами, ругались, божились и требовали денегъ, подходилъ человекъ съ уродливымъ и угрюмымъ лицомъ, въ старой и пыльной одеждѣ изъ черного бархата.

— Какъ вамъ будетъ угодно, мессэръ, — говорилъ главный подрядчикъ, — а мы больше ждать не можемъ. Мы, какъ честные люди, нанимались. Пожалуйте расчогъ.

— Ежели его святѣйшество... — пробоваль возразить челоуѣкъ, посаждаемый толпою.

— Мы не къ его святѣйшеству, а къ вамъ, мессэръ...

— Я обѣщаю вамъ...

— Обѣщаніями сытъ не будешь. Не за обѣщаніями мы пришли, а за деньгами. Съ голоду намъ помирать, что ли?

— Не обижайте насъ, синьоръ, — молили жалобные голоса! — мы вамъ правдою служили. Пожалѣйте, отпустите душу на покаяніе.

— Слушайте, вотъ вамъ мое послѣднее слово, и оно твердо. Подождите до завтра. Я въ послѣдній разъ схожу къ папѣ, и если онъ не заплатитъ, я вамъ изъ собственныхъ денегъ отдамъ все до послѣдняго сольди. Не бойтесь, — за мною не пропадетъ. Я васъ нанималъ, я и заплачу, если бы даже мнѣ пришлось заложить дьяволу душу и тѣло.

Молвивъ такъ, онъ повернулся и пошелъ къ своему дому между глыбами мрамора по узкой дорожкѣ, усѣянной бѣлыми осколками, которые хрустѣли подъ ногами, какъ плотный снѣгъ въ морозный день.

Это былъ челоуѣкъ лѣтъ за тридцать, роста ниже средняго, крѣпкаго и костляваго тѣлосложенія. Голова казалась громадною, борода была жидкая, черная и жесткая, такіе же волосы, нижняя губа выступала впередъ съ выраженіемъ угрюмой надменности; вокругъ некрасиваго рта были злыя, страдальческія складки; подъ рѣдкими бровями маленькіе сѣрые, холодные какъ свинець, широко разставленные глаза отталкивали тѣхъ, кто съ нимъ говорилъ, подозрительнымъ и тяжелымъ взглядомъ. Но особенное безобразіе придавалъ ему расплющенный носъ. Во Флоренціи, когда онъ былъ мальчикомъ, живописецъ Торриджіани, челоуѣкъ грубаго, звѣрскаго нрава, въ дракѣ, начавшейся изъ-за насмѣшекъ самого Буонаротти, кулакомъ раздавилъ ему носовой хрящъ. Художникъ остался изуродованнымъ на всю жизнь, сознавалъ это и мучился.

Подойдя къ двери дома за церковью Санта-Катарина, Микель-Анжело постучался. Ему отперла старая служанка, стряпуха съ засученными рукавами и подоткнутымъ платьемъ.

— Посланный отъ казначея былъ? — спросилъ онъ старуху.

— Не былъ. Погонщики муловъ за деньгами приходили, кричали да ругались, я едва выпроводила.

Въ домѣ пахло чадомъ оливковаго масла: приготовлялся обѣдъ для множества рабочихъ, плотниковъ, мраморщиковъ, нанятыхъ во Флоренціи. Проходя въ мастерскую, онъ съ отвращеніемъ и скукою заглянулъ въ большую комнату наполненную постелями, скарбомъ, утварью, инструментами поденщиковъ, жившихъ въ домѣ. Теперь всѣ эти люди остались у него на рукахъ, и онъ не зналъ, что съ ними дѣлать.

Въ мастерской было тихо и свѣтло. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, почувствовалъ привычный пріятный запахъ влажной глины и мраморной пыли. За деревянными подмостками бѣлѣли грубыя неясныя глыбы, едва тронутыя рѣзцомъ, но глазъ художника уже различалъ въ нихъ скрытые образы. Онъ взялъ рѣзецъ, молотъ и сдѣлалъ нѣсколько ударовъ.

Работа не дала ему забвенья, — въ сердцѣ не было спокойствія. Онъ сошелъ съ подмостковъ, приблизился къ столу и началъ пересматривать чертежи, планы злополучной гробницы, оказавшіеся теперь ненужными и бессмысленными. Среди нихъ попался ему голубой тонкій листъ бумаги: это былъ любовный мадригалъ единственной женщины, которая всю жизнь была вѣрна другому, какъ онъ былъ вѣренъ ей. Наивная, чувствительная надпись, достойная влюбленнаго мальчика гласила на поляхъ: «Delle cose divine se ne parla in campo azzuro. — О небесныхъ вещахъ слѣдуетъ писать на бумагѣ небеснаго цвѣта».

Милыя жалкія риѣмы, затерянные среди унылыхъ счетовъ лодочниковъ и плотниковъ. Улыбка озарила на мгновение его суровое, безобразное лицо.

Онъ взглянулъ въ окно и по знакомой тѣни сосѣдняго дома въ переулкѣ увидѣлъ, что солнце перешло за полдень. Надо было идти во дворецъ не медля; въ этотъ часъ папа кончалъ обѣдъ и его навѣрно можно было застать. Онъ посмотрѣлъ на свою одежду, запачканную во время работы, старую и пыльную, съ истертыми локтями; на груди болталась пуговица, готовая оторваться, висѣвшая на тонкой ниткѣ: служанка все забывала ее пришить. Люди считали его высокоомѣрнымъ и презрительнымъ, но на самомъ дѣлѣ ему достаточно было всякой мелочи, чтобы покраснѣть и смутиться какъ школьнику. Онъ вспомнилъ съ горечью, какъ недавно папа приходилъ къ нему въ мастерскую для простыхъ дружескихъ бесѣдъ, тогда онъ не побрезгалъ бы его домашней одеждой. Ему стало досадно и противно вынимать изъ гардеробнаго шкапа свое единственное придворное платье голубого шелка съ пышными разводами. Онъ поскорѣе собралъ необходимые планы и счета и, уже заранѣе сердитый и мрачный, пошелъ во дворецъ, какъ былъ, въ старомъ камзолѣ.

Недалеко отъ бельведера, на веселой широкой лѣстницѣ, недавно построенной папскимъ любимцемъ Браманте, великолѣпно и непрочно, ему попался навстрѣчу самъ строитель, окруженный толпою льстивыхъ поклонниковъ и друзей. Архитекторъ возвращался отъ папы довольный, обласканный, должно-быть, получилъ много денегъ. Пажъ, тонкій и стройный, какъ молодая дѣвушка, несъ за нимъ большіе свитки плановъ и чертежей. Браманте былъ одѣтъ и держалъ себя, какъ царедворецъ. Складки великолѣпной одежды, самоувѣренная, почти юношеская осанка, умный взоръ живыхъ глазъ, мягкіе сѣдые волосы, обрамлявшіе широкой голый черепъ, истинный лобъ древняго мудреца Пифагора или Архимеда, придавали красивому старику выраженіе пріятной и благосклонной важности. Онъ говорилъ съ молодымъ епископомъ о своей новой кобылѣ, купленной у пріѣзжаго турка-барышника Мустаффы, красавицѣ, сводившей съ ума всѣхъ наѣздниковъ Рима. Потомъ обернулся онъ къ собесѣдникамъ и сталъ приглашать ихъ на ужинъ.

— Только что получены куропатки изъ Муджелло, и вы отвѣдаете, друзья мои, нашего добраго ломбардскаго вина — Монтебріантино. Оно поспорить съ лучшимъ корсиканскимъ...

Браманте увидѣлъ всходившаго по лѣстницѣ Буонаротти. Старикъ, снявъ беретъ, съ изысканной, нѣсколько преувеличенной вѣжливостью поклонился молодому сопернику, который отвѣтилъ холоднымъ, сдержаннымъ поклономъ.

Микель-Анжело шелъ по безконечнымъ коридорамъ и галлереймъ Ватиканскаго дворца: въ то время они перестраивались; художникъ невольно любовался созданиемъ соперника, легкимъ какъ свѣтлый сонъ, изящнымъ и непрочнымъ: Буонаротти предвидѣлъ, что эти стѣны обрушатся лѣтъ черезъ двадцать, если ихъ не укрѣпить контрафорсами. Пахло сыростью новой штукатурки; всюду возвышались деревянные лѣса.

Онъ подошелъ къ дверямъ, у которыхъ стоялъ на караулѣ швейцарецъ съ копьемъ и арбалетомъ. Внимательно посмотрѣлъ онъ въ лицо Буонаротти, должно-быть, не сразу узнавъ его, потомъ извинился и пропустилъ.

IV.

Микель-Анжело вступилъ въ обширную полутемную залу, служившую столовой папы; на сводахъ мерцали старинной позолотой фрески Джіотто. Стѣны увѣшаны были драгоценными фландрскими коврами, аррацами съ тусклыми, нѣжными, мягкими красками, съ изображеніемъ языческихъ мифовъ — похищенія Европы, смерти Адониса. Внизу по стѣнамъ шли скамьи съ высокими точеными спинками изъ темнаго дерева.

Папа кончилъ обѣдъ и занимался дѣлами. Секретарь читалъ депеши изъ Болоньи. Царствовала тишина. Кардиналы и немногіе придворные, сидѣвшіе за столомъ, переговаривались шопотомъ. Въ душномъ воздухѣ былъ тонкій запахъ обѣденныхъ пряностей. Слуги, приходя и уходя по знаку церемоніймейстера, скользили неслышно, какъ тѣни.

Придворный лейбъ-медикъ держалъ пузырекъ лѣкарства и осторожно отсчитывалъ капли въ стаканъ вина, приготовленный для папы. У самыхъ ногъ его святѣйшества, на шелковой, вытканной золотомъ, подушкѣ, сидѣлъ странный юноша необычайной красоты, не то шутъ, не то вельможа, въ полудѣтской, полуженской одеждѣ, съ бѣлокурыми, длинными локонами, съ прелестными, лукавыми глазами, въ которыхъ сіяла нѣга. Онъ небрежно и тихо, такъ, чтобы не мѣшать дѣловому чтенію, перебиралъ струны лютни. То былъ всемогущій баловень грознаго Юлія, семнадцатилѣтній ганимедь ватиканскаго Юпитера, сіятельнѣйшій спальничій, камерьеръ Анкорзю, который обладалъ ключами отъ сердца папы такъ же, какъ папа обладалъ ключами неба.

Лучъ солнца скользилъ по столу, дробился въ хрустальной чашѣ съ недопитымъ виномъ, игралъ на маіоликовомъ блюдѣ, задѣвалъ серебряную бѣлую бороду Юлія, которая выдѣлялась на пурпурномъ бархатѣ широкаго папскаго наплечника и сверкала въ большомъ рубинѣ перстня на исхудалой, блѣдной рукѣ старика. Онъ сидѣлъ немного сгорбившись, опираясь обѣими локтями на ручки кресла, отодвинутаго отъ стола. Голый черепъ покрывала надвинутая на лобъ бархатная скуфья такого же темно-краснаго цвѣта, какъ наплечникъ. Пороки и болѣзни оставили слѣды свои на этомъ изнуренномъ лицѣ съ ввалившимися щеками. Но тонкія губы все еще были сжаты съ выраженіемъ неодолимаго упорства, закоренѣлой привычки къ самовластію, и подъ насупленными бровями въ глубокихъ впадинахъ глазъ свѣтился огонь воли, не побѣжденной ни пороками, ни болѣзнями. Взоръ этихъ глазъ былъ страшенъ, когда они сверкали гнѣвомъ.

Микель-Анжело входилъ въ столовую. Секретарь кончилъ чтеніе болонскихъ депешъ. Юлій замѣтилъ Буонаротти, бросилъ на него исподлобья быстрый, недовольный и скучающій взглядъ. Художникъ понялъ, что пришелъ не во-время; ни съ кѣмъ не заговаривая, одинокій и надменный, остановился онъ у окна, ожидая очереди, какъ проситель.

Къ папѣ приблизился юркій, жирный, круглый, какъ шаръ, съ грязными руками, болтливый старикъ, придворный золотыхъ дѣлъ мастеръ. Онъ говорилъ о покупкѣ драгоценныхъ камней для украшенія недавно заказаннаго Юліемъ креста къ алтарю Сикстинской капеллы.

Папа, не слушая, закрылъ усталыя вѣки. Ювелиръ прекратилъ болтовню, думая, что папа уснулъ. Тогда Юлій открылъ глаза и молвилъ сердито:

— Остались деньги?

— Нѣтъ, ваше святѣйшество, я истратилъ все, что было назначено. Осмѣливаюсь просить ваше святѣйшество о прибавкѣ: армянинъ Джемъ предлагаетъ за дешевую цѣну два карбункула и смарагдъ, ежели ваше святѣйшество...

— Довольно, — съ нетерпѣніемъ махнулъ папа рукою, — говорю: довольно, отстань!

Ювелиръ переминался съ ноги на ногу и хотѣлъ возразить, но папа крикнулъ:

— Убирайся къ чорту и помни, больше я не дамъ ни гроша, ни на малые, ни на большіе камни...

Микель-Анжело понялъ, что значить эти «большіе камни», понялъ; что намень былъ обращенъ къ нему.

Когда наступила очередь, онъ подошелъ къ Юлію съ чертежами, планами и счетами. Папа взглянулъ на нихъ брезгливо:

— Некогда, — молвилъ онъ, зашевелившись на креслѣ, — приходи въ понедѣльникъ.

— Святой отецъ, — возразилъ Микель-Анжело спокойнымъ твердымъ голосомъ, — не угодно ли вамъ будетъ посмотрѣть эти счета? Рабочіе требуютъ платы: по справедливости, нельзя имъ долѣе отказывать. Велите казначею выдать деньги, или я долженъ буду заплатить за мраморъ для вашей гробницы изъ собственнаго имущества.

Юлій пристально, какъ будто удивленно, взглянулъ на Микель-Анжело. Художникъ, не потупившись, выдержалъ этотъ взглядъ.

Всѣ замерли въ ожиданіи. Аккорзіо, оставивъ мандолину, поднялъ голову съ лукавымъ и веселымъ любопытствомъ.

Юлій промолчалъ, только отстранилъ рукою положенные предъ нимъ планы и счета, такъ что они упали на полъ. Потомъ, не обращая на Буонаротти вниманія, какъ будто забывъ о немъ, онъ поднялся съ кресель; два молодыхъ прелата подскочили и поддержали его подъ руки, третій подалъ ему палку и, опираясь на нее, быстрыми, еще бодрыми шагами папа направился къ выходу изъ пріемныхъ залъ во внутренніе покои для краткаго послѣобѣденнаго отдыха.

Буонаротти поблѣднѣлъ; судорога ярости исказила его губы. Чувствуя на себѣ насмѣшливые взоры пажей, лакеевъ и конюховъ, онъ долженъ былъ наклониться, чтобы подобрать съ полу упавшія бумаги.

V.

Онъ вернулся домой и тотчасъ же написалъ своему старому флорентинскому другу, мессэру Бальдазару Бальдуччи, который завѣдывалъ дѣлами въ римскомъ банкѣ мессэра Галли, и попросилъ у него займы двѣсти золотыхъ имперскихъ дукатовъ. Въ тревогѣ сталъ онъ ожидать отвѣта, съ горечью думая о возможности отказа и новыхъ униженій. Но, даже если бы Бальдуччи согласился, Микель-Анжело былъ разоренъ: чтобы заплатить долгъ, ему надо продать домъ во Флоренціи, въ которомъ жили старый отецъ его и братья. Онъ вспомнилъ долгіе годы лишеній, которыя добровольно терпѣлъ, чтобы обезпечить семью, вспомнилъ восемь мѣсяцевъ, только что проведенныхъ имъ въ каменоломняхъ Каррары. Лихородки, изнурительная работа то подъ жгучимъ солнцемъ, то подъ ледяными дождями едва не сломили его крѣпкаго здоровья. Имѣя двухъ слугъ и одну лошадь, въ продолженіе всего этого времени онъ ничего не получалъ отъ папы, за исключеніемъ насущнаго хлѣба. Онъ не былъ скупъ, но расчетливъ, дѣловитъ,

какъ истинный флорентинецъ, зналъ цѣну деньгамъ и отказывалъ себѣ во многомъ, мечтая о будущей независимости и спокойствіи. Такъ онъ былъ воспитанъ въ доброй честной семьѣ, гдѣ съ молокомъ матери передавалась привычка свято чтить свое и чужое имущество.

Наконецъ пришелъ посланный съ отвѣтомъ изъ банка. Бальдазаръ Бальдуччи въ краткой и любезной дѣловой запискѣ обѣщаль прислать деньги на слѣдующее утро.

Микель-Анжело, успокоившись, опять взошелъ на подмости и взялъ рѣзецъ. Мало-по-малу работа увлекла его. Статуя была однимъ изъ «Связанныхъ Невольниковъ», олицетвореній искусствъ, которыя должны были стоять на четырехугольныхъ выступахъ мавзолея. Этими изваяніями художникъ хотѣлъ сказать, что смерть, похитившая Юлія, заковала цѣпи искусства и лишила ихъ надежды когда-либо найти подобнаго ему покровителя. Теперь художникъ безъ горькой усмѣшки не могъ вспомнить этой аллегоріи. Не не все ли равно? Предчувствуя, что гробница не будетъ окончена, онъ работалъ для себя, безцѣльно и безкорыстно, не думая о папѣ. Онъ забылъ про все. Удары молота были такъ сильны, что, казалось, вся статуя разлетится вдребезги. Осколки мрамора сыпались дождемъ.

Приходила служанка и звала его ужинать; онъ не пошелъ, только взялъ кусокъ хлѣба, торопливо съѣлъ его, не сходя съ подмостковъ, и опять принялся за работу. Твердый камень становился все мягче, таялъ, какъ воскъ. Ваятель освобождалъ изъ-подъ каменной оболочки скрытый образъ. Молодой невольникъ закинулъ голову съ отчаяніемъ, всѣ члены, всѣ жилы и мускулы были напряжены въ безконечномъ усиліи, чтобы порвать узы, которыя врѣзались въ тѣло.

Художникъ оставилъ работу поневолѣ, когда наступили сумерки, засвѣтилъ огонь и до поздней ночи просидѣлъ надъ любимой книгой, «Божественной Комедіей», съ которою никогда не разставался, такъ же, какъ и съ

Библией. Въ эту ночь написалъ онъ гордые стихи, посвященные Данте:

Dal mondo scese ai ciechi abissi
Pur fuss'io tal! ch'a simil sorte nato,
Per l'aspro esilio con la virtute,
Darej del mondo il piu felice stato.

.

Изъ міра сошелъ онъ въ темныя пропасти,
Людымъ открылъ вѣчныя тайны,
Но подвигъ остался безъ награды;
Неблагодарный народъ не понялъ и отвергъ его.
И все же пусть бы я былъ такимъ: за его судьбу,
За его суровое изгнаніе и добродѣтель
Я отдалъ бы самый счастливый удѣлъ на землѣ.

Ночь начинала блѣднѣть, когда Микель-Анжело легъ на жесткую бѣдную постель для недолгаго отдыха, какъ онъ это часто дѣлалъ, почти не раздѣваясь, не снимая обуви.

Утромъ Буонаротти призвалъ лодочниковъ, плотниковъ, каменотесовъ и заплатилъ все, что былъ долженъ, до послѣдняго сольди.

VI.

Въ назначенный Юліемъ день, т.-е. въ понедѣльникъ, пошелъ онъ опять во дворецъ. Ему сказали, что папа ѣдетъ на охоту въ Альбанскія горы. Дворъ былъ полонъ веселыхъ звуковъ роговъ, лаемъ собакъ, криками доѣзжачихъ, шумомъ и трепетомъ соколиныхъ крыльевъ. Микель-Анжело увидѣлъ изъ дали, какъ Юлій, въ странномъ для духовнаго лица охотничьемъ нарядѣ, въ большихъ ботфортахъ, въ шляпѣ съ перьями и кожаномъ панцырѣ, подобный старому полководцу, сѣлся на великолѣпнаго коня. Аккорзіо держалъ стремя. Папа казался оживленнымъ и что-то на ухо говорилъ своему любимцу, который улыбался тонко и двусмысленно, какъ женщина. Буонаротти понялъ, что теперь Юлію не до мыслей о гробницѣ. Онъ пришелъ во вторникъ. Папа еще не возвращался съ охоты. Пришелъ въ среду и въ галлерей

встрѣтилъ знакомаго секретаря, который предупредилъ его, что его святѣйшество въ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ изъ Болоньи нехорошія вѣсти; отъ только что избилъ костьюлемъ епископа Анконскаго. Изъ пріемной выходили придворные съ растерянными лицами, и Микель-Анжело услышалъ, какъ французскій посланникъ съ улыбкой говорилъ своему собесѣднику, упитанному, жирному и безмятежному капеллану:

— Mais il est terriblement cholérique, votre pape!

У Буонаротти была еще надежда, что если удастся напомнить папѣ о счетахъ, то онъ, скрѣпя сердце, заплатитъ. Во что бы то ни стало рѣшилъ онъ добиться свиданія на слѣдующій день, въ четвергъ.

Но когда подошелъ къ двери пріемной, его остановилъ «палефреньеръ», папскій конюхъ.

— Извините, синьоръ. Мнѣ не приказано пускать вашу милость...

Одинъ изъ епископовъ Луккскихъ, находившійся въ передней, услышавъ эти слова конюха, прикрикнулъ на него и сказалъ:

— Какъ ты смѣешь, грубіяны! Ты вѣрно не знаешь, съ кѣмъ говоришь. Это мессэръ Буонаротти. У него пропускъ во всякое время.

— Вы ошибаетесь, синьоръ,—отвѣчалъ палефреньеръ невозмутимо,—я очень хорошо знаю мессэра Буонаротти, но мой долгъ, не разсуждая, исполнять приказанія папы и моихъ начальниковъ.

Микель-Анжело не вѣрилъ ушамъ своимъ. Ему казалось, что все это онъ видитъ въ дурномъ снѣ. Ничего не отвѣтивъ, повернулся онъ, пошелъ домой и написалъ папѣ слѣдующія строки:

«Блаженнѣйшій отецъ. Сегодня, по вашему приказанію, я былъ выгнанъ изъ дворца, а потому объявляю вамъ, что съ этого часа, если пожелаете меня видѣть, то вамъ придется искать меня въ другомъ мѣстѣ, а не въ Римѣ».

Онъ отправилъ это письмо камерьеру Агостину Скалько для передачъ папѣ.

Призвавъ двухъ вѣрныхъ слугъ, давно у него жившихъ, старшихъ надзирателей за рабочими, плотника Козино и мраморщика Антонио, онъ сказалъ имъ:

— Ступайте, отыщите какого-нибудь жида, продайте все, что есть въ этомъ домѣ, и прїѣзжайте ко мнѣ во Флоренцію.

Потомъ отправился въ гостиницу «Трехъ Мавровъ», гдѣ останавливалась почта, взялъ мѣсто въ неуклюжей и неудобной почтовой каретѣ, запряженной четверкой заморекныхъ клячъ, и черезъ два часа выѣзжалъ изъ Рима по дорогѣ на сѣверъ. Его спутниками были угрюмый и молчаливый аптекарь изъ Перуджин, старый еврей-ростовщикъ съ лицомъ ветхозавѣтнаго патріарха, монахъ-чертозіанецъ, веселый и вертлявый, все время убѣждавшій еврея креститься, и толстая, бѣлолицая мызница съ корзиной яицъ, множествомъ узелковъ, которая боялась нападенія разбойниковъ или турокъ. Микель-Анжело былъ радъ, что никто его не узнаетъ, но все-таки опасался и успокоился окончательно только тогда, когда отъѣхали на нѣсколько миль отъ Рима. Кругомъ на необозримое пространство до амфітеатра Сабинскихъ горъ, съ грознымъ обрывистымъ утесомъ Рокка-ди-Папа, какъ туманное море, мягкими, зелено-синими волнами холмовъ, разстилалась Кампанья. Кое-гдѣ на ясномъ небѣ чернѣла сторожевая башня непокорныхъ феодальныхъ бароновъ Священной области, — Колонна, Орсини, Савелли. Надъ тихими развалинами и сломанными пролетами акведуковъ, тянувшихся до самаго Фраскати, рѣяли черныя крикливыя стаи галокъ и воронъ.

Микель-Анжело, радуясь тишинѣ и свободѣ, съ наслажденіемъ вдыхалъ крѣпкій, какъ вино, сладкій, какъ медъ, запахъ дикихъ травъ. Все, что съ нимъ произошло на службѣ папы Юлія, казалось ему теперь далекимъ воспоминаніемъ.

Дорога медленно поднималась въ гору. Онъ любовался облаками, лежавшими на горизонтѣ равнины. Съ дѣтства любилъ онъ отыскивать въ этихъ бѣлыхъ громадахъ образы, какъ бы статуи невѣдомаго ваятеля, которыя величіемъ превосходятъ все, что можетъ создать человѣкъ. И онъ

вспомнилъ, какъ однажды, глядя на каменоломню Каррары съ высокой горы надъ моремъ, задумалъ высѣчь въ скалѣ исполинскую статую, чтобы мореплаватели видѣли ее изда- лека. То была греза художника, такая же безцѣльная, какъ эти мгновенныя, чудовищныя и плѣнительныя очертанія нагроможденныхъ облаковъ.

VII.

Наступила ночь, когда почтовая карета, дребезжа и звеня, въѣхала въ плохо мощенныя, тѣсныя и узкія улицы маленькаго города, старой крѣпости Поджибонси, перваго мѣстечка, принадлежавшаго Флоренціи, въ восемнадцати или двадцати миляхъ отъ города. Микель-Анжело рѣшилъ остановиться и отдохнуть до утра, считая себя въ безопас- ности здѣсь, на землѣ, принадлежавшей флорентинцамъ. Правителемъ города, подеста, былъ его пріятель Федерико Старно.

Буонаротти остановился въ маленькомъ альберго подъ вывѣской «Оловяннаго Блюда», недалеко отъ ратуши. Въ громадной сводчатой кухнѣ пылалъ очагъ, играли въ кости, распѣвали пѣсни и пьянствовали доганьеры, чиновники таможни и наемные солдаты изъ Санъ-Джеминьяно. Хозяинъ объявилъ, что всѣ постели заняты лошадиными барышниками, спѣшившими на сіенскую ярмарку, и отвелъ гостя въ тѣсную душную горницу, гдѣ, на необъятномъ ложѣ, подобіи ката- фалка, заливались храпомъ трое спящихъ; онъ указалъ Ми- кель-Анжело на оставшееся свободное мѣсто съ края посте- ли и обѣщаль дать отдѣльную подушку, увѣряя, что «ежели немного потѣсниться, то будетъ просторно». Гость предпо- чель устроить ночлегъ у окна на широкой деревянной скамѣ, завернувшись въ дорожный плащъ и подложивъ подъ голову вмѣсто подушки кожаную сумку съ чертежами и бумагами.

Данно уже не спалось ему такъ сладко, какъ въ этой дрянной гостиницѣ, первую ночь на свободѣ и въ родной землѣ.

Пѣтухи пропѣли, звѣзды начинали блѣднѣть, и въ часовнѣ св. Петрониллы прозвучалъ колоколъ, когда по-

слышался громкій стукъ въ ворота альберго, крики богохульства, топотъ лошадиныхъ копытъ. Микель-Анжело вскочилъ и долго не могъ сообразить въ темнотѣ, что съ нимъ и гдѣ онъ: онъ все забылъ во снѣ, и ему казалось, что онъ еще въ Римѣ, въ своей спальнѣ комнатѣ рядомъ съ мастерской. Затѣмъ вспомнилъ и подумалъ, что это внизу, въ кухнѣ, буйствуютъ пьяные доганьеры. Но по лошадиному топоту въ сосѣднемъ переулкѣ скоро догадался, что дѣло не ладно, должно-быть, за нимъ пріѣхали посланные отъ Юлія. Сердце его забилось чаще: онъ хорошо зналъ, что поступокъ его съ папою можетъ стоить ему жизни, или, по крайней мѣрѣ, заключенія въ страшныхъ подземныхъ темницахъ св. Ангела. Въ темнотѣ, обшаривъ скамью, ощупалъ онъ кожаный поясъ съ прикрѣпленными къ нему ножнами, вынулъ кинжалъ и положилъ рядомъ съ собою на подоконникъ.

Дверь горницы отворилась, и въ нее просунулъ голову хозяинъ гостиницы, заспанный и растрепанный, съ фс-наремъ въ рукѣ, отъ котораго упалъ колеблющійся кругъ свѣта на кирпичный полъ.

— Не вы ли мессэръ Микель-Анжело Буонаротти изъ Рима, — спросилъ хозяинъ.

— Я Буонаротти изъ Флоренціи и возвращаюсь въ мой городъ изъ Рима. Чего вамъ нужно?

— Ахъ, помилуйте, ваша эчеленца, могъ ли я предполагать что-либо подобное!—воскликнулъ хозяинъ съ подобострастнымъ поклономъ.—О, зачѣмъ же ваша эчеленца давече не изволили предупредить? Знаю, знаю, инкогнито... Но, повѣрьте, если бы я только имѣлъ счастье подозрѣвать, что такой знатный и благородный господинъ дѣлаетъ честь моему скромному жилищу, я отвелъ бы покои внизу. Правда, мы ожидаемъ съ часу на часъ посла яснѣйшей республики, мессэра Джустиніани, но для васъ, знаменитѣйшій и сіятельнѣйшій...

— Послушайте, что вамъ нужно?—повторилъ Микель-Анжело съ нетерпѣніемъ, слыша продолжавшіеся крики и стукъ.

— Курьеры, курьеры его святѣйшества, преоблаженнѣйшаго и преподобнѣйшаго отца нашего папы Юлія, — объ-

явилъ хозяинъ съ таинственнымъ видомъ, какъ неожиданно радостную вѣсть. — Я велѣлъ имъ отпереть съ вашего позволенія. Пресердитые и преважные господа, осмѣлюсь доложить, едва воротъ не выломали, всю крѣпость всполошили...

— Вы окажете мнѣ большую услугу, добрый человѣкъ,— произнесъ Микель-Анжело,—если немедленно пошлете кого-нибудь или сами сходите къ здѣшнему подеста, моему другу мессэру Федериго Старно. Попросите отъ моего имени, чтобъ онъ пришелъ со своими людьми: скажите, что мнѣ скоро можетъ понадобится его помощь.

— Вашей милости нечего беспокоиться, — возразилъ хозяинъ, — я слышалъ голосъ мессэра Федериго у моихъ воротъ. А ночью онъ никогда не выходитъ безъ стражи. Вотъ и господа курьеры...

И онъ пропустилъ въ комнату пять человѣкъ съ ногъ до головы вооруженныхъ, въ огромныхъ ботфортахъ, забрызганныхъ грязью. Трое спящихъ на громадной постели проснулись и вскочили: одинъ изъ нихъ, думая, что это разбойники, спрятался подъ кровать, другой, крестясь, шепталъ Ave Maria, третій ругался, протирая глаза.

Въ предводителѣ маленькаго отряда, въ молодомъ человѣкѣ съ красивымъ и хищнымъ лицомъ, Микель-Анжело узналъ кавалера папской гвардіи. Юноша снялъ черный беретъ съ алымъ перомъ и произнесъ, вѣжливо кланяясь:

— Имѣю честь быть, мессэръ Буонаротти, вашимъ покорнымъ слугою,—рыцарь Джисмондо Брандино. Я позволилъ себѣ явиться къ вашей милости съ порученіемъ отъ папы. Не угодно ли будетъ вашей синьоріи послѣдовать за нами,—лошади стоятъ у воротъ. Не должно медлить, такъ какъ его святѣйшество ожидаетъ васъ съ великимъ нетерпѣніемъ.

— Папа, вѣроятно, уже получилъ мое письмо,—возразилъ Микель-Анжело,—я извѣщаю его, что навсегда уѣхалъ изъ Рима и не намѣренъ возвращаться.

— Я имѣю письмо отъ его святѣйшества.

Джисмондо приблизился и подалъ конвертъ съ привѣщенной на шнуркѣ большою печатью зеленого воска, на которой изображена была тройная остроконечная митра и ключи римскаго первосвященника. Хозяинъ принесъ заплывшую сальную свѣчу въ неуклюжемъ деревянномъ подсвѣчникѣ. Микель-Анжело прочелъ слѣдующія слова, торопливо написанныя рукою папы:

«По прочтеніи сего немедленно ѣхать въ Римъ или готовиться къ нашему гнѣву.

Юлій».

— Это письмо, — спокойно произнесъ художникъ, — ни въ чемъ не мѣняетъ дѣла. Вы можете передать его святѣйшему, что я остаюсь при моемъ намѣреніи никогда не возвращаться въ Римъ.

— Мессэре, — молвилъ Джисмондо, — говорю вамъ теперь не какъ посланный его блаженства, а какъ человѣкъ, желающій добра великому художнику, славы и гордости нашего отечества: исполните волю папы. Святой отецъ разгнѣванъ, но готовъ простить и оказать вамъ новыя, еще большія милости. Я знаю, что онъ велѣлъ заплатить двѣсти дукатовъ, которые вы въ прошлую субботу заняли въ банкѣ мессэра Галли.

— Благодарю за добрый совѣтъ, рыцарь, — съ усмѣшкой возразилъ Буонаротти, — но, къ сожалѣнію, вы имѣете дѣло съ человѣкомъ не менѣе своевольнымъ и упрямымъ, чѣмъ его святѣйшество папа Юлій. Не тратьте же словъ даромъ: воля моя столь же неизмѣнна, какъ воля папы, и счета мои съ нимъ кончены.

— Мессэръ Буонаротти, какъ мнѣ ни прискорбно, но я долженъ предупредить вашу милость, что въ случаѣ, если бы вы не пожелали добровольно вернуться, я имѣю полномочія употребить крайнія средства. Надѣюсь, что вы не заставите меня...

— Угроза? — перебилъ Микель-Анжело и быстро подошелъ къ окну, открылъ ставни, поднялъ подвижную раму съ тусклыми стеклами и увидѣлъ у воротъ альберго Фе-

дериго Старно съ вооруженными людьми и толпою любопытныхъ.

Утреннее небо свѣтлѣло, колокола св. Петрониллы заливались весело и тонко.

— Мессэръ Буонаротти, послѣднее слово: вы не желаете слѣдовать за нами? — произнесъ Джисмондо.

— Оставьте меня въ покоѣ, увѣряю васъ, это лучше для насъ обоихъ.

— Въ такомъ случаѣ...

По знаку Джисмондо одинъ изъ солдатъ приблизился къ Микель-Анжело и взялъ его за руку. Онъ понялъ, что они хотятъ связать его, и оттолкнулъ солдата съ такою силою, что онъ ударился о стѣну и едва не упалъ. Въ то же мгновеніе Буонаротти схватилъ кинжалъ и, выглянувъ въ окно, привѣтствовалъ своего друга подеста громкимъ голосомъ:

— Добраго здоровья, мессэръ Федериго. Какъ поживаете?.. Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ, пока помощь ваша не нужна.

Потомъ, обернувшись къ папскому курьеру, продолжалъ:

— Слушайте, мессэръ, если кто-нибудь изъ вашихъ людей тронетъ меня пальцемъ, я позову стражу подеста, и вамъ будетъ плохо. Мнѣ довольно сдѣлать знакъ, чтобы люди, стоящіе у воротъ, изрубили васъ. Мы здѣсь на свободной землѣ. Я гражданинъ флорентинской республики, и горе тому, кто посмѣетъ наложить на меня руку. Я не хочу, чтобы проливалась кровь. Ступайте же съ Богомъ, пока не случилось бѣды.

Джисмондо понялъ, что Микель-Анжело не шутитъ, перемѣнилъ выраженіе лица и голоса и началъ просить, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, отвѣтилъ на письмо папы.

Художникъ согласился, велѣлъ хозяину принести чернильницу и написалъ короткое письмо, въ которомъ извѣщалъ, что посланные настигли его въ флорентинскихъ владѣніяхъ, а потому не могли заставить ѣхать въ Римъ, объявилъ, что ни за что не вернется, что за вѣрную службу не слѣдовало оскорблять и выгонять его, какъ негодяя,

и что такъ какъ папа не хотѣлъ дозволить ему окончить гробницу, то онъ считалъ сдѣланныя условія уничтоженными и не желалъ дѣлать новыхъ.

Выставивъ число въ письмѣ, онъ запечаталъ и передалъ его Джисмондо. Рыцарь съ церемонною испанскою вѣжливостью поклонился и молвилъ: «Надѣюсь, до скорого свиданія въ Римѣ», и, такъ какъ дѣлать было больше нечего, вышелъ со своими людьми. Черезъ нѣсколько времени Буонаротти услышалъ удалявшійся стукъ лошадиныхъ копытъ.

Въ тотъ же день, среди милыхъ нѣжныхъ холмовъ, гдѣ извиваются серебряныя кольца Арно, онъ увидѣлъ черепичный, подобный громадному нераспустившемуся цвѣтку, красноватый куполь Маріи-дель-Фіоре и темно-сѣрую высокую башню палаццо дэлла Синьорія.

VIII.

Въ это время правителемъ Флоренціи, пожизненнымъ гонфалоньеромъ, былъ старшій другъ Микель-Анжело, Пьетро Содерини. Онъ принялъ художника подъ свою защиту.

Черезъ три мѣсяца пришла изъ Рима папская булла. «Возлюбленные чада! — обращался Юлій къ флорентинскимъ сеньорамъ, — прежде всего апостольское наше вамъ благословеніе во здравіе и спасеніе души и тѣла. Микель-Анжело, ваятель, который легкомысленно и необдуманно уѣхалъ отъ насъ, нынѣ, какъ мы слышали, не смѣетъ возвратиться. Мы не гнѣваемся на него, зная нравъ и природу людей, подобныхъ ему. Но для того, чтобы онъ отложилъ всякое подозрѣніе, напоминаемъ вамъ о долгѣ сыновней почтительности и поручаемъ сказать ему, что ежели бы онъ пожелалъ вернуться, то мы не причинимъ ему никакого зла и примемъ съ той же милостью, какую оказывали ему до отъѣзда. Изъ Рима дано 8 іюля 1506, нашего правленія третьяго лѣта».

Микель-Анжело хорошо зналъ, что этимъ великодушнымъ обѣщаніямъ нельзя довѣрять, что святой отецъ не

задумается нарушить слово, что онъ не разъ уже преступалъ клятвы въ дѣлахъ съ людьми болѣе сильными, и что милостивая булла—только хитрость, дипломатическая западня.

Содерини отвѣтилъ Юлію почтительно и уклончиво, что Микель-Анжело такъ напуганъ (*impraurito*), что, несмотря на увѣренія, заключенныя въ буллѣ, считаетъ возвращеніе въ Римъ небезопаснымъ. Онъ, Содерини, всячески убѣждаетъ и будетъ убѣждать его возвратиться въ Римъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣренъ, что если только онъ перестанетъ обращаться съ Микель-Анжело ласково и осторожно, тотъ непременно убѣжитъ. Два раза онъ уже былъ близокъ къ тому.

Гонфалоньеръ не обратилъ большого вниманія на первую буллу, не очень торопилъ Микель-Анжело ѣхать и надѣялся, что гнѣвъ Юлія скоро потухнетъ?

Черезъ нѣсколько дней пришла вторая, еще болѣе милостивая и настоятельная булла.

Тогда Содерини, человекъ бузукоризненно честный, но слабый и нерѣшительный, призвавъ Микель-Анжело, молвилъ:

— Ты поступилъ съ папою такъ, какъ не осмѣлился бы поступить съ нимъ король Франціи. Не при противъ рожна. Довольно упорствовать. Мы не хотимъ и не можемъ начинать изъ-за тебя войну съ папою и подвергать городъ опасности, а потому просимъ тебя возвратиться къ его святѣйшеству.

— Лучше я отправлюсь къ великому турку, чѣмъ къ его святѣйшеству, — воскликнулъ Буонаротти, — султанъ сумѣетъ защитить меня отъ папы.

Содерини зналъ, что эти слова въ устахъ Микель-Анжело — не простая угроза. Художникъ давно уже велъ переговоры съ Баязетомъ II черезъ одного, пріѣхавшаго изъ Константинополя, францисканскаго монаха. Чувствуя себя, какъ звѣрь, затравленный въ берлогѣ, Буонаротти готовъ былъ на все, чтобы избавиться отъ страшныхъ когтей папы. Султанъ предлагалъ ему построить мостъ черезъ

одинъ изъ рукавовъ Золотого Рога, чтобы соединить Константинополь съ Перою. Художнику нравилось величіе этого замысла.

Отъ Содерини пошелъ онъ къ монаху францисканцу, съ которымъ велъ переговоры,—къ фра-Тимотео.

Тотъ принялъ его, какъ всегда, съ радостью, сталъ угощать восточнымъ розовымъ вареніемъ, показалъ новыя письма изъ Константинополя и умолялъ поскорѣе рѣшить дѣло, такъ какъ султанъ не хочетъ долѣе ждать и требуетъ окончательнаго отвѣта.

— Фра-Тимотео,—произнесъ Микель - Анжело,—заклинаю васъ, скажите мнѣ правду, какъ передъ Богомъ, не потребуетъ ли султанъ, чтобы я отрекся отъ Христа и поклонился нечестивому Магомету? Я лучше хотѣлъ бы умереть, чѣмъ не только сдѣлать, но даже подумать что-либо подобное.

— О, будьте покойны, мессэръ Буонаротти, клянусь Святою Пасхою, клянусь спасеніемъ души моей, что султанъ не потребуетъ отъ васъ ничего противнаго совѣсти. Повѣрьте мнѣ, судъ Божій не то, что человѣчскій. Я жилъ въ Константинополѣ, жилъ въ Римѣ, и, право, мнѣ трудно было бы рѣшить, говорю вамъ по совѣсти, гдѣ больше порочныхъ людей, — при дворѣ его святѣйшества или при дворѣ его величества. Мессэръ Буонаротти, всѣ мы люди, всѣ человѣки. Я знавалъ язычниковъ, которые были милосерднѣе и праведнѣе, чѣмъ тѣ, кто называютъ себя христіанами и повторяютъ мертвыми устами: «Господи, Господи», а въ сердцахъ ихъ дьяволь.

— Буду ли я свободенъ, фра-Тимотео, свободенъ во всемъ? Позволить ли мнѣ султанъ въ искусствѣ дѣлать то, чего я желаю?..

— Слушайте, сынъ мой, я прочелъ однажды, не помню въ какой книгѣ, что древній ваятель задумалъ вырубить изъ цѣлой горы, стоявшей на берегу моря, стутую Александра Великаго, такую громадную, чтобы на ладони рукъ ея могъ помѣститься городъ съ площадями, улицами, храмами, съ десятками тысячъ народа. Если бы вы задумали что-нибудь подобное, а я знаю, что великая душа ваша спо-

собна и къ большому, то султанъ пойметъ васъ и ни въ чемъ не откажетъ—ни въ деньгахъ, ни въ людяхъ. Этотъ всемогущій государь хочетъ, чтобы вы создали произведеніе, достойное васъ и его, необычайное, о какомъ еще ни одинъ человѣкъ на землѣ и подумать не смѣлъ. Султанъ сильнѣе папы, и въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ ожидаетъ отъ васъ, замыслы его святѣйшества ничтожны. У папы есть Браманте. Довольно съ него. Лучшаго не стоитъ. На вашемъ мѣстѣ я бы показалъ флорентинцамъ-купчикамъ и римскимъ папамъ, кто у нихъ былъ и кого они лишились! О, я проучилъ бы ихъ, уѣхалъ бы къ султану уже для того, чтобы долго они помнили, что значить оскорблять художника. У меня и теперь душа замираетъ отъ смѣха, какъ подумаю, какое лицо сдѣлаетъ папа, узнавъ, что ваша милость уѣхала къ султану. Святой отецъ будетъ себѣ руки кусать отъ злобы. Да поздно,—птичка улетѣла, не воротишь...Итакъ, мессэръ Буонаротти, по рукамъ, не правда ли? Я дурного не посоветую. Черезъ два дня мы выѣзжаемъ отсюда, потомъ на кораблѣ изъ Венеціи. Скажите только «да»—и я сегодня же напишу его величеству.

IX.

Въ глубокомъ раздумьи возвращался Микель-Анжело отъ фра-Тимотео по тихимъ улицамъ Флоренціи. Въ сотый разъ взвѣшивалъ онъ на внутреннихъ вѣсахъ совѣсти: папа или турокъ? Что лучше—папа или турокъ?

— Господи, неужели и вправду нѣтъ на землѣ свободы, неужели нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы я могъ никому не служить—ни папѣ, ни турку, исполняя волю своего сердца и Бога?

Съ тяжелымъ вздохомъ поднялъ онъ глаза къ небу. Недостигаемо высокія облака, круглыя, мелкія, голубыя какъ перламутръ, освѣщались невидимой луной: тамъ былъ вѣчный холодъ, покой и свобода.

— Папа или турокъ?—повторялъ онъ съ горькой усмѣшкой,—монахъ правъ, они стоятъ другъ друга. Не все ли

равно! Нѣтъ свободы, надо быть рабомъ, надо терпѣть и покоряться

Онъ вспомнилъ себя, какимъ былъ въ Поджибонси— безстрашнымъ и надменнымъ. Трехъ мѣсяцевъ мелкихъ оскорбленій, мелкихъ счетовъ съ жизнью довольно было, чтобы обезоружить его сердце, чтобы въ душѣ его не осталось ни капли гордости. Онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ и слабымъ. Стоило возмущаться, стоило убѣгать изъ Рима, людей смѣшить!..

Поскорѣ вернулся онъ домой, не зажигая свѣчи, раздѣлся, легъ въ постель, съ головою завернулся въ одѣяло такъ, чтобы ничего не видѣть и не слышать, повторяя одно слово: «Скучно, скучно!» Холодъ отвращенія къ жизни, къ людямъ, къ себѣ—пронизывалъ его до сердца, какъ холодъ смертельной тошноты. Обезсиленный и уничтоженный, безъ мысли, безъ чувства, безъ воли, заснулъ онъ мертвымъ сномъ.

На слѣдующій день пришла третья булла.

Гонфалоньеру донесли о новыхъ переговорахъ Буонаротти съ турками. Содерини опять призвалъ его къ себѣ и сталъ увѣрять, что, если онъ уѣдетъ къ султану, Юлій навѣрное отлучитъ его отъ церкви. Лучше умереть отъ руки папы, чѣмъ жить при дворѣ турка. Впрочемъ, художнику нечего опасаться; святой отецъ благосклоненъ и требуетъ его къ себѣ, потому что любить, а не потому, что желаетъ причинить ему обиду. Но, если онъ все-таки страшится, флорентинская синьорія готова дать ему титулъ посланника — *ambasciadore*, дѣлающей лицо неприкосновеннымъ.

Микель-Анжело отвѣтилъ, что согласенъ на все и готовъ ѣхать къ папѣ.

Въ это время его святѣйшество, не какъ смиренный пастырь Христовыхъ овецъ, а какъ римскій военачальникъ, не снимая шлема и панцыря, не сходя съ боевого коня, опустошилъ замки, города и селенія непокорныхъ вассаловъ и бароновъ церкви, завоевалъ Перуджію и триумфаторомъ при кликахъ народа вступилъ въ Болонью.

Съ титуломъ *ambasciadore*—посланника флорентинской республики—пріѣхаль туда Микель-Анжело 15 ноября 1506 года.

Гонфалоньеръ далъ ему письмо къ своему брату, кардиналу Содерини.

«Смѣемъ васъ увѣрить,—писалъ онъ, между прочимъ, брату, — что Микель - Анжело — человѣкъ необыкновенный, первый ваятель въ Италіи, если не въ цѣломъ мірѣ. Мы поручаемъ его вашему вниманію. Вѣжливостью и ласковостью можно съ нимъ сдѣлать все, что угодно. Но слѣдуетъ дать ему замѣтить, что его любятъ и цѣнятъ. Помните, что Микель-Анжело возвращается къ папѣ, довѣрившись нашему слову».

Несмотря на всѣ дипломатическія любезности, Буонаротти, по собственному выраженію въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ, ѣхаль къ папѣ «съ ремнемъ на шеѣ», т.-е. какъ собака, которую тащатъ насильно.

Онъ передалъ письмо кардиналу Содерини, который былъ боленъ, извинился, что не можетъ лично ходатайствовать и поручилъ одному изъ своихъ епископовъ замолвить слово передъ папою за художника.

Буонаротти пріѣхаль въ Болонью утромъ и пошелъ слушать обѣдню въ соборъ. По дорогѣ встрѣтили его папскіе конюхи. Они обрадовались и повели его во дворецъ.

Х.

Въ торжественной и мрачной залѣ, во дворцѣ шестнадцати (*Palazzo desedici*), папа, окруженный рыцарями и военачальниками, сидѣлъ подъ триумфальнымъ балдахиномъ изъ темно-зеленаго бархата, по которому были вышиты золотомъ дубовые листья и жолуди—геральдическій знакъ Юліева дома—делла Ровере.

Епископъ, приближенный кардинала Содерини, встрѣтилъ Буонаротти въ дверяхъ, положилъ руку на его плечо и сталъ успокаивать:

— Какъ вы себя чувствуете, сынъ мой? Главное, не теряйте присутствія духа. Господь милостивъ,—папа се-

годня въ хорошемъ настроеніи. Не бойтесь, ужъ мы за васъ похлопочемъ.

Микель-Анжело взглянулъ на епископа: это былъ вертлявый человѣкъ съ угодливымъ и приторнымъ выраженіемъ лица.

— Главное, присутствіе духа,—повторялъ онъ хлопотливо.—Сложите руки, смотрите его святѣйшеству въ глаза; его святѣйшество любить, чтобы ему смотрѣли прямо въ глаза. Изобразите кротость и смиреніе въ лицѣ...

Епископъ подвелъ художника къ престолу папы. Микель-Анжело сталъ на колѣни.

Юлій взглянулъ на него исподлобья и тотчасъ же отвелъ глаза. Въ старческихъ пальцахъ сжималъ онъ косяную ручку своего страшнаго знаменитаго посоха. Наконецъ Юлій проговорилъ тихо и угрюмо:

— *In cambio di venir tu a trovar noi, tu hai aspettato che veniamo a trovar te?*—Вмѣсто того, чтобы тебѣ явиться къ намъ, ты подождаль, пока мы сами не пришли къ тебѣ?

Его святѣйшество хотѣлъ этимъ сказать, что Болонья находится ближе къ Флоренціи, чѣмъ Римъ, и такимъ образомъ онъ первый пріѣхалъ къ Микель-Анжело въ Болонью.

Художникъ произнесъ заранѣе приготовленныя слова, — вѣжливо извинялъ свой поступокъ, увѣряя, что не имѣлъ желанія оскорбить его святѣйшество. Онъ позволилъ себѣ покинуть Римъ, полагая, что болѣе не нуженъ папѣ.

Юлій не отвѣчалъ и сидѣлъ, опустивъ голову. Лицо его было гнѣвно, брови нахмурены, и судорожно подергивались углы плотно сжатаго, старческаго, ввалившася рта. Наступило молчаніе.

Тогда угодливый епископъ рѣшилъ, что пора заступиться, что иначе дѣло можетъ кончиться плохо для Буонаротти. Среди зловѣщаго молчанія онъ произнесъ жалобнымъ и глупымъ голосомъ:

— Ваше святѣйшество, простите бѣднягу, не извольте на него гнѣваться. Такой ужъ народъ всѣ художники: съ нихъ и спрашивать нельзя, это люди невѣжественные, необразованные, ничего не разумѣютъ, кромѣ своего ремесла...

— Дуракъ!—закричалъ папа такимъ голосомъ, что у епископа ноги подкосились отъ испуга, — ты говоришь ему дерзости, которыхъ и мы не говоримъ. Невѣжда не онъ, а ты. Въ мизинцѣ этого человѣка больше ума, чѣмъ въ твоей головѣ. Убирайся къ чорту!

И онъ съ яростью замахнулся костью на епископа, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

Тогда конюхи, лакеи, приспѣшники окружили, затерли, отѣснили его, сначала потихоньку, подталкивая подъ локти, потомъ уже не церемонясь, выпроваживая въ двери, по выраженію самого Микель-Анжело, который впоследствии нерѣдко рассказывалъ объ этомъ случаѣ друзьямъ своимъ,—«лакейскими толчками».

Папа сорвалъ сердце на епископѣ. Всѣ вздохнули свободнѣе. Юлій велѣлъ художнику приблизиться, поднялъ его и милостиво далъ благословеніе:

— Чудакъ,—молвилъ папа, и улыбка заиграла на его губахъ.—Чего ты струсилъ? Думалъ, я тебя съѣмъ, что ли?

Потомъ лицо его сдѣлалось серьезно, онъ наклонился и сказалъ ему на ухо быстро и тихо, такъ, чтобы окружающіе не могли слышать:

— Не вѣрь клеветникамъ, какъ я не вѣрю, и знай, Буонаротти, сколько бы ты ни жилъ, не найдешь ты другого человѣка, кто бы такъ любилъ тебя, какъ я.

Онъ обнялъ, поцѣловалъ Микель-Анжело въ лобъ, и оба почувствовали, что понимаютъ другъ друга.

XI.

Вскорѣ послѣ этого свиданія, папа, еще находясь въ Болоньѣ, приказалъ художнику вылѣпить съ него громадную статую, отлить изъ мѣди и поставить въ нишѣ надъ

главнымъ входомъ въ церковь св. Петронія. Для исполненія заказа положилъ онъ въ банкъ мессэра Антоніо Марія Леньяно тысячу скуди. Буонаротти съ жаромъ принялся за дѣло, и до отъѣзда Юлія въ Римъ глиняная модель статуи была готова.

Однажды, папа пришелъ къ нему въ мастерскую взглянуть на работу. Святой отецъ былъ изображенъ благословляющимъ народъ правою рукою, но художникъ не зналъ, что дать ему въ лѣвую.

— Не пожелаете ли книгу, ваше святѣйшество?—спросилъ онъ Юлія.

— Книгу!—воскликнулъ папа.—О, нѣтъ, я человѣкъ неученый. Не книгу, а мечъ. *Mettivi una spada, che io poso di lettere.*

Потомъ, указывая на могучее и грозное движеніе поднятой правой руки, папа, улыбаясь, спросилъ его:

— Что это? Благословеніе или проклятiе?

— Ваше святѣйшество, — отвѣчалъ Микель-Анжело, — вы говорите жителямъ Болоньи, что накажете ихъ, если они будутъ непослушны.

Буонаротти провелъ шестнадцать мѣсяцевъ въ тяжеломъ трудѣ, лишеніяхъ и заботахъ, отливая статую. Наконецъ она была готова: надъ входомъ въ церковь спдѣлъ мѣдный папа, какъ живой, съ грозно поднятою десницею, но въ лѣвой рукѣ держалъ онъ не книгу и не мечъ, а ключи св. Петра.

Эта статуя погибла безслѣдно. Граждане Болоньи, которые нѣкогда встрѣчали восторженными криками Юлія-тріумфатора, по возвращеніи изгнанныхъ папою герцоговъ Бентиволіо, съ яростью, бранью и хохотомъ стащили веревками статую на площадь и разбили ее вдребезги; герцогъ Альфонсо д'Эсте, большой любитель и знатокъ артиллеріи, выпллъ изъ обломковъ громадную пушку, которая получила имя Юлія.

Микель-Анжело, окончивъ работу, вернулся въ Римъ и надѣялся, что папа позволитъ ему продолжать гробницу.

Но враги готовили новыя сѣти. Браманте не могъ успокоиться, придумывалъ средства, чтобы поссорить папу съ Буонаротти, и съ этою цѣлью пригласилъ изъ Урбино своего родственника, юнаго Рафаэля Санціо. Онъ угадалъ, что Рафаэль будетъ единственнымъ соперникомъ, страшнымъ для Буонаротти не въ скульптурѣ, а въ живописи. Браманте рѣшилъ заманить Микель-Анжело въ живопись и сталъ нашептывать папѣ, что слѣдуетъ покрыть фресками потолокъ недавно перестроенной капеллы Сикста и что во всемъ мірѣ нѣтъ человѣка болѣе способнаго къ столь трудному дѣлу, чѣмъ Микель-Анжело. Браманте надѣялся, что если Буонаротти не приметъ заказа, то возстановитъ противъ себя папу, если же согласится, то славу его, какъ живописца, затмитъ Рафаэль.

Микель-Анжело понялъ намѣреніе враговъ и старался избавиться отъ заказа. Онъ убѣждалъ папу, что слѣдуетъ поручить это дѣло Рафаэлю, что онъ Буонаротти, отвыкъ отъ живописи, не разумѣетъ и не любитъ этого искусства. Но таковъ былъ нравъ Юлія: чѣмъ больше Микель-Анжело упорствовалъ, тѣмъ непреклоннѣе становилась воля папы. Дѣло грозило окончиться новою ссорой. Браманте злорадовался.

— Нашла коса на камень,—говорилъ онъ сообщникамъ своимъ, весело потирая руки.

Наконецъ Микель-Анжело понялъ, что сопротивленіе бесполезно, и, скрѣпя сердце, съ отчаяніемъ въ душѣ, началъ подготовительные рисунки.

Сикстинская капелла—узкое, длинное зданіе съ высокими окнами, съ гладкими голыми стѣнами безъ всякихъ украшеній. Продолговатый потолокъ съ дугообразными отвѣсами хорошо освѣщенъ. Желая оставить свободное мѣсто для совершенія службъ церковныхъ, папа не позволилъ загромождать нижней части часовни. Лѣса надо было строить такъ, чтобы безъ подпорокъ они держались на высотѣ, соединяясь съ поломъ только узкими опасными лѣстницами.

Папа поручилъ Браманте постройку лѣсовъ. Онъ долго не зналъ, какъ приступить къ этому трудному дѣлу. Нако-

нець придумаль способъ: продѣлалъ въ крышѣ и потолокѣ небольшія дыры, въ которыя пропустилъ канаты: на нихъ должны были держаться легкіе висячіе мостики. Эта сложная сѣть веревочной паутины—хитрая воздушная постройка, была чудомъ искусства, но чудомъ бесполезнымъ.

Микель-Анжело, увидѣвъ ее, разсмѣялся въ лицо Браманте:

— Что же мы будемъ дѣлать съ дырами, когда придется покрывать эти мѣста живописью?

Браманте смутился, пожалъ плечами и отвѣтилъ, что иначе сдѣлать нельзя, если не стронть подпорокъ снизу, чего папа не позволяетъ.

Тогда Буонаротти пошелъ къ Юлію и объявилъ, что лѣса Браманте никуда не годятся.

— Ежели онъ не умѣетъ,—возразилъ папа, бросая гнѣвный взглядъ на архитектора,—сдѣлай самъ.

Браманте почувствовалъ, что попалъ въ яму, которую рылъ другому.

Микель-Анжело разобралъ веревочную паутину, за дѣлалъ дыры, при чемъ вынутыхъ канатовъ оказалось такое множество, что бѣдный помощникъ его, плотникъ Козимо, которому онъ ихъ подарилъ, на вырученныя за нихъ деньги выдалъ замужъ двухъ дочерей.

Буонаротти постороилъ лѣса безъ помощи веревокъ искусно утвердивъ на карнизахъ выступы бревенъ и досокъ, соединяя ихъ и переплетая такъ, что подмости становились тѣмъ прочнѣе и надежнѣе, чѣмъ болѣе накладывали на нихъ тяжестей.

Эта постройка открыла глаза Браманте, научила его воздвигать лѣса, и онъ воспользовался урокомъ, когда стронть подмости для церкви св. Петра.

Боясь, что собственныхъ силъ не хватитъ для выполненія замысла, Буонаротти пригласилъ изъ Флоренціи живописцевъ—Граначчіо, Буджіардино, Бастьяноди Санъ-Галло.

Но скоро увидѣлъ онъ, что помощники бесполезны; они раздражали его упрямствомъ и неумѣлостью. Мало-по-малу онъ началъ ихъ избѣгать, потомъ отпустилъ

совершенно, и они уѣхали домой оскорбленные и негодующіе.

Микель-Анжело принялся за работу одинъ, никого не пуская на лѣса, кромѣ плотника—молчаливаго Козимо. Лицомъ къ лицу съ почти непреодолимыми трудностями Буонаротти отказался отъ всякой помощи.

Окончивъ первыя картины, онъ разобралъ часть подмостковъ, чтобы взглянуть на работу снизу, и убѣдился, что размѣры человѣческихъ фигуръ слишкомъ малы, не соотвѣтствуютъ высотѣ потолка. Онъ долженъ былъ уничтожить все сдѣланное и сизнова начать работу.

Картина потопа была готова, когда за ночь, при сѣверномъ вѣтрѣ «трамонтано», на стѣнахъ, покрытыхъ новою непросохшею известью, выступила плѣсень. Микель-Анжело увидѣлъ бѣлесоватыя уродливыя пятна, подъ которыми краски поблѣднѣли и кое-гдѣ совсѣмъ исчезли. Онъ побѣждалъ къ папѣ.

— Говорилъ я вашему святѣйшеству, что живопись не мое дѣло. Все, что я написалъ, погибло. Если вы не вѣрите, пошлите кого-нибудь.

Папа послалъ Джуліано-ди-Санъ-Галло, который, осмотрѣвъ стѣны, понялъ, что Микель-Анжело накладывалъ слишкомъ влажную известь: сырость, при ночномъ холодѣ, выступила плѣсенью; Санъ-Галло утѣшилъ и научилъ пріятеля снимать плѣсень такъ, чтобы она не причиняла вреда картинѣ.

Это было послѣднею попыткою Буонаротти освободиться отъ ненавистнаго заказа, послѣднею надеждою, за которую онъ ухватился, какъ утопающій за соломинку. Случилось то, чего онъ болѣе всего страшился: работа увлекала его. Она изнуряла, какъ тяжелая болѣзнь. Ему казалось, что онъ умретъ, не окончивъ ея, сойдетъ съ ума. Но онъ не могъ остановиться. Невыполнимое притягивало, какъ бездна, какъ безуміе. Такимъ онъ была созданъ. Душа его презирала возможное. И онъ работалъ поневолѣ, съ отчаянною и безповоротною рѣшимостью, съ неимовѣрною быстротою, съ убійственнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Онъ писалъ лежа, закидывая голову, чтобы видѣть потолокъ. Тѣло его такъ привыкло къ мучительному положенію, что когда становился на ноги, держалъ голову прямо,—онъ почти ничего не видѣлъ. Зрѣніе ослабѣвало; онъ боялся ослѣпнуть, страдалъ бессонницами и головокруженіями. Чтобы читать письма и бумаги, долженъ былъ подымать ихъ выше головы и обращать глаза кверху. По цѣлымъ недѣлямъ не сходилъ онъ съ лѣсовъ на землю.

Когда же сходилъ, то, понуривъ голову, угрюмый и одинокій, спѣшилъ по веселымъ улицамъ Рима и чувствовалъ съ отвращеніемъ на своемъ изможденномъ лицѣ любопытные взоры людей. Ему чудилось, что онъ долженъ казаться выходцемъ изъ могилы. Повседневныя человѣческія лица были ему противнѣе и ненавистнѣе, чѣмъ когда-либо. Завидѣвъ издали знакомаго, онъ обходилъ его, чтобы не встрѣтить. Его мучило вѣчное подозрѣніе, что за нимъ подсматриваютъ враги, подосланные Браманте. На вѣжливые поклоны друзей онъ не отвѣчалъ и отвертывался. Тогда, въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ стали говорить, и до папы дошли слухи, что Микель Анжело не въ своемъ умѣ, что онъ страдаетъ черной меланхоліей.

XII.

Однажды, въ жаркій день, когда у потолка на подмосткахъ было нестерпимо душно, Микель-Анжело работалъ съ утра, лежа на своей скамейкѣ, передвижной, катавшейся на колесахъ, съ небольшимъ деревяннымъ изголовьемъ, покрытымъ войлокомъ, чтобы оно не терло шеи. Голова его была закинута: потъ выступалъ на лбу и порою съ потолка прямо ему на лицо падали капли невысохшихъ красокъ, только что положенныхъ кистью. Къ этому онъ давно привыкъ и не обращалъ вниманія. Лицо его въ разноцвѣтныхъ пятнахъ казалось бы смѣшнымъ, если бы не было такимъ уродливымъ и страшнымъ.

Картина изображала созданіе перваго человѣка. Богъ Отецъ въ порывѣ бури, окруженный ангелами, спускается съ неба къ тѣлу Адама, лежащему на голой землѣ, и готовъ

прикоснуться, но еще ни прикоснулся рукой къ его рукѣ, чтобы дать ему жизнь. Микель-Анжело осторожно накладывалъ послѣднія тонкія, почти неуловимыя тѣни, доканчивая руку Адама, безпомощно протянутую къ Создателю, съ могучими, но неживленными мускулами, поникшую, слабую, какъ у спящаго ребенка, который долженъ и не хочетъ проснуться.

Внизу на лѣстницѣ слышался знакомый скрипъ ступеней. Буонаротти всегда боялся, чтобы его не застали врасплохъ. Онъ всталъ со скамейки и подошелъ къ двери, нарочно устроенной такъ у входа съ лѣстницы на подмости, чтобы никто не могъ взойти на лѣса, когда Микель-Анжело запираетъ ее изнутри. Надо было выломать дверь, чтобы проникнуть въ эту воздушную крѣпость.

— Кого чортъ несетъ,—подумалъ художникъ со злобою и спрятался за доски, рядомъ съ дверью, расположенныя такъ, чтобы можно было, какъ изъ засады, видѣть, кто идетъ по лѣстницѣ. Тревога оказалась напрасной. Микель-Анжело забылъ, что послалъ Козимо къ ближайшему пекарю «forpaio» за хлѣбомъ и ветчиной на завтракъ.

— Это ты? А я испугался, думалъ опять лѣзуть. Письмо?

— Почта изъ Флоренціи,—отвѣчалъ угрюмый плотникъ, карабкаясь по лѣстницѣ.

— Давай, давай скорѣе!

Онъ взялъ письмо, но передъ тѣмъ, чтобы распечатать, подумалъ: не лучше ли сперва кончить, наложить послѣднія тѣни, потомъ онъ забудетъ ихъ и не найдетъ; письмо опять разстроитъ его на цѣлый день, лишитъ силы работать. Мысли о семьѣ, письма отъ отца и братьевъ были для него единственнымъ горькимъ разсѣяніемъ, единственнымъ отзвукомъ далекой жизни. Въ послѣднее время онъ имѣлъ дурныя вѣсти изъ Флоренціи: младшій братъ Джіованъ-Симоне, необузданный, легкомысленный юноша, велъ порочную жизнь не слушался отца, разорялъ семью, бросалъ деньги на женщинъ,—эти проклятыя, святыя деньги, которыя онъ, Микель-Анжело, зарабатывалъ съ такими невыразимыми страданіями, его деньги, его кровь и потъ.

Онъ нетерпѣливо распечаталъ письмо, прочелъ, и лицо его потемнѣло, глаза вспыхнули. Онъ злобно оттолкнулъ ногою рабочую скамейку, которая далеко откатилась съ жалобнымъ визгомъ, и негодующими, большими шагами заходилъ взадъ и впередъ по скрипучимъ шаткимъ доскамъ.

Отецъ писалъ ему о братѣ Джіованъ-Симоне, который дошелъ до такой наглости, что недавно, вернувшись домой пьяный, грозилъ старику побоями.

— Подожди, я тебя проучу, негодяй!—воскликнулъ Микель-Анжело, размахивая руками, не обращая вниманія на сосредоточеннаго Козимо, который давно привыкъ къ этимъ яростнымъ монологамъ своего господина. Кончивъ скудный завтракъ, плотникъ равнодушно возился въ углу надъ кадкою со свѣжей известью для потолка.

— Ты не человѣкъ, а звѣрь,—продолжалъ Буонаротти, обращаясь къ невидимому собесѣднику—*anzi sei una bestia!* и я поступлю съ тобою, какъ со звѣремъ. Знаешь ли, несчастный, когда сынъ подымаетъ руку на отца,—дѣло идетъ о жизни и смерти?

Онъ хватался за голову съ отчаяніемъ:

— О, Господи, да неужели не могутъ они оставить меня въ покоѣ? Я скитаюсь въ Италіи, не нахожу себѣ покоя, терплю лишенія, обиды, подвергаю себя безчисленнымъ, опасностямъ, изнуряю тѣло и душу—и все для нихъ, все для отца и братьевъ. И вотъ, когда мнѣ удалось немного устроить и поддержать ихъ, этотъ полоумный хочетъ уничтожить все, что я пріобрѣлъ такими усиліями. Клянусь плотью и кровью Христовой, не быть тому вовѣки! Если бы десять тысячъ братьевъ пришли ко мнѣ, я сумѣлъ бы съ ними расправиться, какъ слѣдуетъ. Довольно на плечахъ моихъ тяжести, я больше не возьму на себя ни одного золотника.

Нѣсколько разъ онъ пытался преодолѣть волненіе и приняться за работу: ложился на скамью, привычнымъ движеніемъ закидывалъ голову и упиралъ затылокъ въ деревянную перекладину. Но каждый разъ вскакивалъ, бросалъ кисти и опять начиналъ ходить взадъ и впередъ. Онъ такъ

привыкъ къ своимъ лѣсамъ, что, не думая и не замѣчая, въ одномъ мѣстѣ на ходу разставлялъ ноги шире, какъ и слѣдовало, чтобы перешагнуть и не провалиться въ дыру между досками. Злоба душила его. Теряя самообладаніе, онъ кричалъ и грозилъ кулакомъ.

— Покажу я тебѣ, молокососъ, что значитъ бросать на вѣтеръ чужія деньги, поджигать свой домъ и свое добро. Вотъ ужъ пріѣду во Флоренцію, погоди, щенокъ, доберусь я до тебя. Не посмотрю я на вашу гордость, мессэръ Джіованъ-Симоне, завоюете вы у меня, какъ дѣти воють подъ розгами. На отца поднялъ руку!.. О, мерзавцы, всѣ мерзавцы!..

Козимо, не отнимая рукъ отъ кадки, обернулъ къ Микель-Анжело равнодушное лицо.

— Это вы правду изволили сказать, мессэръ, что всѣ мерзавцы. Изгадились людишки. Смотрѣть тошно... Давеча Браманте опять подсылалъ: денегъ даетъ, сколько хочу, только бы я позволилъ ему, когда васъ не будетъ, взглянуть на потолокъ. Я отвѣтилъ, что съ лѣстницы спущу его и этого молодчика изъ Урбино, Брамантова прихвостня, Рафаэля, если они осмѣлятся притти сюда. Мерзавцы!

Козимо выражался кратко и невразумительно. Но слуга и хозяинъ понимали другъ друга съ полуслова, даже безъ словъ.

— Козимо, есть у тебя чернильница и перо?

— Есть, какъ не быть. Все у насъ есть, кромѣ птичьего молока.

Онъ гордился хозяйствомъ своего воздушнаго жилища. Не торопясь пошелъ Козимо въ уголь, гдѣ стояли двѣ постели, порылся среди домашняго скарба, стараго платья, кухонной посуды, бутылокъ съ виномъ, горшочковъ съ жидкими красками, запаса кистей, плотничьихъ и столярныхъ инструментовъ, ящичковъ съ известью, нашель чернильницу, перо, бумагу и подаль ихъ Микель-Анжело.

И тутъ же, присѣвъ на доски передъ рабочею скамьею, художникъ рѣшительно и быстро написалъ брату, котораго, несмотря ни на что, любилъ больше другихъ братьевъ, въ буйныхъ выходкахъ Джіованъ-Симоне находя душу, подобную собственной душѣ.

Но на этотъ разъ онъ высказалъ все, что думалъ, не смягчая выраженій: anzi sei una bestia! Онъ грозилъ брату жестокою расправою, если онъ не одумается. Микель-Анжело, отправивъ письмо, вздохнулъ свободнѣе.

На слѣдующій день онъ опять принялся за картину. Когда художникъ взглянулъ на нее, онъ почувствовалъ радость. Онъ зналъ, что это не надолго, что стоитъ кончить произведеніе, чтобы оно ему опротивѣло. Но мгновенія этой обманчивой радости были единственной наградою, безъ которой онъ бы не принялъ и не вынесъ муки творчества.

Микель-Анжело радовался, думая, что въ дѣйствительности все было такъ, какъ онъ изобразилъ, и не могло быть иначе.

Блаженные духи, первозданные херувимы, которые прячутся въ бурныхъ складкахъ ризы Господней, съ неудовольніемъ, любопытствомъ и ужасомъ смотрятъ на человѣка, на своего новаго брата, а въ лицѣ Создателя—благость, которая есть совершенное знаніе. Но если Онъ благъ и знаетъ все, то зачѣмъ создаетъ обреченнаго грѣху и смерти?

ХІІІ.

Наступали сумерки. Художникъ собирался оставить работу, когда снова услышалъ внизу ненавистный скрипъ ступеней и чужіе голоса.

— Мессэръ Буонаротти! Эй, мессэръ Буонаротти,—звали его такъ, какъ будто ничуть не боялись помѣшать.

— Опять! О черти!—проворчалъ художникъ и хотѣлъ крикнуть ругательство непрошенному гостю, но, выглянувъ изъ засады, увидѣлъ внизу у подножія лѣстницы папу Юлія въ сопровожденіи двухъ конюховъ.

— Поскорѣе, мессэръ Буонаротти. Развѣ вы не видите? Его святѣйшество ожидаетъ васъ.

— Отправилъ бы я ко всѣмъ дьяволамъ ваше святѣйшество,—подумалъ Микель-Анжело, и только тогда отперъ дверь, когда убѣдился, что ни самого Браманте, ни Рафаэля Санціо не было съ Юліемъ.

Онъ сошелъ, поздоровался и попросилъ благословенія у папы съ такимъ злобнымъ видомъ, что старикъ невольно улыбнулся: онъ былъ въ хорошемъ настроеніи.

— Святой отецъ,—молвилъ Микель-Анжело,—я не со-вѣтую вамъ подыматься. Одна ступенька сломана, плотникъ не успѣлъ починить. Не дай Богъ свалиться, костей не со-берешь. Къ тому же темнѣетъ, и вы все равно ничего не увидите.

Но папа уже толкалъ его нетерпѣливо на лѣстницу.

— Ну, ну, не упрямясь же,—полѣзай впередъ и давай мнѣ руку. Если свалимся, оба расшибемся,—вмѣстѣ умремъ, какъ вмѣстѣ жили.

Дѣлать было нечего; папу не переспоришь. Микель-Анжело медленно и осторожно сталъ подыматься, помога-я и держа за руку старика, который безстрашно карабкался по узкой головокружительной лѣстницѣ безъ перилъ.

— Одичалъ ты, мессэръ Буонаротти, — подсмѣивался Юлій надъ спутникомъ,—совсѣмъ одичалъ на своихъ под-мосткахъ. Приступу къ тебѣ нѣтъ, волкомъ смотришь, того и гляди укусишь.

Микель-Анжело молчалъ и думалъ:

— Хорошо бы сбросить съ лѣстницы этого болтуна.

Они лѣзли все выше и выше: тѣ, кто смотрѣли снизу, должны были закидывать голову, и, казалось, что худож-никъ уводитъ папу въ недосягаемую бездну, въ самое небо, гдѣ въ сумракѣ исчезали ихъ соединенныя тѣни.

Наконецъ вышли они на подмости: старикъ, запыхав-шись отъ подъема, тяжело дышалъ и опирался на плечо Ми-кель-Анжело.

Потомъ онъ сталъ молча обходить лѣса и разсматривать картины. Иногда съ любопытствомъ приподнималъ куски грубой холстины, которыми были завѣшаны неоконченныя фрески. Микель-Анжело страдалъ, но долженъ былъ водить его святѣйшество за руку, вѣжливо предупреждая, гдѣ надо поставить ногу и перешагнуть дыру между досками.

Папа нетерпѣливо жевалъ старческими губами; худож-никъ видѣлъ, что онъ собирается что-то сказать.

— Ну, вотъ,—подумалъ Буонаротти съ отвращеніемъ и скукою,—начнутся совѣты.

Юлій приблизилъ лицо къ Сибиллѣ Кумской, чтобы разсмотрѣть страшныя мышцы загорѣлой руки, которою старуха-исполища поддерживала на колѣняхъ открытую книгу, читая въ ней пророчество.

— Да, терпѣніе, дьявольская анатомія!—произнесъ папа и обернулъ лицо къ художнику.—Клянусь спасеніемъ души моей, я ничего подобнаго не видѣлъ. Но это невозможно,—слышишь?

— Что невозможно, ваше святѣйшество?

— Я говорю, Буонаротти, невозможно такъ работать. Ты хочешь того, что выше силъ человѣка. Когда ты думаешь кончить потолокъ, если будешь выписывать каждый мускуль, каждую жилку?..

— Я не могу иначе,—произнесъ Микель-Анжело.

— Да для кого, скажи на милость, для кого? Когда снимуть лѣса, потолокъ будетъ на такой высотѣ, что всѣхъ этихъ твоихъ морщинокъ, мускуловъ и складочекъ все равно никто не увидитъ. Надо стоять здѣсь, на подмосткахъ и смотрѣть въ упоръ, чтобы оцѣнить эти подробности. Зачѣмъ же тратить время и силы? Это сумасшествіе.

— Я не могу иначе,—повторилъ Микель-Анжело, не скрывая досады.

— Затвердилъ, какъ попугай, не могу иначе, не могу иначе, а ты мори. Слушай Буонаротти, я старъ, смерть у меня за плечами. Я хочу чтобы ты кончилъ работу прежде, чѣмъ я умру. Ты долженъ кончить. Скорѣе, слышишь? Не выписывать,—я такъ хочу,—скорѣе!

— Въ такомъ случаѣ, ваше святѣйшество,—произнесъ Микель-Анжело тихо и злобно, — слѣдовало поручить работу кому-нибудь другому, напримѣръ, этому ловкому молодому человѣку, Рафаэлю изъ Урбино, любимцу Браманте и вашему. Они бы живо расписали потолокъ и уже, конечно, не постѣснялись бы складочками и мускулами, которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, чернь, глазѣющая

снизу, не оцѣнить. Я согласенъ уничтожить работу, но испортить ее никому не позволю...

Юлій застучалъ костью о звонкія доски пола.

— Что, что ты сказалъ? Повтори. Не хочешь ли, чтобы я велѣлъ тебя сбросить съ подмостковъ.

— Если вамъ угодно, я могу повторить,—произнесъ Микель-Анжело невозмутимо,—я сказалъ, что не двину пальцемъ скорѣе, чѣмъ нужно для моей работы, и кончу ее не ранѣе, чѣмъ буду въ силахъ.

— Буду въ силахъ! Буду въ силахъ!—произнесъ папа, дрожа отъ злости и наступая на него,—подожди, негодный, научу я тебя, какъ должно говорить со своимъ отцомъ и благодѣтелемъ!..

Онъ два раза ударилъ его палкою.

Микель-Анжело молча посмотрѣлъ ему въ глаза. Подъ этимъ взглядомъ Юлій притихъ. Черезъ нѣсколько мгновений онъ уже раскаивался. Когда они спустились съ подмостковъ, старикъ обернулся къ Микель-Анжело и хотѣлъ ему что-то сказать на прощаніе, но, увидѣвъ лицо художника, смѣшался, опять разсердился на себя и, какъ виноватый поскорѣе ушелъ въ сопровожденіи конюховъ.

Въ тотъ же вечеръ къ Буонаротти пришелъ папскій любимецъ, молодой Аккорзіо, и, объяснивъ, что онъ посланъ его святѣйшествомъ, съ невиннымъ безстыдствомъ передалъ кошелекъ, туго набитый золотомъ,—въ немъ оказалось пятьсотъ дукатовъ,—просилъ позабыть обиду и старался, какъ могъ и умѣлъ, извинить своего господина. Аккорзіо былъ такъ очарователенъ, говорилъ съ такою вкрадчивою улыбкою и женственною граціей, что Микель-Анжело не пробовалъ возражать, не могъ сердиться, взялъ подарокъ, поцѣловалъ мальчика въ лобъ и отпустилъ съ миромъ, сказавъ, что прощаетъ обиду его святѣйшеству.

Микель-Анжело понялъ: Юлій готовъ былъ на все, только бы съ нимъ помириться, боясь, чтобы Буонаротти снова не покинулъ его и не убѣждалъ во Флоренцію.

XIV.

Наконецъ наступилъ день, котораго Юлію ожидалъ нетерпѣливо. Потолокъ былъ готовъ. Микель-Анжело велѣлъ сломать лѣса въ 1512 г., въ день Всѣхъ Святыхъ. Облака пыли отъ сброшенныхъ досокъ и бревенъ не успѣли улечься, когда пришелъ папа въ сопровожденіи прелатовъ, епископовъ и кардиналовъ. Косые лучи солнца падали сквозь узкія окна часовни, пронизывая голубыми снопами клубившуюся пыль. И-сквозь нее, какъ бы сквозь дымку, въ недосыгаемой высотѣ папа увидѣлъ созданіе Буонаротти. Юлію казалось, что стѣны и потолокъ раздвинулись, и онъ созерцаетъ лицомъ къ лицу открывшуюся бездну.

Посрединѣ было девять картинъ, изображавшихъ твореніе неба и земли изъ хаоса, солнца и луны, вода и растеній, перваго человѣка, жены его, выходящей по слову Бога изъ ребра Адама, грѣхопаденіе, жертву Авеля и Каина, потопъ, насмѣшку Сима и Хама надъ наготою спящаго отца.

Вокругъ девяти среднихъ картинъ, не думая о тайнахъ, заключенныхъ въ нихъ, вѣчно свободные и безопасные, играли юные боги первозданныхъ стихій, сопровождая равнодушной пляской и хоромъ трагедію вселенной.

Подъ ними—пророки и сибиллы, гиганты, оттягченные скорбью и мудростью.

Еще ниже—предки Иисуса Назарянина, рядъ поколѣній, покорно передававшихъ другъ другу безцѣльное бремя жизни, томившихся въ мукахъ рожденія, питанія и смерти. Они не участвовали въ мудрости пророковъ и сибиллъ, не слышали бури Господней, которая волновала веселые хороводы стихійныхъ боговъ. Въ домашнемъ сумракѣ, въ семейной тишинѣ, они только любили, укрывали и грѣли дѣтей своихъ, ожидая пришествія невѣдомаго Искупителя.

Такъ Микель-Анжело изобразилъ три ступени бытія: веселіе боговъ, мудрость пророковъ, любовь матерей къ своимъ дѣтямъ. Но трагедія Бога и человѣка, тайна бытія не разрѣшилась ни веселіемъ, ни любовью, ни мудростью.

Осмотрѣвъ потолокъ, Юлій обнялъ Микель-Анжело.

— Слава тебѣ, Буонаротти, — произнесъ папа, и слезы блеснули на его глазахъ, — слава тебѣ и мнѣ, ибо если бы не мое упорство, если бы я не стоялъ надъ тобою, не понукалъ тебя и не надоѣдалъ, ты никогда не кончилъ бы.

Кардиналъ, считавшій себя знатокомъ живописи, указывая на потолокъ, произнесъ:

— Ваше святѣйшество, не находите ли вы, что слѣдовало бы протрогать эту картину золотомъ и аквамаринномъ. А то простому народу потолокъ покажется бѣднымъ. Золото въ церкви никогда не мѣшаетъ.

Папа съ улыбкой обернулся къ Буонаротти.

— Что ты скажешь?

— Скажу, блаженный отецъ, что болѣе не прикоснусь къ потолку: что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ. Конечно, легко украсить живопись золотомъ и аквамаринномъ по церковному обычаю. Но зачѣмъ? Люди, изображенные въ моихъ картинахъ, были не изъ тѣхъ, которые украшаются золотомъ и пышными одеждами.

Толпами сходились римляне въ часовню Сикста. Повсюду говорили о новыхъ фрескахъ; рыночныя торговки болтали и спорили о живописи. Лансы Имперіи, Анжелики, даже знаменитая своимъ легкомысліемъ «Мадреманонъ-вуоле», всѣ модныя римскія куртизанки рассуждали о томъ, кто изъ двухъ живописцевъ выше, Рафаэль или Микель-Анжело.

А самъ Буонаротти ходилъ какъ потерянный. За двадцать мѣсяцевъ онъ такъ успѣлъ привыкнуть къ своей работѣ, что, лишившись ея, чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-либо. вмѣсто заслуженной радости въ душѣ его были холодъ, пустота и скука.

Въ часовню онъ почти не заходилъ, чтобы не слышать нелѣпыхъ сужденій о себѣ или еще болѣе нелѣпыхъ восторговъ.

XV.

Однажды, понадобилась ему кожаная сумка съ бумагами и письмами, забытая въ ящикѣ среди хлама и сброшенныхъ лѣсовъ, которые не успѣли убрать изъ капеллы. Къ счастью,

въ этотъ день народу было мало: всѣ пошли на большой праздникъ въ церковь св. Петра.

Микель-Анжело рылся въ ящикѣ; никто его не видѣлъ. Нагроможденныя доски и бревна сваленныхъ подмостковъ закрывали его. Художникъ съ тайнымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на пыльные развалины своей неприступной крѣпости, гдѣ онъ провелъ столько памятныхъ дней.

Отыскивая нужную сумку и разбирая хламъ, тщательно сложенный бережливымъ Козимо, онъ услышалъ вблизи споръ двухъ посѣтителей. Судя по говору, одинъ изъ нихъ былъ чужеземецъ, пріѣхавшій въ Италію съ далекаго сѣвера, вѣроятно, фламандскій художникъ. Въ другомъ Буонаротти узналъ венеціанца, пбо тосканское g онъ выговаривалъ подѣтски смѣшно и мягко, какъ z. Мессэра Джіорджіо, своего собесѣдника, онъ называлъ мессэромъ Зіорзіо.

Буонаротти старался не обращать вниманія на ихъ разговоръ, но отдѣльныя слова и выраженія спорившихъ поразили его, и онъ съ любопытствомъ прислушался къ бесѣдѣ.

— Какъ? И вы еще спорите, мессэръ Зіорзіо,—горячился венеціанецъ,—нѣтъ, нѣтъ, всѣми комментаріями Аверроэса къ Аристотелю вы не докажете, что когда-либо Рафаэль создастъ что-нибудь подобное этому потолку.

— Почему вы знаете, мессэръ Федерико, что онъ создастъ? Рафаэль молодъ,—возразилъ медлительный и хладнокровный фламандецъ.

— Да, молодъ годами, мессэръ Зіорзіо. Но онъ себя показалъ до конца. Онъ тутъ весь, какъ на ладони. Рафаэль всегда подражаетъ.

— Подражаетъ природѣ, тѣмъ лучше!—возразилъ Джіорджіо.

— Въ томъ-то и дѣло, что не одной природѣ. Сперва онъ подражалъ своему учителю Перуджино, потомъ Леонардо да-Винчи, потомъ древней живописи, которую отыскалъ въ римскихъ подземныхъ гротахъ. Теперь,—увидите, какъ усердно начнетъ онъ подражать Микель-Анжело: Рафаэль беретъ у всѣхъ.

— Береть у всѣхъ и всѣмъ возвращаетъ сторицею,— перебилъ Джіорджіо,—старое дѣлаетъ новымъ, чужое— своимъ.

— О, я не спорю, это—великій художникъ, самый великій и неподражаемый изъ подражателей... А кстати, слышали вы, мессэръ Зіорзіо, что, когда потолокъ еще не былъ оконченъ, онъ хлопоталъ черезъ Браманте, чтобы его святѣйшество отнялъ работу у Буонаротти и поручилъ расписать другую половину потолка ему, Рафаэлю... Видите ли, онъ чувствуетъ свою слабость и боится,—иначе онъ не сталъ бы прибѣгать къ такимъ средствамъ!

— Вы говорите о человѣкѣ, не о художникѣ. Какое мнѣ дѣло до человѣка, мессэръ Федерико?

— Каковъ человѣкъ, таковъ художникъ. Рафаэль осквернилъ себя корыстью. Онъ любитъ искусство и славу, но еще больше любитъ жирные куски со стола кардиналовъ, свой роскошный палаццо, построенный для него Браманте, своихъ лошадей и наложницъ. Онъ пишетъ Мадоннъ и живетъ какъ язычникъ изъ стада Эпикура. Обманываетъ простодушныхъ, прикидывается неземнымъ созданиемъ, самымъ невиннымъ изъ мечтателей, но этотъ *fortunato garzon*, по выраженію моего друга Франчіа, этотъ херувимъ, слетѣвшій къ намъ съ высотъ Урбино, удивительно ловко устраиваетъ свои дѣла. Впрочемъ, онъ имѣетъ то, чего хотѣлъ и чего заслуживаетъ; да, у Рафаэля—«счастливаго мальчика»—безсмертная слава. Чего же больше? Онъ останется навѣки идиоломъ людей, любящихъ въ искусствѣ пріятное, доступное и поверхностное, людей чувствительныхъ и мало думающихъ, богомъ живописи для толпы.

— А кто же богъ избранныхъ?—спросилъ фламандецъ. Мессэръ Федерико указалъ на потолокъ часовни.

— Тотъ, кто это создалъ, съ кѣмъ счастливому мальчику я посовѣтовалъ бы никогда не соперничать.

— Въ словахъ вашихъ много правды, Федерико, но я хотѣлъ бы нѣчто сказать,—только не знаю, сумѣю ли выразить мою мысль: я плохо говорю по-итальянски, и у меня нѣтъ привычки говорить о такихъ предметахъ....

Микель-Анжело давно забылъ о томъ, зачѣмъ туда пришелъ и пересталъ рыться въ ящикѣ; съ жаднымъ вниманіемъ приблизилъ онъ ухо къ тонкимъ доскамъ, чтобы не потерять ни слова, и, не понимая причины своего волненія, чувствовалъ, какъ сердце бьется все чаще. Съ трепетомъ боязни ожидалъ онъ, что возразитъ мессэръ Джіорджіо.

— Видите ли, Федерико, — началъ фламандецъ медлительно, путаясь въ словахъ и запинаясь, — вы говорите, мысль... Конечно, я съ этимъ спорить не могу: у Микель-Анжелса — мысль. Онъ думаетъ и знаетъ, чего хочетъ. И потомъ — сила, это главное. Такой силы нѣтъ ни у кого. Когда смотришь, все время удивляешься и видишь, какъ онъ старается сдѣлать хорошо, такъ хорошо какъ до него никто не дѣлалъ. Думаешь, какъ ему трудно и какая сила. Буонаротти ничего не получаетъ даромъ, сколько заработаетъ, столько возьметъ. А у Рафаэля не такъ. Не видно, чтобы онъ работалъ, кажется само сдѣлалось нечаянно, онъ не старается, чтобы вышло хорошо, а выходитъ лучше, чѣмъ когда стараются. Ему легко — у него все даромъ. Когда смотришь на греческія статуи, которыя выкапываютъ изъ-подъ земли, тоже думаешь, не трудно бы такъ сдѣлать. А пусть кто-нибудь попробуетъ! Это легкое — есть трудное, послѣднее въ искусствѣ, то что безъ Бога невозможно, какъ чудо. И это важнѣе мысли, потому что оттуда всѣ мысли и туда идутъ. Я говорю не ясно, мессэръ Федерико, но, можетъ-быть, вы поймете. Микель-Анжело — противъ Бога. А Рафаэль съ Богомъ. Вотъ почему ему легко, и душа у него ясная, какъ зеркало. Вы говорите о деньгахъ, о лошадяхъ, о женщинахъ. Это — маленькое, житейское. Зачѣмъ объ этомъ говорить? Рафаэль можетъ дѣлать злое, жить какъ язычникъ, а все-таки душа у него — ясная. Микель-Анжело дѣлаетъ доброе, живетъ какъ святой, а душа у него темная, страшная, и никогда въ ней не будетъ свѣта. Я знаю, что Микель-Анжело сильнѣе Рафаэля, но вспомните, мессэръ, слово священнаго писанія: Богъ не въ буряхъ, а въ тишинѣ.
.

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого разговора, 24 октября 1542 года, изъ Рима Буонаротти, въ заключеніе одного письма къ монсиньору Синегельскому, епископу Марку Вигерію, писалъ слѣдующее:

«Всѣ несогласія, происшедшія между папою Юліемъ и мною, произошли отъ зависти Браманте и Рафаэля Урбинскаго. Вотъ причина, по которой папа не продолжалъ заниматься гробницею и разорилъ меня. Что касается до Рафаэля, то онъ имѣлъ причину завидовать мнѣ, потому что всѣ познанія въ искусствѣ онъ пріобрѣлъ отъ меня».

Чувствуя, что эти слова несправедливы, Микель-Анжело все-таки написалъ ихъ, потому что завидовалъ Рафаэлю, счастливому и ничтожному мальчику.

XVI.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Буонаротти окончилъ потолокъ Сикстинской капеллы. Старость приближалась, но, несмотря на страданія и труды, здоровье его не ослабѣвало, а какъ будто крѣпло. Онъ говаривалъ шутя, что люди, всю жизнь имѣющіе дѣло съ камнями, подъ конецъ сами каменѣютъ. Только лицо покрывалось морщинами, кожа темнѣла, сохла,—онъ дѣлался все уродливѣе. Когда маленькимъ дѣтямъ случалось его встрѣтить неожиданно въ сумеркахъ на пустынной улицѣ, они убѣгали съ плачемъ и рассказывали матерямъ, что видѣли чорта.

Витторія Колонна, вдова маркиза Пескарскаго, дочь надменнаго Фабриція Колонна, со смерти мужа, жила вдаль отъ свѣта, какъ монахиня, но въ благочестіи сохраняла гордость древняго рода. Витторія чтитъ геній Микель-Анжело, позволяла ему любить себя, но онъ никогда не забывалъ, что она принадлежитъ другому, покойному мужу своему, единственному человѣку, котораго маркиза всю жизнь любила.

Такъ они оба состарѣлись, и за долгіе годы Микель-Анжело ни разу не сказалъ ей, что любитъ ее. Даже въ стихахъ боготворилъ ее издалека, мадригалы и сонеты его были полны

не страстью, а модною въ то время платоническою риторикой.

«Ваятель,—писалъ онъ ей,—задумавъ статую, лѣпитъ ее сначала изъ глины, потомъ уже молотомъ высѣкаетъ изъ мрамора. Такъ я былъ несовершенною глиняною формою, пока вашъ рѣзецъ, о, мадонна, не сдѣлалъ изъ меня новаго чело-вѣка. Но какая мука ожидаетъ мое непокорное сердце, если вы захотите до конца научить и наказать его?»

Однажды, ненастнымъ вечеромъ, въ концѣ февраля 1546 года, Микель-Анжело направлялся изъ своего маленькаго дома у подножія Монте-Кавалло въ монастырь Санта Анна-дей-Фунари, куда пригласила его только что пріѣхавшая въ Римъ изъ Витербо маркиза Колонна.

Шелъ мелкій дождь; на улицахъ было холодно, грязно и темно. Онъ думалъ о предстоящемъ свиданіи. Одной изъ мукъ его любви было то, что онъ не могъ вообразить себѣ ея лица, когда не видѣлъ: помнилъ каждую отдѣльную черту, но не умѣлъ соединить ихъ.

Онъ слышалъ, что маркиза въ послѣдніе годы постарѣла. Ее преслѣдовали несчастія. Родственники погибли въ смятеніяхъ. Надменный родъ Колонна былъ униженъ и низвергнутъ папами Фарнезе. Витторія осталась одна, покинутая, окруженная врагами. Онъ зналъ, что недавно она перенесла тяжелую болѣзнь.

Подымаясь по монастырской лѣстницѣ и спрашивая сестеръ бенедиктинокъ, въ какомъ покоѣ остановилась маркиза, онъ чувствовалъ, что колѣни его дрожать, и ему было стыдно, что, шестидесятилѣтній старикъ, онъ робѣетъ передъ свиданіемъ, какъ влюбленный мальчикъ.

Его привели въ большую келью съ бѣлыми стѣнами. Огней еще не зажигали. Сквозь стекла оконъ, сѣрыхъ, мутныхъ отъ дождя, какъ будто заплаканныхъ, падалъ свѣтъ зловѣщихъ сумерекъ. Angelus звучалъ, какъ похоронный колоколь. Среди монахинь, на креслѣ, увидалъ онъ маркизу Витторію. Сердце его сжалось. Передъ нимъ была старая женщина. Въ черномъ шелковомъ платьѣ, не опираясь на высокую спинку кресла, держалась она прямо, и въ ея осанкѣ была гор-

дочь древняго рода вдовы маркиза Пескарскаго, дочери Фабриція Колонна, которая одно время должна была сдѣлаться неаполитанской королевой. Сквозь кисею вдовьяго покрывала, спускавшагося низко на лобъ, закрывавшаго плечи, грудь и шею, онъ увидѣлъ сѣдые волосы. Выраженіе спокойствія и печали было вокругъ увядшаго рта, въ глазахъ, все еще прекрасныхъ; но онъ замѣтилъ въ нихъ покорную доброту,—признакъ старости.

Онъ подошелъ и привѣтствовалъ ее почтительно. Слабый румянецъ покрылъ ея щеки. Послѣ первыхъ незначительныхъ словъ, когда монахини отошли въ другой конецъ комнаты, Витторія, наклонившись, произнесла тихимъ голосомъ, съ робкою и стыдливою улыбкою:

— Вы удивились, мой другъ, увидѣвъ меня такою, не правда ли? Я очень постарѣла...

Онъ хотѣлъ сказать, что для него она не можетъ быть старою, что онъ любитъ, какъ всегда, еще больше, чѣмъ всегда, но не посмѣлъ и только взглянулъ на нее глазами, полными такой боязливой нѣжности, что она поняла все и отвѣтила ему долгимъ, благодарнымъ взглядомъ. Въ этотъ день, прощаясь, маркиза Колонна первый, единственный разъ въ жизни взяла его за руку, и Микель-Анжело нѣсколько дней, вспоминая это прикосновеніе, ходилъ, какъ потрясанный, отъ радости и удивленія.

Онъ сталъ посѣщать монастырь святой Анны. Въ присутствіи монахинь разсуждали они подолгу о текстахъ священнаго писанія, о Богѣ, осмерти, о будущей жизни. Онъ чувствовалъ себя болѣе близкимъ къ Витторіи, чѣмъ когда-либо, писалъ ей, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, пламенные, благоговѣйные и риторическіе сонеты, въ которыхъ, сравнивая ее съ Беатриче, съ Лаурой, прославлялъ ея бессмертную молодость.

Она опять заболѣла. Въ Римѣ съ еще большею силою возобновилась изнурительная лихорадка. На глазахъ его она ослабѣвала и таяла. Онъ думалъ о концѣ, но не вѣрилъ въ него: смерть Витторіи казалась ему невозможной. По мѣрѣ того, какъ приближалась вѣчная разлука, улыбка ея становилась все прекраснѣе и прекраснѣе.

«Она обѣщаетъ мнѣ такъ много,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ,— что когда я смотрю на нее, мнѣ кажется, я дѣлаюсь прежнимъ, молодымъ, хотя я очень старъ, и уже поздно. Смерть между нами, и я могу любить ее прежнею любовью только въ тѣ краткія мгновенія, когда забываю о смерти. Но мысль моя все чаще возвращается къ ней, и жаръ любви остываетъ отъ смертельнаго холода — *dal mortal ghiaccio è spento il dolce ardore*».

Предчувствіе Микель-Анжело исполнилось. Въ началѣ 1547 года Витторія умерла. Онъ не плакалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и былъ похожъ на сумасшедшаго. Лицо его выражало недоумѣніе, успіе и невозможность понять то, что случилось.

Но онъ не умеръ и не сошелъ съ ума, только внутри все въ немъ еще болѣе окаменѣло.

Черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Витторіи, Микель-Анжело рассказывалъ однажды событія своей долгой и печальной жизни молодому художнику, одному изъ немногихъ своихъ учениковъ, Асканіо Кондиви, который записывалъ ихъ, чтобы передать потомству. Рѣчь зашла о маркизѣ Пескарской. Микель-Анжело говорилъ о ней мало, но спокойно. Вдругъ измѣнившимся тихимъ голосомъ онъ произнесъ:

— Асканіо, я скажу тебѣ то, чего никому не говорилъ. Когда она лежала въ гробу, и я пришелъ проститься, я поцѣловалъ ея руку и не осмѣлился поцѣловать въ лобъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ это мучаетъ меня, сынъ мой...

И, забывъ о присутствіи ученика, онъ долго сидѣлъ неподвижно, въ забытїи. Медленные слезы струились изъ глазъ его по старымъ щекамъ съ глубокими, безобразными морщинами.

XVII.

Папа Юлій II передъ смертью завѣщалъ Микель-Анжело окончить гробницу и оставилъ для этого деньги душеприказчикамъ своимъ, кардиналамъ Санти-Кварто и Аджиенци. Съ особенною любовью возобновилъ Буонаротти работу

своей молодости. Но преемникъ Юлія, Левъ X, заставилъ бросить начатое дѣло, чтобы ѣхать во Флоренцію, гдѣ вздумалось папѣ украсить мраморомъ фасадъ церкви своего прихода—Санъ Лоренцо. Микель-Анжело умолялъ, чтобы его оставили въ покоѣ, напоминая условія, сдѣланныя съ душеприказчиками Юлія, но Левъ не слушалъ и говорилъ:

— Предоставь мнѣ окончить это дѣло: я берусь удовлетворить всѣхъ.

И, пославъ за обоими кардиналами, велѣлъ имъ освободить Микель-Анжело отъ исполненія условій. Со слезами на глазахъ покинулъ художникъ злополучную гробницу и отправился во Флоренцію исполнять прихоть новаго господина.

По смерти Льва, враги Микель-Анжело распространили слухъ, что Буонаротти отъ папы Юлія за гробницу получилъ впередъ шестнадцать тысячъ скуди и, ничего не сдѣлавъ, положилъ ихъ въ карманъ. Началась нескончаемая тяжба, которая съ каждымъ годомъ запутывалась, не давала ему ни минуты покоя, и, наконецъ, такъ опротивѣла, что онъ началъ раскаиваться, что не перенесъ клеветы молча.

«Въ меня ежедневно бросаютъ камнями, какъ будто я распиналъ Христа,—писалъ онъ въ 1542 году синегельскому епископу, прося у него защиты,—этотъ гробъ Юлія скоро сдѣлается моимъ собственнымъ гробомъ. Излишняя вѣрность, которую не хотѣли оцѣнить, погубила меня. Такъ угодно моей судьбѣ... Меня называютъ воромъ и ростовщикомъ, многіе утверждаютъ, что я отдалъ въ ростъ деньги папы Юлія и обогатился ими. Если ваша милость найдетъ возможнымъ сказать слово въ мою защиту — скажите его, потому что я пишу вамъ правду. Не только передъ Богомъ, но и передъ людьми я считаю себя честнымъ человѣкомъ, потому что никогда никого не обманывалъ и потому также, что, защищая себя отъ негодяевъ, иногда, какъ видите, мнѣ можно «съ ума сойти»

И нѣсколько разъ онъ повторялъ въ письмѣ съ отчаяніемъ: «Я пишу правду. Я былъ бы радъ, если бы папа и весь свѣтъ прочли это письмо. Я не воръ, не ростовщикъ, не разбой-

никъ, но флорентійскій гражданинъ, благородный сынъ честнаго человѣка».

При жизни папы Климента, Буонаротти началъ расписывать хоръ Сикстинской капеллы. Онъ приказалъ отштукатурить стѣну и закрыть лѣсами отъ пола до потолка. Климентъ хотѣлъ, чтобы Микель-Анжело написалъ Страшный судъ, послѣднее дѣйствіе трагедіи, изображенной на потолкѣ часовни. Но на многіе годы художникъ былъ отвлеченъ отъ работы тяжбою. Папа Павелъ, принявъ къ себѣ на службу Буонаротти, требовалъ, чтобы онъ окончилъ Страшный судъ.

Работа была готова на три четверти, когда Павелъ пожелалъ взглянуть на нее, увидѣлъ, что громадная стѣна, передъ которой стоялъ алтарь и должно было совершаться богослуженіе, вся сверху донизу покрыта голыми тѣлами. Ни ангелы, ни праведники, ни грѣшники не стыдились наготы своей: земные покровы упали, и люди должны были голыми, какими вышли изъ чрева матери, предстать передъ лицомъ Божественной Справедливости. Испуганный и растерянный папа не зналъ, что сказать.

Наконецъ обратился онъ къ своему церемоніймейстеру мессэру Біаджіо-ди-Чезепа, котораго Вазари называетъ «*persona scurilosa*», и спросилъ, что онъ думаетъ.

Біаджіо отвѣтилъ:

— Это безстыднѣйшая изъ картинъ, какія я когда-либо видѣлъ, блаженный отецъ. Она достойна не папской капеллы, а общественной бани или остеріи! *Non opera di capella di papa ma da stufe e d'osterie!*

Буонаротти, услышавшій эти слова, продолжая работу, своему адскому судѣ Миносу, у котораго туловище дважды обвито змѣевиднымъ холстомъ, придалъ сходство съ Біаджіо.

Церемоніймейстеръ пожаловался папѣ, но тотъ отвѣтилъ ему съ улыбкой:

Видишь ли, другъ мой, если бы онъ помѣстилъ тебя въ чистилищѣ, я могъ бы что-нибудь сдѣлать, но ты въ аду, откуда уже никто не можетъ извлечь тебя, ибо тамъ, какъ тебѣ извѣстно, нѣтъ помилованія,—«*nulla est redemptio*».

XVIII.

Въ это время въ Венеціи жилъ знаменитый писатель Пьетро Аретино. Онъ былъ сыномъ продажной женщины въ Ареццо, отъ которой мальчикомъ убѣжалъ, обокравъ ее, попеременно дѣлался переплетчикомъ, монахомъ, уличнымъ бродягой, лакеемъ, терпѣлъ нужду, голодъ, побои, безчисленныя оскорбленія, но, наконецъ, перомъ своимъ и, по собственному выраженію, «пѣтомъ чернильницы» прибрѣлъ славу и богатство. Клеветой и лестью, угрозой пасквилей и обѣщаніемъ панегириковъ выманивалъ онъ деньги и почести у сильныхъ міра сего. Не только многіе итальянскіе государи, но и самъ императоръ выплачивалъ Аретино ежегодную пенсію. Христіаннѣйшій король Франціи подарилъ ему золотую цѣпь съ изображеніемъ змѣиныхъ языковъ, эмблемою ядовитыхъ сатирическихъ жалъ. Въ честь его была выбита медаль съ головой поэта, увѣнчанною лаврами, съ латинскою надписью: «Divus Petrus Aretinus lagellum principum»—«Божественный Петръ Аретинъ, бичъ королей», и на обратной сторонѣ: «Veritas odium parit»—«Истина рождаетъ ненависть». Подъ самыми злыми и наглými изъ своихъ пасквилей, направленныхъ противъ государей, медлившихъ подарками, онъ подписывался: *Divin agratia homo libero*—«Божіей милостью свободный человекъ». Съ легкостью и быстротой сочинялъ онъ по заказу все, что угодно. По порученію Витторіи Колонны писалъ благочестивыя размышленія и житія святыхъ, по просьбѣ ученика Рафаэля Маркантонія—сонеты къ такимъ безстыднымъ гравюрамъ, что папа, несмотря на заступничество многихъ кардиналовъ, посадилъ за нихъ художника въ тюрьму. Въ прекрасномъ палаццо на Canale Grande, въ знаменитой Casa Volani, жилъ Аретино съ царственнымъ великолѣпіемъ, окруженный постоянно смѣнявшимся гаремомъ красивыхъ женщинъ и рѣдкими произведеніями искусства. Тиціанъ ухаживалъ за нимъ, писалъ съ него портреты, дарилъ ему свои произведенія. Со всѣхъ концовъ Италіи стекались къ нему картины, рисунки, барельефы, медали,

бронзы, античные мраморы, камни, маіолики, рѣзные камни, драгоцѣнныя вазы. Когда его дворець такъ переполнялся, что больше не было мѣста, онъ дѣлился художественною добычею съ тѣми изъ вельможъ и государей, которые заслужили его милость: по собственному выраженію, поэтъ отдавалъ царямъ крохи со своего стола.

Изъ тщеславія столько же, какъ изъ враждебной любви къ прекрасному, Аретино давно горевалъ, что въ его музеѣ нѣтъ ни одного произведенія Микель-Анжело. Черезъ клеветовъ своихъ Бенвенуто Челлини и Джіорджіо Вазари нѣсколько разъ намекалъ онъ Буонаротти, что очередь за нимъ; но тотъ не удостоивалъ его отвѣтомъ.

Тогда писатель рѣшилъ самъ закинуть удочку.

Въ 1537 году обратился онъ къ Буонаротти съ однимъ изъ знаменитыхъ посланій своихъ, которыя распространялись по Италіи въ тысячахъ списковъ.

Сначала привѣтствовалъ художника, потомъ объяснялъ ему, какія свойства его таланта онъ, Аретино, болѣе всего цѣнитъ. Главная часть письма начиналась обращеніемъ: «Итакъ, я, чьи похвалы и порицанія имѣютъ такую силу, что слава или позоръ людей въ настоящее время создаются единственно мною, я, тѣмъ не менѣе, малый и, можно сказать, ничто, привѣтствую вашу милость, на что не дерзнулъ бы, если бы мое имя не достигло нѣкотораго блеска, благодаря тому уваженію, которое оно внушаетъ величайшимъ государямъ нашего вѣка. Но передъ Микель-Анжело мнѣ остается только благоговѣть. Королей на свѣтѣ много, Микель-Анжело одинъ, и онъ затмилъ славою имена Фидія, Апеллеса и Витрувія»,—письмо продолжалось въ этомъ духѣ, пока рѣчь не заходила о «Страшномъ судѣ»: тутъ Аретино давалъ совѣты и училъ художника, какъ слѣдуетъ писать картину. Въ заключеніе—новыя предложенія услугъ и готовность прославлять его имя.

Буонаротти отвѣтилъ краткой и вѣжливой запиской, въ которой чувствовалась иронія сквозь преувеличенныя похвалы.

Аретино предпочелъ не замѣтить ироніи и въ новомъ письмѣ просилъ на память хотя бы самаго маленькаго

рисунка, одного изъ тѣхъ, которые художникъ бросаетъ въ печь. Микель-Анжело не отвѣтилъ, и Аретино въ теченіе пяти лѣтъ оставилъ его въ покоѣ.

Въ 1544 году онъ извѣстилъ Буонаротти, что императоръ Карль V только что оказалъ ему, Аретино, неслыханныя почести—*stupendi opogì*—позволилъ ѣхать на конѣ по правую руку отъ себя. Челлини пишетъ, что Буонаротти благоволилъ къ Аретино. Это всего дороже поэту. Онъ любитъ и чтитъ Микель-Анжело. Онъ плакалъ отъ умиленія, увидѣвъ снимокъ со «Страшнаго суда». Его другъ Тиціано также чтитъ Буонаротти и восторженно прославляетъ его.

Микель-Анжело продолжалъ безмолвствовать. Черезъ два мѣсяца поэтъ напомнилъ черезъ римскихъ друзей объ ожидаемомъ рисункѣ. Никакого отвѣта. Аретино подождалъ годъ и напомнилъ снова. Наконецъ получилъ онъ изъ Рима жалкія отрепья, вмѣсто рисунка—бумажные клочки, которые были скорѣе насмѣшкою, чѣмъ подаркомъ. Онъ написалъ Микель-Анжело, что считаетъ себя неудовлетвореннымъ и ожидаетъ большаго. Опять молчаніе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тогда терпѣніе Аретино истощилось. Онъ послалъ Челлини угрожающее письмо. Буонаротти долженъ стыдиться; пусть онъ отвѣтитъ ему прямо, намѣренъ ли исполнить свое обѣщаніе или нѣтъ; онъ требуетъ объясненій, иначе любовь его превратится въ ненависть.

Угроза подѣйствовала такъ же мало, какъ лесть. Въ это время Тиціанъ, бывшій въ Римѣ, воспользовался удобнымъ случаемъ насплетничать покровителю своему Аретино на соперника своего Микель-Анжело и поссорить ихъ окончательно.

XIX.

Въ ноябрѣ 1545 года Буонаротти получилъ слѣдующее письмо изъ Венеціи:

«Мессэре, теперь, когда я увидѣлъ снимки «Страшнаго суда», я узнаю въ немъ, что касается до исполненія и замысла, знаменитую прелесть Рафаэля. Но какъ христіанинъ, какъ человѣкъ, принявшій святое крещеніе я стыжусь необуз-

данной свободы, съ которой вашъ духъ посягнулъ на то, что должно быть послѣднею цѣлью христіанской добродѣтели и вѣры.

Итакъ, этотъ Микель-Анжело, столь могущественный въ своей славѣ, этотъ Микель-Анжело, которому мы всѣ удивляемся, показалъ людямъ, что онъ столь же далекъ отъ благочестія, сколь близокъ къ совершенству въ искусствѣ. Какъ могло случиться, что художникъ, самъ себя уподобляющій Богу и потому прекратившій почти всякія сношенія съ обыкновенными смертными, осмѣлился такимъ произведеніемъ осквернить храмъ Бога Всевышняго, первый изъ алтарей христіанскихъ, первую капеллу міра, гдѣ великіе кардиналы, досточтимые пресвитеры, гдѣ самъ намѣстникъ Христа въ божественныхъ и страшныхъ таинствахъ приобщаются плоти и крови Господней?

Если бы не казалось почти преступнымъ сравнивать такія вещи, то я позволилъ бы себѣ напомнить вамъ, какъ въ моихъ легкомысленныхъ діалогахъ изъ жизни куртизанокъ я сумѣлъ облечь безстыдное содержаніе благородными и нѣжными словами. Тогда какъ вы, имѣя дѣло съ такими возвышенными предметами, лишаете ангеловъ ихъ небесной славы, праведниковъ—ихъ земной стыдливости. Но даже язычники облекали Діану въ покровы, и когда изображали нагую Венеру, то заботились о томъ, чтобы цѣломудренное движеніе руки замѣняло ей одежды. А вы, христіанинъ, дошли до такого безбожія, что дерзаете оскорблять въ часовнѣ папы стыдливость мучениковъ и святыхъ дѣвъ... Воистину, для васъ было бы лучше вовсе отречься отъ Христа, чѣмъ, будучи вѣрующимъ, глумиться надъ вѣрою своихъ братьевъ. Но знайте, что Небо не потерпитъ, чтобы преступная смѣлость вашего необычайнаго искусства оставалась безнаказанной. Чѣмъ удивительнѣе эта картина, тѣмъ вѣрнѣе будетъ она гробомъ вашей славы».

Потомъ Аретино переходилъ къ своимъ собственнымъ счетамъ: напоминалъ художнику, что онъ не исполнилъ обѣщанія, не прислалъ рисунка.

«Впрочемъ, если горы золота, полученныя вами отъ папы Юлія, не побудили васъ исполнить вашего долга—построить обѣщанную гробницу, то на что можетъ надѣяться такой человекъ, какъ я?.. А все-таки, положивъ въ карманъ чужія деньги и нарушивъ слово, вы сдѣлали то, чего не слѣдовало сдѣлать, и это называется воровствомъ».

Въ заключеніе онъ совѣтовалъ папѣ уничтожить «Страшный судъ», показавъ примѣръ такой же благочестивой ревности, съ какой нѣкогда папа Григорій разрушалъ изображенія языческихъ боговъ, какъ бы они ни были прекрасны.

«Если бы послѣдовали моему совѣту,—обращался онъ къ Буонаротти,—если бы вы исполнили указанія, которыя я вамъ далъ въ моемъ письмѣ, нынѣ всему міру извѣстномъ, гдѣ я подробно и научно объясняю устройство неба, ада и рая, то природѣ не пришлось бы стыдиться, что столь великимъ геніемъ одарила она такого человека, какъ вы. Напротивъ, письмо мое оградило бы ваше произведеніе отъ всякой вражды и зависти до скончанія вѣковъ.

Вашъ слуга Аретино».

Посланіе было переписано чужой рукой для того, чтобы Микель-Анжело не могъ сомнѣваться, что оно обнародовано и распространяется по всему міру, но въ концѣ были слѣдующія строки, написанныя рукой самого Аретино:

«Теперь, когда я отчасти излилъ мою ярость, причиненную грубостью, съ которою вы отвѣтили на мою доброту, и когда, смѣю надѣяться, вы имѣете достаточное доказательство того, что если вы—божественный *di-vino*—изъ вина, то и я, съ своей стороны, не изъ воды (*dell'aqua*), — разорвите это письмо такъ же, какъ я готовъ его разорвать, и признайте, что, во всякомъ случаѣ, я достоинъ получать отвѣты на свои письма даже отъ императоровъ и королей».

XX.

Папа, прочтя одну изъ безчисленныхъ копій этого письма, испугался. Первою мыслью его было послѣдовать совѣту Аретино и уничтожить «Страшный судъ». Теперь ему было

не до шутокъ. Святой отецъ самъ боялся попасть въ то мѣсто, гдѣ, «nulla est redemptio». Не могло быть никакихъ сомнѣній: письмо было доносомъ инквизиціи.

Но, немного успокоившись, папа рѣшилъ, что можно поправить дѣло такъ, чтобы волки были сыты и овцы цѣлы: по совѣту кардинала Караффа, онъ призвалъ къ себѣ Буоноротти и велѣлъ прикрыть одеждами нагія тѣла въ «Страшномъ судѣ».

— Главное, ангеловъ,—говорилъ папа.—Чертей ты можешь оставить на половину голыми. Но ангеловъ и праведниковъ изволь одѣть совершенно. Не то, что тамъ по бедрамъ какими-нибудь лоскутами, а въ длинныя пристойныя одежды... Анатоміи не жалѣй и крылья не забудь придѣлать, кому слѣдуетъ...

Микель-Анжело отказался. Тогда папа поручилъ это дѣло ученику его Даніэле-да-Вальтерра, который ревностно принялся за работу, и черезъ нѣсколько дней, къ немалому утѣшенію Павла, св. мученикъ Біаджіо со скребницей и св. Катерина съ колесомъ были одѣты. Вальтерра получилъ хорошія деньги за то, что согласился обезобразить созданіе учителя. Буоноротти молча покорился и даже съ ученикомъ своимъ не поссорился.

Тогда не только враги, но и лучшіе друзья возстали на него, увѣряя, что онъ выжилъ изъ ума отъ старости, такъ какъ иначе не могъ бы вынести безропотно такого поруганія своей картины.

Буоноротти былъ равнодушенъ ко всему, потому что въ это время умиралъ послѣдній другъ, старый вѣрный слуга его, плотникъ Козимо Урбино. Въ одномъ письмѣ къ Джіорджіо Вазари Микель-Анжело рассказывалъ объ этой смерти.

«Мнѣ трудно писать, однакоже въ отвѣтъ на ваше письмо скажу кое-что. Вы знаете, какъ умеръ Урбино. Это событіе было для меня великою божескою милостью, но оно причинило мнѣ много вреда и горя. Милость заключается въ томъ, что онъ, оживлявшій меня въ продолженіе моей жпзни, умирая, научилъ меня умирать безтрепетно, съ любовью къ смерти. Онъ прожилъ у меня двадцать шесть лѣтъ и всегда былъ рѣдкимъ, вѣрнымъ человѣкомъ. Теперь, когда я обо-

гатишь его и надѣялся, что онъ будетъ костью, успокоителемъ моей старости, онъ исчезъ, и мнѣ осталась только надежда видѣть его въ раю. Эту надежду внушилъ мнѣ Создатель его счастливою смертию,—тѣмъ, что онъ, умирая, не столько жалѣлъ о томъ, что умиралъ, сколько о томъ, что оставлялъ меня одного въ этомъ предательскомъ мѣрѣ, среди всевозможныхъ горестей. Большую часть меня онъ унесъ съ собою и мнѣ оставилъ однѣ безчисленныя непріятности. Поручаю себя вашему вниманію».

Микель-Анжело пережилъ царствованіе шести папъ—Юлія II, Льва X, Климента VII, Павла III, Юлія III, Павла IV. Всѣ современники и товарищи его умерли. Онъ былъ окруженъ новыми, чуждыми поколѣніями. Весною въ 1549 году онъ тяжело заболѣлъ. Доктора успокаивали, но не помогали. Онъ не спалъ ночей, стоная отъ боли. Ему было 75 лѣтъ. Всѣ думали, что это конецъ, но онъ выздоровѣлъ.

Съ каждымъ днемъ душа его становилась мрачнѣе: онъ думалъ только о смерти.

— Я старъ,—говорилъ онъ ученику своему Кондива,—смерть отняла у меня всѣ юношескія мысли, а кто не знаетъ, что такое старость, долженъ имѣть терпѣніе дожить до нея. Прежде этого ее нельзя узнать».

Онъ вспоминалъ свою любовь къ Витторіи, но надежда встрѣтиться съ нею въ другомъ мѣрѣ не утѣшала его.

И онъ писалъ въ дневникѣ: «На утлой ладѣ черезъ бурное море жизни я достигъ того предѣла, гдѣ мы должны дать отчетъ во всемъ. И теперь я узнаю, какимъ обманомъ была моя прихоть къ искусству, ибо всякое желаніе чело-вѣка на землѣ—обманъ. И съ любовными грезами, нѣкогда такими суетными и веселыми, что стало теперь, когда я приближаюсь къ двумъ смертямъ, одной—тѣлесной, неминуемой, другой—духовной, угрожающей? Ни живопись, ни ваяніе болѣе не утоляютъ моего сердца, обращеннаго къ той Любви, которая на крестѣ, чтобы принять насъ, открываетъ руки».

Онъ молился, но въ душѣ его не было свѣта Христова, и ему казалось, что онъ осужденъ Богомъ на вѣчную погибель.

«Горе мнѣ, горе; вспоминая столько прошедшихъ годовъ, я не нахожу среди нихъ ни одного дня, который я могъ бы назвать моимъ. Мнѣ знакомы всѣ человѣческія страсти: я плакалъ, любилъ, горѣлъ, желалъ, не сдѣлавъ ничего добраго въ моей жизни. И вотъ я ухожу мало-по-малу. Тѣни растутъ; солнце заходить, и я готовъ упасть, утомленный, изнемогающій»

Онъ продолжалъ работать, безъ цѣли, безъ радости, по привычкѣ. Однажды, въ концѣ августа 1561 г., онъ упалъ среди работы на полъ и лишился сознанія. Когда домашніе сбѣжались и привели его въ чувство, художникъ объяснилъ обморокъ тѣмъ, что всталъ рано утромъ, не одѣвая обуви и чулокъ, и три часа простоялъ за рабочимъ столомъ босыми ногами на голомъ полу. Черезъ два дня онъ поправился, могъ уже ѣздить верхомъ и опять принялся за работу, за архитектурные рисунки и планы для собора св. Петра. Ему было 86 лѣтъ. Казалось, что онъ никогда не умретъ.

Но раннею весною 1564 года обнаружилились признаки близкаго конца. Силы покидали его медленно. Цѣлые дни и ночи онъ чувствовалъ ознобъ,—никакія одежды не могли его согрѣть отъ изнуряющаго внутренняго холода. Имъ овладѣла смертная тоска. Онъ пересталъ работать. Молодой флорентинскій врачъ Федерико Донати ухаживалъ за нимъ.

XXI.

Однажды вечеромъ, 14 февраля, Федерико подъѣзжалъ на мулъ къ дому Буонаротти: въ то время онъ жилъ на площади древняго форума Траяна, рядомъ съ церковью Санта Марія ди-Лорето. Передъ домомъ былъ маленькій садъ, окруженный стѣною, гдѣ росли лавры. Дулъ холодный трамонтано; по небу ползли унылыя, низкія тучи. Врачъ удивился, увидѣвъ, что Микель-Анжело прохаживается въ саду подъ дождемъ. Мертвые прошлогодніе листья лавровъ шуршали подъ его ногами. Ворона уныло каркала на мокрыхъ черепицахъ сосѣдней крыши.

— Мессэре Буонаротти, — замѣтилъ Федерико, — вамъ не слѣдуетъ выходить изъ дома въ такую погоду.

— Что же дѣлать, — отвѣтилъ Микель-Анжело, — мнѣ дурно... Я не нахожу себѣ мѣста. Дома хуже. Вотъ, вышелъ погулять. Скучно, мессэръ Федерико, я не могу вамъ сказать, какъ скучно...

И онъ продолжалъ торопливо ходить взадъ и впередъ, отъ стѣны до стѣны, по крошечному саду, попадая ногами въ грязныя лужи, шурша гнилыми мокрыми листьями лавровъ. Онъ говорилъ безсвязно, съ трудомъ находилъ слова.

Только предъ самымъ концомъ онъ легъ въ постель; его причастили и, когда спросили о послѣдней волѣ, онъ сказалъ:

— Душу мою—Богу, тѣло—землѣ, имущество—роднымъ.

Потомъ попросилъ, чтобы его похоронили на родинѣ во Флоренціи. 18 февраля, въ часъ Ave Maria, онъ скончался. Смерть была спокойной. Просьбы Микель-Анжело не исполнили: онъ былъ погребенъ въ Римѣ, въ церкви св. апостоловъ.

Но флорентинскій герцогъ Козимо Медичи пожелалъ, чтобы прахъ Буонаротти покоился во Флоренціи. Посланные ночью тайно вырыли тѣло Микель-Анжело, зашили его въ мѣшокъ, какъ зашиваютъ товары, и отправили во Флоренцію.

Флорентинская академія рисованія рѣшила устроить торжественныя похороны. Народу на улицахъ собралось такъ много, что академики не безъ труда внесли тѣло въ церковь. Чтобы послѣдній разъ увидѣть учителя, открыли гробъ. Ожидали найти полуразвалившійся трупъ, такъ какъ со дня смерти прошло двадцать пять дней. Но, къ всеобщему удивленію, тѣло было нетронуто тлѣніемъ: онъ лежалъ въ гробу маленькій, почернѣлый; высохшій, какъ мощи. Вокругъ безобразнаго широкаго рта были все тѣ же надменные, злыя морщины. Ихъ не разгладила смерть.

* * *

Академики, желая почтить память художника, превратили церковь въ музей, наполнили ее аллегорическими фигурами, статуями и картинами тогдашнихъ художниковъ, учениковъ и послѣдователей Микель-Анжело. Эти произ-

веденія казались жалками карикатурами на созданія учителя. Достаточно было взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться, что искусство погибаетъ. Но печальныя мысли не приходили въ голову академиковъ. Въ особенности торжествовалъ, несмотря на свою любовь къ покойному, знаменитый художникъ, почетный депутатъ академіи Джіорджіо Вазари. Лицо его сіяло самодовольствомъ. Въ тотъ же вечеръ описывалъ онъ эти блестящія похороны своему покровителю, герцогу Козимо Медичи:

«Свѣтлѣйшій и превосходнѣйшій государь мой:

Сего утра, то-есть 14-го текущаго мѣсяца, было совершено погребеніе божественнаго Микель - Анжело Буонаротти, вполнѣ удовлетворившее здѣшнюю публику, толпившуюся въ церкви Санъ-Лоренцо, которая была такъ наполнена важными лицами, благородными дамами и множествомъ иностранцевъ, что нельзя было не удивляться. Вице-президентъ академіи сидѣлъ посрединѣ церкви противъ кафедры, члены академіи и общества рисованія сидѣли въ порядкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ. Ниже членовъ академіи сидѣло до двадцати пяти юношей, изучающихъ рисунокъ. Нѣкоторые изъ этихъ юношей имѣютъ достоинство. Сегодня утромъ, увидѣвъ въ соборѣ восемьдесятъ человѣкъ живописцевъ и скульпторовъ, публика пришла въ восторгъ. Кажется, никогда не было такъ много и такихъ отличныхъ мастеровъ, какъ теперь.

Какъ удачно былъ исполненъ катафалкъ, какъ онъ былъ пышенъ, великолѣпенъ, и какое впечатлѣніе производили стоящія на немъ статуи,—передать невозможно! Каждый изъ молодыхъ людей старался выказать свои достоинства, и всѣ они такъ хорошо исполнили свое дѣло, что статуи, послѣ того, какъ ихъ выбѣлили и поддѣлали подъ мраморъ, кажется, выросли и сдѣлались гораздо изящнѣе. Вся церковь была уставлена скелетами, которые обрѣзали стебли, увѣнчанные тремя лиліями, означавшими три искусства. Скелеты, казалось, выражали сожалѣніе, что были обязаны обрѣзать цвѣты и не могли измѣнить порядокъ, установленный природою. Между скелетами была помѣщена Вѣчность, стоявшая надъ Смертью.

Поистинѣ, государь мой, я съ моими начальниками благо-
словляю труды и время, употребленные на устройство по-
хоронъ, потому что эти похороны были причиною того, что
ваша свѣтлость осчастливила академію своимъ посѣщеніемъ,
за что академія приноситъ вамъ покорнѣйшую и чувствитель-
ную благодарность. Она видитъ, какъ ваша свѣтлость цѣ-
нить заслуги, и горитъ желаніемъ служить вамъ. А я, съ
своей стороны, желаю, чтобы вы помогали художникамъ,
и всячески буду стараться оживлять искусства».

.

Таково было послѣднее оскорбленіе, послѣдняя насмѣшка
жизни надъ великимъ художникомъ. Но онъ уже ничего не
чувствовалъ, и маленькое, уродливое, окаменѣлое лицо его
въ гробу хранило печать спокойнаго презрѣнія.

Святой сатиръ.

ФЛОРЕНТИНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Изъ А. Франса.

Consorts paterni luminis,
Lux ipse lucis et dies,
Noctem canendo rumpimus,
Assiste postulantibus;
Aufer tenebras mentium;
Fuga catervas daemonum;
Expelle somnolentiam,
Ne pigritantes obruat
(*Breviarium romanum*.
Feria tertia; ad matutinum).

Фра Мино превосходилъ смиреніемъ своихъ братьевъ и, несмотря на молодость, мудро управлялъ обителюю Санта-Фіора. Онъ былъ набоженъ, любилъ предаваться долгимъ созерцаніямъ и молитвамъ. Иногда бывали у него экстазы. Подобно святому Франциску, своему духовному отцу, сочинялъ онъ пѣсни на языкѣ простонародномъ о совершенной любви, которая есть любовь къ Богу. И эти гимны не погрѣшали ни противъ размѣра, ни противъ смысла, потому что онъ учился семи «*artes liberales*» въ Болонскомъ университетѣ.

Однажды вечеромъ, гуляя подъ аркадами монастыря, Мино вдругъ почувствовалъ, какъ его сердце наполнилось смятеніемъ и печалью при воспоминаніи объ одной флорентинской дамѣ, которую онъ нѣкогда любилъ, въ цвѣтѣ первой юности, когда одѣяніе св. Франциска еще не охраняло его плоти. Онъ обратился къ Богу съ молитвой, прося отогнать грѣшный образъ. Но сердце его осталось печальнымъ.

«Колокола,—подумалъ онъ,—поютъ, какъ ангелы: Ave Maria; но голосъ ихъ умираетъ въ вечернемъ туманѣ. На стѣнѣ монастыря художникъ, которымъ прославился городъ Перуджія, изобразилъ искусно святыхъ Женъ Мученицъ, созерцающихъ съ несказанною любовью гробъ Спасителя. Но сумерки застилаютъ ихъ слезы, заглушаютъ ихъ плачь, и я не могу рыдать вмѣстѣ съ ними. Этотъ колодецъ посреди двора только что былъ покрытъ голубями, прилетавшими напиться, но они улетѣли, не найдя воды въ углубленіяхъ каменной ограды. И моя душа, о, Господи, безмолвствуетъ, подобно колоколамъ, омрачается, подобно Женамъ Мученицамъ, иссыхаетъ, подобно колодцу. Зачѣмъ же, Иисусе сладчайшій, сердце мое такъ сухо, мрачно и нѣмо, когда Ты для него—и заря, и пѣніе птицъ, и ключъ живой воды?»

Онъ убоялся вернуться въ келью и, думая, что молитва разсѣетъ печаль и успокоитъ тревогу, вошелъ черезъ дверь монастыря въ общую церковь. Нѣмой мракъ наполнялъ зданіе, построенное великимъ Маргаритономъ болѣе ста пятидесяти лѣтъ тому назадъ, на развалинахъ древняго римскаго капища. Фра Мино, пройдя церковь, сталъ на колѣни въ часовнѣ алтаря, посвященной Архангелу Михаилу, чье повѣствованіе изображено было на стѣнѣ. Но тусклый свѣтъ лампы, подвѣшенной къ своду, не позволялъ видѣть Архангела, сражающагося съ дьяволомъ и взвѣшивающаго на вѣсахъ души людей. Только луна, сіяя въ окно, озаряла блѣднымъ лучомъ гробницу св. Сатира, которая находилась подъ аркадой, справа отъ алтаря. Эта гробница, продолговатая и круглая, наподобіе чана, была болѣе древней, чѣмъ церковь, и во всемъ походила на языческіе саркофаги, за исключеніемъ креста, который высѣченъ былъ трижды на ея мраморныхъ стѣнахъ.

Фра Мино долго лежалъ, простертый ницъ передъ алтаремъ; но не могъ молиться и въ срединѣ ночи почувствовалъ, что имъ овладѣваетъ то оцѣпенѣніе, которое удручало Христовыхъ учениковъ въ саду Геосиманскомъ. И между тѣмъ, какъ онъ лежалъ, недвижимый, лишенный всякаго мужества и бдительности, онъ увидѣлъ какъ бы нѣкое бѣлое об-

лако, подымавшееся надъ гробомъ св. Сатира, и скоро замѣтиль, что это большое облако состояло изъ множества меньшихъ, и каждое изъ нихъ было женщиной. Онѣ рѣяли въ темномъ воздухѣ; сквозь легкія туники блистали легкія тѣла; среди нихъ были козлоногіе юноши, которые преслѣдовали женщинъ. Въ наготѣ ихъ видна была страшная необузданность желаній. Но нимфы убѣгали, и подъ ихъ быстрыми шагами рождались цвѣтушіе луга и ручьи. И каждый разъ, какъ юноша съ козлиными ногами протягивалъ руку, чтобы схватить одну изъ нихъ, вдругъ выростала ива и скрывала нимфу въ дуплѣ, глубокомъ и черномъ, какъ пещера и бѣлокурая листва наполнялась легкимъ шелестомъ и насмѣшливымъ хохотомъ.

Когда всѣ женщины спрятались въ ивахъ, то козлоногіе, усѣвшись на травѣ, стали играть на тростниковыхъ дудкахъ, извлекая такіе звуки, которые могли бы повергнуть въ смущеніе всякую тварь. Нимфы, очарованныя музыкой, выставляли головы изъ вѣтвей и, мало-по-малу, покидая тѣнистыя убѣжища, приблизились, привлекаемыя непобѣдимой свирѣлью. Тогда люди-козлы бросились на нихъ со священной яростью. Въ объятіяхъ дерзкихъ юношей нимфы еще одно мгновеніе пытались шутить и смѣяться, потомъ смѣхъ умолкъ. Закинувъ голову, съ глазами, мутными отъ блаженства и ужаса, онѣ призывали своихъ матерей или кричали: «я умираю!» или сохраняли грозное молчаніе.

Фра Мино хотѣлъ отвернуть лицо свое, но не могъ, и противъ воли глаза его остались открытыми.

А нимфы, обвиняя руками чресла козлоногихъ, кусали, ласкали, раздражали косматыхъ любовниковъ и, предаваясь имъ, облекали, обливали ихъ своею плотью, болѣе волнуемой и живою, чѣмъ вода ручья, который у ногъ ихъ струился подъ ивами.

При такомъ зрѣлищѣ Фра Мино намѣреніемъ и мыслями впалъ въ грѣхъ. И пожелалъ онъ быть однимъ изъ демоновъ—полулюдей, полузвѣрей, чтобы держать, подобно имъ, на своей груди флорентинскую даму, которую онъ нѣкогда любилъ, въ цвѣтѣ своей юности, и которая умерла.

Но люди-козлы уже разсѣялись въ поляхъ. Одни собирали медь въ дуплистыхъ дубахъ, другіе дѣлали изъ тростника свирѣли или, съ разбѣга прыгая одинъ на другого, стукались рогатыми лбами. И неподвижныя тѣла нимфъ, нѣжные останки любви, покрывали весь лугъ. Фра Мино стоналъ, лежа на каменныхъ плитахъ, потому что желаніе было въ немъ такъ сильно, что теперь онъ уже чувствовалъ весь стыдъ грѣха.

Вдругъ одна изъ нимфъ, случайно обернувшись въ его сторону, закричала:

— Человѣкъ! Человѣкъ!

И пальцемъ указала на него подругамъ.

— Посмотрите, сестры, вѣдь это—не пастухъ. У него нѣтъ тростниковой свирѣли. Онъ и не хозяинъ одного изъ окрестныхъ владѣній, чьи крохотные сады, повисшіе на склонѣ холмовъ, надъ виноградниками, охраняются богомъ Пріапомъ, выточенымъ изъ буковаго дерева. Что же онъ дѣлаетъ среди насъ, если онъ не пастухъ, не погонщикъ быковъ, не садовникъ? Онъ имѣетъ видъ мрачный и суровый, и я не замѣчаю въ его взорахъ любви къ богамъ и богинямъ, населяющимъ великое небо, и лѣса, и горы. На немъ одежда варваровъ. Можетъ-быть, это—скиѣ. Приблизимся къ чужестранцу и узнаемъ, не пришелъ ли онъ къ намъ, какъ врагъ,—чтобы возмутить наши источники, срубить наши деревья, проникнуть въ нѣдра горъ, открывая жестокимъ людямъ тайну нашихъ блаженныхъ обитателей. Пойдемъ, Мнаисъ, пойдемъ, Эгле, Нэера и Мелибея!

— Пойдемъ,—отвѣчала Мнаисъ,—съ оружіемъ!

— Пойдемъ!—воскликнули всѣ вмѣстѣ.

И Фра Мино увидѣлъ, что, поднявшись, онѣ начали срывать и собирать розы пригоршнями и приблизились къ нему, вооруженныя розами и шипами. Но разстояніе отдѣлявшее ихъ и казавшееся ему сперва такимъ ничтожнымъ, что, по видимому, онъ могъ прикоснуться къ нимъ и чувствовать на своемъ тѣлѣ ихъ дыханіе вдругъ стало увеличиваться, и ему показалось, что онѣ идутъ какъ изъ далекаго лѣса. И угрозы вылетали изъ ихъ цвѣтущихъ устъ. И по мѣрѣ того,

какъ онѣ подходили, переменна совершалась въ нихъ. И съ каждымъ шагомъ теряли онѣ частицу своей прелести и своего блеска, и цвѣтъ ихъ юности увядалъ такъ же, какъ розы, которыя онѣ держали въ рукахъ. Сначала глаза впали, углы губъ опустились. Шея, недавно чистая и бѣлая, покрылась глубокими складками, и пряди сѣдыхъ волосъ упали на морщинистый лобъ. Онѣ подходили, и вѣки глазъ краснѣли, и губы, втягиваясь, морщились на беззубыхъ деснахъ. Онѣ подходили, держа сухія розы въ рукахъ, почернѣлыхъ и узловатыхъ, какъ старыя лозы, сжигаемыя поселянами Кіанти въ зимнія ночи на кострахъ. Онѣ подходили съ трясущейся головой, прихрамывая на дряхлыхъ ногахъ.

Достигнувъ того мѣста, гдѣ Фра Мино оцѣпенѣлъ отъ ужаса, онѣ окончательно превратились въ страшныхъ вѣдьмъ, лысыхъ и бородатыхъ, съ носомъ до подбородка, съ пустыми и повисшими сосцами. Онѣ столпились надъ нимъ:

— О, какой хорошенькій!—молвила одна,—онъ блѣденъ, какъ полотно, и сердечко бьется у него, какъ у зайца, затравленнаго гончими. Эгле, сестрица, что же намъ дѣлать съ нимъ?

— Милая Нэера,—отвѣчала Эгле,—слѣдуетъ разорвать ему грудь, вынуть сердце и вложить губку.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала Мелибея,—это было бы слишкомъ жестокое наказаніе за любопытство и удовольствіе подсматривать наши игры. На этотъ разъ не будемъ такъ строги. Посѣчемъ его только розгами.

И тотчасъ, окруживъ монаха, сестры засучили ему одежду на голову и стали сѣчь связками колючихъ шиповъ, оставшихся у нихъ въ рукахъ.

Нэера дала имъ знакъ остановиться, когда показалась кровь.

— Довольно!—сказала она,—это—мой милый! Я только что замѣтила, какъ онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣжностью.

Она улыбнулась: такой длинный и черный зубъ выставился изо рта, что онъ щекоталъ ей ноздри. Она шептала:

— Приди ко мнѣ, Адонисъ!

Потомъ вдругъ съ бѣшенствомъ:

— Что это? Не хочеть? Онъ холоденъ? Какая обида! Онъ презираеть меня. Сестры, отомстите! Мнаисъ, Эгле, Мелибея, отомстите за вашу подругу!

При этомъ воззваніи всѣ подняли колючія розги и стали сѣчь несчастнаго Фра Мино такъ жестоко, что скоро тѣло его превратилось въ сплошную язву. Онѣ останавливались на мгновеніе, чтобы откашляться и плюнуть, и потомъ опять, съ еще большимъ усердіемъ, принимались бить его. Перестали, только совсѣмъ выбившись изъ силъ.

Тогда Нэера сказала:

— Надѣюсь, въ слѣдующій разъ онъ не окажетъ мнѣ незаслуженнаго презрѣнія, отъ котораго я до сихъ поръ краснѣю. Пощадимъ ему жизнь. Но если онъ откроеть тайну нашихъ игръ и наслажденій, мы умертвимъ его. До свиданія, красавчикъ.

Молвивъ такъ, старуха присѣла надъ монахомъ и облила его зловонною жидкостью. Всѣ подруги поочередно сдѣлали то же, потомъ вернулись одна за другою къ гробницѣ св. Сатира и проникли въ нее сквозь узкую щель крышки, покинувъ жертву, распростертую въ зловонной лужѣ.

Когда исчезла послѣдняя, пѣтухъ пропѣлъ. Фра Мино очнулся и всталъ. Разбитый усталостью и болью, оцѣпенѣлый отъ холода, дрожа въ лихорадкѣ, полузадушенный отвратительнымъ запахомъ, онъ поправилъ одежду и доплелся до своей кельи на разсвѣтѣ.

Съ этой ночи Фра Мино не находилъ нигдѣ покоя. Воспоминаніе о томъ, что ему довелось видѣть въ часовнѣ Санъ-Микеле, надъ гробомъ святаго Сатира, смущало его среди службъ церковныхъ и благочестивыхъ занятій. Объятый трепетомъ, сопутствовалъ онъ своимъ братьямъ, когда они вступали въ храмъ. И между тѣмъ, какъ, по правиламъ, онъ долженъ былъ цѣловать каменные плиты въ часовнѣ, губы его чувствовали съ ужасомъ слѣды нимфъ, и онъ шепталъ: «Спаситель, или не слышишь Ты, что я говорю Тебѣ, какъ Ты самъ говорилъ Отцу своему: Не введи насъ во искушеніе!» Сначала думалъ онъ послать владыкѣ-епископу отчетъ обо

всемъ видѣнномъ. Но, по зрѣломъ размышленіи, счелъ за лучшее сперва самому на досугѣ разсудить о необычайныхъ явленіяхъ и повѣдать ихъ міру, обслѣдовавъ все въ точности. Къ тому же случилось тогда, что владыка-епископъ, вступивъ въ союзъ съ гвельфами Пизы противъ гибелиновъ Флоренціи, велъ войну съ такимъ жаромъ, что за цѣлый мѣсяцъ ни разу не развязалъ ремней своей желѣзной брони. Вотъ почему, не говоря ни съ кѣмъ, Фра Мино произвелъ глубокія изысканія о гробѣ св. Сатира и о часовнѣ, въ которой этотъ гробъ находился. Искушенный въ премудрости книжной, перелистывалъ онъ страницы древнихъ и новыхъ писателей, но нигдѣ не находилъ указаній.

Однажды утромъ, проведя, по своему обыкновенію, всю ночь въ работѣ, пожелалъ онъ утѣшить сердце свое прогулкою въ поляхъ, и пошелъ по горной тропинкѣ, которая, извиваясь среди виноградныхъ лозъ, висѣвшихъ гирляндами между вязами, вела къ миртовой и оливковой рощѣ, называемой римлянами въ былыя времена священнойю. Погружая ноги въ мокрую траву, освѣжая чело каплями росы, падавшими съ остролистыхъ гордовинъ, Фра Мино долгое время шелъ по лѣсу, какъ вдругъ замѣтилъ источникъ, надъ которымъ тамарисы тихо колебали легкую листву и пухъ своихъ розовыхъ кистей. Ниже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ручей расширялся, виднѣлись неподвижныя цапли. Маленькія птицы пѣли въ миртовыхъ вѣтвяхъ. Благоуханіе влажной мяты подымалось отъ земли, и въ травѣ блистали тѣ самые цвѣты, о которыхъ Господь сказалъ, что царь Соломонъ, во славу своей, не одѣвался такъ, какъ каждый изъ нихъ. Фра Мино сѣлъ на мшистый камень и, хваля Бога, началъ размышлять о тайнахъ, заключенныхъ въ природѣ.

Такъ какъ воспоминаніе о томъ, что онъ видѣлъ въ часовнѣ, никогда его не покидало, то онъ сидѣлъ, сжимая лобъ руками, въ тысячный разъ обдумывая, что означаетъ этотъ сонъ: «потому что такое видѣніе,—говорилъ онъ себѣ,—должно имѣть нѣкоторый смыслъ, должно имѣть даже нѣсколько смысловъ, которые слѣдуетъ открыть или внезапнымъ нап-

тѣмъ, или точнымъ примѣненіемъ правилъ схоластики. И я полагаю, что въ этомъ частномъ случаѣ поэты, которыхъ я изучалъ въ Болоньи, какъ, напр., Гораций-сатирикъ, или Стацій, должны бы оказать мнѣ также не малую помощь, такъ какъ многія истины примѣшаны къ ихъ баснямъ».

Въ теченіе долгаго времени, взвѣсивая въ умѣ своемъ такія мысли и другія, еще болѣе утонченныя, Фра Мино поднялъ, наконецъ, глаза и замѣтилъ, что онъ—не одинъ. Прислонившись спиною къ дуплистому стволу древняго каменнаго дуба, нѣкій старецъ смотрѣлъ въ небо сквозь листву и усмѣхался. Надъ его сѣдой головой возвышались два маленькихъ притупленныхъ рога. Курносое лицо обрамляла бѣлая борода, и сквозь нее виднѣлись мясистые наросты на шеѣ. Жесткіе волосы щетинились на груди, ляжки были покрыты косматою шерстью, и ноги кончались раздвоеннымъ копытомъ. Приложивъ губы къ тростниковой свирѣли, извлекъ онъ слабые звуки. Потомъ запѣлъ чуть слышнымъ голосомъ.

Засмѣялась, убѣжала,
Гроздья спѣлыя кусая.
Но, обвивъ ее руками,
Поцѣлуемъ въ алыхъ губкахъ
Раздавилъ я виноградъ!

Увидѣвъ и услышавъ это, Фра Мино сотворилъ крестное знаменіе. Но оно ничуть не смутило старика, который остановилъ на монахѣ лукавый взоръ. Среди глубокихъ морщинъ лица его, голубые и прозрачные глаза блестѣли, какъ вода источника между корнями старыхъ дубовъ.

— Человѣкъ или звѣрь,—воскликнулъ Фра Мино,—повелѣваю тебѣ именемъ Господа Иисуса Христа, скажи, кто ты!

— Сынъ мой,—отвѣтилъ старикъ,—я—св. Сатиръ! Но говори тише, чтобы не спугнуть птицъ.

Фра Мино продолжалъ менѣе громкимъ голосомъ:

— Старикъ, такъ какъ ты не бѣжалъ отъ святого и страшнаго знаменія крестнаго, то я не могу допустить, чтобы ты былъ демономъ или духомъ нечистымъ, вышедшимъ изъ ада.

Но если ты, какъ утверждаешь, воистину человѣкъ, или, лучше сказать, душа человѣка, освященнаго трудами праведной жизни и благодатью Господа нашего Иисуса Христа, то объясни мнѣ—прошу тебя—чудо твоихъ козлиныхъ роговъ и волосатыхъ ногъ, которыя кончаются чернымъ и раздвоеннымъ копытомъ.

При этомъ вопросѣ старикъ поднялъ руку свою къ небу и сказалъ:

— Сынъ мой, природа людей, животныхъ, растений и камней есть тайна безсмертныхъ боговъ, и я не болѣе, чѣмъ ты, знаю, почему мой лобъ украшенъ рогами, вокругъ которыхъ нимфы обвивали нѣкогда цвѣточныя гирлянды. Я не знаю, зачѣмъ на шеѣ моей эти мясистые наросты и почему мнѣ даны ноги отважнаго козла. Я могу тебѣ только повѣдать, сынъ мой, что въ былые дни въ этихъ лѣсахъ были и жены, которыя имѣли такъ же, какъ я, рога на лбу и косматыя икры. Но груди у нихъ были бѣлыя и круглыя. Ихъ чрева, ихъ бедра блистали гладкою кожей. Солнце, тогда еще молодое, любило, сквозь листья, осыпать ихъ золотыми стрѣлами. Онѣ были прекрасны, сынъ мой! Увы, съ тѣхъ поръ онѣ исчезли изъ лѣсовъ—всѣ до единой. И мои товарищи погибли такъ же, какъ онѣ; и вотъ я—последній изъ моего племени... Я очень старъ.

— Старикъ, скажи мнѣ, сколько тебѣ лѣтъ, и кто твои родители, и гдѣ твоя родина?

— Сынъ мой, я родился изъ земли гораздо ранѣе, чѣмъ Юпитеръ низвергъ съ престола Сатурна, и глаза мои видѣли цвѣтушую молодость міра. Тогда родъ человѣческій еще не созданъ былъ изъ глины. И со мною однѣ сатирессы въ хоровадныхъ пляскахъ ударяли о звонкую землю раздвоеннымъ копытомъ. Онѣ были большаго роста, силы и красоты, чѣмъ нимфы и женщины; и чресла ихъ, болѣе широкія, обильно принимали сѣмя первенцевъ земли.

«Въ царство Юпитера нимфы поселились въ родникахъ, горахъ и лѣсахъ. Фавны соединялись съ ними въ легкіе хоророды въ глубинѣ лѣсовъ. Между тѣмъ я жилъ, счастливый, услаждаясь вволю и кистями дикаго винограда, и устами ве-

сельхъ подругъ моихъ. Я вкушалъ отъ мирнаго сна въ глубокой травѣ. Я пѣлъ на сельской флейтѣ хвалу Юпитеру послѣ Сатурна, потому что душѣ моей свойственно прославлять боговъ, властителей міра.

«Но—увы!—и я состарился, ибо я—только богъ, и вѣка посеребрили волосы на головѣ и на груди моей, вѣка потушили жаръ моихъ чреслъ. Я уже обремененъ былъ столѣтіями, когда умеръ Великій Панъ, и Юпитеръ, испытывая ту же участь, на которую некогда обрекъ Сатурна, низвергнуть былъ съ престола Галилеяниномъ. Съ тѣхъ поръ я влачилъ такіе жалкіе дни, что, наконецъ, умеръ и положенъ былъ во гробъ. И, въ самомъ дѣлѣ, я теперь лишь собственная тѣнь. Если я еще немного существую, то только потому, что ничто не исчезаетъ и никому не надо умереть до конца. Смерть не болѣе совершенна, чѣмъ жизнь. Существа, потерянные въ океанѣ міра, подобны волнамъ, которыя, какъ ты можешь видѣть, о, дитя мое, поднимаются и опускаются въ морѣ Адріи. Нѣтъ у нихъ ни конца, ни начала, онѣ рождаются и погибаютъ неуловимо. Неуловимо, какъ онѣ, умираетъ и душа моя. Блѣдное воспоминаніе о сатирессахъ золотого вѣка еще оживляетъ глаза мои, и на устахъ витаютъ древніе гимны безшумно.

Онъ сказалъ и умолкъ. Фра Мино взглянулъ на старика и увидѣлъ, что онъ—только призракъ.

— Что ты рожденъ козлоногимъ,—отвѣтилъ онъ ему,—не будучи, однако, демономъ, я, пожалуй, могу допустить. Твари, созданныя Богомъ и лишенные имъ участія въ наслѣдїи Адама, не могутъ ни спастись, ни быть осужденными. Я не думаю, чтобы кентавръ Хиронъ, который мудростью превосходилъ всѣхъ людей, обреченъ былъ на вѣчныя муки въ пасти Левіаѳана. Нѣкій старикъ, проникнувшій въ царство тѣней, утверждаетъ, что онъ видѣлъ Хирона, сидящимъ на злчныхъ лугахъ и бесѣдующимъ съ Риѳеемъ, справедливейшимъ изъ троянцевъ. Другіе же увѣряютъ, что райскія врата открылись Риѳеею Троянцу. И сомнѣніе дозволено по этому предмету. Но, тѣмъ не менѣе, ты солгалъ, странникъ, утверждая, что ты—святой, ты, который не рожденъ челоувѣкомъ.

Козлоногій отвѣтилъ:

— Сынъ мой, въ юности моей я не болѣе лгалъ, чѣмъ овцы, чье молоко я сосалъ, чѣмъ козлы, съ которыми я бодался, радуясь своей силѣ и красотѣ. Въ тѣ времена ничто не лгало, и тогда еще не умѣли красить лживыми красками шерсть овецъ. И душа моя съ тѣхъ поръ не измѣнилась. Видишь, я—нагъ, какъ въ золотые дни Сатурна. И на умѣ моемъ нѣтъ никакихъ покрововъ такъ же, какъ и на тѣлѣ. Нѣтъ, я не лгу. И почему же ты удивляешься, сынъ мой, что я сдѣлался святымъ предъ лицомъ Галилеянина, не будучи рожденъ отъ той матери, которую одни называютъ Евою, другіе Пиррою и которую должно чтить подъ обоими именами? Св. Михаилъ тоже родился не отъ женщины. Я его знаю, и мы иногда бесѣдуемъ съ нимъ. Онъ рассказываетъ мнѣ о тѣхъ временахъ, когда былъ пастухомъ быковъ на горѣ Гарганъ...

Фра Мино прервалъ сатира:

— Я не могу позволить, чтобы св. Михаила называли пастухомъ быковъ за то, что онъ нѣкоторое время охранялъ стада человѣка по имени Гарганъ на горѣ того же названія. Но расскажи мнѣ, старикъ, какъ сдѣлался ты святымъ?

— Слушай,—отвѣтилъ козлоногій,—и любопытство твое будетъ удовлетворено.

«Люди, пришедшіе съ Востока, возвѣстивъ въ сладостной долинѣ Арно, что Галилеянинъ низвергъ съ престола Юпитера, срубили дубы, на которыхъ поселяне вѣшали маленькихъ богинь изъ глины и заповѣдныя таблички изъ воску; и водрузили кресты надъ священными родниками, и запретили пастухамъ приносить въ пещеры нимфъ дары изъ вина, молока и ячменныхъ лепешекъ. Племя фавновъ, пановъ и сильвановъ почувствовало себя оскорбленнымъ такою несправедливостью. Во гнѣвѣ своемъ возстали они на возвѣстителей новаго бога. Ночью, когда проповѣдники спали на своихъ ложахъ изъ сухихъ листьевъ, нимфы, подкрадываясь, дергали ихъ за бороду, и молодые фавны, проникая въ стойла святыхъ мужей, выщипывали волосы изъ хвоста ихъ ослицы. Тщетно пытался я обезоружить злобу братьевъ и совѣтовалъ

имъ покориться. «Дѣти мои,—говаривалъ я,—время легкихъ игръ и лукаваго смѣха прошло».—Неосторожные не послушали меня. И бѣда постигла ихъ.

«Но я, видѣвшій, какъ царство Сатурна кончилось, находилъ естественнымъ и справедливымъ, чтобы и Юпитеръ погибъ въ свою очередь. Я съ покорностью ждалъ паденія великихъ боговъ. Я не противился вѣстникамъ Галилеянина и даже оказывалъ имъ маленькія услуги. Зная лучше ихъ лѣсныя тропинки, я собиралъ ежевику и ягоды терновника и клалъ ихъ на свѣжіе листья у входа въ пещеры, гдѣ обитали святые мужи. Я предлагалъ имъ также яйца ржанки. И если они строили хижину, таскалъ на плечахъ вѣтви и камни. Въ награду они окропили мою голову водою и благословили меня во имя Христа Исуса.

«Я жилъ съ ними, подобно имъ. Тотъ, кто ихъ любилъ, любилъ и меня. Я участвовалъ въ почестяхъ, воздаваемыхъ имъ, и святость моя казалась равной ихъ святости.

«Я сказалъ тебѣ, сынъ мой, что въ тѣ времена я былъ уже очень старъ. Солнце едва могло согрѣть мои оцѣпенѣлые члены. И я былъ подобенъ дряхлому дуплистому дереву, потерявшему свой пѣвучій, зеленый вѣнецъ. Каждая новая осень ускоряла мое разрушеніе. Однажды, въ зимнее утро, нашли меня распростертымъ безъ движенія на краю дороги.

«Епископъ, сопровождаемый іереями и народомъ, совершилъ надо мной похоронный обрядъ. Потомъ меня положили въ большую гробницу изъ бѣлаго мрамора, отмѣченную трижды крестнымъ знаменіемъ съ именемъ *Святого сатира*, начертаннымъ на передней стѣнѣ, въ гирляндѣ виноградныхъ кистей.

«Въ тѣ времена, сынъ мой, гробницы воздвигались вблизи дорогъ. Моя находилась въ двухъ тысячахъ шаговъ отъ города, по дорогѣ во Флоренцію. Молодая чинара выросла на могилѣ и покрыла ее тѣнью, пронизанной солнцемъ, полной пѣнія птицъ, ропота, свѣжести и радости. Вблизи журчалъ родникъ по дну, покрытому зеленою жерухой,—и туда приходили отроки и дѣвушки, чтобы вмѣстѣ купаться. Это оча-

ровательное мѣсто было священнымъ. Молодые матери приносили маленькихъ дѣтей и заставляли прикоснуться къ мрамору саркофага для того, чтобы они получили силу и красоту во всѣхъ членахъ. Таково было вѣрованіе, распространенное въ народѣ,—что новорожденные, которыхъ приносили на мою могилу, должны были превзойти другихъ людей здоровьемъ и мужествомъ. Вотъ почему ко мнѣ приводили цвѣтъ благороднаго тосканскаго племени, приводили также и ослицъ своихъ поселяне, въ надеждѣ, что я сдѣлаю ихъ плодовитыми. Память мою чтили. Каждый годъ, съ возвращеніемъ весны, приходилъ епископъ въ сопровожденіи клира и совершалъ молебствіе надъ моимъ тѣломъ, и я видѣлъ какъ издалека, сквозь травы луговъ, приближаясь, блестяло шествіе съ крестами и свѣчами, съ пунцовымъ балдахинномъ, съ пѣніемъ псалмовъ. Все это происходило, сынъ мой, во времена добраго царя Берендея.

А между тѣмъ сатиры и сатирессы, фавны и нимфы влачили жизнь бездомную и жалкую. Больше не было для нихъ ни алтарей изъ свѣжаго дерна, ни цвѣточныхъ гирляндъ, ни жертвоприношеній изъ молока, муки и меда. Развѣ только изрѣдка козій пастухъ положитъ тайно маленькій сыръ на порогъ священнаго грота, заросшаго колючими шипами и терновникомъ. Но и эту скудную пищу поѣдали бѣлки и дикіе кролики. Нифмы, обитательницы лѣсовъ и темныхъ пещеръ, были изгнаны проповѣдниками, пришедшими съ Востока. Бѣдные сельскіе боги уже не находили пріюта въ священныхъ лѣсахъ своихъ. Хороводъ косматыхъ сатировъ, нѣкогда ударявшихъ звонкою ногою о материнскую землю, превратился въ облако блѣдныхъ и безгласныхъ тѣней, влачившихся по склонамъ холмовъ, подобно утренней мглѣ, которую солнце разсѣиваетъ.

Пораженные гнѣвомъ Божиимъ, какъ бы яростнымъ вѣтромъ, призраки эти кружились днемъ въ пыльныхъ вихряхъ по дорогамъ. Ночь была для нихъ немного менѣе враждебной. Ночь не всецѣло принадлежитъ Богу Галилейскому. Онъ раздѣляетъ власть надъ нею съ демонами. Когда тѣнь спускалась съ холмовъ, фавны и фавнессы, нимфы и паны садились

на корточки, прижимаясь къ саркофагамъ, обрамлявшимъ дороги, и здѣсь, подъ сладостными чарами темныхъ силъ, вкушали покой ненадолго. Прочимъ гробницамъ предпочитали они мою, какъ могилу почтеннаго прадѣда. Скоро соединились они всѣ подъ тою частью мраморнаго карниза, которая восходя на югъ, не была покрыта мхомъ и всегда оставалась сухою. Туда неизмѣнно каждый вечеръ прилетало ихъ легкое племя, какъ стая голубей въ голубятню. Въ этомъ уголкѣ имъ нетрудно было всѣмъ найти мѣсто, потому что они сдѣлались маленькими и подобными пустому зерну, вылетающему изъ вѣялки. Я самъ, выходя изъ моего тихаго убѣжища, садился среди нихъ подъ сѣнью мраморныхъ черепицъ и пѣлъ имъ слабымъ голосомъ о вѣкѣ Юпитера и Сатурна, и вспоминались имъ прежнія радости. Подъ взоромъ Діаны изображали они другъ передъ другомъ свои древнія игры, и запоздалому путнику казалось, что туманъ въ долинѣ подъ луною принимаетъ формы, подобныя тѣламъ соединяющихся любовниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, они были теперь легкимъ туманомъ. Холодъ причинялъ имъ много вреда. Однажды ночью, когда снѣгъ покрылъ поля, нимфы Эглей, Нэера, Мнаисъ и Мелибея проникли сквозь щели мрамора въ темное, тѣсное убѣжище, въ которомъ я обиталъ. Ихъ подруги толпою послѣдовали за ними, и фавны, кинувшись въ погоню за нимфами, скоро настигли ихъ. Мой домъ сдѣлался ихъ домомъ. Мы никуда не выходили изъ него только развѣ на прогулку въ лѣсъ, когда ночь была тиха и ясна. Но съ первымъ крикомъ пѣтуховъ спѣшили вернуться домой. Ибо ты долженъ знать, сынъ мой, что изъ всего рогатаго племени, мнѣ одному позволено являться на этой землѣ при свѣтѣ дня. Таково преимущество, дарованное моею святости.

Гробница моя, болѣе, чѣмъ когда-либо, внушала почтеніе жителямъ окрестныхъ селеній, и каждый день молодая матери приносили ко мнѣ грудныхъ дѣтей, которыхъ онѣ подымали голыхъ на рукахъ своихъ. Когда сыновья св. Франциска пришли въ это мѣсто и построили монастырь на склонѣ холма, то они испросили разрѣшенія у владыки пейскопа перенести въ монастырскую церковь мою гробницу,

чтобы тамъ хранить ее. Владыка соизволилъ, и вотъ съ большою пышностью я былъ перенесенъ въ часовню св. Михаила, гдѣ и донинѣ покоюсь. Мое семейство, выросшее въ поляхъ, послѣдовало за мною. Мнѣ оказали не малую честь. Но, признаюсь, я все-таки жалѣлъ о моемъ прежнемъ мѣстѣ на большой дорогѣ, гдѣ я видѣлъ раннимъ утромъ поселянокъ, которыя несли на головѣ корзины съ виноградомъ, фигами и демьянкой. Время не утѣшило меня, и мнѣ все еще хотѣлось бы лежать подъ платанами на Священной Дорогѣ.

Такова моя жизнь,—добавилъ старый сатиръ,—она протекаетъ смѣющаяся, сладкая и тайная черезъ всѣ вѣка. Если нѣкоторая скорбь примѣшивается къ радости, значитъ, на то воля боговъ. О, сынъ мой, воздадимъ хвалу богамъ, владыкамъ вселенной!»

Фра Мино въ теченіе нѣ котораго времени пребывалъ въ раздумьи. Потомъ онъ сказалъ:

— Теперь я понимаю смыслъ того, что видѣлъ въ ту грѣховную ночь въ часовнѣ св. Михаила. Тѣмъ не менѣе, одна подробность остается темною. Скажи мнѣ, старикъ, почему нимфы, которыя живутъ съ тобою и предаются фавнамъ, превратились въ отвратительныхъ старухъ, приблизившись ко мнѣ?

— Увы, мой сынъ,—отвѣтилъ св. Сатиръ,—время не щадитъ ни людей, ни боговъ. Боги безсмертны только въ воображеніи недолговѣчныхъ людей. На самомъ же дѣлѣ, они также чувствуютъ тяжесть времени и склоняются съ теченіемъ столѣтій къ неотвратимому упадку. Нимфы старѣютъ, какъ и женщины. Нѣтъ розы, которая не превратилась бы въ тернъ. Нѣтъ нимфы, которая не превратилась бы въ вѣдьму. Любуясь забавами моего маленькаго семейства, ты долженъ былъ видѣть, какъ воспоминаніе о прошедшей юности дѣлаетъ прекрасными фавновъ и нимфъ въ минуту страсти, какъ жаръ воскресшей любви воскрешаетъ ихъ увядшую прелесть. Но тотчасъ же опять обнаруживается разрушительное дѣйствіе вѣковъ. Увы! увy! Племя нимфъ отцвѣло и одряхлѣло.

Фра Мино задалъ еще вопросъ:

Старикъ, если это правда, что ты достигъ блаженства неисповѣдимыми путями, если это правда, хотя оно и кажется нелѣпымъ, что ты — святой, то какъ же ты живешь въ гробницѣ съ этими тѣнями, которыя не умѣютъ хвалить Бога и которыя оскверняютъ блудодѣйствомъ домъ Господень? Отвѣчай, старикъ!

Но святой козлоногій, безъ отвѣта, тихо разсѣялся въ воздухѣ.

Сидя на мшистомъ камнѣ надъ источникомъ, Фра Мино обдумывалъ слышанныя рѣчи и находилъ въ нихъ, среди глубокаго мрака, неожиданные проблески.

— Этого святого Сатира, — размышлялъ онъ, — можно сравнить съ древнею сибиллой, которая, во времена ложныхъ боговъ, возвѣщала народамъ Спасителя. Тина старинной лжи еще прилипла къ его козлинымъ копытамъ, но чело уже озаряется свѣтомъ, и уста исповѣдуютъ истину.

Такъ какъ тѣнь буквовъ уже удлинялась на травѣ холмовъ, то монахъ всталъ съ камня и спустился по узкой тропинкѣ, которая вела въ монастырь сыновей св. Франциска. Но онъ не смѣлъ глядѣть на цвѣты, спавшіе на водахъ, потому что они напоминали ему нимфѣ. Онъ вернулся въ келью въ тотъ часъ, когда колокола звонили *Ave Maria*. Она была маленькая и бѣлая: все убранство состояло изъ ложа, скамьи и одного изъ тѣхъ высокихъ аналоевъ, которые употреблялись для писанія. На стѣнѣ нищенствующій братъ изобразилъ нѣкогда, во вкусѣ Джіотто, святыхъ женъ у подножія Креста. Подъ этою фрескою, на деревянной полкѣ, темной и лоснившейся, какъ доски точилъ, стояли книги, изъ коихъ однѣ были священныя, другія — свѣтскія, такъ какъ Фра Мино изучалъ древнихъ поэтовъ для того, чтобы воздавать хвалу Господу во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ и благословлялъ Виргилія за то, что онъ предрекъ пришествіе Спасителя въ томъ знаменитомъ стихѣ, которымъ Мантуанецъ возвѣщаетъ народамъ: *Jam redit et Virgo*.

На подоконникѣ изъ фаянсовой вазы грубой работы подымалась лилія на тоненькомъ стеблѣ. Фра Мино любилъ читать имя Маріи Дѣвы, начертанное на ея бѣлыхъ лепест-

кахъ золотою пылью. Очень высокое открытое окно было узко, но изъ него виднѣлось небо надъ лиловыми холмами.

Затворившись въ этой сладостной могилѣ своей жизни и своихъ желаній, Мино присѣлъ къ узкому аналою съ двумя наклонными дощечками, за которымъ онъ имѣлъ обыкновеніе писать. И здѣсь, обмакивая тростникъ въ чернильницу, прикрѣпленную сбоку къ ящику, въ которомъ хранились пергаментъ, кисти, трубочки съ красками и золотой порошокъ, онъ попросилъ мухъ именемъ Господа Бога не досаждать ему и началъ записывать точный рассказъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ часовнѣ св. Михаила, въ нехорошую ночь, а также въ этотъ самый день, въ лѣсу, на берегу источника. Справа начерталъ онъ на пергаментѣ слѣдующія строки:

«Вотъ повѣствованіе о томъ, что Фра Мино, ордена нищенствующихъ братьевъ, видѣлъ и слышалъ, записанное для поученія вѣрныхъ. Во славу Іисуса Христа и блаженнаго, нищаго угодника Господня святого Франциска. Аминь».

Потомъ изложилъ письменно и по порядку, ничего не пропуская, все, что видѣлъ: и то, какъ нимфы превратились въ колдуній, и какъ старикъ съ рогами бесѣдовалъ съ нимъ въ лѣсу голосомъ, подобнымъ послѣдному вздоху древней свирѣли и первымъ звукамъ священной арфы. Между тѣмъ, какъ онъ писалъ,—птицы щебетали, ночь подкралась, и прелестныя краски дня потухли. Монахъ зажегъ лампаду и продолжалъ писать. Рассказывая о чудесахъ, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, Фра Мино въ то же время изъяснялъ ихъ значеніе прямое и духовное, по всѣмъ правиламъ схоластики. И, подобно тому, какъ башнями и стѣнами окружаютъ города, чтобы ихъ укрѣпить, такъ и онъ подтверждалъ свои доказательства изреченіями, заимствованными изъ священнаго писанія. И онъ вывелъ слѣдующія заключенія изъ этихъ необычайныхъ явленій: во-первыхъ, что Іисусъ Христосъ есть Господь и Владыка всякой твари земной, и что Онъ есть Богъ сатировъ и фавновъ такъ же, какъ людей. Вотъ почему св. Іеронимъ видѣлъ въ пустынѣ кентавровъ, которые исповѣдывали имя Христа; во-вторыхъ, что Богъ открылъ язычникамъ нѣкото-

рые проблески истины для того, чтобы они могли спастись. Вотъ почему сибиллы какъ, напримѣръ, Кумская, Египетская и Дельфійская, предвозвѣщали во мракѣ невѣрія Ясли, Бичи, Тростниковый Скипетръ, Терновый Вѣнецъ и Крестъ. Вотъ почему также Августинъ сиббилу Эритрейскую допускаетъ въ Градъ Господень. Фра Мино возблагодарилъ Бога, открывшаго ему эти тайны. Великая радость наполнила сердце при мысли, что и Виргилій также находится среди избранниковъ Божіихъ. И онъ начерталъ съ веселіемъ въ концѣ послѣдняго листа:

«Вотъ апокалипсисъ брата Мино, нищаго во Христѣ. Я видѣлъ свѣтлое сіяніе на рогатомъ челѣ Сатира, какъ предзнаменованіе милосердія Господня, исторгшаго изъ пламени ада мудрецовъ и поэтовъ древности»

Была уже поздняя ночь, и Фра Мино прилежъ на постель, чтобы нѣсколько отдохнуть. Когда онъ начиналъ уже дремать, въ окно влетѣла старая женщина въ лунномъ лучѣ. Онъ узналъ въ ней самую страшную изъ вѣдьмъ, которыхъ видѣлъ въ часовнѣ св. Михаила.

— Дружокъ мой,—сказала она,—что ты надѣлалъ? Вѣдь мы предостерегали, я и мои милыя сестры, чтобы ты не открывалъ нашихъ тайнъ. Ибо, если ты предашь насъ,—мы задушимъ тебя. А мнѣ тебя жаль, потому что я люблю тебя съ нѣжностью!

Она обняла его, назвала своимъ небеснымъ Адонисомъ, своимъ маленькимъ, бѣлымъ осликомъ и ласкала его пламенными ласками.

Но, увидѣвъ, что онъ отталкиваетъ ее съ отвращеніемъ, сказала:

— Дитя мое, ты презираешь меня, потому что вѣки мои красны, ноздри мои изъѣдены острымъ, зловоннымъ дыханіемъ, и въ деснахъ моихъ остался единственный зубъ, черный и громадный. Правда, что такова нынѣ—Нэера твоя. Но если ты только полюбишь меня, я сдѣлаюсь тобою и для тебя снова тѣмъ, чѣмъ была въ золотые дни Сатурна, когда юность моя цвѣла въ цвѣтущей юности міра. О, мой отрокъ, мой богъ, вѣдь это любовь дѣлаетъ прекраснымъ все. Чтобы

возвратить мнѣ красоту, тебѣ нужно только немного храбрости. Ну же, Мино, будь смѣлѣе!

При этихъ словахъ, сопровождаемыхъ движеніями, Фра Мино, объятый ужасомъ и омерзѣніемъ, ослабѣлъ и соскользнулъ съ постели на каменный полъ своей кельи. И между тѣмъ, какъ монахъ падалъ, ему показалось, что онъ видитъ сквозь вѣки, уже полураскрытыя, нимфу совершенной прелести, голое тѣло которой обливало его, какъ пролитое молоко.

Мино проснулся при яркомъ свѣтѣ дня, совершенно разбитый паденіемъ. Листья пергамента, которые онъ исписалъ ночью, покрывали аналой. Онъ перечелъ ихъ, сложилъ, запечаталъ собственной печатью, спряталъ подъ одежду и, не заботясь объ угрозахъ, дважды повторенныхъ вѣдьмами, отнесъ эти разоблаченія владыкѣ-епископу, дворецъ котораго высоко подымалъ зубцы свои посрединѣ города. Онъ засталъ его въ большемъ залѣ въ то время, какъ владыка надѣвалъ шпоры, окруженный ландскнехтами. Ибо первосвященникъ велъ войну съ гибеллинами Флоренціи. Епископъ спросилъ монаха, за какою надобностью онъ пришелъ, и когда узналъ, то пригласилъ тотчасъ же прочесть ему донесеніе. Фра Мино повиновался. Владыко-епископъ выслушалъ чтеніе до конца. Что касается до призраковъ, то онъ не имѣлъ объ этомъ предметѣ особенно точныхъ свѣдѣній, но былъ исполненъ пламенною ревностью къ величію церкви. Не медля ни одного дня, несмотря на военныя заботы, поручилъ онъ двѣнадцати знаменитымъ докторомъ теологій и каноническаго права изслѣдовать дѣло, чтобы они поскорѣе дали свое заключеніе. По зрѣломъ размышленіи, допросивъ неоднократно Фра Мино, доктора пришли къ тому выводу, что должно открыть гробницу св. Сатира въ часовнѣ св. Михаила и произнести надъ нею самыя сильныя очистительныя заклятія. Относительно догматическихъ вопросовъ, поднятыхъ Фра Мино, они не пришли къ опредѣленному заключенію, склоняясь, однако, къ тому, что доказательства францисканца слишкомъ смѣлы, легкомысленны и необычайны.

Согласно съ рѣшеніемъ докторовъ и по изволенію владыки-епископа, гробница св. Сатира была открыта. Въ ней нашли горсть пепла, которую священники обрызгали святою водою. И тогда изъ могилы поднялся бѣлый паръ, и въ немъ слышались тихіе стоны.

Ночью, послѣ совершенія этого обряда, Фра Мино приснилось, что вѣдьмы, наклонившись надъ его ложемъ, вырываютъ ему сердце. Онъ всталъ на разсвѣтѣ, мучимый острою болью и пожираемый жаждой. Дотащился до монастырскаго колодца, въ которомъ пили голуби. Но только что омочилъ губы въ водѣ, наполнявшей углубленіе по краямъ колодца, какъ почувствовалъ, что сердце у него въ груди распухло, подобно губкѣ, и, прошептавъ: «Господи!», палъ бездыханнымъ.

Дафнисъ и Хлоя.

ПОВѢСТЬ ЛОНГУСА.

Поэма *Дафнисъ и Хлоя* такъ хороша, что въ наши скверныя времена нельзя сохранить въ себѣ производимаго ею впечатлѣнія, и, перечитывая ее, изумляешься снова. Какой вкусъ, какая полнота и нѣжность чувства! Ихъ можно сравнить съ лучшимъ, что только было написано. Требуется написать цѣлую книгу, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить достоинства этой поэмы. Слѣдовало бы ее перечитывать разъ въ годъ, чтобы научиться изъ нея и вновь чувствовать впечатлѣнія ея большой красоты

Гете.

О символизмѣ „Дафниса и Хлои“.

Кто написалъ эту удивительную поэму или романъ, представляющій маленькій, замкнутый, ни на что другое не похожій міръ,—произведеніе, такъ одиноко стоящее не только въ древне-греческой, но и во всемірной литературѣ? Изъ какой почвы, изъ какой среды, изъ какого быта и времени выросъ этотъ рѣдкій, даже, повидимому, единственный, нѣжный до болѣзненности и все-таки свѣжій цвѣтокъ поздней Эллады? Или короче—когда, кѣмъ и при какихъ условіяхъ написана поэма *Дафнисъ и Хлоя*, которая, начиная съ XVI вѣка, приобрѣла извѣстность во всѣхъ европейскихъ литературахъ, и о которой, однако, нигдѣ, ни однимъ словомъ, не упоминается ни у греческихъ, ни у римскихъ, ни у позднѣйшихъ византійскихъ авторовъ?

Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы исторія литературы не даетъ никакого отвѣта. На книгѣ стоитъ ничего не гово-

рящее имя автора — Лонгусъ. За этимъ именемъ, а можетъ-быть, псевдонимомъ, скрывается тайна, которую, вѣроятно, не суждено освѣтить никакими литературными изслѣдованіями. Высказываютъ предположеніе, что поэма написана не ранѣе II вѣка, не позже IX—того мрачнаго монашескаго вѣка, когда государство уже предписываетъ разрушать и низвергать созданія олимпійскаго многобожія. Какъ видите, промежуточные семь столѣтій—весьма и даже слишкомъ широкое поле для всякихъ догадокъ и болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ

За недостаткомъ внѣшнихъ указаній, мы принуждены обратиться къ самому произведенію, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо внутреннихъ указаній и свидѣтельствъ, по которымъ можно бы судить объ условіяхъ его возникновенія. Но и здѣсь наша надежда въ значительной мѣрѣ обманута. Поэма какъ будто нарочно задумана такъ, чтобы нельзя было опредѣлить съ историческою точностью время дѣйствія: пастушескій романъ, въ которомъ, несмотря на нѣкоторыя внѣшнія фантастическія подробности, много смѣлаго натурализма, представляетъ совершенный и самодовлѣющій кругъ, изъ котораго во внѣшній историческій міръ почти нѣтъ выходовъ. Авторъ избѣгаетъ намековъ на время, когда происходитъ дѣйствіе поэмы. Кажется, что онъ хочетъ самъ забыть, хочетъ чтобы и читатели забыли о времени, о *своемъ* времени, быть-можетъ, объ одномъ изъ тѣхъ безнадежныхъ, душныхъ и гнетущихъ временъ, когда люди прежде всего ищутъ въ поэтическомъ вымыслѣ *сладоуспокоенія*; вотъ почему онъ какъ будто убаюкиваетъ насъ, неуловимо и безболѣзненно отрѣшаетъ, отрываетъ отъ вѣчно-жестокой и оскорбительной дѣйствительности и, какъ волшебникъ, заманиваетъ, все глубже и глубже втягиваетъ въ заколдованный кругъ пастушеской поэзіи, сладкой и легкой, какъ сонъ.

Но, несмотря на высокую степень отрѣшенности произведенія отъ всѣхъ низшихъ мѣстныхъ и временныхъ условій, несмотря на полную объективность, которая свидѣтельствуетъ о художественной зрѣлости, несмотря, наконецъ, на

волшебную яркость видѣнія, за которымъ поэтъ скрывается отъ насъ, какъ бы сливаясь, претворяясь въ немъ, такъ что дѣйствительная жизнь и личность поэта исчезаютъ безслѣднѣ, чѣмъ сонъ, а сонъ дѣлается дѣйствительнѣ, чѣмъ жизнь, — несмотря на все это, отъ внимательнаго взора не ускользаетъ въ поэмѣ то, что выше всѣхъ условій мѣста и времени — живая душа поэта.

Правда, здѣсь нѣтъ никакихъ внѣшнихъ историческихъ намековъ: съ бытовой точки зрѣнія, то, что происходитъ въ *Дафнисть и Хлоъ*, могло происходить и въ эпоху Аѳинской гегемоніи, и Македонскаго владычества, и Римскаго завоеванія, и въ позднѣйшія времена упадка императорскаго Рима, и даже на самомъ рубежѣ византійскаго христіанства. Таково свойство древней культуры, что главные общественные устои жизни, какъ, напримѣръ, рабство, прикрѣпощенность сельскаго жителя къ землѣ, муниципальная автономія отдѣльных городовъ, остаются почти неизмѣнными и неподвижными въ теченіе многихъ столѣтій

Но, съ другой стороны, чѣмъ внимательнѣе разсматриваешь поэму, тѣмъ очевиднѣе становится, что это — произведеніе поздней, утонченной культуры, что она написана не эллиномъ, а эллинистомъ, т.-е. человѣкомъ, для котораго Эллада, веселіе, полнота и прелесть языческой жизни, языческаго духа, является уже не дѣйствительностью, а призракомъ, не настоящимъ, а болѣе или менѣе далекимъ прошлымъ, не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что было и должно быть. Именно такую, т.-е. неизъяснимо-печальною и чѣмъ болѣе печальною, тѣмъ болѣе прекрасною, какъ бы озаренною лампаднымъ свѣтомъ вечерняго солнца, обвѣянною предсмертнымъ благоуханіемъ осеннихъ цвѣтовъ, именно такую являлась Эллада Филострату, Либанію и другимъ сообщникамъ великаго, непонятаго императора, — того, кто въ IV вѣкѣ уже дерзнулъ сдѣлать попытку эллинскаго Возрожденія, — я разумѣю Флавія Клавдія Юліана, котораго злорадные византійцы хотѣли заклеить, а на самомъ дѣлѣ, украсили, — какъ бы таинственнымъ, темнымъ вѣнцомъ увѣнчали, — прометеевымъ именемъ *Отступника*». Быть-можетъ, одинъ

изъ этихъ эллинистовъ, окружавшихъ Юліана, одинъ изъ этихъ утонченныхъ и одинокихъ мечтателей, безнадежно влюбленныхъ даже не въ бездыханное тѣло, а только въ прекрасную тѣнь умершей Эллады, создалъ нѣжное, грустное видѣніе пастушеской любви Дафниса и Хлои — двухъ невинныхъ дѣтей, покинутыхъ въ уютномъ солнечномъ уголкѣ блаженнаго Лезбоса. Не оттого ли въ душѣ возникаетъ такая сладкая, томительная грусть, когда читаешь поэму, что невольно думаешь: такой красоты нѣтъ, или *уже* нѣтъ на землѣ, и кто знаетъ, будетъ ли она еще когда-нибудь? Невольно чувствуешь, что самъ авторъ не вѣритъ въ дѣйствительность и возможность того, что изображаетъ, а если и вѣритъ, то все-таки не такъ простодушно какъ, на примѣръ, Гомеръ—въ мужество Гектора, вѣрность Пенелопы. Поэтъ убаюкиваетъ насъ, чтобы мы забыли мрачное время, въ которое имѣли несчастье родиться,—убаюкиваетъ—но не до конца, заставляетъ повѣрить въ правду и счастье простой человѣческой любви—но не совсѣмъ. Безпокойство и недоверіе, о которомъ онъ, впрочемъ, не говоритъ ни словомъ, остается въ его душѣ и въ нашей, и быть-можетъ, эта тревога тѣмъ сильнѣе, тѣмъ мучительнѣе, что она—безмолвная. Такъ иногда бываетъ, когда заснешь съ тяжелымъ горемъ или угрызениемъ на сердцѣ: сквозь сонъ, какъ бы онъ ни былъ сладокъ и тихъ, чувствуешь смутно горечь дѣйствительной жизни, какъ будто сквозь легкую ткань прощупываешь холодъ скрытаго лезвея.

«Умеръ, умеръ Великій Панъ!» — этотъ вопль уже прозвучалъ изъ края въ край по всей опечаленной и потемнѣвшей землѣ боговъ, по волнамъ, омывающимъ блаженный берегъ Лезбоса. Какое очарованіе поэзіи, какое убаюкиваніе нѣжными звуками пастушеской свирѣли заставятъ насъ забыть, что умеръ Великій Панъ, что съ пустыннаго холма Палестины, отъ позорнаго орудія римской пытки—двухъ деревянныхъ перекладинъ, положенныхъ крестъ-накрестъ — протянулась такая черная и длинная тѣнь по всему міру, что отъ нея нельзя уже спастись и въ самомъ тепломъ солнечномъ уголку блаженнаго острова.

Но для насъ, людей XIX вѣка, ожидающихъ въ таинственныхъ сумеркахъ новаго, еще невѣдомаго солнца, предчувствующихъ, что *Великій Панъ*, умершій пятнадцать вѣковъ назадъ, скоро долженъ воскреснуть, эта вѣщая, сладкая грусть дѣлаетъ поэму Лонгуса особенно близкой, понятной и плѣнительной.

Да, они похожи на насъ, эти странные, одинокіе и утонченные эстеты, риторы, софисты, гностики IV вѣка. Они такъ же, какъ мы, люди глубоко-раздвоенные, люди прошлаго и будущаго—только не настоящаго, дерзновенные въ мысляхъ, робкіе въ дѣйствіяхъ, среди мрака и холода носящіе въ себѣ зародыши новой жизни, стоящіе на рубежѣ стараго и новаго, люди Упадка и вмѣстѣ съ тѣмъ Возрожденія, или, говоря современнымъ, общепринятымъ и все-таки почти никому непонятнымъ языкомъ, это—въ одно и то же время и *декаденты*, т.-е. гибнущіе, доводящіе утонченность дряхлаго міра до болѣзни, до безумія, до безвкусія, и *символисты*, т.-е. возрождающіеся, предрекающіе знаменіями и образами то, что еще нельзя сказать словами, потому что оно еще не наступило, а только вѣетъ и чувствуется,—пришествіе Новаго Міра. Въ самомъ дѣлѣ, тогда именно, около IV вѣка, александрійскими неоплатониками и гностиками, восточными ригорами и эллинистами, окружавшими Флавія Клавдія Юліана—съ одной стороны, а съ другой—такими великими учителями церкви, какъ Василій, Григорій Назіанзининъ и позже Іоаннъ Златоустъ, была сдѣлана величая, хотя и неудавшаяся, слишкомъ ранняя попытка *Rinascimento*. Возрожденія эллинскаго языка и эллинскаго духа, гармоническаго сліянія древняго олимпійскаго и новаго галилейскаго начала въ одну, еще никѣмъ на землѣ неиспытанную и невиданную культуру, того сліянія, о которомъ уже мечталъ Климентъ Александрійскій. Эта попытка IV вѣка не удалась. Но она была повторена въ Италіи черезъ тысячелѣтіе, при чемъ сущность *Rinascimento* осталась та же въ XV вѣкѣ, какъ въ IV и V: сущность эта заключается въ наивномъ или преднамѣренномъ сопоставленіи двухъ началъ—христіанскаго и языческаго, Голговы

и Олимпа, въ страстной, хотя и неутолимой жаждѣ разрѣшить это противорѣчіе, слить эти два начала въ новую, невѣдомую гармонію. И въ XV и XVI вѣкахъ такъ же, какъ въ V и VI—попытка возрожденія не удалась, противорѣчіе эллинства и христіанства не было разрѣшено, окончательно примиряющая гармонія двухъ началъ не была найдена. Чрезмѣрныя надежды, которыя опьяняли юношескою отвагою и радостью наивныхъ кватрочентистовъ, не оправдались, — и первые лучи восходящаго и уже омраченнаго солнца потухли въ душномъ кровавомъ сумракѣ, въ церковной инквизиціи второй половины XVI вѣка, въ холодной пошлости и академичности XVII. И вотъ теперь, на рубежѣ XX вѣка, мы стоимъ передъ тѣмъ же великимъ и неразрѣшеннымъ противорѣчіемъ Олимпа и Голгофы, язычества и христіанства, опять и надѣемся, и опять ждемъ новаго *Rinascimento*, чей первый, смутный лепетъ называютъ Символизмомъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ наукой не опредѣлены законы этихъ громадныхъ историческихъ волнъ, этихъ *переваловъ*, періодическихъ спусковъ и подъемовъ челоуѣческаго духа,—неизмѣнно слѣдующихъ другъ за другомъ, взаимодействующихъ упадковъ и возрожденій. Но даже простой эмпирической взглядъ открываетъ въ нихъ общія глубоко родственныя черты, повторяющіяся и въ IV вѣкѣ, и въ XV, и теперь, наканунѣ символическаго возрожденія XX вѣка: въ такія эпохи каждый разъ въ роковой и демонической борьбѣ выступаютъ все яснѣе, все неутолимѣе *два* силы, *два* начала, *два* теченія, вѣчно враждебныя другъ другу и вѣчно стремящіяся къ новымъ примиреніямъ, къ новымъ невѣдомымъ союзамъ и сочетаніямъ: я разумѣю Христіанство и Язычество. Не только въ главномъ, но и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ вѣка *Rinascimento* иногда поражаютъ насъ удивительными сходствами, какъ будто изъ народа въ народъ, изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе братскіе голоса перекликаются и подаютъ другъ другу вѣсть, что странники идутъ по одному пути, къ одной цѣли черезъ всѣ историческіе перевалы, черезъ всѣ долины и горы—Упадки (*Décadences*) и Возрожденія (*Renaissances*).

Чтобы вернуться къ *Дафнису и Хлоѣ*, я укажу на это удивительное сочетаніе порочнаго съ цѣломудренныѣмъ, болѣзненно-утонченнаго, того, что мы теперь обозначаемъ опощленнымъ словомъ «декадентное» — съ наивнымъ, чистымъ, робкимъ, какъ самое раннее, даже еще не душистое, а только свѣжее вѣяніе весны. И это же самое своеобразное сочетаніе новаго и стараго, трудно объяснимое словами, но столь же явственнаго, какъ особенный запахъ цвѣтка—сочетаніе, которое придаетъ неподражаемую прелесть пасторали IV вѣка,—повторяется въ произведеніяхъ итальянскихъ художниковъ XV вѣка, въ дѣтски-наивныхъ и соблазнительныхъ картинахъ, быть-можетъ, величайшаго изъ раннихъ *quattrocentist*'овъ — того, котораго не даромъ въ послѣднее время такъ прославили англійскіе прерафаэлиты,—я разумѣю Сандро Боттичелли. Въ его *Prima Vera* такъ же, какъ въ «*Дафнисъ и Хлоѣ*», невинная игра любви и величайшее цѣломудріе граничатъ съ опаснымъ и утонченнымъ соблазномъ. Что можетъ быть чище и дѣвственнѣе граціозныхъ пляшущихъ нимфъ, обвитыхъ воздушными туниками, или пастушковъ, не знающихъ даже имени любви? Но вы невольно чувствуете, что если герои еще и не знаютъ любви, то поэтъ уже слишкомъ хорошо, слишкомъ безнадежно позналъ, что такое любовь. Быть-можетъ, нѣтъ книги болѣе сладострастной, чѣмъ «*Дафнисъ и Хлоя*», такъ же какъ нѣтъ картины болѣе сладострастной, чѣмъ рождающаяся изъ моря *Венера* Боттичелли. А между тѣмъ, и здѣсь и тамъ—какая весенняя непорочная свѣжесть, какое незнаніе грѣха, какое дѣтское, непобѣдимое цѣломудріе! Но пастушескія, неопытныя игры въ любовь у Лонгуса, грустныя, какъ будто заплаканныя очи таинственной средневѣковой Афродиты у Боттичелли—болѣе обольстительны, чѣмъ грубая, здоровая и откровенная нагота Тиціана и Рубенса, чѣмъ буржуазная, добродѣтельная чувственность Аріосто и Боккачіо. Какъ будто поэтъ IV вѣка и живописецъ XV—утонченные демоны-обольстители, предлагающіе намъ вкусить отъ запретнаго плода новой красоты, новаго грѣха, соблазняютъ насъ, сами оставаясь невинными, соблазняютъ насъ нехотя и нечаянно. Но иногда спрашиваешь

себя съ улыбкой: дѣйствительно ли эти символисты-художники весеннихъ, цѣломудренныхъ игръ такъ невинны и простодушны, какъ желаютъ казаться? Быть-можетъ, они и сами уже отравлены ядомъ, которымъ хотятъ отравить наше сердце?

Вотъ въ чемъ трагизмъ такихъ людей, какъ Лонгусъ и Боттичелли. У нихъ нѣтъ настоящей мужественной силы, которая позволила бы имъ преодолѣть зародыши смерти, зародыши тлѣна и упадка, и достигнуть свѣтлыхъ, горныхъ вершинъ Возрожденія; у нихъ нѣтъ титаническаго дерзновенія, которое создаетъ героевъ-художниковъ, истинныхъ пророковъ новой жизни, подобныхъ Эсхилу и Леонардо да Винчи. Эти первые ранніе обольстители сами боятся своихъ новшествъ, своихъ, повидимому, невинныхъ, на самомъ дѣлѣ опасныхъ и глубокихъ созданій. Они дерзаютъ, грѣшатъ, чтобы раскаяться, не выдерживаютъ до конца и отступаютъ. Такъ Боттичелли раскаялся, услышавъ громовый голосъ доминиканца, и вернулся отъ Афродиты, выходящей изъ пѣны морской, къ плачу постарѣвшей отъ горя Маріи Дѣвы надъ гробомъ Спасителя. Кто знаетъ, можетъ-быть, и авторъ «Дафниса и Хлои», какъ многіе въ тѣ времена, покаившись подъ черной одеждой византійскаго монаха, съ угрызениемъ вспоминалъ объ этой обольстительной книгѣ, которую написалъ во дни своей языческой молодости, на зло «галилеянамъ», и которая черезъ много вѣковъ должна была воскреснуть, чтобы соблазнить наши сердца своей неувядаемой цѣломудренно-грѣшною прелестью!

Не надо терять изъ виду, что Дафнисъ и Хлоя—не настоящіе пастухи и поселяне, какими они кажутся, а дѣти городскихъ, богатыхъ родителей. Конечно, сельская жизнь очистила, укрѣпила, вернула ихъ душу къ первобытной ясности, сдѣлала болѣе здоровыми и способными къ простой, естественной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, божественной любви. Но все-таки, даже здѣсь, въ природѣ, наслѣдственный опасный ядъ поздней культуры остался въ ихъ крови, и онъ то и дѣло проявляется въ ихъ чрезмѣрной, утонченной, почти болѣз-

ненной чувствительности. Она облагораживает ихъ страсть, углубляетъ и одухотворяетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаетъ всякой силы, всякаго мужества. Дафнисъ—мужчина только тѣломъ, не духомъ: кожа у него темнѣе, мускулы крѣпче, но по характеру онъ такая же дѣвушка, какъ Хлоя. Въ его словахъ, такъ же какъ во всемъ романѣ, нѣтъ *ни одной черты мужества*. Онъ не выноситъ вида вооруженныхъ людей. Въ опасности только плачетъ, молить или дрожить. Отъ враговъ убѣгаетъ, какъ трусливый ланенокъ; какъ овцы Хлоя, прячется въ дуплѣ стараго бука отъ страха, даже забываетъ о судьбѣ своей подруги. И потомъ при каждомъ удобномъ случаѣ плачетъ, заливаясь слезами, какъ дѣвушка, отъ любви, отъ горя, отъ радости. Когда, послѣ долгой разлуки, Дафнисъ встрѣчается съ Хлоей, онъ едва держится на ногахъ, едва не падаетъ въ обморокъ. И у Хлои—такая же изнѣженная чувствительность городской утонченной культуры, несмотря на то, что она одѣвается не въ пурпуръ, а въ овечій мѣхъ, ѣстъ грубый хлѣбъ, пьетъ козье молоко, смѣшанное съ виномъ и дикимъ медомъ. У нея нѣтъ и слѣда женской силы, женскаго упорства и безстрашія любви. Она даже не ревнуетъ, не возмущается, не возстаетъ при мысли, что Дафнисъ можетъ ее разлюбить, а только умираетъ съ беспомощной покорностью, въ тихомъ отчаяніи, какъ нѣжное растеніе увядаетъ отъ холода. Они оба не выносятъ никакого страданія, и каждое прикосновеніе грубой жизни къ ихъ обнаженной, беззащитной и страстной душѣ почти смертельно. Если бы Нимфы, Панъ и Эросъ немного меньше заботились о нихъ, эти слишкомъ прекрасныя робкія дѣти неминуемо должны бы погибнуть. Ибо что они знаютъ? что они могутъ? Съ такимъ безоружнымъ и покорнымъ сердцемъ нельзя жить, нельзя любить въ этомъ мѣрѣ. Умъ, сердце, воля, все существо ихъ изнемогаетъ, истаеваетъ отъ любви, какъ воскъ отъ огня. И жало страсти, которой они, бѣдные и невинныя, даже не умѣютъ назвать, проникаетъ въ ихъ душу и уязвляетъ съ пронзительной болью и наслажденіемъ, подобнымъ смерти. Они не сопротивляются, только молятся и плачутъ, отдаваясь этой дикой силѣ, и она поглощаетъ ихъ, уноситъ,

какъ весенній потокъ—лепестки цвѣтовъ. Настоящіе эллины такъ не любили, такъ не страдали—у Гомера, у Эсхила, Софокла и Еврипида. Тамъ надъ всѣмъ вѣетъ благодатное дыханіе Рока, свѣжее и грозное. Тамъ и на самой нѣжной любви у Антигоны, у Алькестисъ—печать героизма,—суроваго могущества и величія.

Когда Федра или Медея вопять отъ оскорбленной, ревнивой страсти, то въ этомъ воплѣ слышится львиное рыканье, отъ котораго даже сердца героевъ трепещутъ. Страшно, когда эти жены титановъ кричатъ отъ любви или молчатъ, замышляя въ сердцѣ недоброе, но еще страшнѣе, когда онѣ, обманывая и притворяясь побѣжденными, плачутъ, ибо въ эллинскихъ трагедіяхъ слезы женъ предвѣщаютъ кровь мужей.

Въ поэмѣ Лонгуса священный огонь древняго эллинскаго мужества потухъ. Вотъ они, послѣдніе потомки сильныхъ, суровыхъ мужей, создателей «Скованнаго Прометея», побѣдителей при Марафонѣ—влюбленныя слабыя дѣти, пастушокъ и пастушка на островѣ Лезбосѣ! вмѣсто ледяного блеска горныхъ вершинъ, вмѣсто грозового и укрѣпляющаго дыханія Рока—только благовоніе опасныхъ ядовитыхъ цвѣтовъ, только обольстительная нѣга и зной. Я почти готовъ сказать, что въ этомъ дѣтскомъ и беспомощномъ смиреніи передъ волею Рока, въ этихъ слишкомъ частыхъ молитвахъ и слезахъ, въ этомъ постоянномъ вмѣшательствѣ слишкомъ добрыхъ и доступныхъ боговъ, въ этомъ безоружномъ терпѣніи и кротости Дафниса и Хлои есть уже что-то совсѣмъ наше, непонятное и враждебное истому греку, что-то христіанское и средневѣковое. Чрезмѣрная, какъ будто лихорадочная, чувствительность, сложная и утонченная психологія любви, въ послѣдствіи, въ эпоху рыцарскихъ нравовъ и христіанскаго мистицизма будутъ увеличены, доведены до послѣднихъ предѣловъ провансальскими трубадурами, и черезъ *Vita Nuova* Данте, черезъ томные вздохи и слезы о Лаурѣ, черезъ сентиментальную идиллію *Новой Элоизы* переданы ХІХ вѣку въ его психологическій, любовный романъ. Въ «Дафнисѣ и Хлоѣ» это еще только

первое слабое колебаніе свѣта и тѣни, только утренняя сумеречная двойственность—та самая, которая плѣняетъ и смущаетъ насъ въ картинахъ Боттичелли,—но тамъ, въ XV вѣкѣ—переходъ обратный, не отъ язычества къ христіанству, а отъ христіанства къ новому эллинизму *Rinascimento*—та двойственность, которая составляетъ сущность и необходимую черту *всякаго* Возрожденія. И здѣсь, и тамъ—и у поздняго эллина, и у ранняго флорентійца—та же болѣзненная утонченность, та же вѣщая, напряженная чуткость. И здѣсь и тамъ—неуклюжая грація невинности, гибкость и непрочность слишкомъ тонкихъ, слишкомъ хрупкихъ стеблей, которые жадно тянутся къ солнцу,—дѣвственная хурда еще почти дѣтскаго и уже страстнаго тѣла,—все это одинаково чувствуется въ уличномъ флорентійскомъ мальчикѣ изъ бронзы, котораго Донателло почему-то назвалъ Іоанномъ Крестителемъ, въ простодушныхъ, удивленныхъ мадоннахъ Филиппино Липпи, въ неправильныхъ, невозможныхъ, но очаровательныхъ тѣлахъ Боттичелли. Такъ же, какъ въ неумѣлыхъ ласкахъ Дафниса и Хлон, въ ихъ любовныхъ играхъ, есть уже соблазнъ и грѣхъ,—не потому, что эти невинныя дѣти знали, что такое зло, а потому, что природѣ человѣческой отъ вѣка свойственно любить соблазнъ и грѣхъ, подобно тому, какъ тайнымъ корнямъ самыхъ чистыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ свойственно любить сырость и мракъ земли.

Если бы Лонгусъ могъ прочесть то, что я о немъ пишу, онъ, вѣроятно, очень удивился бы, не понялъ, а если бы и понялъ, то сказалъ бы, что въ его произведеніи ничего подобнаго нѣтъ, что онъ желалъ только написать пастушескую идиллію во вкусѣ Теокрита, обычный романъ, съ памятливыми знаками, съ покинутыми и найденными дѣтьми, какіе тогда писались во множествѣ. И авторъ былъ бы въ значительной мѣрѣ правъ: я вѣдь до сихъ поръ еще не касался здороваго, крѣпкаго ядра поэмы; а такое ядро истинно эллинское, неистребимое никакими вѣками, сочное и свѣжее, несомнѣнно есть въ ней, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Пока я говорилъ не о сущности, а объ отбѣнкѣ, о первомъ намекѣ, о первомъ проблескѣ того страннаго, сумеречнаго, двойственнаго, что

особенно любопытно и дорого намъ, современникамъ общеевропейскаго символическаго движенія, которое одни называютъ упадкомъ (Décadence), другіе возрожденіемъ,—въ которомъ, на самомъ дѣлѣ, есть и то и другое,—и упадокъ и возрожденіе, и конецъ стараго и начало новаго, и спускъ и подъемъ, и тлѣнъ и воскресеніе, и декадентство и символизмъ, какъ, впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ движеніяхъ, что я старался подтвердить примѣромъ ранняго, до рафаэлева, флорентійскаго Rinascimento.

Замѣчательно, что Гёте, отличавшійся такой вѣщей проницательностью, вовсе не замѣчалъ, или, по крайней мѣрѣ не хотѣлъ замѣтить этой болѣзненной утонченности слишкомъ поздней культуры, этой мягкости и сладости черезчуръ зрѣлыхъ осеннихъ плодовъ, этой глубоко скрытой двойственности въ «Дафнисъ и Хлоѣ», которая такъ замѣтна и понятна для насъ; наканунѣ XX вѣка, для насъ, отошедшихъ съ утомленіемъ отъ знойнаго рафаэлева полдня и влюбленныхъ въ свѣжія утреннія сумерки первоначальныхъ флорентійцевъ. Вотъ отрывокъ изъ его разговоровъ съ Эккерманномъ:

«Воскресенье 20 марта, 1831.

Сегодня Гёте за обѣдомъ сказалъ мнѣ, что на-дняхъ перечель «Дафниса и Хлою».

— Поэма такъ хороша,—сказалъ онъ,—что въ наши скверныя времена нельзя сохранить производимаго ею впечатлѣнія и, перечитывая ее, изумляешься снова. Въ ней все освѣщено яснымъ солнечнымъ свѣтомъ, и кажется, будто видишь картины изъ Геркуланума; равно эти картины оказываютъ обратное дѣйствіе на книгу и при чтеніи приходятъ на помощь фантазіи.

— Мнѣ нравится извѣстная замкнутость, выдержанная въ поэмѣ,—сказалъ я (т. е. Эккерманнъ).—Почти нѣтъ чуждыхъ намековъ, которые выводили бы насъ изъ счастливаго круга. Изъ боговъ дѣйствуютъ только Панъ и Нимфы, другіе едва упоминаются, и ясно, что потребности пастуховъ ограничиваются этими божествами.

— И, однако, несмотря на значительную замкнутость,—сказалъ Гёте, передъ нами раскрывается цѣлый міръ. Мы видимъ всякаго рода пастуховъ, земледѣльцевъ, садовниковъ, виноградарей, корабельщиковъ, разбойниковъ, воиновъ и именитыхъ гражданъ, важныхъ господъ и рабовъ.

— Мы видимъ также людей на всѣхъ жизненныхъ ступеняхъ отъ рожденія до старости; равно передъ нашими глазами проходятъ различныя домашнія занятія, которыя приносятъ съ собою переменяющіяся времена года.

— А ландшафтъ!—сказалъ Гёте.—Онъ немногими чертами обозначенъ такъ ясно, что позади дѣйствующихъ лицъ мы видимъ: вверху—виноградники, нивы, плодовые сады, внизу—луга съ рѣчкой и небольшою рощицей, а вдали разстилается море, и нѣтъ слѣда пасмурныхъ дней, тумана, облаковъ и сырости; всегда голубое чистое небо, пріятный воздухъ и постоянно сухая почва, гдѣ можно лечь безъ одежды. Вся поэма,—продолжалъ Гёте,—свидѣтельствуешь о высокомъ искусствѣ и образованности. Она такъ обдуманна, что въ ней нѣтъ ни одного недостающаго мотива, и всѣ они какъ нельзя болѣе основательны: напримѣръ, кладъ, найденный на берегу моря въ гніющемъ трупѣ дельфина. И какой вкусъ, какая полнота и нѣжность чувства! Ихъ можно сравнить съ лучшимъ, что только было написано. Все отвратительное, вторгающееся извнѣ въ счастливую область поэмы, какъ-то: нападеніе, грабежъ и война, всегда рассказано самымъ краткимъ образомъ и не оставляетъ почти никакого слѣда. Порокъ является вслѣдствіе вліянія горожанъ, и притомъ не въ главныхъ лицахъ, а въ аксессуарныхъ. Все это первостепенныя красоты.

— И еще.—замѣтилъ я,—мнѣ очень понравилось, какъ рисуются отношенія между господами и слугами. Первые обходятся по-человѣчески, а послѣдніе, при всей наивной свободѣ, почтительны и желаютъ всемѣрно угодить своимъ господамъ. И молодой горожанинъ, котораго Дафнисъ возненавидѣлъ за предложенія противоестественной любви, и тотъ, когда Дафнисъ признанъ сыномъ господина, старается

снова снискать его милость, отнимая у коровьихъ пастуховъ похищенную Хлою и возвращая ее ему.

— Во всемъ этомъ виденъ большой умъ,—сказаль Гёте.— Прекрасно также, что Хлоя до конца романа сохраняетъ невинность и любящіеся не знаютъ ничего лучшаго, какъ, раздѣвшись, спать другъ подлѣ друга; все это къ тому же такъ отлично мотивировано, что при этомъ говорится о величайшихъ человѣческихъ дѣлахъ. Требуется написать цѣлую книгу, чтобы, какъ слѣдуетъ, оцѣнить всѣ достоинства этой поэмы. Слѣдовало бы ее перечитывать разъ въ годъ, чтобы поучаться изъ нея и вновь чувствовать впечатлѣнія ея большой красоты» 1).

Итакъ, великій язычникъ смотритъ на поэму, какъ на одно изъ безупречныхъ созданій эллинскаго духа. Онъ говоритъ о «Дафнисѣ и Хлоѣ» почти такъ же, какъ могъ бы говорить о произведеніи Гомера и Софокла. Онъ не видитъ ни одной тѣни, ни одного недостатка въ этой классической книгѣ, въ которой онъ совѣтуетъ намъ—и не безъ глубокаго основанія—искать поученія, т.-е. высшей мудрости Эллиновъ. Но, оцѣнивая отзывъ Гёте, не слѣдуетъ забывать объ одной удивительной особености этого человѣка, подобнаго которому природа, можетъ-быть, никогда не создавала: душа его обладала способностью вбирать, впитывать въ себя изъ жизни только свѣжее и свѣтлое, только здоровое и прекрасное, извлекать, даже изъ ядовитыхъ цвѣтовъ, только чистѣйшій нектаръ. Объ остальномъ онъ умалчиваль, не замѣчалъ или не удостоиваль замѣтить. И эту естественную способность онъ увеличилъ эстетическою и нравственною выучкой, укрѣпилъ величайшимъ самообладаніемъ и привычкою поддерживать себя въ постоянно хорошемъ и бодромъ настроеніи, въ свѣжемъ здоровьи духа и тѣла. Къ старости онъ достигъ въ этомъ отношеніи рѣдкаго совершенства, нечуждаго, однако, нѣкоторой окаменѣлости. Онъ не допускаетъ въ свой обиходъ ничего темнаго, тревожнаго и двусмысленнаго, ничего, что могло бы возмутить его бо-

1) Переводъ Д. В. Аверкіева.

жественное спокойствіе, купленное цѣною такихъ страшныхъ усилій и бореній, ничего, что могло бы нарушить его олимпійскую гігіену. Замѣчательно, что даже Эккерманнъ своимъ неумнымъ, безтактнымъ замѣчаніемъ о благородныхъ отношеніяхъ рабовъ и господъ, т.-е. крѣпостныхъ и помѣщиковъ въ поэмѣ Лонгуса, не вызвалъ Гёте на возраженія, не вывелъ его изъ терпѣнія. Вообще здѣсь должно сказать, что, помимо всѣхъ своихъ другихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, книга Эккермана отличается и такимъ, котораго почтенный авторъ, вѣроятно, въ ней не подозревалъ: она учитъ насъ тому, съ какимъ трогательнымъ терпѣніемъ геніальнѣйшіе люди умѣютъ переносить человѣческую глупость и даже пользоваться ею для своихъ возвышенныхъ цѣлей: ибо воистину нужно было геронческое терпѣніе Гёте, чтобы такъ благодушно переносить тѣ глупости и пошлости, которыми Эккерманнъ осыпаетъ своего великаго покровителя.

Но, если бы у Гёте былъ другой, болѣе проникательный и умный собесѣдникъ, то онъ могъ бы, заведя рѣчь именно объ отношеніи господъ и рабовъ въ поэмѣ, указать на нѣкоторыя зловѣщія тѣни, свидѣтельствующія, впрочемъ, не о промахахъ автора, а лишь о томъ, что это—не произведеніе цвѣтущей эпохи, а поздней культуры, склоняющейся къ упадку и вырожденію, что, кажется, Гёте не хотѣлъ принять въ расчетъ.

Сначала мы не замѣчаемъ, но, по мѣрѣ движенія и развитія поэмы, все съ большей и большей ясностью чувствуемъ, что Дафнисъ и Хлоя — не свободные люди, а рабы, крѣпостные богатаго помѣщика. Вовсе не поверхностной и мимолетной, а, напротивъ, страшной и глубокой въ своей наивности, кажется мнѣ та сцена, когда образованный и добрый юноша Астиль, братъ Дафниса, соглашается подарить хорошеенькаго пастушка своему развратному нахлѣбнику для удовлетворенія его протвоекественной похоти. Съ какимъ легкимъ сердцемъ они объ этомъ говорятъ, какъ шутятъ, какъ смѣются! Астиль отдаетъ Дафниса блюдолизу въ награду за нѣсколько смѣшныхъ и

льстивыхъ словъ, какъ отдають собаку или вещь. Здѣсь чувствуется возможность ужасающей трагедіи; правда, идиллія только скользитъ по ней, почти не касаясь; но неизгладимое впечатлѣніе остается въ душѣ читателя. И невольно приходитъ на умъ, что это вовсе—не простая случайность, какъ, повидимому, утверждаетъ Гёте, напротивъ, только простая случайность спасаетъ Дафниса отъ гибели: а именно — памятные знаки, обычная и банальная подробность всѣхъ греческихъ романовъ — то, что Дафнисъ оказался не рабомъ, а сыномъ помѣщика.

Не случайная подробность въ романѣ — этотъ непобѣдимый, суевѣрный, преслѣдующій бѣдныхъ влюбленныхъ дѣтей во снѣ и наяву, страхъ передъ господами, которые скоро должны пріѣхать въ деревню, которые могутъ сдѣлать съ ними все, что вздумается, обидѣть ихъ, разлучить или соединить. Дафнисъ молить Нимфъ, чтобы онѣ защитили его и Хлою отъ господъ, какъ отъ разбойниковъ или враговъ. Не случайность также — этотъ ужасъ стараго садовника Ламона передъ господами, который увѣренъ, что его повѣсятъ, а Дафниса засѣкутъ за нѣсколько испорченныхъ цвѣточныхъ грядокъ въ любимомъ саду помѣщика. И Хлоя видитъ уже кровавые рубцы на спинѣ Дафниса отъ господскаго бича.

Должно отмѣтить такую же характерную черту нравовъ въ откровенномъ и наивномъ признаніи Дафнисова отца: онъ покинулъ своего маленькаго сына на произволь судьбы только потому, что ему казалось достаточнымъ число бывшихъ у него дѣтей; Дафнисъ родился лишнимъ сверхъ счета, и отецъ выбрасываетъ его изъ дому, какъ щенка. Также поступаетъ отецъ съ Хлоей, извиняясь, впрочемъ, бѣдностью и невозможностью приличнымъ образомъ воспитать свою дочь и выдать замужъ. Вотъ черты семейнаго вырожденія и поздняго византійскаго варварства, которыя такъ прихотливо переплетаются съ болѣзненной утонченностью нравовъ, какъ во всѣ эпохи упадка. Это — не языческая патріархальная суровость, которая встрѣчается у Гомера и у трагиковъ, а скорѣе одичалость, огрубѣлость

нравовъ вырождающейся культуры. Конечно, было бы нелѣпо обвинять автора: онъ только взялъ изъ жизни то, что нашель, а украшать жизнь препятствовала ему глубокая художественная объективность. Напротивъ, должно удивляться великому искусству, съ которымъ онъ сумѣлъ скрыть, стереть эти невыгодныя черты эпохи, насколько было возможно при сохраненіи жизненнаго реалистическаго фона картины, — тѣмъ болѣе, что, повторяю, подобныя черты языческой жестокости въ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ встрѣчаются и у Гомера, и у трагиковъ; но тамъ онѣ производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе: тамъ онѣ проистекають изъ первобытной величавой суровости духа, еще полудикаго и неукрашеннаго никакими человѣческими цѣпями, сопровождаются чертами высокаго, безсознательнаго героизма, который все оправдываетъ, все очищаетъ и превращаетъ самую кровь въ жертвоприношеніе, угодное богамъ, столь же веселымъ и безошаднымъ, какъ люди. А здѣсь, на фонѣ безконечно-утонченной нѣжности, въ очаровательной поэмѣ любви, черты жестокости выдѣляются съ особенной рѣзкостью и оставляють въ душѣ читателя болѣзненный, глубокий слѣдъ, какъ дисгармонія, какъ нестерпимое противорѣчіе. Замѣчательно, что эта же самая жестокость среди византійской утонченности встрѣчается также въ христіанскихъ легендахъ и житіяхъ святыхъ, близкихъ по времени въ «Дафнису и Хлоѣ»: мрачныя черты грубаго монашескаго изувѣрства, мелочная и варварская жестокость Юстиніанова законодательства, — а рядомъ болѣзненно-утонченная, почти современная чувствительность, сложная и глубокая психологія страстей, та новая, невѣдомая древнимъ грекамъ поэзія, изъ которой выросли весенніе золотые цвѣты итальянскаго XIII вѣка, «*Fioretti*» св. Франциска. И въ этой характерной особенности Лонгуса проявляется сумеречная двойственность, борьба двухъ началъ — Вырожденія и Возрожденія, которую всегда можно отыскать въ такія переходныя времена, на такихъ великихъ историческихъ перевалахъ.

И, тѣмъ не менѣе, Гёте правъ. Онъ первый почувствовалъ огромное эстетическое и философское значеніе этой книги, которою до тѣхъ поръ только забавлялись не понимая, которую любили, какъ сладострастную и драгоценную игрушку, не придавая ей особеннаго значенія. Гёте осмѣлился сказать, что мы должны благоговѣнно перечитывать эту простодушную сказку любви, какъ одинъ изъ недостижимыхъ классическихъ образцовъ, что мы должны искать въ ней поученія и мудрости. Такова сила эллинскаго духа: она побѣждаетъ все, даже старость, и, среди глубокаго византійскаго упадка и одряхлѣнія, неожиданно даетъ новые весенніе ростки, показываетъ міру неподражаемую красоту, которой суждено быть восторгомъ и отчаяніемъ послѣдующихъ вѣковъ. Есть отдѣльныя страницы въ поэмѣ Лонгуса, которыя дышатъ юношескою, неувядаемою свѣжестью Гомера. Черезъ тысячелѣтія опять вѣетъ въ нихъ этотъ упоительный, крѣпкій и соленый запахъ Ионическаго моря, какъ будто бы ни разочарованій, ни упадка, ни старости, ни варварства, ни Рима, ни христіанства вовсе не было въ мірѣ, — и божественный странникъ Одиссей все еще плаваетъ, гонимый Посейдономъ и Герой, по волнамъ необъятнаго моря. Люди могутъ создать что-нибудь иное, столь же великое, но болѣе прекраснаго ничего никогда не создадутъ. Съ вѣчно-новымъ и новымъ изумленіемъ, перечитывая нѣкоторыя простѣйшія описанія простѣйшей природы у Гомера и Лонгуса, чувствуешь безнадежность, какъ передъ совершенствомъ, самой природы, — такъ что у современнаго художника руки опускаются, и еще долго потомъ послѣ сладкаго не хочешь горькаго, послѣ этихъ описаній всѣ попытки изобразить словами внѣшній міръ, даже у величайшихъ новыхъ поэтовъ, кажутся блѣдными и грубыми. И чѣмъ больше думаешь, тѣмъ меньше постигаешь, въ чемъ же, наконецъ, тайна этой эллинской прелести. Они описываютъ легко, почти небрежно, точно мимоходомъ, едва касаясь предмета, и въ ихъ краскахъ есть воздушная, нѣжная тусклость, которая заставила Гёте такъ остроумно сравнить пейзажи Лонгуса съ живописью Гер-

куланума. Они не искали, не думали, не скорбѣли, какъ мы, и отъ рожденіе, по какому-то счастливому дару боговъ, знали мѣру вещей, ту золотую мѣру всего, которую мы называемъ красотою. Они ничего не исчерпываютъ до дна, до горькаго, темнаго дна, они умѣютъ останавливаться вовремя и не любопытствовать, и не углубляться, удовлетворяясь великимъ, но не безмѣрнымъ. А мы, увлеченные христіанскою жаждой безграничнаго и безмѣрнаго, переступили какіе-то заповѣдные пороги, мы нарушили навѣки гармонію человѣческаго существа и утратили эту золотую эллинскую мѣру, такъ что ищемъ ее и не можемъ найти и, какъ изгнанники, сидимъ на холодныхъ берегахъ варварской чужбины, плачемъ и молимъ боговъ, и простираемъ руки къ той единственной землѣ, гдѣ люди были, какъ боги.

Ничего не можетъ быть проще замысла поэмы. И въ то же время, какъ онъ глубокъ въ своей простотѣ и ясности! Богъ любви принялъ участіе въ дѣтяхъ, покинутыхъ людьми на произволь судьбы. Богамъ угодно то, что отвергнуто, презрѣно и забыто людьми. Здѣсь уже чувствуется вліяніе и близость новаго, не рокового, а болѣе человѣчнаго и глубокаго міросозерцанія, изъ котораго вышло христіанство. Эти обездоленные, покинутыя дѣти, которыя, повидимому, обречены на голодную смерть, оказываются избранниками боговъ, баловнями природы. Міръ божественный именно потому принимаетъ ихъ, что они исторгнуты изъ міра человѣческаго. Панъ, грозный Панъ, отъ котораго храбрѣйшіе воины бѣгутъ въ «паническомъ» ужасѣ, покровительствуетъ обиженнымъ дѣтямъ; Нимфы заботятся о нихъ; сама Природа замѣняетъ имъ мать,—коза кормитъ мальчика, овца — дѣвочку, и надъ всѣмъ витаетъ невидимая всепроницающая власть бога Любви. Въ сущности, поэма Лонгуса есть не что иное, какъ одна хвалебная пѣснь могуществу любви. Эросъ владычествуетъ надъ всѣми богами, и въ этой исключительной власти бога Любви чувствуется переходъ отъ олимпійскаго многобожія къ новому религіозному и философскому едино-

божію. Наибольшей метафизической высоты поэма достигаетъ въ VII гл. второй книги, въ разсказѣ стараго Филетаса о видѣніи Эроса,—разсказѣ, который по вдохновенному лиризму можно сравнить только съ лучшими хорами въ трагедіяхъ Софокла и Эсхила.

Филетасъ говоритъ Дафнису и Хлоѣ:

«Дѣти мои, любовь есть богъ юный, прекрасный и окрыленный... Такова его сила, что даже сила Громовержца не можетъ съ нею равняться. Онъ царствуетъ надъ стихіями, онъ царствуетъ надъ свѣтилами. Онъ царствуетъ надъ прочими богами съ большею властью, чѣмъ вы надъ вашими козами и овцами. Всѣ цвѣты созданы Любовью, и Любовь вызвала на свѣтъ изъ нѣдръ земныхъ растенія. Любовью движутся рѣки, Любовью дышатъ вѣтры. Я видѣлъ влюбленнаго быка: онъ ревѣлъ, какъ ужаленный оводомъ».

И самъ богъ Любви говоритъ о себѣ:

«Я по виду дитя; на самомъ же дѣлѣ болѣе старъ, чѣмъ Сатурнъ, болѣе старъ, чѣмъ всѣ вѣка».

Христіане утверждали, какъ Лонгусъ: Богъ есть Любовь. Но христіане подъ любовью понимали братскую жалость, а Лонгусъ — сочетаніе мужского и женскаго начала во вселенной, то, что мы теперь называемъ *геніемъ рода*—сладогострастіе.

Любовь есть вѣчное дѣтство міра, вѣчное веселіе Эроса. Все, что живетъ и умираетъ,—только безцѣльная и упоительная игра божественнаго ребенка. И забавы его важнѣе великихъ дѣлъ человѣческихъ. Это дитя старѣе, чѣмъ Сатурнъ, сильнѣе, чѣмъ Громовержецъ. Вѣчный шалунъ, насмѣхающійся надъ всякою властью, преступающій всѣ законы, онъ забавляется то кровавыми ужасными играми, то невинными и пастушескими, и переходитъ отъ однѣхъ къ другимъ съ безпечною легкостью: онъ—внѣ добра и зла.

Любовь Дафниса и Хлои — только одна изъ его безчисленныхъ игръ, одна изъ его очаровательныхъ прихотей. Маленькій богъ играетъ неопытными сердцами покинутыхъ дѣтей, такъ же какъ въ саду стараго Филетаса, вмѣстѣ съ бабочками и птицами, играетъ онъ недолго-

вѣчными розами и золотыми плодами осени. Смысль міровой жизни, міровой трагедіи — не рокъ, не скорбь, не борьба, а только игра и веселіе вѣчно юнаго бога, ибо *«любовью движутся рѣки, любовью дышатъ вѣтры»*.

Люди большихъ городовъ, удалившись отъ природы, утратили вѣчный смыслъ жизни; занятые тѣмъ, что считаютъ своими важными и серьезными дѣлами, — деньгами, войнами, славою, книгами, — они забываютъ единственно важное и серьезное дѣло — божественную, безцѣльную игру любви. Они воображаютъ, что слишкомъ хорошо знаютъ любовь, и потому не любятъ. Они омрачили любовь порокомъ, лицемерною стыдливостью, скукою, тяжестью семейныхъ обязанностей, тщеславіемъ, выгодой, платонизмомъ; и Эросъ съ отвращеніемъ уходитъ отъ этого уродства, которымъ мы гордимся, какъ высшей степенью культуры, уходитъ изъ городовъ въ тихія поля къ пастухамъ, козамъ и овцамъ, въ запущенные сады, гдѣ слышно жужжаніе пчелъ и паденіе спѣлыхъ плодовъ сквозь листву, на пустынные берега моря, въ забытые уголки природы, гдѣ до сихъ поръ еще люди живутъ, какъ боги и звѣри. И здѣсь онъ опять заводитъ свою дѣтскую непонятную игру, въ которой открывается тайный смыслъ міровой жизни; сладострастный Панъ и чистыя Нимфы помогаютъ ему; овцы и козы, совокупляясь, учатъ дѣтей любви: *«здѣсь любовью движутся рѣки, любовью дышатъ вѣтры»*.

Въ сущности Дафнисъ и Хлоя, это — новые Адамъ и Ева въ древнемъ, вѣчно-дѣвственномъ раю природы. Они такъ же невинны, такъ же не знаютъ ни грѣха, ни стыда, какъ наши библейскіе прародители. Среди культуры, склоняющейся къ упадку, Лонгусъ въ своемъ романѣ показываетъ опытъ первобытной человѣческой любви, освобожденной отъ всѣхъ условностей и предразсудковъ, отъ всѣхъ покрововъ и цѣпей. Въ этомъ — онъ истинный эллинь; онъ не побоялся наготы и, кажется, одинъ изъ всѣхъ, писавшихъ о любви, осмѣлился показать намъ любовь въ ея первоначальной наготѣ. Вотъ почему эллинскій натурализмъ Лонгуса гораздо глубже и дерзновеннѣе нашего

современнаго натурализма, въ которомъ чувствуется порывистая рѣшимость отчаянія и страха. Лонгусъ показалъ намъ любовь, какъ верховную силу природы, любовь—внѣ добра и зла, выше добра и зла, любовь, какъ высшую свободу и познаніе міра въ красотѣ.

Есть еще одна особенность, которая дѣлаетъ эту поэму доступной намъ и близкой, — я разумѣю возвращеніе къ природѣ отъ лицемѣрія, лжи и условностей культуры. Въ сущности это и есть главная философская тема во всѣхъ великихъ поэмахъ любви, начиная отъ *Пѣсни пѣсней* Саломона и *Сакунталы* Калидасы. Любовь возвращаетъ человѣка къ природѣ, и это даетъ случай поэту изобразить прелесть сельской, наивной и здоровой жизни въ ея противоположности съ утонченной, болѣзненной культурой большихъ городовъ. Пастушка Суламита, чью любовь Соломонъ не можетъ купить за всѣ сокровища, — тоскуетъ отъ любви къ пастуху, изливаетъ въ жалобныхъ пѣсняхъ простодушное горе въ такой же цвѣтущей пустынѣ, какъ Дафнисъ и Хлоя. Сакунтала, воспитанница буддійскихъ монаховъ, въ тропическомъ лѣсу, обнимаетъ на прощаніе любимую лань и цѣлуетъ ее съ такою же нѣжностью, какъ Дафнисъ и Хлоя — своихъ козъ и овецъ. Здѣсь мы затрагиваемъ глубочайшія свойства нашего сердца: ибо, одинаково у арійцевъ и семитовъ, у древнихъ евреевъ, грековъ и индійцевъ природа присоединяетъ свои безчисленные братскіе голоса къ пѣснопѣнію человѣческой любви? Любовь не отдѣляется отъ природы, какъ будто страсть мужчины и женщины есть только вѣчное возвращеніе человѣческаго существа къ природѣ, въ лоно безсознательной жизни. Любовь и природа—одно и то же; любовь — страстное бѣгство души къ первобытному стихійному здоровью отъ искусственно привитой болѣзни, которую мы называемъ культурой. Такова любовь Дафниса и Хлои, и вотъ почему послѣдняя книга поэмы, въ которой разсказывается возвращеніе влюбленныхъ пастуховъ въ городскую жизнь, въ покинутую, культурную среду, производитъ впечатлѣніе тягостное и болѣзненное. Вы не вѣрите поэту, когда онъ говоритъ, что па-

штука Хлоя сдѣлалась прекраснѣе въ городскихъ роскошныхъ одеждахъ, и вамъ кажется, что лучше бы Дафнису умереть, чѣмъ забыть свою любовь, хотя бы на одно мгновение, какъ онъ ее забываетъ въ упоеніи богатствомъ и почестями, т.-е. въ пошлости. Вообще конецъ—самая слабая и банальная часть романа: онъ выигралъ бы въ значительной мѣрѣ, если бы послѣдняя, четвертая, книга была вовсе потеряна, и надо удивляться тому, что Гёте при своей художественной проницательности этого не почувствовалъ.

Самая сильная часть — та, въ которой изображается новая, невѣдомая древнимъ грекамъ, любовь къ природѣ. Впрочемъ, нельзя даже сказать, чтобы Дафнисъ и Хлоя любили природу въ томъ смыслѣ, какъ мы ее любимъ: они съ нею—одно. Козы и овцы, о которыхъ влюбленные пастухи такъ нѣжно заботятся, за которыхъ они готовы умереть, принимаютъ не меньшее участіе въ дѣйствіи поэмы, чѣмъ люди. Козы и овцы прыгаютъ отъ радости, когда Дафнису и Хлоѣ весело, стоятъ, понуря голову, и не щиплютъ травы, когда имъ грустно; слушаютъ ихъ музыку и какъ будто понимаютъ разумную жизнь. Здѣсь уже предчувствуется новое братство между человѣкомъ и животнымъ, которое получаетъ такое огромное значеніе въ средневѣковыхъ легендахъ. Здѣсь побѣждена древне-библейская и древне-греческая гордыня, которая ставила человѣка внѣ міра животныхъ, на высотѣ, какъ одинокаго царя природы и полубога. Человѣкъ уже не презираетъ звѣря, потому что вспоминаетъ, что они оба — дѣти одной матери; онъ спускается ко всѣмъ живымъ тварямъ съ благосклоннымъ любопытствомъ, и въ ихъ ласковыхъ, глубокихъ, лишенныхъ мысли очахъ, въ ихъ бессознательной жизни находитъ вѣщие проблески и откровенія. И здѣсь, въ этой братской любви къ животнымъ, проникающей поэму Лонгуса и придающей ей такую плѣнительную нѣжность, мы встрѣчаемся, въ самой глубинѣ древне-эллинскаго духа, съ первымъ предвѣстіемъ новаго, средневѣковаго и христіанскаго міросозерцанія, новой чрезмѣрной и болѣзненно-утонченной чувствительности. Въ добромъ пастухѣ Дафнисѣ есть что-то,

напоминающее нѣкоторые образы въ римскихъ катакомбахъ. Духъ пасторали вѣялъ тогда надъ міромъ, одинаково проявляясь и въ душевой темнотѣ катакомбъ, и на солнечномъ Лезбосѣ. И эти умныя, кроткія, послушныя музыкѣ овцы Хлои—всегда казались мнѣ предками той средневѣковой овечки, которая, какъ повѣствуетъ *Fioretti di S. Francesco*, однажды въ церкви, вмѣстѣ съ монахами, при звукахъ торжественнаго органа, вся бѣлая и чистая, въ солнечномъ сіяніи, преклоняла колѣни предъ Францискомъ Ассизскимъ. И эта древне-эллинская цикада, милая пѣвунья, которая, спасаясь отъ ласточки, разбудила Хлою, и когда дѣвушка положила ее къ себѣ подъ одежду на грудь, продолжала пѣть, — должно-быть, близкая родственница той итальянской цикады, которую однажды въ жаркій лѣтній день св. Францискъ взялъ къ себѣ на руки, тихонько гладилъ по зеленой спинкѣ, и, въ поученіе монахамъ, хвалилъ за то, что она не лѣнится прославлять Создателя ни днемъ, ни ночью, — и цикада продолжала пѣть на исхудалой, блѣдной рукѣ святого такъ же безбоязненно и радостно, какъ на цвѣтущей груди Хлои.

Дафнисъ и Хлоя

Охотясь однажды на островѣ Лезбосѣ, я увидѣлъ въ лѣсу, посвященномъ Нимфамъ, самое прекрасное, что когда-либо видѣлъ во всю мою жизнь: произведеніе живописи, исторію любви. Роща, сама по себя была прекрасна. Тѣнистыя деревья, разнообразныя цвѣты, журчащія воды. Источникъ питалъ и цвѣты и деревья. Но ничто не могло сравниться съ картиною, очаровательнымъ произведеніемъ художника, изображеніемъ любви. Многіе люди, даже изъ чужихъ земель, приходили туда на поклоненіе Нимфамъ, желая увидѣть эту картину. На ней художникъ изобразилъ женщинъ, рожавшихъ, другихъ, облакавшихъ дѣтей пеленами, младенцевъ, покинутыхъ на произволь, животныхъ, которыя питали ихъ, пастуховъ, которые принимали ихъ, юношей и дѣвъ, соединявшихся въ любви, разбойниковъ на морѣ, пападеніе враговъ на сушѣ.

Эти образы и многіе другіе, тоже любовныя, наполнили меня такимъ изумленіемъ и радостью, что я пожелалъ написать о нихъ повѣсть. Итакъ, я попросилъ, чтобы мнѣ подробно объяснили картину, и, выслушавъ все со вниманіемъ, сочинилъ эти четыре книги, которыя посвящаю какъ жертву, богу Любви, Нимфамъ и Пану. Это произведеніе да будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сокровищемъ полнымъ прелести для всѣхъ людей: болящій найдетъ въ немъ исцѣленіе, огорченный — усладу, тотъ, кто любилъ, — воспоминаніе, тотъ, кто еще не зналъ любви, — посвященіе въ ея таинства. Ибо никто не избѣгъ или не избѣгнетъ любви, пока на землѣ будетъ красота и глаза, чтобы видѣть ее. Но да позволитъ мнѣ богъ Любви, — описывая чужія страсти, самому оставаться свободнымъ и мудрымъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Митилены — большой и красивый городъ на Лезбосѣ. Онъ пересѣченъ каналами, въ которые тихо вливается морская вода, и украшенъ мостами изъ бѣлаго гладкаго камня. Онъ кажется не городомъ, а островомъ. Въ сосѣдствѣ, приблизительно въ двухстахъ стадіяхъ отъ Митилень, богатый человекъ владѣлъ землею. Это было прекрасное мѣсто: горы, обильныя дичью, поля пшеницы, холмы, покрытые лозами, луга для пастбищъ, море окружало владѣніе, и нѣжныя волны набѣгали на тонкій песокъ побережья.

II.

На этой землѣ козій пастухъ, по имени Ламонъ, нашель однажды ребенка, котораго кормила коза. Вотъ, какъ это случилось. Подъ кустами терновника, обвитаго побѣгами густого плюща, зеленѣлъ мягкій дернъ. На немъ лежалъ ребенокъ. Туда часто бѣгала коза; она, то и дѣло, исчезала, покидая своего козленка, чтобы провѣдать младенца. Ламонъ это замѣтилъ и сталъ жалѣть покинутаго сосунка. Разъ, въ самый полдень, онъ пошелъ по слѣдамъ козы и увидаль, что она подходитъ съ осторожностью, чтобы нечаянно не ранить копытомъ лежащаго на травѣ ребенка, который выжимаетъ молоко изъ сосцовъ козы, какъ будто сосеть грудь матери. Пастухъ съ удивленіемъ приблизился

и увидѣлъ мальчика, красиваго, здороваго, въ пеленкахъ изъ болѣе роскошной ткани, чѣмъ та, которая соотвѣтствовала его несчастному положенію. Ибо ткань была пурпуромъ съ пряжкой изъ чистаго золота. Рядомъ лежалъ маленькій ножъ съ ручкою изъ слоновой кости.

III.

Сначала онъ подумалъ, не взять ли съ собою памятные знаки, покинувъ ребенка, но потомъ устыдился при мысли, что онъ менѣе сострадателенъ, чѣмъ коза. Итакъ, дождавшись ночи, взялъ онъ съ собою все — драгоценные предметы, вмѣстѣ съ ребенкомъ, и даже привелъ козу къ женѣ Мирталѣ. Миртала весьма изумилась и спросила его, не рождаютъ ли нынѣ козы мальчиковъ. Ламонъ рассказалъ ей съ подробностями, какъ нашелъ покинутаго ребенка, какъ увидѣлъ, что коза его кормитъ, и какъ ему было стыдно оставить его на произволь судьбы. Миртала вполнѣ одобрила дѣйствія мужа. Они заперли на замокъ предметы, найденные съ ребенкомъ, стали говорить всѣмъ, что онъ — ихъ собственный, и дали ему козу въ кормилицы. Для того, чтобы самое имя его звучало по-сельски, рѣшили назвать его Дафнисомъ.

IV.

Два года спустя, съ пастухомъ овецъ, пасшимъ стадо свое по сосѣдству, случилось то же самое. Поблизости былъ гротъ, посвященный Нимфамъ, — огромная скала, пустая внутри, закругленная снаружи. Въ самомъ камнѣ утеса были изваяны статуи нимфъ, съ босыми ногами, съ руками, голыми до плечъ, съ локонами, вьющимися вокругъ шеи, съ улыбкой на губахъ, — какъ бы пляшущія въ хоро-водѣ. Входъ въ пещеру занималъ середину скалы. Оттуда струился ключъ, и воды его, стекая, образовали цѣлый ручей. Передъ гротомъ зеленѣла ясная луговина, на которой влажность питала мураву, нѣжную и обильную. Здѣсь

висѣло множество деревянныхъ чашъ для молока, флейтъ бога Пана, флейтъ изъ неровныхъ сложенныхъ тростниковъ и свирѣлей—жертвоприношеній пастуховъ былыхъ временъ.

V.

Въ это убѣжище Нимфъ овца, которая только что родила ягненка, хаживала такъ часто, что пастухъ нѣсколько разъ думалъ, что она заблудилась и больше не вернется. Рѣшившись наказать ее и отучить отъ дурной привычки, взялъ онъ ивовую зеленую вѣтвь, согнулъ ее наподобіе силка, и пошелъ къ утесу, чтобы поймать бѣглянку. Но, войдя въ пещеру, пастухъ нашелъ то, чего не ждалъ: увидѣлъ, какъ овца съ материнскою нѣжностью даетъ сосать ребенку вымя, полное молокомъ. А тотъ весело и жадно прикладываетъ то къ одному сосцу, то къ другому свои губки, розовыя и чистыя, потому что каждый разъ, какъ, насытившись, онъ переставалъ сосать, овца заботливо вытирала ему лицо языкомъ. Ребенокъ былъ дѣвочкой. Рядомъ лежали пеленки и памятные знаки: золотая сѣтка для волосъ, золоченые полусапожки и туфельки, шитыя золотомъ.

VI.

Полагая, что въ этой находкѣ есть нѣчто божественное, наученный овцою состраданію, Дріасъ взялъ дѣвочку на руки, положилъ памятные примѣты въ кожаный мѣшокъ и, обращаясь къ Нимфамъ съ молитвой, просилъ, чтобы онѣ послали ему счастья за его заботы о маленькой ихъ дочкѣ. Когда пришла пора отводить стадо въ овчарню, вернулся онъ въ хижину, сообщилъ женѣ то, что видѣлъ, показалъ находку и посоветовалъ ей смотрѣть на ребенка, какъ на собственную дочь,—такъ ее и воспитывать, никому не открывая тайны. Напэ — таково было имя жены Дріаса—съ того самаго дня сдѣлалась матерью: баловала и любила ребенка, какъ будто боялась, чтобы овца не превзошла ее нѣжностью, и для болѣе вѣрнаго сохраненія тайны, выбравъ имя тоже сельское, назвала дѣвочку Хлоей.

VII.

Мальчикъ и дѣвочка скоро выросли, и оба были такъ прекрасны, что мало походили на прочихъ поселянъ. Уже Дафнису было пятнадцать лѣтъ, а Хлоѣ на два года меньше, когда Дріасу и Ламону приснился одинъ и тотъ же сонъ: Нимфы пещеры, откуда вытекалъ ключъ, и гдѣ Дріасъ нашель дѣвочку, передавали Дафнису и Хлою отроку, столь же прекрасному, какъ и блаженному, имѣвшему крылья за плечами и маленькія стрѣлы съ маленькимъ лукомъ. Отрокъ, прикоснувшись къ обоимъ одной и той же стрѣлой, приказалъ ему — пасти козъ, ей—овець.

VIII.

Сновидѣніе опечалило стариковъ. Имъ было грустно, что дѣтямъ также назначено судьбою только пасти стада, потому что до тѣхъ поръ они думали, что роскошь младенческихъ одеждъ предрекаетъ имъ болѣе завидную участь. И, надѣясь на эту участь, они дали пріемнымъ дѣтямъ болѣе нѣжное воспитаніе, научили ихъ чтенію и всему, что сельская жизнь представляетъ добраго и благороднаго. Тѣмъ не менѣе, Ламонъ и Дріасъ рѣшили поступить такъ, какъ боги повелѣвали, съ тѣми, кого боги спасли. Разсказавъ другъ другу сновидѣніе и пренеся жертву въ присутствіи Нимфъ окрыленному Отроку,—имени его они еще не знали,—Ламонъ и Дріасъ послали своихъ питомцевъ, новыхъ пастуховъ, пасти стада и научили ихъ тому, что слѣдовало дѣлать: какъ выгонять стада на пастбище до полудня, затѣмъ когда полуденный жаръ спадаетъ, въ какой часъ водить на водопой, и когда загопать обратно въ хлѣвъ; къ какихъ случаяхъ употреблять посохъ, въ какихъ—голосъ. Они же, исполнившись великою радостью, какъ будто имъ довѣрили важное дѣло, начали съ того, что полюбили своихъ козъ и овецъ болѣе, чѣмъ ихъ любятъ обыкновенныя пастухи, потому что Хлоя была обязана овицъ спасеніемъ жизни, а Дафнисъ не забывалъ, что коза вскормила его, покинутого людьми.

IX.

Была ранняя весна. Всюду рождались цвѣты—въ рощахъ, на лугахъ и по горнымъ склонамъ. Воздухъ былъ полонъ жужжаніемъ пчелъ, щебетаніемъ птицъ, бляніемъ новорожденныхъ ягнятъ. Овцы прыгали по холмамъ, пчелы гудѣли на травѣ, птицы наполняли пѣніемъ листву. Между тѣмъ какъ все, такимъ образомъ, слѣдовало сладостнымъ законамъ природы, они, юные и нѣжные, подражали тому, что видѣли и слышали: слыша пѣніе птицъ—пѣли, видя, какъ овцы прыгаютъ,—прыгали съ легкостью и, подобно пчеламъ, наслаждались цвѣтами: срывая, одни клали себѣ на грудь, изъ другихъ плели вѣнки, которые приносили въ жертву Нимфамъ.

X.

Между тѣмъ какъ они пасли стадо по очереди, все было у нихъ общее. Нерѣдко Дафнисъ отыскивалъ заблудившихся овецъ. Нерѣдко Хлоя сгоняла съ вершины обрывистаго утеса слишкомъ отважную козу. Иногда одинъ охранялъ оба стада, пока другой забавлялся веселыми играми. То были игры пастуховъ и дѣтей: дѣвочка, собирая сухія былинки камыша, плела западню для кузнечиковъ и, погруженная въ это занятіе, забывала о своихъ овцахъ; мальчикъ срѣзалъ тонкіе стебли тростника, прокалывалъ ихъ узловатыя связки, склеивалъ мягкимъ воскомъ и нерѣдко до поздняго вечера учился играть на флейтѣ. Они пили вмѣстѣ вино, молоко, и соединяли въ общей трапезѣ то, что приносили съ собою изъ дому на обѣдъ. Скорѣе ты увидѣлъ бы, что овцы и козы пасутся отдѣльно, чѣмъ Дафниса и Хлою—разъединенныхъ.

XI

Между тѣмъ какъ они предавались младенческимъ играмъ, богъ Любви уже готовилъ имъ нѣкоторыя заботы. Волчица по сосѣдству кормила волчатъ своихъ и похищала изъ стада немало жертвъ, потому что для пропитанія дѣ-

тенышей ей нужно было много добычи. Замѣтивъ это, поселяне сошлись ночью и вырыли нѣсколько ямъ, шириною въ одну огрѣю, глубиною—въ четыре. Они унесли и разсѣяли большую часть вырытой земли, но не всю; потомъ, прикрывъ ямы сверху длинными, тонкими вѣтвями, усыпали ихъ оставшейся землей, такъ что яму нельзя было видѣть, и все мѣсто осталось совершенно гладкимъ. Даже заяцъ, пробѣжавъ, сломалъ бы вѣтви, непрочныя, какъ солома, и обнаружилъ бы, что здѣсь не твердая земля, а только обманчивый видъ земли. Но хотя они и надѣлали довольно этихъ ямъ и на холмахъ и въ полѣ, волчица не попалась: она, должно-быть, учуяла западню. Зато провалилось много овецъ и козъ, и даже въ одной изъ нихъ едва не погибъ самъ Дафнисъ. Вотъ какъ это случилось.

XII.

Два козла, исполнившись ревностью, кинулись другъ на друга и ударились лбами. Ударъ былъ такъ силенъ, что рогъ у одного изъ нихъ сломался, и, подстрекаемый болью, раненый пустился бѣжать съ жалобнымъ блеяніемъ. Побѣдитель бросился въ погоню и преслѣдовалъ его нещадно. Дафнисъ, огорченный сломаннымъ рогомъ, разсерженный буйствомъ козла, схватилъ ручку длиннаго посоха и устремился въ погоню за преслѣдователемъ. Увлеченные, одинъ—бѣгствомъ, другой—яростной погоней, они, конечно, не имѣли времени смотрѣть себѣ подъ ноги. И оба упали въ яму: сначала козель, потомъ Дафнисъ. Къ счастью, Дафнисъ упалъ на козла, ударъ былъ смягченъ, и это спасло мальчика. Онъ сидѣлъ въ ямѣ и плакалъ, ожидая, не подойдетъ ли кто-нибудь, чтобы вытащить его. Хлоя, видѣвшая издалека все, что произошло, подбѣжала къ западнѣ: убѣдившись, что онъ живъ, она позвала на помощь пастуха быковъ, жившаго по сосѣдству. Пастухъ прибѣжалъ, сталъ искать длинной веревки, за конецъ которой Дафнисъ могъ бы ухватиться, чтобы такимъ образомъ вытащить его изъ ямы. Но веревки не нашлось. Тогда Хлоя вынула изъ волосъ своихъ шнурокъ,

которымъ они были связаны, и отдала пастуху, чтобы онъ опустилъ одинъ конецъ Дафнису; другой они держали, стоя на краю западни, и общими силами стали тащить. Дафнисъ ухватился руками за шнурокъ, вскарабкался и, наконецъ, вылѣзъ. Злополучнаго козла также вытащили. Оба рога оказались у него при паденіи сломанными; такова была тяжкая и быстрая месть, постигшая недавняго побѣдителя. Они подарили его пастуху въ награду за оказанную помощь, чтобы онъ принесъ его въ жертву, и условились сказать, что волкъ похитилъ козла — въ томъ случаѣ, если бы дома замѣтили его отсутствіе. Потомъ вернулись къ стадамъ. Видя, что оба стада, и овцы и козы, пасутся мирно, — сѣли подъ тѣнью дуба и стали смотрѣть, не раненъ ли Дафнисъ при паденіи. Не было ни слѣдовъ ушиба, ни крови. Но волосы и тѣло запачканы были землею и грязью. Дафнисъ рѣшилъ вымыться, чтобы Ламонъ и Миртала не увидѣли того, что съ нимъ случилось.

XIII.

Итакъ, придя въ святилище Нимфъ, онъ отдалъ Хлоѣ на сохраненіе верхнюю одежду и сумку и, стоя надъ родникомъ, началъ омывать свои кудри и тѣло. Кудри были черные и обильные, тѣло смуглое отъ солнечнаго загара, и казалось, что волосы кидали эту смуглую тѣнь на кожу. Хлоя смотрѣла и находила, что Дафнисъ прекрасенъ. Такъ какъ до тѣхъ поръ дѣвушка не замѣчала его красоты, то вообразила, что это воды ручья одарили его прелестью. Она сама омыла ему плечи и, чувствуя подъ рукою мягкую гладкую кожу, нѣсколько разъ прикасалась украдкой къ собственной кожѣ, чтобы убѣдиться, у кого изъ нихъ тѣло болѣе нѣжное. Солнце склонялось къ закату, и они вернулись домой со стадами. Но съ этого дня у Хлои была только одна мысль, одно желаніе: снова увидѣть Дафниса купающимся въ родникѣ

На слѣдующій день, когда они возвратились на пастбище, Дафнисъ сѣлъ на обычное мѣсто, подъ тѣнью дуба; играя на флейтѣ, онъ смотрѣлъ на козъ, а онѣ, лежа у ногъ его,

какъ будто прислушивалпсь къ звукамъ флейты. Хлоя, сидя рядомъ съ нимъ, также смотрѣла на овецъ, но чаще—на Дафниса. И опять, во время игры на флейтѣ, онъ показался ей прекраснымъ, и она подумала, что это музыка одарила его такою прелестью, и взяла флейту изъ рукъ его, чтобы убѣдиться, не можетъ ли и она, играя, сдѣлаться такой же прекрасной. Хлоя попросила его выкупаться еще разъ и увидѣла его въ водѣ—увидѣла и прикоснулась къ нему. И потомъ, возвращаясь, думала о его красотѣ, и эта мысль была началомъ любви. Того, что чувствовала, она не сумѣла бы назвать, бѣдная дѣвушка, воспитанная въ сельской простотѣ, никогда не слышавшая имени любви. Но душа ея томилась, взоры были разсѣянны; часто произносила она имя Дафниса; почти не ѣла, проводила безсонныя ночи и забывала стадо. То смѣялась, то плакала. Засыпала и пробуждалась внезапно. Лицо ея то сразу покрывалось блѣдностью, то вспыхивало румянцемъ. Кажется, меньшей тревогою объята телка, ужаленная оводомъ, Нерѣдко, оставшись одна, говорила она себѣ:

XIV.

«Я больна. Но не знаю—чѣмъ. Я страдаю, а на тѣлѣ моемъ нѣтъ раны. Я тоскую, но ни одна изъ овецъ моихъ не потерялась. Я вся пылаю, даже въ прохладной тѣни. Сколько разъ царапалъ меня колючій терновникъ—я не плакала. Сколько разъ пчелы жалили меня—я отъ того не теряла охоты къ пищѣ. Значитъ, сильнѣе, чѣмъ все это—боль, которая теперь пожираетъ сердце мое. Дафнисъ прекрасенъ, но и цвѣты прекрасны. Флейта его издаетъ нѣжные звуки, но и соловьи поютъ не хуже. А между тѣмъ я о нихъ не вспоминаю. Зачѣмъ я не флейта,—тогда бы я чувствовала его дыханіе! Зачѣмъ я не коза,—тогда бы онъ берегъ меня! О злой ручей! Ты сдѣлалъ прекраснымъ только Дафниса; я же напрасно погружалась въ твои воды. Простите, сладостныя Нимфы! Вы также покидаете меня! Не хотите спасти ту, которая вскормлена была среди васъ. Кто-то послѣ меня

будетъ плести для васъ вѣнки? Кто накормитъ моихъ бѣдныхъ ягнятъ? Кто позаботится о моемъ болтливомъ кузничкѣ? Я поймала его съ такимъ трудомъ и посадила въ тростниковую клѣтку, чтобы онъ усыплялъ меня въ этой пещерѣ своимъ пѣніемъ, подъ жаркими лучами солнца. Теперь Дафнисъ лишилъ меня сна—и напрасно поетъ мой кузничекъ!»

XV

Такъ вздыхала и томилась Хлоя, не умѣя назвать любовь по имени. Но Дарконъ, волопасъ, который вытащилъ изъ ямы Дафниса и козла, юноша, съ подбородкомъ, уже опущеннымъ бородой, знавшій любовь и по имени и на дѣлѣ,—съ того самаго дня чувствовалъ сильное влеченіе къ Хлоѣ. Время усилило его желаніе. Мало заботясь о Дафнисѣ, котораго считалъ ребенкомъ, Дарконъ рѣшилъ добиться своего или подарками, или хитростью. Сначала подарилъ Дафнису пастушью свирѣль, девятиствольную, скрѣпленную не воскомъ, а желтою мѣдью; Хлоѣ—кожу молодой лани, усѣянную бѣлыми пятнами—нарядъ Вакханокъ. Когда же они подружились, Дарконъ понемногу сталъ пренебрегать Дафнисомъ и въ то же время приносилъ каждый день Хлоѣ то свѣжій сыръ, то красивый вѣнокъ, то спѣлые плоды, а то и кубокъ, украшенный золотомъ, или молодыхъ птицъ, взятыхъ въ силки на холмахъ. Она же, довѣрчивая, неискушенная въ хитростяхъ любви, принимала подарки съ радостью. Но еще сильнѣе была ея радость, когда чѣмъ-нибудь могла она подѣлиться съ Дафнисомъ. Скоро и онъ долженъ былъ извѣдать мученія любви. Однажды, Дафнисъ вступилъ въ споръ съ Даркономъ о томъ, кто изъ нихъ прекраснѣе. Судьей была Хлоя; награда побѣдителю—поцѣлуй Хлои. Дарконъ началъ первый и молвилъ такъ:

XVI

«Посмотри, Хлоя, ростомъ я выше Дафниса. Онъ козій пастухъ, я а—волопасъ; занятіе мое настолько же благороднѣе его, насколько воля больше козла. Я бѣлъ, какъ мо-

локо; волосы мои бѣлокуры, подобно колосу, ожидающему серпа. Кормила меня собственная мать, а не коза. Онъ же малъ ростомъ; безъ бороды, какъ женщина; черенъ, какъ волкъ. Онъ пасеть козловъ, а отъ нихъ дурно пахнетъ. Онъ такъ бѣденъ, что и собаки не прокормить. Говорять, Дафнисъ сосалъ вымя козы: вотъ почему онъ и вышелъ козленкомъ!»

Послѣ этихъ и другихъ подобныхъ рѣчей волопаса Дафнисъ заговорилъ въ свою очередь:

«Правда, коза вскормила меня, такъ же какъ Зевса. Я пасу козъ и не промѣнялъ бы ихъ на самыхъ большихъ изъ его коровъ. Запахъ козлиный ко мнѣ не пристааетъ, какъ и къ богу Пану, у котораго, однако, большая часть тѣла козлиная. Сыръ, полубѣлый хлѣбъ, свѣтлое вино — вотъ мое сельское богатство. Большаго не нужно мнѣ. Я—безбородый, какъ богъ Діонисъ; я черенъ, какъ цвѣтъ гіацинта. Но вѣдь богъ Діонисъ выше сатировъ, гіацинтъ благороднѣе лилій. Дарконъ рыжъ, какъ лисица, борода у него, какъ у козла; онъ бѣлъ и толстъ, какъ жены городскія. Если ты поцѣлуешь меня, то встрѣтишь губы, а у него щетину, которая покрываетъ ему весь подбородокъ. Вспомни, Хлоя, что и тебя вскормила овца, а между тѣмъ, ты прекрасна!»

XVII.

Хлоя дольше не могла терпѣть. Гордясь его похвалою и давно уже сгорая желаніемъ поцѣловать Дафниса, вскочила она и обняла его. То былъ поцѣлуй простодушный и безыскусственный, но воспламенявшій сердце. Дарконъ, опечаленный, убѣждалъ и рѣшился прибѣгнуть къ другому средству, чтобъ утолить свои желанія. А Дафнису казалось, что его не поцѣловали, а укусили. На одно мгновеніе сдѣлался онъ унылымъ и задумчивымъ. Иногда вздыхалъ, сердце билось неудержимо, и онъ не могъ побѣдить волненія. Ему хотѣлось смотрѣть на Хлою, но когда онъ подымалъ глаза, лицо его горѣло отъ стыда. И въ первый разъ замѣтилъ онъ съ восторгомъ, что волосы у нея бѣлокурые, глаза большіе,

какъ у телки, и кожа бѣлѣе козьяго молока,—какъ будто онъ только что прозрѣлъ, а до тѣхъ поръ былъ слѣпъ. Теперь, поднося пищу ко рту, онъ едва отвѣдывалъ; когда пилъ, едва касался губами краевъ чаши. Былъ тихъ и мраченъ—нѣкогда болѣе говорливый, чѣмъ полевая цикада. Былъ неподвиженъ—нѣкогда болѣе рѣзвый, чѣмъ козы. Стадо было забыто; флейта лежала беззвучная. И лицо его поблѣднѣло, какъ травы на поляхъ во время зноя. И когда она уходила, и онъ оставался одинъ, то говорилъ про себя, будто боедилъ:

XVIII.

«Что сдѣлалъ со мной поцѣлуй Хлои? Губы ея нѣжнѣе розъ, прикосновеніе ихъ слаще меда; а между тѣмъ, ея поцѣлуй больнѣе пчелинаго жала. Много разъ цѣловалъ я козлятъ моихъ, много разъ цѣловалъ я только что родившихся овецекъ Хлои и даже теленка, подареннаго ей Даркономъ. Но этотъ поцѣлуй совсѣмъ не то: дыханіе мое прерывисто, сердце бьется, душа изнемогаетъ; а все-таки я хотѣлъ бы еще разъ поцѣловать ее. О, злая побѣда! О, страшная болѣзнь, которой я и назвать не умѣю! Не отвѣдала ли Хлоя ядовитаго напитка прежде, чѣмъ меня поцѣловать? Но почему же она не умерла? О, какъ поютъ соловьи! Какъ пе-стрѣютъ цвѣты! А я уже не плету вѣнковъ. Фиалка и гяцинтъ распускаются, а Дафнисъ увядаетъ. Кажется, скоро Дарконъ будетъ, въ самомъ дѣлѣ, красивѣе меня!»

XIX.

Такъ вздыхалъ и томился бѣдный Дафнисъ, не посвященный въ таинства любви. А между тѣмъ Дарконъ, пастухъ быковъ, влюбленный въ Хлою, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда Дріасъ сажалъ дерево рядомъ съ виноградной лозой, поднесъ ему нѣсколько круговъ сливочнаго сыру и сказалъ, что это подарокъ на память объ ихъ старинной дружбѣ, которая началась въ тѣ дни, какъ

Дріась также ходилъ со стадами на пастбище. Послѣ такого вступленія, завелъ онъ рѣчь о замужествѣ Хлои, обѣщая Дріасу, въ качествѣ богатаго пастуха, много прекрасныхъ и цѣнныхъ подарковъ—пару воловъ для паханія, двѣ пары пчелиныхъ ульевъ, пятьдесятъ яблоневохъ черенковъ, кожу бычачью для выдѣлки обуви и каждый годъ прекраснаго теленка, отнятаго отъ матки. Дріась, соблазненный обѣщаніями, едва не согласился и не ударилъ по рукамъ. Но потомъ, сообразивъ, что молодую дѣвушку ждетъ болѣе завидная участь, и боясь навлечь на себя гнѣвъ неизвѣстныхъ родителей Хлои въ томъ случаѣ, если бы истина открылась, не посмѣлъ согласиться на бракъ, попросилъ у Даркона извиненія и отказался отъ предложенныхъ подарковъ.

XX.

Потерпѣвъ во второй разъ неудачу и отдавъ безъ всякой пользы свои лучшіе сыры, Дарконъ рѣшилъ овладѣть Хлоей насильно, когда она будетъ одна. Замѣтивъ, что они водятъ стадо на водопой по очереди—одинъ день Дафнисъ другой—Хлоя, придумалъ онъ хитрость, достойную пастуха. Взялъ шкуру большого волка, которому нѣкогда быкъ, сражавшійся во главѣ стада, распоролъ брюхо рогами, и, накинувъ себѣ на плечи, завернулся въ нее съ ногъ до головы: руки вдѣлъ въ переднія лапы, въ заднія—ноги до пяты, голову вложилъ въ волчью морду, какъ воинъ въ шлемъ. Такимъ образомъ, нарядившись и сдѣлавъ все, чтобы походить на волка, онъ спрятался вблизи источника, куда овцы и козы каждый день приходили съ пастбища на водопой. Источникъ протекалъ въ глубокомъ оврагѣ, и кругомъ были заросли терновника, кустовъ ползучаго можжевельника и чертополоха; здѣсь могъ спрятаться настоящій волкъ. Дарконъ притаился и, выглядывая, ожидалъ часа, когда стадо приходитъ къ источнику. Онъ рассчитывалъ сперва напугать Хлою волчьей шкурой, потомъ броситься на нее и безъ труда овладѣть ею.

XXI.

Прошло нѣкоторое время, и Хлоя появилась: она вела стадо къ источнику и была одна. Дафнисъ въ это время срѣзаль нѣжные побѣги молодыхъ вѣтвей, чтобы дать ихъ козлятамъ дома, послѣ пастбища. Псы, стражи козъ и овецъ, слѣдовали за нею. По своему обыкновенію, нюхая воздухъ, учуяли они Даркона, который шевелился въ кустахъ, приготовляясь напасть на дѣвушку, и, залаявъ съ яростью, бросились на него, какъ на волка. Прежде чѣмъ, растерявшись отъ неожиданности, онъ успѣлъ вскочить, собаки окружили его и впились зубами, стараясь прокусить волчью кожу. Ему стыдно было открыться и, охраняемый шкуркой, которая скрывала его, онъ сперва не выходилъ изъ кустовъ и молчалъ, но когда Хлоя, уже немного оправившись отъ испуга, закричала и позвала Дафниса на помощь, когда собаки, разорвавъ кожу, впились ему въ тѣло, онъ сталъ изо всей силы кричать, умоляя о помощи молодую дѣвушку и Дафниса, уже подбѣгавшаго къ нимъ. Скоро успокоили они псовъ обычнымъ свистомъ; потомъ отвели къ источнику бѣднаго Даркона, у котораго бедра и плечи были искусаны. Омывъ кровавые слѣды собачьихъ зубовъ, перевязали раны жеваннымъ листомъ вяза. И такова была ихъ невинность въ отважныхъ хитростяхъ любви, что они сочли все это за сельскую шутку. Не думая сердиться, старались даже утѣшить его и передъ тѣмъ, чтобы разстаться, прошли съ нимъ часть дороги рука въ руку.

XXII.

Послѣ такого опаснаго приключенія, Дарконъ, спасенный не изъ пасти волчьей, по пословицѣ, а изъ псиной, пошелъ залѣчивать раны. Дафнису же и Хлоѣ стоило не малаго труда собрать до ночи козъ и овецъ. Испуганныя волчьей шкурой, встревоженные лаемъ собакъ, однѣ вскарабкались на вершины утесовъ, другія разсѣялись въ долинѣ до самаго

моря. А, между тѣмъ, онѣ привыкли слушаться голоса, весело прибѣгать на звукъ флейты и даже собираться, когда хлопали въ ладоши. Но волкъ такъ напугалъ ихъ, что онѣ все забыли. Дафнису и Хлоѣ пришлось отыскивать ихъ по слѣдамъ, какъ зайцевъ. Когда же, наконецъ, они загнали ихъ въ овчарню,—въ эту ночь, первый разъ, послѣ многихъ дней, оба уснули глубокимъ сномъ и въ усталости нашли лѣкарство отъ любви. Но когда утро забрезжило, снова начались тѣ же мученія—та же радость свиданія, та же печаль разлуки. Они тосковали, хотѣли чего-то и не знали—чего. Знали только, что причина страданій—для нея ручей, въ которомъ онъ купался, для него—поцѣлуй. А время года еще болѣе воспаляло ихъ сердца.

XXIII.

То былъ конецъ весны, начало лѣта. Все дышало силою и полнотою жизни. Наливался плодъ на деревьяхъ, колосъ на поляхъ. Всюду—сладкое стрекотаніе цикады, благоуханія лѣта, нѣжное блеяніе молодыхъ овецъ. Рѣчные струи, казалось, пѣли тихую пѣснь въ мирномъ теченіи. Вѣтеръ въ соснахъ шумѣлъ, и звукъ его подобенъ былъ звуку далекой свирѣли. Яблоки, желая поцѣловать землю, полныя нѣги срывались и падали. Солнце, любящее красоту, заставляло каждого обнажать прекрасное тѣло. Все воспаляло Дафниса: погружаясь въ холодные ручьи, то плескался онъ въ водѣ, то преслѣдовалъ рыбъ, которыя играли вокругъ него; и часто съ жадностью пилъ, какъ будто для того, чтобъ потушить внутренній огонь. А Хлоя, выдоивъ овецъ и большію часть козъ, переливая молоко изъ подойниковъ въ чанъ, долго не могла кончить работы, потому что мухи надоѣдали ей и, когда она отмахивалась, жалили. Потомъ умывала лицо, украшала голову вѣнкомъ изъ сосновой зелени, набрасывала на плечи пятнистую шкуру лани и наполняла чашу виномъ и молокомъ, чтобъ раздѣлить ее съ Дафнисомъ.

XXIV.

Но особенно въ полуденный часъ глаза ихъ испытывали чары любви. Тогда Хлоя видѣла Дафниса нагимъ, созерцала красоту его въ полномъ цвѣтѣ, и страдала, и все въ немъ казалось ей совершеннымъ. Любовался и Дафнисъ, какъ дѣвушка подъ шкурой лани, увѣнчанная сосновою зеленью протягивала ему полную чашу, и пастуху казалось, что это одна изъ Нимфъ священнаго грота. Онъ снималъ сосновыя вѣтви съ ея головы и, поцѣловавъ ихъ, увѣнчивался ими самъ. Въ то время, какъ онъ купался, она одѣвалась въ его тунику, тоже сперва поцѣловавъ ее. Иногда, играя, они перекидывались яблоками, или украшали голову, заплетали волосы другъ другу. Она сравнивала съ миртовыми ягодами его кудри, потому что они были черны, а онъ—лицо ея—съ золотисто-розовымъ яблокомъ. Онъ училъ ее играть на флейтѣ; и когда она прикладывала губы къ отверстіямъ,—бралъ у нея флейту, искалъ губами того мѣста, котораго она коснулась, дѣлая видъ, что хочетъ показать, какой звукъ она взяла невѣрно—и флейта была скромной посредницей поцѣлуевъ.

XXV.

Однажды, въ полуденный зной, пока онъ игралъ на флейтѣ и стадо дремало въ тѣни, Хлоя, незамѣтно для себя, уснула. Дафнисъ, видя ее спящей, отложилъ флейту, любясь на нее съ жадностью, не могъ насытить взоровъ, потому что теперь уже не стыдился смотрѣть на нее, и шепталъ:

— Какъ спятъ ея глаза, какъ дышитъ ея грудь! Аромать яблокъ и боярышника менѣе сладокъ, чѣмъ ея дыханіе. А между тѣмъ я не смѣю обнять ее. Поцѣлуй ея жалитъ сердце и, какъ новый медъ, дѣлаетъ безумнымъ. И я боюсь разбудить ее. О, болтливыя цикады! Онѣ помѣшаютъ ей спать оглушительнымъ крикомъ. А вотъ еще козлы подрались и стучаются рогами. О, волки, болѣе трусливые, чѣмъ лисицы, зачѣмъ вы ихъ не похитите?

XXVI

Между тѣмъ, какъ онъ такъ говорилъ, цикада, преслѣдуемая ласточкой, прыгнула на грудь Хлои, чтобы найти въ ней убѣжище. Ласточка не успѣла поймать бѣглянки, но, увлеченная погоней, пролетѣла такъ близко отъ лица Хлои, что коснулась его однимъ крыломъ. Хлоя, не понимая, что случилось, громко вскрикнула и проснулась. Но когда увидѣла ласточку, кружившуюся надъ ея головой, Дафниса, смѣющагося надъ ея испугомъ, успокоилась и протерла сонные глаза. Въ это мгновеніе цикада, спрятавшаяся на груди Хлои, запѣла, подобно молящей, нашедшей пріютъ во храмѣ боговъ и возглашающей имъ благодарственный гимнь. Хлоя снова вскрикнула, а Дафнисъ засмѣялся. Пользуясь этимъ предлогомъ, онъ опустилъ руку подъ одежду Хлои, чтобы снять съ груди ея бѣдную цикаду, которая, даже подъ его пальцами, не переставала пѣть. Хлоя взглянула на нее, улыбнулась, взяла на ладонь, поцѣловала, и, все еще поющую, снова положила себѣ на грудь.

XXVII.

Въ это время горлица заворковала въ чащѣ лѣса, и они заслушались нѣжнаго голоса. Хлоя спросила его, что она говорить, и Дафнисъ разсказалъ ей сельскую басню:

«Въ былые дни, Хлоя, жила пастушка, прекрасная, какъ ты, и такая же юная. Она пасла большое стадо коровъ. Голосъ былъ у нея нѣжный. И коровы любили ея пѣсни слушали, такъ что она никогда не ударяла ихъ посохомъ, не колола острою палкою. Сидя подъ соснами, увѣнчанная зеленью сосенъ, прославляла она пѣснями Пана и Питисъ, богиню луговъ. Коровы не отходили, очарованныя пѣніемъ. Вблизи этихъ мѣстъ водилъ быковъ на пастбище отрокъ, такой же прекрасный, такой же пѣвецъ, какъ она. Соперничая съ дѣвушкой, имѣлъ онъ голосъ мужественный, болѣе сильный, хотя и нѣжный, какъ у дѣтей. Однажды, выманилъ онъ пѣніемъ изъ ея стада восемь лучшихъ коровъ

и увелъ ихъ за собою на другіи пастбища. Пастушка, горюя о потерѣ, стыдясь пораженія, умолила боговъ превратить ее въ птицу, чтобы больше не возвращаться домой и не терпѣть насмѣшекъ. Боги услышали молитву и превратили ее въ горлицу, такую же обитательницу горъ, такую же пѣвицу, какъ она. И до сихъ поръ бѣдная дѣвушка поетъ о своемъ горѣ, и жалуется, что не можетъ найти похищенныхъ коровъ».

XXVIII.

Таковы были радости лѣта. Приближалась пышная осень, и гроздья винограда начинали зрѣть, когда морскіе разбойники изъ города Тира, плывшіе, чтобы прослыть за варваровъ, на легкомъ Карійскомъ кораблѣ,—причалили неподалеку. Высадившись, въ полуброняхъ и съ мечами, начали они грабить все, что попадало имъ подъ руку—душистыя вина, пшеницу, медовыя соты. Увели и нѣсколькихъ быковъ изъ Дарконова стада. Дафнисъ игралъ на морскомъ берегу. Они схватили его. Хлою же Дріасъ не отпускалъ въ поле въ такой ранній часъ утра, боясь, чтобы другіе пастухи, рѣзвые и буйные, не причинили вреда молодой дѣвушкѣ. При видѣ юноши, рослаго, красиваго—добычи болѣе драгоценной, чѣмъ все, что они могли найти въ поляхъ—разбойники не тронули козъ, перестали грабить и поторопились отвезти на корабль несчастнаго, который кричалъ, плакалъ, призывалъ Хлою. Потомъ отвязали канатъ, взяли за весла и поплыли въ открытое море. Въ это время появилась Хлоя, погоняя стадо и держа новую флейту въ рукахъ, которую предназначала въ подарокъ своему другу. Увидѣвъ разбѣжавшихся козъ, слыша крикъ Дафниса, все болѣе громкій, Хлоя покинула стадо, бросила флейту и побѣжала къ Даркону за помощью.

XXIX.

Дарконъ лежалъ на землѣ, истекая кровью, пронзенный мечами разбойниковъ. Онъ едва дышалъ. Но при видѣ Хлои воспоминаніе прежней любви оживило блѣдное лицо его, и онъ сказалъ:

— Кончено! Я умираю, Хлоя. Проклятые воры зарѣзали меня, какъ быка, за то, что я охранялъ мое стадо. Слушай: спаси Дафниса, отомсти за меня и погуби разбойниковъ. Я приучилъ быковъ внимать флейтѣ и прибѣгать на зовъ ея, какъ бы они далеко ни паслись. Возьми ее, сыграй, на ней пѣсню, которой въ былые дни научилъ я Дафниса, а онъ—тебя; остальное сдѣлаетъ флейта и быки на кораблѣ. Я дарю тебѣ ее; ею побѣдилъ я въ состязаніяхъ многихъ пастуховъ. Ты же въ награду поцѣлуй меня, пока я живъ, а когда умру, поплачь, и если увидишь, что другой пастухъ ведетъ на пастбище быковъ, вспомни обо мнѣ».

XXX.

Дарконъ не могъ больше говорить. И когда она обняла его, душа улетѣла съ послѣднимъ поцѣлуемъ, съ послѣднимъ словомъ.

Хлоя взяла флейту, приложила къ губамъ и заиграла такъ сильно, какъ могла. На звукъ пѣсни, которую они узнали, быки ринулись съ громкимъ мычаніемъ въ воду. Сильный толчокъ накренилъ корабль на-бокъ; море разступилось подъ тяжестью спрыгнувшихъ быковъ; корабль опрокинулся, пучина сомкнулась—и все исчезло. Находившіеся на кораблѣ выброшены были въ море, но не всѣ одинаково могли надѣяться на спасеніе: у разбойниковъ мечъ привѣшенъ былъ къ поясу, тѣло сжато кольчугою, ноги обуты по колѣно въ мѣдныя поножія. Тогда какъ Дафнисъ имѣлъ босыя ноги, ибо водилъ стада по мягкой травѣ луговъ, и на тѣлѣ мало одежды, такъ какъ осень стояла жаркая. Вотъ почему пираты не могли долго держаться на поверхности и скоро потонули, увлекаемые ко дну тяжестью вооруженія. А Дафнису не стоило никакого труда освободиться отъ платья. Правда, сперва ему нелегко было плыть, потому что онъ привыкъ купаться только въ рѣкахъ. Но скоро нужда научила его: выбравъ мѣсто между двумя быками, ухватился онъ за рога обоихъ и, такимъ образомъ, поплылъ, безъ труда и утомленія, какъ будто управляя колесницею.

Вообще быкъ плаваетъ лучше и дольше самаго сильнаго человѣка; уступаетъ только водянымъ птицамъ и рыбамъ, и никогда не потонулъ бы, если бы рогъ его копытъ не тяжельлъ, разбухая въ водѣ. Эта способность быковъ къ плаванію доказывается названіемъ Босфора, Волоноснаго, которое до сихъ поръ дается нѣкоторымъ морямъ.

XXXI.

Таково было чудесное избавленіе Дафниса отъ двойной опасности—разбойниковъ и кораблекрушенія. Выйдя изъ воды, онъ нашелъ на берегу Хлою, которая и плакала и смѣялась. Онъ кинулся ее обнимать и спросилъ, зачѣмъ она играла на флейтѣ. Хлоя разсказала ему все: какъ прибѣжала къ Даркону, какъ быки его были приучены слушаться флейты, какъ онъ приказалъ ей играть и какъ умеръ. Объ одномъ лишь не сказала, потому что ей было стыдно—о поцѣлуѣ. Они рѣшили отдать послѣдній долгъ благодѣтелю и присоединились къ родителямъ несчастнаго Даркона, совершившимъ похоронный обрядъ. Сдѣлали могильную насыпь, посадили вокругъ много садовыхъ деревьевъ, на которыхъ повѣсили въ честь его первые начатки плодовъ. Надъ могилой пролили чашу молока, раздавили гроздья, разбили флейту. Быки, издавая жалобное мычаніе, безпокойно бѣгали и не находили себѣ мѣста. По увѣренію пастуховъ, они оплакивали умершаго хозяина.

XXXII.

Послѣ погребенія Даркона Хлоя отвела въ священный гротъ къ Нимфамъ и обмыла Дафниса. Молодая дѣвушка обмыла также, въ первый разъ, въ присутствіи Дафниса, свое тѣло, бѣлое и чистое, сіявшее прелестію, не нуждавшееся въ омовеніяхъ, чтобы казаться прекраснымъ. Они нарвали цвѣтовъ, всѣхъ, какіе можно было найти въ это время года, наплели вѣнковъ Нимфамъ и привѣсили къ скалѣ, какъ жертвенный даръ, флейту Даркона. Потомъ вер-

нулись къ овцамъ и козамъ. Бѣдныя лежали на землѣ неподвижно, не щипали травы и не блеяли. Должно-быть, то-сковали о Дафнисѣ и Хлоѣ. Но только что они появились, позвали ихъ обычнымъ возгласомъ и заиграли на флейтѣ, овцы начали пастись, козы—прыгать и блеять, словно радуясь спасенію хозяина.

Дафнисъ ничему не имѣлъ уже силы радоваться съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ Хлою обнаженной и созерцалъ ея тайную красоту безъ покрововъ. Сердце его ныло, снѣдаемое отравой. Дыханіе дѣлалось то быстрымъ и прерывистымъ, какъ будто онъ бѣжалъ отъ погони, то медленнымъ и слабымъ, какъ будто онъ умиралъ отъ усталости. Ему казалось купаніе въ ручьѣ болѣе опаснымъ, чѣмъ кораблекрушеніе; ему казалось, что душа его все еще во власти разбойниковъ. Бѣдный юноша, бѣдный сынъ полей не зналъ, что нѣтъ большаго разбойника, чѣмъ Любовь!

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Была середина осени. Наступило время жатвы винограда. Полевая работа въ полномъ разгарѣ: одни готовятъ точило, другіе поправляютъ бочки, тѣ плетутъ корзины, тѣ налаживаютъ гладкій круглый камень, чтобы давить сочныя гроздья, срываютъ кору съ высушенныхъ ивовыхъ вѣтвей и дѣлаютъ факелы, чтобы зажигать по ночамъ, когда будутъ собирать въ чаны неперебродившій сокъ. Дафнисъ и Хлоя покинули на время стада и помогали виноградарямъ. Дафнисъ приносилъ виноградъ въ корзину, бросалъ въ точило, давилъ, сливалъ вино въ бочки; Хлоя готовила обѣдъ жнецамъ, наливала имъ прошлогодняго вина, срѣзала невысоко висѣвшія гроздья. Ибо на островѣ Лезбосѣ лозы растутъ низко; вмѣсто того, чтобы подыматься вверхъ по деревьямъ, онѣ свѣшиваютъ вѣтви до земли и ползутъ по ней, какъ плющъ, такъ что достать до нихъ могутъ и дѣти, у которыхъ руки едва освободились отъ пеленокъ.

II.

По обычаю, соблюдаемому на праздникѣ Вакха, когда рождается вино, — женщины окрестныхъ селеній, приглашены были къ жнецамъ на помощь. Онѣ засматривались на Дафниса, хвалили красоту его, равную, по словамъ ихъ, красотѣ Вакха. Одна, побойчѣе другихъ, поцѣловала его,

что понравилось Дафнису, а Хлою огорчило. Въ свою очередь, юноши, стоя въ точилахъ, шутили и заигрывали съ Хлоей; прыгали съ рѣзвостью, какъ сатиры при видѣ вакханки, и увѣряли, что согласились бы сдѣлаться овцами, чтобы ходить за такую пастушку. Хлоя смѣялась, а Дафнисъ огорчался. Но оба ждали съ нетерпѣніемъ, когда сборъ винограда кончится, чтобы вернуться въ знакомыя поля и, вмѣсто буйныхъ криковъ, слышать звукъ флейты и блеяніе стада. Черезъ нѣсколько дней жатва кончилась, бочки наполнились сладкимъ виномъ, помощь была менѣе нужна, и они снова начали водить стада на пастбище. Съ радостнымъ сердцемъ пошли въ пещеру Нимфъ помолиться и принести гроздья, еще висѣвшія на лозѣ, — какъ жертвенный даръ. Никогда не лѣнились они воздавать Нимфамъ эту почесть. Каждый день, на утренней зарѣ, привѣтствовали богинь; молпились имъ и вечеромъ, возвращаясь домой. Всегда приносили какой-нибудь даръ — цвѣты, плоды, поспѣвавшіе къ тому времени года, гирлянды свѣжихъ листьевъ, возліянія пзъ овечьяго или козьяго молока. Впослѣдствіи богини вознаградили Дафниса и Хлою. А теперь, подобные веселымъ щенятамъ на свободѣ, прыгали они, играли на флейтѣ, пѣли и боролись другъ съ другомъ, не хуже барановъ и козловъ.

III.

Въ то время, какъ они предавались этимъ веселымъ забавамъ, подошелъ къ нимъ старикъ, одѣтый въ звѣриную шкуру, съ грубою кожаной обувью, съ мѣшкомъ, привѣшеннымъ сбоку, столь же древнимъ, какъ его владѣлецъ. Онъ подсѣлъ къ нимъ и сказалъ:

— Дѣти мои, я—старикъ Филетасъ. Нѣкогда пѣвалъ я пѣсни во славу этихъ Нимфъ, игрывалъ и на флейтѣ въ честь бога Пана, и большое стадо быковъ слѣдовало за голосомъ моимъ. Нынѣ пришелъ я рассказать вамъ то, что видѣлъ и слышалъ. Есть у меня садъ, который я обрабатываю собственными руками. Полюбилъ я его съ тѣхъ поръ,

какъ, состарившись, больше не могу водить быковъ на пастбище. Въ этомъ саду — цвѣты и плоды различныхъ временъ года: весною — розы, лиліи, гіацинты, простыя и двойныя фіалки; лѣтомъ маки, груши, яблоки всѣхъ родовъ; а теперь виноградъ, винныя ягоды, гранаты, зеленые мирты. На зарѣ стаи птицъ прилетаютъ въ мой садъ, однѣ клевать, другія пѣть, потому что онъ уютный, тѣнистый и орошается тремя источниками, и если бы не терновая изгородь, то можно бы подумать, что это цѣлая роща

IV.

Войдя въ него сегодня, около полудня, замѣтилъ я, подъ гранатовыми деревьями и миртами, ребенка, державшаго въ рукахъ ягоды миртовъ и гранатъ, бѣлаго, какъ молоко, златокудраго, какъ огонь, свѣжаго, словно онъ только что выкупался. Онъ былъ нагъ, одинъ, и рвалъ плоды, играя, какъ будто въ собственномъ саду. Я подбѣжалъ, хотѣлъ удержать его, боясь, чтобы рѣзвый шалунъ не поломалъ моихъ миртовъ и гранатовыхъ деревьевъ, но онъ ускользалъ отъ меня неуловимо, — то забѣгалъ въ чашу розовыхъ кустовъ, то прятался въ маки, какъ молоденькій тетеревъ. Не разъ, бывало, гонялся я за молочнымъ козленкомъ, бѣгалъ до усталости за новорожденными телятами. Но и тѣ были менѣ проворны. Наконецъ, утомившись, — потому что я очень старъ, — долженъ я былъ опереться на посохъ и, все-таки посматривая, чтобы онъ не убѣжалъ, спросилъ его, отъ какихъ онъ сосѣдей и зачѣмъ приходитъ рвать плоды въ чужихъ садахъ. Ничего не отвѣтилъ онъ, только подошелъ ко мнѣ и улыбнулся такъ тихо, такъ нѣжно, что сердце у меня смягчилось, и больше я не могъ сердиться. Я сталъ просить, чтобы онъ не боялся и позволилъ обнять себя; клялся ему своими миртами, что отпущу, дамъ яблокъ и гранатъ, позволю во всякое время рвать мои плоды и цвѣты, если только онъ поцѣлуетъ меня.

V.

Мальчикъ громко разсмѣялся, и я услышалъ голосъ болѣе нѣжный, чѣмъ голосъ ласточки, соловья и лебедя передъ смертью, когда онъ старъ, какъ я:

— Что до меня, Филетасъ, дѣло за мною не станетъ: я готовъ тебя цѣловать, потому что я вѣдь только и жажду поцѣлуевъ, не меньше, чѣмъ ты своей утраченной юности. Но, смотри, позволять ли тебѣ твои годы принять такой подарокъ? Ибо, какъ ты ни старъ, но когда поцѣлуешь меня, — захочешь и поймать. А настигнуть меня не можетъ ни соколъ, ни орелъ, ни птица съ еще болѣе быстрымъ полетомъ, если есть такая. Я по виду дитя, на самомъ же дѣлѣ болѣе старъ, чѣмъ Сатурнъ, болѣе старъ, чѣмъ всѣ вѣка. Я видѣлъ, какъ во цвѣтѣ юности ты пасъ въ этихъ долинахъ большое стадо—и я былъ съ тобою, когда, влюбленный въ Амариллисъ, ты игралъ на флейтѣ подъ этими буками. Но ты не замѣчалъ меня, хотя я былъ недалеко отъ молодой дѣвушки. Это я тебѣ отдалъ ее, и отъ вашего союза родились дѣти, добрые пастухи и земледѣльцы. Теперь я покровительствую Дафнису и Хлоѣ. Соединивъ ихъ утромъ, вхожу въ твой садъ, играю съ цвѣтами и листьями, купаюсь въ источникахъ. Вотъ почему твои цвѣты и деревья такъ прекрасны: они орошаются водами, въ которыхъ я купаюсь. Посмотри на садъ: есть ли въ немъ хоть одна сломанная вѣтка, хоть одинъ сорванный плодъ, растоптанный цвѣтокъ или замутившійся родникъ! Радуйся! Ибо ты одинъ изъ людей созерцалъ въ старости своей дитя—Любовь.

VI.

Молвивъ такъ, онъ вспорхнулъ на мирты, какъ молодой соловей, и, прыгая съ вѣтки на вѣтку, мелькая сквозь листья, достигъ вершины. Тогда я увидѣлъ крылья за плечами его и въ колчанѣ, между крыльями, маленькія стрѣлы. Потомъ взлетѣлъ онъ еще выше и скрылся. Если опытъ

жизни не даромъ убѣлил мнѣ голову, и старость не омрачаетъ моего разума, то вы, о, дѣти, посвящены богу Любви, и онъ охраняетъ васъ.

VII.

Велика была ихъ радость, когда они это услышали, и то, что онъ говорилъ, казалось имъ похожимъ на плѣнительную сказку. Они спросили, что такое Любовь, — дитя или птица, и въ чемъ заключается ея могущество? Филетасъ отвѣтилъ:

— Дѣти, любовь есть богъ, юный, прекрасный и окрыленный. Вотъ, почему любить онъ юность, летаетъ за красотой и окрыляетъ душу. Такова сила его, что даже сила Громовержца не можетъ съ нею равняться. Онъ царствуетъ надъ стихіями, онъ царствуетъ надъ свѣтилами. Онъ царствуетъ надъ прочими богами, съ большею властью, чѣмъ вы надъ вашими козами и овцами. Всѣ цвѣты созданы любовью, и любовь вызвала на свѣтъ изъ нѣдръ земныхъ растенія. Любовью движутся рѣки, любовью дышатъ вѣтры. Я видѣлъ влюбленнаго быка: онъ ревѣлъ, какъ ужаленный оводомъ. Я видѣлъ козла, жаждавшего соединиться съ козою, и всюду онъ слѣдовалъ за нею. Я и самъ былъ молодъ и любилъ Амарилисъ: тогда я не думалъ о пищѣ, забывалъ о питьѣ, не наслаждался отдыхомъ; душа моя изнемогала, сердце билось, тѣло трепетало; я кричалъ, какъ будто меня били, потомъ вдругъ погружался въ молчаніе, какъ мертвый. Кидался въ холодныя рѣки, какъ будто внутренній огонь пожиралъ меня. Призывалъ бога Пана на помощь, ибо онъ также влюбленъ въ богиню Питись. Я благодаренъ былъ эхо, которое повторяло за мною имя Амарилисъ. Я разбивалъ съ отчаяніи флейты, потому что онѣ очаровывали послушныхъ телицъ моихъ и не привлекали Амарилисъ. Ибо нѣтъ никакого лѣкарства отъ любви—ни питья, ни ѣды, ни волшебныхъ заклятій. Есть одно только средство — цѣловаться, обнимать другъ друга и обоимъ лежать вмѣстѣ голыми.

VIII.

Филетасъ, послѣ всѣхъ этихъ наставленій, собрался уходить, и они наградили его овечьими сырами и козленкомъ, у котораго на лбу начинали пробиваться рога. Оставшись одни и въ первый разъ услышавъ имя любви, они предались печали и безнадежности. Ночью, по возвращеніи домой, стали сравнивать то, что испытывали, съ тѣмъ, что слышали: влюбленные страдаютъ—и мы страдаемъ; не думаютъ о ѣдѣ—и мы не думаемъ; не спятъ—мы не можемъ уснуть; горятъ—внутренній огонь и насъ пожираетъ; желаютъ видѣть другъ друга—и мы томимся въ ожиданіи слишкомъ медленной зари. О, вѣдь это же и есть любовь—мы любимъ другъ друга, сами того не зная! Но если это любовь, если я люблю, то почему же мы такъ страдаемъ? Зачѣмъ ищемъ другъ друга? Все, что говорилъ Филетасъ, вѣрно. Этотъ самый мальчикъ съ крыльями приснился нашимъ родителямъ, и велѣлъ, чтобы мы водили стада на пастбище. Какъ же поймать его? Онъ малъ и убѣжитъ. Какъ же спасти? У него крылья. Онъ догонитъ насъ. Надо помолиться Нимфамъ и призвать ихъ на помощь. Но вѣдь Панъ не помогъ Филетасу, когда онъ былъ влюбленъ въ Амариллисъ. Испытаемъ же лѣкарство, которое онъ совѣтовалъ: цѣловать друга друга, обниматься, лежать вмѣстѣ голыми. Правда, теперь холодно, но ужъ мы потерпимъ. Терпѣль же до насъ Филетасъ.

IX.

Такъ новою школою была для нихъ ночь. На слѣдующее утро, выгнавъ стадо въ поле, только что увидѣлись, они обняли другъ друга, чего прежде никогда не дѣлали. Переплелись руками, прижались другъ къ другу. Что же касается до третьяго средства—лечь вмѣстѣ голыми—не посмѣли. Это было бы черезчуръ отважно не только для молодой дѣвушки, но и для козьяго пастуха. Слѣдующую ночь

провели также безъ сна, размышляя о томъ, что сдѣлали, и сожалѣя о томъ, чего не посмѣли сдѣлать:

— Что же? Вѣдь вотъ мы и цѣловали другъ друга, а легче не стало. Обнимались, но я не нашель утоленія. Значить, лежать вмѣстѣ — единственное лѣкарство отъ любви? Дѣлать нечего, надо попробовать. Ужъ вѣрно въ этомъ есть что-нибудь посильнѣе поцѣлуя.

X.

Среди такихъ помысловъ сны ихъ, конечно, были тоже любовные — о поцѣлуяхъ и объятіяхъ. То, чего не дѣлали днемъ, довершали они ночью: лежали вмѣстѣ, голые. Утромъ вставали, еще болѣе влюбленные; и гнали стада на пастбище, торопя ихъ свистомъ, — такъ нетерпѣливо стремились они къ поцѣлуямъ. Только что замѣчали другъ друга, бѣжали, улыбаясь. Потомъ начинались поцѣлуи, объятія съ переплетенными руками. Но третье средство медлило. Дафнисъ не смѣлъ его предложить; Хлоя тоже не хотѣла говорить первая. Наконецъ случай помогъ, и все сдѣлалось само собою.

XI.

Сидя рядомъ, подъ тѣнью дуба, начинали они чувствовать сладость поцѣлуевъ. Страсть уже опьяняла ихъ, но не утоляла. Чѣмъ сильнѣе обнимали они другъ друга перевившимися руками, тѣмъ крѣпче прижимались губы къ губамъ. Въ пылу объятій Дафнисъ привлекъ къ себѣ Хлою слишкомъ порывисто, она склонилась на-бокъ и на-половину легла, онъ—за нею, слѣдуя за ея устами, чтобы не потерять поцѣлуя. Признавъ въ этомъ то, что видѣли во снѣ, оба долго лежали такъ, какъ будто связанные. Но не умѣя ничего большаго, воображая, что это и есть предѣлъ любовныхъ радостей, провели въ напрасныхъ объятіяхъ главную часть дня. Вечеромъ разошлись, проклиная ночь, и погнали свои стада обратно. Можетъ-быть, дошли бы они

и до чего-нибудь болѣе дѣйствительнаго, если бы не приключилась внезапная тревога, которая наполнила смятеніемъ всю страну.

XII.

Богатые юноши изъ Метимны, желая провести въ сельскихъ забавахъ время жатвы, снарядили маленькій корабль взяли слугъ, вмѣсто гребцовъ, и отправились, не слишкомъ удаляясь отъ берега, и проѣзжая мимо Митиленскихъ помѣстій, сосѣднихъ съ моремъ, потому что это побережье доступно и покрыто великолѣпными жилищами. Всюду—купальни, сады, рощи, которые непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, одни — даръ природы, другіе — дѣло рукъ человѣческихъ. Прекрасныя мѣста, волшебные пріюты наслажденій! Итакъ, ѣхали они вдоль берега, иногда причаливали и, не дѣлая никому зла, предавались разнообразнымъ увеселеніямъ. То посредствомъ крючковъ, привязанныхъ легкой лесою къ тростнику, съ высоты обрывистаго мыса, нависшаго надъ водою, удили рыбу, которая водится между морскими камнями. То съ гончими и сѣтками ловили зайцевъ, которыхъ спугивали изъ виноградной чащи крики жнецовъ. Или же охотились на птицъ, брали въ силки дикихъ гусей, стрепетовъ, утокъ. Такимъ образомъ, развлекаясь, добывали себѣ и припасы, необходимые для стола. Если же чего-либо недоставало, покупали у поселянъ и за все платили щедро. Впрочемъ, нуженъ былъ только хлѣбъ, вино да ночлегъ, такъ какъ они считали не безопаснымъ въ осеннюю пору ночевать въ морѣ. Корабль же вытаскивали на берегъ, боясь, чтобы ночью не унесла его буря.

XIII.

Случилось однажды, что поселанинъ, имѣвшій надобность въ веревкѣ для подыманія точильнаго камня, такъ какъ его собственная истерлась, сошелъ тайно къ мор-

скому берегу, увидѣлъ корабль, никѣмъ не охраняемый, отвязалъ канатъ и унесъ съ собой желая имъ воспользоваться. Утромъ юноши метимнѣйцы стали искать веревки. Такъ какъ никто не признавался въ кражѣ, то, сдѣлавъ нѣсколько упрековъ хозяину, отправились они моремъ далѣе. Проѣхавъ стадій тридцать, остановились и причалили къ берегу у тѣхъ полей, на которыхъ Дафнисъ и Хлоя пасли стада свои, потому что казалось имъ, что на окрестныхъ равнинахъ должна быть хорошая заячья охота. Не имѣя веревки для причала, взяли длинныхъ отпрысковъ зеленой ивы, сплели изъ нихъ подобіе каната и привязали корабль къ берегу за верхнюю часть кормы. Потомъ спустили свору гончихъ и разставили тенета на тѣхъ мѣстахъ, которыя показались имъ наиболѣе удобными. Собаки зарыскали въ полѣ съ громкимъ лаемъ и спугнули козъ, которыя, спустившись съ холмовъ, побѣжали къ берегу моря. Но здѣсь, не находя травы на голомъ пескѣ, самыя смѣлыя приблизились къ кораблю и перегрызли отпрыски зеленой ивы, прикрѣплявшіе корабль къ берегу.

XIV.

На морѣ подымалось волненіе отъ вѣтра, вѣявшаго съ прибрежныхъ холмовъ. Волны, въ обратномъ теченіи незамѣтно подняли отвязанный корабль и унесли въ открытое море. Только что увидѣли это метимнѣйцы, какъ одни побѣжали къ морю, другіе стали звать гончихъ. Всѣ вмѣстѣ кричали такъ долго и сильно, что отовсюду, съ окрестныхъ полей сбѣжались поселяне. Но дѣлать было нечего: вѣтеръ свѣжѣлъ, волны, играя, уносили корабль съ неумолимою быстротою. Метимнѣйцы, лишенные и корабля и многого имущества бывшаго на немъ, стали разыскивать пастуха провинившихся козъ. Нашли Дафниса, начали его бить и срывать одежду. Уже одинъ изъ нихъ ремнемъ, на которомъ водятъ собакъ, хотѣлъ связать ему руки. Несчастный вопилъ подъ ударами, молилъ о помощи сосѣдей, въ особенности призывалъ Ламона и Дріаса. Оба, старики еще

бодрые, съ руками, загрубѣлыми и окрѣпшими въ полевыхъ работахъ, прибѣжали, заступились за Дафниса и потребовали, чтобы спорящіе объяснили въ чемъ дѣло.

XV.

Такъ какъ требованіе это всѣми было одобрено, то выбрали посредникомъ волопаса Филетаса. Онъ былъ и годами старше всѣхъ, и въ странѣ считали его за человѣка справедливаго. Метимнійцы первые изложили свою жалобу ясно и подробно передъ судьей-волопасомъ:

— Мы высадились на берегъ, чтобы охотиться. Привязавъ корабль вѣтками ивы, оставили его на берегу и отправились съ гончими искать дичи. Вы не можете себѣ представить, какими драгоценными вещами наполнено было наше судно! какими одеждами! сколько собачьихъ сбруй припасено было тамъ! сколько денегъ! На эти сокровища можно бы купить всѣ ваши поля. Какъ вознагражденіе, требуемъ мы, чтобы вы позволили намъ увезти съ собою этого глупаго пастуха, который, повидимому, пасетъ свои стада въ морѣ.

XVI.

Такъ говорили метимнійцы. Дафнисъ, послѣ испытанныхъ побоевъ, чувствовалъ себя нехорошо. Но, увидѣвъ Хлою, забылъ все и началъ такъ:

— Я стерегу мое стадо, какъ должно. Жаловался ли кто-нибудь изъ окрестныхъ поселянъ, что козы мои испортили ему садъ, сломали хотя одну лозу въ его виноградникѣ? А вотъ эти юноши — дѣйствительно глупые охотники: собаки ихъ, плохо выученныя, бѣгають всюду, лають безъ толку; онѣ, какъ волки, спугнули козъ моихъ съ холмовъ и пастбищъ и загнали къ морю. Вы говорите: перегрызли ивовыя вѣтви. Правда! Но вѣдь на голомъ пескѣ не могли онѣ найти ни дерна, ни тмина, ни толокнянки. Корабль унесенъ вѣтромъ въ море? Но въ этомъ виновны

вѣтеръ и море, а не козы. На кораблѣ были деньги, одежда? Но какой разумный человѣкъ повѣритъ, чтобы судно, нагруженное драгоценными вещами, могло быть привязано ивовыми вѣтвями!

XVII.

Молвивъ такъ, Дафнисъ началъ плакать и пробудилъ жалость въ поселянахъ, такъ что Филетасъ, въ качествѣ посредника, поклялся богомъ Паномъ и Нимфами, что ни Дафнисъ, ни козы его невиновны; виновны же развѣ море да вѣтеръ, за которые пастухъ отвѣчать не можетъ. Метимнѣйцы, мало убѣжденные доводами Филетаса, бросились въ ярости, снова схватили Дафниса и пытались связать ему руки. Но поселяне, выведенные изъ терпѣнія, напали на нихъ, какъ стая крикливыхъ скворцовъ и сой. Въ одинъ мигъ вырвали изъ ихъ рукъ Дафниса, который, въ свою очередь, не жалѣлъ ударовъ. Скоро, при помощи палокъ, обратили они въ бѣгство метимнѣйцевъ и преслѣдовали ихъ до тѣхъ поръ, пока не выгнали за межу своихъ владѣній.

XVIII.

Межъ тѣмъ, какъ поселяне заняты были дракою, Хлоя отвела Дафниса къ Нимфамъ. Обмыла ему лицо, запачканное кровью, которая потекла у него изъ носу во время драки; вынула изъ мѣшка кусокъ хлѣба съ ломтемъ сыру и дала ему поѣсть. Но болѣе всего подкрѣпилъ и успокоилъ его поцѣлуй нѣжныхъ губъ, болѣе сладкій, чѣмъ медь.

XIX.

Такова была опасность, которой избѣгнулъ Дафнисъ. Этимъ дѣло не кончилось. Метимнѣйцы, вернувшись домой, смиренные пѣшеходы, безъ корабля, покрытые синяками,

потерявшіе охоту къ веселью, созвали народное собраніе, явились гражданамъ, какъ молящіе справедливости, и потребовали возмездія. Они, конечно, не открыли истины, боясь, чтобы ихъ не подняли на-смѣхъ за палочные удары, принятые ими отъ безоружныхъ пастуховъ. Напротивъ, обвинили метимнійцевъ въ томъ, что они отняли корабль и ограбили ихъ, какъ враги во время войны. Метимнійцы, заключивъ по ранамъ, что они говорятъ правду, сочли необходимымъ отомстить за оскорбленіе молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ лучшимъ семьямъ. Тотчасъ, большинствомъ голосовъ, постановили походъ на митиленійцевъ, безъ объявленія военныхъ дѣйствій, и приказали военачальнику спустить на море десять кораблей, чтобы опустошить берегъ митиленскій, такъ какъ, въ виду наступавшей зимы, считали неблагоприятнымъ посылать въ море много кораблей.

XX.

Заутра стратегъ поднялъ якорь. Съ отрядомъ воиновъ, служившихъ ему гребцами, направился онъ къ морской границѣ Митилени. Здѣсь нагребилъ много скота, также вина и хлѣба, ибо жатва только что кончалась, и захватилъ въ плѣнъ людей, занятыхъ осенними работами въ поляхъ. Съ наибольшею силою напалъ онъ на ту мѣстность, въ которой жили Дафнисъ и Хлоя, высадився неожиданно и забравъ все, что нашель подъ рукою. Дафнисъ въ это время отлучился отъ стада: пошелъ въ лѣсъ нарѣзать зеленыхъ вѣтвей на зимній кормъ козлятамъ. Увидѣвъ издали, какъ враги высаживаются на берегъ, спрятался онъ въ дуплѣ древняго бука. Хлоя была на пастбищѣ; преслѣдуемая врагами, прибѣжала она, молящая, къ Нимфамъ и богинями заклинала воиновъ пощадить ее и овецъ. Но напрасно. Метимнійцы, всячески насмѣявшись надъ изваяніями богинь, увели оба стада и погнали передъ собою пастушку ударами хворостины, какъ беззащитную козу или овцу.

XXI.

Корабли были переполнены разнообразною добычей. Метимнійцы сочли за лучшее не продолжать военных дѣйствій и пустились въ обратный путь, боясь враговъ и зимы. Выѣхали въ море; но двигались медленно, не на парусахъ, а на веслахъ, потому что не было вѣтра. Когда все успокоилось, Дафнисъ вышелъ изъ лѣсу на равнину, гдѣ обыкновенно пасли они стада свои. Но не нашель ни козъ, ни овецъ, ни Хлои. Всюду—запустѣніе; разбросанные по землѣ, валялись обломки флейты, на которой играла Хлоя. Онъ громко закричалъ и съ жалобными воплями сталъ подбѣгать то къ буку, подъ тѣнью котораго они сиживали, то къ берегу моря, надѣясь еще увидѣть Хлою, то къ изваяніямъ Нимфъ, у подножія которыхъ напрасно искала она убѣжища отъ враговъ. Здѣсь катался онъ по землѣ и обвинялъ Нимфъ въ предательствѣ.

XXII.

— Хлою оторвали отъ вашихъ алтарей; вы это видѣли—и потерпѣли! Хлою, которая плела для васъ вѣнки, приносила вамъ начатки молока, Хлою, чья флейта висить еще здѣсь, какъ жертвенный даръ! Волкъ не унесъ козы—а враги сразу похитили оба стада и пастушку, подругу мою! Они рѣжутъ козъ, убиваютъ овецъ! Ты будешь жить отнынѣ въ городѣ, Хлоя! Какъ покажусь я теперь на глаза отцу и матери, безъ стада; безъ Хлои, чтобы сдѣлаться простымъ поденщикомъ, потому что мнѣ больше некого пасти? Лягу здѣсь и подожду смерти или новыхъ враговъ. О, Хлоя, чувствуешь ли ты такое же горе, какъ я? Помнишь ли ты эти долины, Нимфъ и меня? Или утѣшаютъ тебя въ несчастіи овцы и козы, раздѣлившія съ тобою плѣнь?

XXIII.

Пока онъ жаловался такъ, глубокій сонъ объялъ его среди плача и стонъ, и явились ему Нимфы, три жены, высокія и прекрасныя, наполовину обнаженныя, съ босыми

ногами, съ развѣвающимися кудрями, подобныя изваяніямъ! Сперва онѣ какъ будто безмолвно жалѣли Дафниса, потомъ старшая сказала ему, утѣшая:

— Не упрекай насъ, Дафнисъ. Мы болѣе заботимся о Хлоѣ, чѣмъ ты. Это мы сжалились надъ нею, когда она была маленькой дѣвочкой, приняли и вскормили ее въ этой пещерѣ. Она рождена не среди полей и овецъ, такъ же, какъ ты рожденъ не среди козь Ламона. Впрочемъ, мы уже устроили все къ ея благу. Не привезуть ее въ Метимны рабыней, не будетъ она военной добычей. Мы умолили бога Пана, чей ликъ ты видѣлъ подъ сосною, и которому, однако, вы ни разу не принесли въ даръ гирлянды цвѣтовъ, — мы умолили Пана притти на помощь Хлоѣ. Ибо лучше насъ умѣетъ онъ сражаться и нерѣдко случалось ему покидать затишье полей для брани. Панъ выступилъ въ путь, Панъ идетъ — грозный воитель, противъ метимнійцевъ. Не горюй же и встань. Покажись Ламону и Мирталѣ, которые, подобно тебѣ, лежатъ и плачутъ, думая, что и тебя взяли въ плѣнь. Завтра Хлоя вернется съ козами и овцами. И снова будете вы вмѣстѣ водить ихъ на пастбище, снова играть на свирѣли. Остальное богъ Любви довершитъ.

XXIV.

Увидѣвъ и услышавъ это, Дафнисъ внезапно пробудился. Плача отъ скорби и радости, обнявъ подножіе Нимфъ, далъ обѣтъ, если Хлоя спасется, принести въ жертву лучшую въ стадѣ козу. Потомъ побѣжалъ къ соснѣ, подъ которой виднѣлась статуя Пана, козлоногого, рогатаго, въ одной рукѣ державшаго флейту, другой останавливавшаго козла, который скачетъ. Дафнисъ помолился за Хлою и обѣщаль заколотъ ему козла. Солнце склонялось, когда юноша кончилъ молиться и плакать. Взявъ нарѣзанныя вѣтви, вернулся онъ домой, гдѣ возвращеніе его утѣшило Ламона и Мирталу. Поѣвъ немного, легъ онъ спать, но и во снѣ плакалъ. Умолялъ Нимфъ явиться, тосковалъ въ ожиданіи

дня, который, какъ онѣ обѣщали, долженъ былъ возвратить ему Хлою. Ночь никогда не казалась ему такою длинною. А въ это время вотъ что происходило на корабляхъ.

XXV.

Военачальникъ метимнйцевъ, проплывъ десять стадій, рѣшилъ дать отдыхъ воинамъ, утомленнымъ вылазкой. Замѣтивъ мысь, выдававшійся въ море и образовавшій двумя концами полукругъ, подобіе новаго мѣсяца, гдѣ воды были спокойнѣе, чѣмъ въ гавани, велѣлъ онъ спустить якорь, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, опасаясь, чтобы приморскіе жители не произвели нападенія на корабли; потомъ предоставилъ метимнйцамъ отдыхать и забавляться на свободѣ. Такъ какъ все у нихъ было въ изобиліи, благодаря добычи, — начали они пить, веселиться и праздновать побѣду. Но къ тому времени, когда наступили сумерки и ночь положила конецъ празднику, — земля сдѣлалась какъ бы огненной, по водѣ издалека слышался шумъ веселья, какъ будто приближался многочисленный флотъ. Они стали звать военачальника, трубили сборъ, перекликались, одни считая себя ранеными, другіе падая, подобно убитымъ. И все являло видъ морского сраженія. А сраженія не было, и не было враговъ.

XXVI.

Послѣ ночи, проведенной въ такомъ безпокойствѣ, наступилъ день, еще болѣе страшный, чѣмъ ночь. На рогахъ у козловъ и козъ Дафниса появились гирлянды плюща съ гроздьями ягодъ. Овцы и бараны Хлои завывали, какъ волки. Голову самой пастушкѣ увѣнчала сосновая зелень. И на морѣ творились чудеса не меньшія: хотѣли поднять якорь — не могли; когда погружали въ воду весла, чтобы грести — они ломались; дельфины, выскакивая изъ волнъ и ударяя хвостами о корабли, расшатывали скрѣпы. На вершинѣ обрывистаго утеса, которымъ увѣнчанъ былъ мысь, слы-

шалась флейта Пана: звуки были не сладкіе и нѣжные, подобные звукамъ свирѣли, а наводили ужась, подобно грому воинской трубы. Флотъ объять былъ смятеніемъ, матросы хватались за оружіе и спрашивали, гдѣ врагъ. Ожидали съ нетерпѣніемъ ночи, надѣясь отдохнуть. Тѣ, у кого умъ еще былъ не совсѣмъ помраченъ, поняли, что эти чудеса происходятъ отъ бога Пана, гнѣвнаго и мстящаго. Но никто не могъ догадаться о причинѣ этого гнѣва, потому что среди добычи, награбленной ими, не было ничего посвященнаго Пану. Наконецъ, около полудня, когда военачальникъ уснулъ тоже необычнымъ, а чудеснымъ сномъ, самъ Панъ явился ему и сказалъ:

XXVII.

— О, святотатцы! нечестивѣйшіе изъ людей! кто побудилъ ваши безумныя сердца къ столь великому буйству? Вы опустошили поля, любезныя намъ: похитили стада быковъ, овецъ и козъ, посвященныя нашимъ заботамъ; отторгли отъ жертвенника отроковицу, которую богъ Любви избралъ, дабы на ней явить примѣръ своихъ мпlostей. Не уважили вы Нимфъ, ни меня, меня—бога Пана! Но съ такою добычей не видать вамъ города Митимны, не избѣгнуть свирѣли моей, которая наводитъ трепеть на ваши сердца. Я потоплю васъ, отдамъ на съѣденіе рыбамъ, если вы тотчасъ же не возвратите Нимфамъ и Хлоп и стада ея, овецъ и козъ. Встаньте же, высадите на берегъ молодую дѣвушку со всѣмъ, что ей принадлежитъ. Тогда я буду сопутствовать вашему плаванію, буду сопутствовать Хлоѣ благовѣющими вѣтрами.

XXVIII.

Пораженный сновидѣніемъ, Бріаксисъ (такъ звали стратега) внезапно пробудился, созвалъ корабельныхъ начальниковъ и приказалъ искать Хлою среди плѣнниковъ. Они скоро нашли ее и привели къ нему, ибо она сидѣла, увѣнчан-

ная сосновою зеленью. Догадываясь по этому знаку, что сновидѣніе относится къ ней, онъ взялъ ее на собственный корабль и высадилъ на берегъ. Только что коснулась она земли, какъ снова съ вершины скалы послышались звуки флейты; но теперь уже не было въ нихъ ничего враждебнаго; флейта играла сельскую пѣсню, подобную тѣмъ, съ которыми пастухи водятъ стада на пастбище. Тотчасъ же овцы бросились на берегъ съ корабля по лѣстницѣ, не спотыкаясь, въ стройномъ порядкѣ, козы—съ еще большею легкостью, потому что онѣ привыкли лазить по горамъ

XXIX.

Потомъ стадо окружило Хлою, образовало подобіе хора, прыгая, блея, какъ бы изъявляя радость. А въ это же время стада другихъ пастуховъ: козы, овцы, коровы, оставались спокойно на днѣ корабля, какъ бы чуждыя призыву флейты. Пока всѣ, удивляясь, прославляли Пана, чудеса, еще болѣе дивныя, появились на морѣ и сушѣ: корабли метимнійцевъ сдвинулись и поплыли прежде, чѣмъ якори были подняты; дельфинъ, прыгавшій по волнамъ, предшествовалъ кораблю военачальника. А передъ стадами слышалась тихая музыка Пановой флейты; овцы и козы шли и паслись, очарованныя звуками.

XXX.

Быль часъ, когда вторично послѣ полудня выгоняютъ стада на пастбище, Дафнисъ, съ высокаго мѣста, откуда открывался видъ на далекія поля, замѣтивъ стадо и Хлою, воскликнулъ громкимъ голосомъ: «О Нимфы! О Панъ!», сбѣжалъ внизъ на равнину, бросился въ объятія Хлои и упалъ, теряя сознание. Когда, послѣ многихъ усилій, поцѣлуями и ласками она привела его въ чувство, оба пошли къ старому буку, на обычное мѣсто, и, усѣвшись подъ тѣнью, онъ спросилъ ее, какъ удалось ей бѣжать отъ враговъ. Она рассказала ему подробно: гирлянды плюща вокругъ козлиныхъ роговъ, волчій вой овецъ, сосновый вѣнецъ на ея головѣ, огонь на

землѣ, шумъ на морѣ, флейту Пана, по очереди пѣвшую, то брань, то миръ; ужасы ночи, невѣдѣніе дороги, пѣснь, которая указывала путь. Дафнисъ, видя въ этомъ помощь Пана и совершеніе того, что предсказали Нимфы въ сновидѣніи, рассказалъ ей, въ свою очередь, все, что видѣлъ и слышалъ, и какъ, умирающаго отъ скорби, возвратили его Нимфы къ жизни. Потомъ послалъ ее за Дріасомъ, Ламономъ и всѣмъ необходимымъ для жертвоприношенія. Самъ же въ это время выбралъ лучшую въ стадѣ козу, обвилъ ей рога плющомъ, наподобіе того, какъ все стадо явилось непріятелю, пролилъ молока между рогами, закололъ козу въ жертву Нимфамъ, повѣсилъ, содралъ кожу, посвятилъ ее богинямъ и прикрѣпилъ къ скалѣ.

XXXI.

Когда пришла Хлоя съ домашними, Дафнисъ зажегъ огонь, сварилъ одну часть мяса, другую изжарилъ, предложилъ первые куски Нимфамъ и вышилъ въ честь ихъ кубокъ сладкаго вина; потомъ сдѣлалъ застольныя ложа изъ мягкихъ листьевъ. И всѣ возлегли, чтобы ѣсть, пить и веселиться. Въ то же время онъ слѣдилъ за стадами, боясь чтобы волкъ не надѣлалъ бѣды. Пропѣли пѣанъ во славу Нимфъ, сочиненный пастухами былыхъ временъ. Когда наступила ночь, легли спать подъ открытымъ небомъ. На слѣдующій день не забыли Пана. Увѣнчавъ сосною зеленью красивѣйшаго въ стадѣ козла, отвели его къ соснѣ, посвященной Пану. Здѣсь совершили возліянiя, помолились Богу, закололи жертву, повѣсили и содрали кожу. Сваривъ и изжаривъ мясо, положили куски поблизости на листовное ложе, по срединѣ луга. Кожа, сельская жертва пастушьему богу, была подвѣшена за рога, на вѣтвь сосны у изваянiя. Сдѣлавъ это, предложили Пану первые куски мяса, пролили большой кубокъ вина; Хлоя пропѣла гимнъ, Дафнисъ сыгралъ на флейтѣ.

XXXII.

Возлегли и начали пиръ, когда случайно подошелъ волопасъ Филетасъ. Онъ принесъ богу Пану гирлянды цвѣтовъ

и гроздь, еще висѣвшія на широколиственной лозѣ. За нимъ слѣдовалъ младшій изъ его сыновей, Титирь, мальчикъ свѣтлокудрый и румяный, бѣлый и рѣзвый. Онъ шелъ, весело прыгая, какъ молодой козленокъ. Тотчасъ же встали, увѣнчали статую Пана, привѣсили жертвы къ дремучимъ вѣтвямъ сосны; потомъ усадили гостей, приглашая раздѣлить трапезу. Когда старики разгорячились отъ вина, явилось немало предметовъ для бесѣды и разсказовъ: говорили о томъ, какъ пасли стада во дни юности, какъ много разъ спасались отъ морскихъ разбойниковъ. Одинъ хвасталъ, что убилъ волка, другой, — что развѣ Панъ играетъ на флейтѣ лучше, чѣмъ онъ. Этимъ искусствомъ гордился Филетасъ.

XXXIII.

Дафнисъ и Хлоя стали ублажать и упрашивать волопаса, чтобы явилъ онъ образчикъ искусства, сыгралъ на флейтѣ— въ честь того бога, которому флейта мила. Онъ согласился и, хотя жалуясь, что старость уменьшила силу его дыханія, взялъ флейту у Дафниса. Но, пригодная отроку, оказалась она малою для столь великаго искусника. Филетасъ послалъ Титира за собственной флейтой въ своей домикъ, отстоявшій на десять стадій. Мальчикъ сбросилъ верхнюю одежду и побѣжалъ, легконогій, какъ дѣтенышъ лани. Въ это время Ламонъ предложилъ разсказать исторію Пановой флейты, слышанную имъ отъ сицилійскаго козьяго пастуха, который взялъ, какъ плату за разсказъ, флейту и козла.

XXXIV.

«Нѣкогда свирѣль, называемая Сирингой, была не свирѣлью, а молодою дѣвушкой съ благозвучнымъ голосомъ. Она пасла козъ, играла съ Нимфами, пѣла такъ же сладко, какъ теперь. И между тѣмъ, какъ она пасла козъ, играла и пѣла, Панъ подошелъ и хотѣлъ овладѣть ею, обѣщая, что всѣ козы понесутъ двойни. Она же посмѣялась надъ его любовью и отвѣтила, что не хочетъ любви ни козлиной, ни человѣ-

ческой. Панъ устремился къ ней, чтобы овладѣть ею насильно. Она убѣгаетъ отъ его насильственныхъ объятій. Запыхавшись отъ бѣга, прячется въ тростникъ. Панъ, въ ярости, срѣзаетъ стебли тростника, но, не найдя въ нихъ дѣвушки, догадывается о томъ, что случилось, выдумываетъ флейту и соединяетъ воскомъ тростники неравные, образъ неравной любви. И вотъ какъ прекрасная дѣвушка превратилась въ благозвучную Сирингу».

XXXV.

Ламонъ окончилъ рассказъ, и Филетасъ похвалилъ его, увѣряя, что басня эта лучше всякой пѣсни,—когда Титиръ вернулся съ отцовской флейтой. Она была велика, составлена изъ толстыхъ тростниковъ, съ работою желтой мѣди, украшавшею воскъ. Казалось, что это та самая первая флейта, которую придумалъ и сдѣлалъ Панъ. Филетасъ поднялся, сѣлъ на листовное ложе, сначала испробовалъ поочередно каждый изъ девяти стволовъ, чтобы знать, вѣренъ ли звукъ; потомъ, убѣдившись, что дыханіе проходитъ беспрепятственно, началъ дуть, съ юношескою силою и увлеченіемъ. Чудилось созвучіе нѣсколькихъ соединенныхъ свирѣлей—столь разнообразныя звуки извлекалъ онъ изъ отверстій флейты. Затѣмъ, мало-по-малу понижая строй и переходя къ напѣвамъ болѣе тихимъ и сладостнымъ, обнаружилъ передъ ними всѣ тонкости глубокаго искусства. Сыгралъ пѣсни для стада быковъ, другія—для козъ, третьи—любезныя овцамъ; нѣжныя—для овецъ, гордыя и сильныя—для быковъ, острыя и ясныя—для козъ; словомъ, всѣ флейты соединились въ одной.

XXXVI.

Между тѣмъ, какъ слушатели лежали, не двигаясь, очарованные музыкой, Дріасъ всталъ, попросилъ волопаса сыграть вакхическую пѣснь, началъ плясать пляску виноградарей. Можно было видѣть, какъ онъ поочередно то срываетъ виноградъ съ лозы, то несетъ его въ корзинѣ,

то выдавливаютъ гроздь, то наполняютъ бочки и пьютъ сладкое вино,—столь совершеннымъ было искусство, и такъ естественно изображала пляска лозы, точило, бочки и пьющаго Дріаса.

XXXVII.

Третій старикъ, исполнивъ пляску ко всеобщему удовольствію, обнялъ Хлою и Дафниса. Тотчасъ оба встали и начали изображать басню Ламона. Дафнисъ былъ Паномъ, Хлоя—Серингою. Онъ молилъ ее страстно, она отвергала любовь его съ улыбкою; онъ преслѣдовалъ и бѣгалъ за нею на кончикахъ ногъ, подражая козлоному Пану, она убѣгала. Наконецъ спряталась въ лѣсъ, замѣнившій болото. Дафнисъ взялъ большую флейту волопаса, извлекъ изъ нея жалобные звуки, подобные вздохамъ влюбленнаго, потомъ страстную пѣснь, какъ будто для того, чтобы тронуть сердце гордой, наконецъ призывный крикъ, какъ будто онъ искалъ ее. Восхищенный Филетасъ всталъ, обнялъ его и, поцѣловавъ, подарилъ ему флейту, прося боговъ, чтобы Дафнисъ передалъ ее такому же достойному наслѣднику, какъ онъ. Дафнисъ посвятилъ богу Пану свою прежнюю маленькую флейту, заключилъ въ объятіяхъ Хлою, какъ будто она, въ самомъ дѣлѣ, возвратилась послѣ бѣгства и отвелъ стадо въ овчарню, играя на свирѣли.

XXXVIII.

Такъ какъ наступала ночь, то Хлоя вернулась домой съ овцами, подъ звуки той же свирѣли. Овцы шли рядомъ съ козами, Хлоя—рядомъ съ Дафнисомъ, и онъ могъ цѣловать ее на свободѣ. Они обѣщали другъ другу утромъ вывести стада на пастбище ранѣе обыкновеннаго часа, что не преминули исполнить. Едва забрезжилъ день, какъ они уже были въ полѣ. Привѣтствовали сначала Нимфъ, потомъ Пана, сѣли подъ дубомъ и начали играть на флейтѣ. Затѣмъ стали цѣловать другъ друга, обниматься, легли на землю, но больше ничего не сдѣлали. Когда встали, то рѣшили поѣсть и выпить изъ общаго кубка вина, смѣшаннаго съ молокомъ.

Разгорячившись отъ вина и сдѣлавшись смѣлѣе, начали они спорить, кто сильнѣе любить, и захотѣлось имъ поклясться во взаимной вѣрности. Дафнисъ подошелъ къ соснѣ, призвалъ Пана въ свидѣтели, что онъ не можетъ прожить безъ Хлои ни единого дня. Хлоя въ пещерѣ Нимфъ поклялась богинямъ жить и умереть съ Дафнисомъ. Такова была невинность Хлои, такова простота ея сердца, что, выйдя изъ пещеры, она пожелала, чтобы Дафнисъ еще разъ поклялся.

— Дафнисъ, — молвила Хлоя, — Панъ - богъ измѣнчивый, непостоянный; онъ любилъ Питисъ, любилъ Сирингу, то и дѣло гоняется за Нимфами лѣсными, не даетъ покоя и Нимфамъ полей, покровительницамъ стада. Я боюсь, что, если ты забудешь клятву, онъ и не подумаетъ наказать тебя, хотя бы даже у тебя было не меньше любовницъ, чѣмъ стволонъ у свирѣли. Дай мнѣ настоящую клятву пастуха, поклянись козою, вскормившею тебя, что ты не покинешь Хлои, пока она будетъ вѣрной, — если же нарушить клятву, данную тебѣ и Нимфамъ, бѣги отъ нея, возненавидь ее, убей, какъ волка!

Дафнису понравилось это сомнѣнiе: стоя среди стада, одну руку онъ положилъ на козла, другую на козу и поклялся любить Хлою, пока будетъ ею любимъ; если же когда-нибудь она измѣнитъ, — убить себя, а не ее. И Хлоя, радостная, болѣе не сомнѣвалась — какъ простодушное дитя, какъ пастушка, считающая овецъ и козъ богами пастуховъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Когда митиленійцы узнали о нападеніи враговъ, когда изъ сель дошли къ нимъ вѣсти объ опустошеніяхъ, то они порѣшили не оставлять безнаказанной дерзость метимнійцевъ и вооружиться немедленно. Набрали три тысячи гоплитовъ, пятьсотъ всадниковъ и послали ихъ сушею подъ предводительствомъ Гиппаса, такъ какъ море казалось небезопаснымъ въ виду наступавшей зимы.

II.

Гиппасъ, выступивъ въ походъ воздержался отъ опустошенія метимнійскихъ земель; не похищалъ ни стадь, ни другой добычи у землевладѣльцевъ и пастуховъ, полагая грабежъ болѣе достойнымъ разбойника, чѣмъ военачальника. Поспѣшно направился онъ къ самому городу, надѣясь, что найдетъ ворота безъ стражи и захватитъ городъ врасплохъ. Его отдѣляло отъ Метимны не болѣе, чѣмъ сто стадій, когда явился глашатай, посланный просить перемирія. Метимнійцы, услышавъ отъ плѣнниковъ, что граждане митилень ничего не знали о случившемся, и что все вышло изъ-за ничтожной драки молодыхъ людей съ поселянами и пастухами, пожалѣли о томъ, что не остереглись и безъ достаточнаго повода допустили враждебныя дѣйствія противъ сосѣдняго города. Теперь желали они одного — возвра-

тить добычу, возстановить прежній союз между обоими городами на морѣ и сушѣ. Гиппасъ послалъ глашатая метимнѣйцамъ, хотя имѣлъ, какъ военачальникъ, неограниченную власть. Въ то же время приблизился онъ къ Метимнѣ на разстояніе десяти стадій и расположился лагеремъ, ожидая извѣстій. Черезъ два дня посланный вернулся съ приказаніемъ принять добычу и возвратиться въ городъ, не начиная враждебныхъ дѣйствій. Такъ какъ мителенѣйцамъ предстоялъ выборъ между войною и миромъ, то они сочли болѣе выгоднымъ миръ.

III.

Война Митилень и Метимны кончилась столь же неожиданно, какъ началась. Наступила зима, для Дафниса и Хлои болѣе страшная, чѣмъ война. По дорогамъ нанесло такіе сугробы, что нельзя было выйти изъ дому, и каждый сидѣлъ взаперти. Съ горъ низвергались бурные потоки, вода замерзала, деревья покрылись инеемъ. Земля пряталась подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ, и только на берегу незамерзающихъ ключей оставалась обнаженной. Стада не ходили на пастбище, пастухъ не смѣлъ переступить порога. Утромъ, съ пѣніемъ пѣтуховъ, всѣ сходились вокругъ большого огня; одни занимались пряжею, другіе ткали козью шерсть и устраивали птичьи силки. Оставалась одна забота: подложить быкамъ соломы въ ясли, козамъ и овцамъ—листвы въ овчарню, свиньямъ—буковыхъ орѣховъ и жолудей въ корыто.

IV.

Невольный плѣнъ былъ пріятенъ прочимъ пастухамъ и земледѣльцамъ. Они отдыхали отъ работъ, хорошо ѣли, много спали. Ни лѣто, ни осень, ни даже весна не казались имъ такой отрадной, какъ зима. Но Дафнисъ и Хлоя не могли позабыть о наслажденіяхъ, которыхъ лишились—о поцѣлуньяхъ, объятіяхъ, общихъ обѣдахъ. Проводили ночи, томясь безсонницей, ждали новой весны, которая должна была вернуть ихъ къ жизни. Сердца ихъ сжимались отъ скорби, когда

руки прикасались къ мѣшку, откуда они вынимали припасы, когда взоры падали на кубокъ, изъ котораго они пили вмѣстѣ, и на грустно-покинутую флейту—даръ любви. Они умоляли Нимфѣ и Пана положить предѣлъ ихъ мученіямъ, возвратить солнце имъ и стадамъ. Вознося эти молитвы, оба изыскивали предлоги для свиданій, Хлоѣ было труднѣе выйти изъ дома, потому что та, которая считалась ея матерью, не оставляла ея ни на мгновеніе: учила чесать шерсть, вращать веретено, говорила ей о свадьбѣ. Дафнисъ былъ свободнѣе. Менѣе занятый, чѣмъ дѣвушка, придумалъ онъ хитрость, чтобы увидѣть Хлою.

V.

Передъ Дріасовымъ дворомъ, нѣмного пониже стѣны, росли два большихъ мирта и плющъ. Мирты почти касались другъ друга. Плющъ выросъ между ними и, въ обѣ стороны распростирая, подобно лозѣ, тонкіе побѣги, образовывалъ сплетенными вѣтвями тѣнистый сводъ. Кисти ягодъ большихъ, какъ виноградъ, висѣли на вѣтвяхъ; стаи птицъ прилетали сюда, не находя зимой другой пищи. Здѣсь бывало множество черныхъ и сѣрыхъ дроздовъ, голубей, скворцовъ и всякихъ иныхъ птицъ, лакомыхъ до ягодъ плюща. Дафнисъ, чтобы имѣть предлогъ для свиданій, придумалъ охотиться. Отправился съ мѣшкомъ, полнымъ медовыхъ лепешекъ, не забывъ ни птичьяго клея, ни силковъ, чтобы не могли усомниться въ его намѣреніяхъ. Хотя надо было пройти не больше десяти стадій, снѣгъ, еще рыхлый, не успѣвшій затвердѣть, затруднялъ путь. Но ничто не останавливаетъ любящихъ—ни вода, ни огонь, ни скиескіе снѣга.

VI.

Ни разу не отдыхая, дошелъ онъ до Дріасова двора. Очистивъ ноги отъ снѣга, разставилъ силки, намазалъ клеемъ длинныя, тонкія вѣтви; потомъ сѣлъ, ожидая съ волненіемъ птицъ и особенно Хлою. Птицы прилетѣли во множествѣ. Онъ поймалъ ихъ столько, что ему стоило большого

труда собрать ихъ, убить и ощипать. Но никто не выходилъ изъ дому—ни мужчина, ни женщина, ни пѣтухъ, ни курица. Всѣ сидѣли въ теплѣ, поближе къ уютному огню. Дафнисъ не зналъ, что придумать, и проклиналъ враждебный рокъ. Долго стоялъ онъ передъ дверью, не находя удобнаго предлога, чтобы войти:

— Я прихожу за огнемъ.—Но развѣ не было ближайшихъ сосѣдей?—Я хотѣлъ попросить хлѣба.—Но мѣшокъ твой полонъ припасами.—У насъ не хватило вина.—Но съ винограднаго сбора едва прошло нѣсколько дней.—Я бѣжалъ отъ волка.—Гдѣ же слѣды волка?—Я пришелъ охотиться на птицъ.—Зачѣмъ же не идешь домой, окончивъ охоту? Я хочу видѣть Хлою.—Но развѣ я смѣю въ этомъ признаться отцу и матери дѣвушки?—Не постучаться ли безъ всякаго предлога?—Нѣтъ, это ужъ слишкомъ подозрительно. Самое лучшее—уйти, ничего не сказавъ. Весной увижу Хлою, потому что, чувствую, рокъ не судилъ мнѣ видѣть ея эту зиму.

Разсуждая такъ, онъ уже собралъ птицъ и хотѣлъ удалиться, когда богъ Любви сжалился надъ нимъ. Вотъ что случилось.

VII.

Дріасъ съ домашними возлежалъ за столомъ. Куски мяса были уже распределены, хлѣбъ поданъ, вино смѣшано въ кубкахъ, какъ вдругъ одна изъ овчарокъ, воспользовавшись минутой разсѣянности, схватила кусокъ, выскочила въ дверь и убѣжала. Дріасъ, взбѣшенный, потому что собака унесла его собственную долю, взялъ палку и пустился въ погоню. Преслѣдуя овчарку, пробѣжалъ онъ мимо плюща, замѣтилъ Дафниса съ охотничьей ношей на плечахъ, собравшагося уходить, остановился, сразу забылъ все, и собаку и мясо, крикнувъ ему громкимъ голосомъ: «здравствуй, сынокъ!»—крѣпко обнялъ, поцѣловалъ и повелъ за руку въ домъ. Когда Дафнисъ и Хлоя увидѣли другъ друга, они едва не упали отъ волненія. Но, сдѣлавъ усилие, чтобы удержаться на ногахъ привѣтствовали другъ друга и обнялись: въ этихъ объятіяхъ нашли они какъ бы взаимную опору.

VIII.

Дафнисъ, осчастливленный тѣмъ, на что не смѣлъ надѣяться—и свиданіемъ и поцѣлуемъ, сложилъ на столъ свою ношу. Разказалъ, какъ, соскучившись взаперти, пошелъ охотиться на дроздовъ, какъ наловилъ ихъ, однихъ силками, другихъ клеємъ, пользуясь ихъ жадностью къ ягодамъ миртъ и плюща. Его похвалили за умную забаву и пригласили возлечь и взять одинъ изъ кусковъ мяса, оставленнаго собакою. Хлою попросили разлить вино, что она исполнила съ радостью. Дѣвушка услужила сперва всѣмъ прочимъ, Дафнису же—послѣднему. Она притворилась, что сердита на него за то, что онъ хотѣлъ вернуться домой, не повидавшись съ нею. Но прежде чѣмъ подать ему чашу, омочила въ винѣ свои губы. И Дафнисъ, хотя чувствовалъ сильную жажду, пилъ медленными глотками, чтобы продлить наслажденіе.

IX.

Скоро мясо и хлѣбъ исчезли со стола. Тогда, не вставая, возлежавшіе начали его спрашивать о Мирталѣ и Ламонѣ, называли ихъ счастливыми, потому что они имѣли въ немъ, такую опору старости. Эти похвалы были для него тѣмъ пріятнѣе, что Хлоя слышала ихъ. Когда же хозяева удержали его до слѣдующаго дня, сказавъ, что готовятъ жертвоприношеніе богу Вакху, Дафнисъ въ восторгѣ едва не почтилъ ихъ самихъ, какъ боговъ. Тотчасъ вынулъ изъ сумки много лепешекъ, испеченныхъ на меду, и пойманныхъ птицъ. Приготовили ужинъ. Чаши снова наполнились: въ огонь подложили хвороста, онъ вспыхнулъ ярче, и только что наступила ночь, опять возлегли за столъ. Часы пролетали за часами въ разказахъ и пѣсняхъ. Потомъ пошли спать—Хлоя съ матерью, Дріасъ съ Дафнисомъ. Хлоя думала только объ одномъ—о предстоявшей утромъ радости уви-

дѣтъ Дафниса. А онъ обманываль себя призрачнымъ счастьемъ, находя отраду въ томъ, чтобы лежать рядомъ съ отцомъ Хлои; онъ сжималь его въ объятіяхъ и цѣловаль съ нѣжностью, думая во снѣ, что обнимаетъ и цѣлуетъ Хлою

Х.

Утро было холодное. На дворѣ пронзительный морозный вѣтеръ обжигаль лицо. Они встали, принесли въ жертву Вакху годовалаго козленка, развели большой огонь и начали готовить пиръ. Между тѣмъ, какъ Напэ пекла хлѣбъ, а Дріасъ жарилъ козленка, Дафнисъ и Хлоя, улучивъ свободную минуту, пошли за ворота къ плющу. Здѣсь разставили силки, расположили палочки съ клеемъ и поймали множество птицъ. Въ то же время не прекращались ни поцѣлуи, ни ласковыя рѣчи.

— Я вѣдь для тебя пришелъ, Хлоя.

— Знаю, Дафнисъ.

— Для тебя убиваю бѣдныхъ дроздовъ.

— Чего же ты хочешь отъ меня, милый Дафнисъ?

— Не забывай меня!

— Я уже поклялась, что не забуду тебя, призвавъ въ свидѣтельницы Нимфъ той пещеры, куда мы вернемся, только что снѣгъ растаетъ.

— Когда-то онъ еще растаетъ! Видишь, какіе сугробы. Боюсь, что я погибну раньше, чѣмъ снѣгъ.

— Мужайся, Дафнисъ. Солнце уже грѣетъ.

— О, если бы Хлоя, солнце было такъ же горячо, какъ тотъ огонь, который пожираетъ мнѣ сердце!

— Ты смѣешься, ты хочешь обмануть меня.

— О, не говори такъ, заклинаю тебя козами, которыми ты заставила меня клясться!

ХІ.

Хлоя отвѣчала Дафнису, какъ эхо, когда напэ ихъ позвала. Охотники прибѣжали съ добычей, еще болѣе обильной, чѣмъ намедни. Послѣ возліаній Вакху, пообѣдали,

возложили вѣнки плюща на голову. Когда пришла пора, — возславивъ Вакха и пропѣвъ гимнъ Эвоэ, Напэ и Дріасъ отпустили Дафниса. Наполнивъ ему сумку хлѣбомъ и мясомъ, дали горлицъ и дроздовъ, чтобы онъ отнесъ ихъ въ подарокъ Ламону и Мирталѣ, говоря, что поймаютъ другихъ, пока стоитъ зима и плющъ покрытъ кистями ягодъ. Дафнисъ, продавая, поцѣловаль по очереди всѣхъ, но Хлою — послѣднюю, чтобы поцѣлуй остался на его губахъ несмѣшаннымъ и чистымъ. Съ той поры находилъ онъ разные предлоги для посѣщеній, такъ что зима прошла для нихъ не совсѣмъ безъ любви.

ХІІ.

Въ началѣ весны, когда только что показалась земля сквозь тающій снѣгъ, и трава зазеленѣла, пастухи выгнали въ поле стада; раньше всѣхъ Дафнисъ и Хлоя, какъ служители великаго Пастыря. Сперва побѣжали они въ пещеру Нимфъ, потомъ къ Пану, наконецъ къ дубу и усѣлись на корни его, наблюдая за стадами, цѣлуясь. Затѣмъ пошли взглянуть, не найдется ли цвѣтовъ, чтобы сплести вѣнокъ богамъ. Но цвѣты едва рождались подъ вѣяніемъ зефировъ и нѣжной теплотою солнца. Все же нашлись фіалки, нарциссы, ландыши, всѣ ранніе цвѣты, растущіе первой весной. Послѣ того, какъ Дафнисъ выдоилъ козъ и овецъ, увѣнчали они гирляндами изваянія боговъ и совершили возліяніе весенняго молока. Потомъ сѣли поиграть на свирѣли, какъ будто затѣмъ, чтобы пробудить соловьевъ. А тѣ уже робко щебетали въ кустахъ и снова начинали прославлять богиню Итисъ, какъ будто, послѣ долгаго молчанія, припоминали забытыя пѣсни.

ХІІІ.

Овцы блеяли, ягнята прыгали и, склоняясь подъ брюхомъ матокъ, сосали имъ вымя. Бараны преслѣдовали овецъ, у которыхъ еще не было ягнятъ, подымались и покрывали, одинъ одну, другой другую, каждый въ свою очередь. Козлы,

еще болѣе пламенные, бѣгали за козами, скакали вокругъ нихъ сладострастно и ревновали. У каждаго козла были свои жены, и онъ ревниво оберегалъ ихъ отъ соперниковъ. Такое зрѣлище и въ старпкахъ воскресило бы вождельніе любви,— тѣмъ болѣе въ Дафнисѣ и Хлоѣ, юныхъ, томимыхъ желаніями, давно уже искавшихъ любви. Все, что они видѣли и слышали, воспламеняло ихъ. Они настаивали, искали большаго, чѣмъ поцѣлуй и объятія. Въ особенности Дафнисъ, который выросъ и возмужалъ во время зимняго отдыха,—цѣловаль ее съ пылкостью, обнималъ жадно, сдѣлавшись болѣе смѣлымъ и предприимчивымъ.

XIV.

Онъ молилъ Хлою позволить ему все, чего онъ хочетъ,— полежать съ нимъ рядомъ голою дольше, чѣмъ они до сей поры лежали.

— Вѣдь это—единственное изъ наставленій Филетаса,— убѣждалъ онъ ее,—котораго мы не исполнили, единственное лѣкарство отъ любви!

Когда она его спрашивала, что можетъ быть большаго, чѣмъ цѣловаться, обнимать другъ друга и лежать вмѣстѣ и что хочетъ онъ дѣлать, когда будетъ лежать голый рядомъ съ нею, Дафнисъ отвѣчалъ:

— То самое, что дѣлаютъ бараны съ овцами, и съ козами козлы. Ты видишь, какъ потомъ онѣ затихаютъ, не бѣгаютъ отъ своихъ любовниковъ, а тѣ уже ихъ не преслѣдуютъ. Они мирно пасутся, какъ будто наслаждаясь общею нѣгою. Должно-быть, находятъ они въ этомъ такую сладость, которая побѣждаетъ всю горечь любви,

— Но развѣ ты не видишь, Дафнисъ, какъ дѣлаютъ бараны съ овцами, козлы съ козами?.. А ты хочешь, чтобы мы лежали вмѣстѣ, и притомъ еще голыми: посмотри же, насколько ихъ шерсть гуще и толще ткани нашихъ одеждъ...

Дафнисъ повѣрилъ, легъ рядомъ съ нею и долго сжималъ ее въ объятіяхъ. Но онъ не умѣлъ сдѣлать того, чего такъ томительно хотѣлъ. Тогда юноша сѣлъ на землю и заплакалъ горюя, что въ любви онъ неискуснѣе козловъ.

XV.

По сосѣдству жилъ земледѣлецъ, человѣкъ уже не первой молодости, именемъ Хромисъ, обрабатывавшій наслѣдственную землю. У него жила молоденькая горожанка, бойкая, хорошенькая, болѣе нѣжная и стройная, чѣмъ сельскія женщины. Звали ее Ликеніонъ. Каждое утро видѣла она, какъ Дафнисъ проходилъ мимо ея оконъ, выгоняя козъ на пастбище, каждый вечеръ тою же дорогой возвращался онъ съ поля. И хотѣлось ей сдѣлать пастуха своимъ любовникомъ, обольстивъ подарками. Однажды, Ликеніонъ подстерегла его и, оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, предложила флейту, медовыхъ сотъ, охотничью сумку изъ оленьей кожи. Но сказать ничего не посмѣла, подозревая, что онъ любитъ Хлою, потому что замѣтила, что Дафнисъ занятъ пастушкою, хотя и догадывалась объ этой любви только по ихъ взорамъ, выраженію лицъ и взаимнымъ улыбкамъ. Въ тотъ самый день, сказавъ Хромису, что намѣрена посѣтить сосѣдку-родильницу, съ утра она пошла по ихъ слѣдамъ, спряталась въ засаду такъ, чтобы ее не могли увидѣть, и подслушала все, что они говорили, подсмотрѣла, что они дѣлали. Увидѣла и слезы Дафниса. Сжалившись надъ бѣдными дѣтьми и, подумавъ, что боги посылаютъ ей рѣдкій случай сдѣлать вдвойнѣ хорошее дѣло—помочь имъ въ затрудненіи утолить собственныя желанія, рѣшилась она прибѣгнуть вотъ къ какой хитрости.

XVI.

На слѣдующее утро, снова отлучившись со двора, подъ предлогомъ посѣщенія родильницы, пошла она прямо къ дубу, гдѣ сидѣли Дафнисъ и Хлоя. Съ великимъ искусствомъ притворившись огорченной, Ликеніонъ стала кричать.

— Ко мнѣ, Дафнисъ! Горе, горе! Изъ двадцати гусей моихъ орелъ похитилъ самаго лучшаго. Но, такъ какъ ноша слишкомъ тяжела, онъ не могъ унести ее въ гнѣздо на вершину

скалы и опустился съ добычей въ глубинѣ того лѣса. Заклинаю тебя Нимфами и вотъ этимъ Паномъ, пойдемъ со мною въ лѣсъ, потому что одна я боюсь. Спаси мою птицу! Можетъ-быть, убьешь ты и орла, и онъ больше не будетъ похищать у васъ козлятъ и ягнятъ. Хлоя тѣмъ временемъ посмотритъ за стадомъ: вѣдь козы твои слушаются ея, какъ тебя самого, потому что вы всегда вмѣстѣ.

XVII.

Дафнисъ, ничего не подозрѣвая, всталъ, взялъ посохъ и послѣдовалъ за Ликеніонъ. Она увела его какъ можно дальше отъ Хлои и, достигнувъ темной чащи лѣса, усадила на берегу ручья.

— Дафнисъ,—молвила она,—ты любишь Хлою. Нимфы открыли мнѣ это сегодня ночью; рассказали въ сновидѣніи, какъ ты плакалъ вчера и повелѣли помочь твоему горю, наставивъ въ любовномъ искусствѣ. Знай же, есть нѣчто большее, чѣмъ поцѣлуи, объятія и то, что ты наблюдалъ у барановъ и козловъ: есть иныя ласки, соединеніе болѣе сладостное, чѣмъ все, что ты знаешь. Ибо восторгъ можно продлить. Итакъ, если только ты хочешь утѣшиться въ своемъ горѣ, найдя то самое утоленіе, котораго ищешь, приди, отдайся мнѣ, о нѣжный и радостный ученикъ: въ угоду Нимфамъ я научу тебя всему!

XVIII.

При этихъ словахъ Дафнисъ не могъ удержать своей радости; простодушный поселянинъ, невинный пастухъ, къ тому же юный и влюбленный, припалъ онъ къ ногамъ Ликеніонъ, молилъ, какъ можно скорѣе научить его искусству любви, чтобы онъ могъ, наконецъ, сдѣлать Хлою то, чего желаетъ. И какъ будто бы это было, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторое великое таинство, обѣщала ей козленка, только что отнятаго отъ матки, свѣжіе сливочные сыры и самую матку-козу. Ликеніонъ, видя въ пастухѣ простоту еще боольшую, чѣмъ

предполагала, принялась учить его такъ: велѣла сѣсть, какъ можно ближе и, не смущаясь, цѣловать ее точно такъ, какъ они дѣлали съ Хлоей, ничего не упуская—сжимать ее въ объятіяхъ и лечь рядомъ съ нею на землю. Когда юноша сѣлъ, обнялъ ее и легъ рядомъ съ нею,—видя, что онъ достаточно подготовленъ и весь горитъ желаніемъ, она приподняла его тихонько, привлекла и положила на себя. Потомъ, все уже казалось простымъ и легкимъ, и сама природа учила его тому, что онъ долженъ былъ дѣлать.

ХІХ.

Только что урокъ любви былъ конченъ, Дафнисъ еще сохраняя свое сельское простодушіе, хотѣлъ тотчасъ же бѣжать къ Хлоѣ и сдѣлать съ нею то, что узналъ, какъ будто боялся, откладывая, забыть урокъ. Но Ликеніонъ удержала его и молвила:

— Слушай, Дафнисъ, вотъ, что тебѣ еще слѣдуетъ знать: такъ какъ я уже не дѣвушка, то для меня это было легко. Другой мужчина, ранѣе тебя, научилъ меня любви, и въ награду я отдала ему мою дѣвственность. Но Хлоя, когда въ первый разъ вступить съ тобою въ этотъ поединокъ,—будетъ кричать, плакать и сопротивляться... Ты же не бойся. И убѣдивъ ее отдаться, приведи въ это самое мѣсто, чтобы никто не услышалъ, если она будетъ кричать, никто не увидѣлъ, если она будетъ плакать и сопротивляться. Помни также, что я первая, раньше Хлои, сдѣлала тебя мужчиной.

ХХ.

Ликеніонъ, довершивъ свой урокъ, пошла въ другую сторону лѣса, какъ будто продолжая поиски пропавшаго гуся. Дафнисъ же, размышляя о томъ, что она ему сказала, чувствовалъ, какъ его первая рѣшимость ослабѣваетъ, и не смѣлъ требовать у Хлои большего, чѣмъ объятія и поцѣлуи. Ему не хотѣлось, чтобы она звала на помощь, какъ будто онъ причинялъ ей вредъ, чтобы она плакала и сопротивлялась, какъ будто онъ ей врагъ. Все это пугало его, неискушеннаго

въ любви. Вотъ почему онъ вышелъ изъ лѣса съ твердою рѣшимостью наслаждаться только обычными ласками. Вернувшись туда, гдѣ она сидѣла, увидѣлъ онъ, что пастушка плететъ вѣнки изъ фіалокъ; чтобы лучше обмануть ее, юноша сказалъ, что вырвалъ гуся изъ орлиныхъ когтей,—обнялъ ее крѣпко и сталъ цѣловать точно такъ, какъ въ любовномъ поединкѣ съ Ликеніонъ, потому что зналъ, что эти ласки не опасны. Она возложила вѣнокъ на его голову, поцѣловала ему кудри, и они казались ей болѣе душистыми, чѣмъ фіалки. Потомъ вынула изъ охотничьяго мѣшка сушенныя фіги и нѣсколько маленькихъ хлѣбовъ, которые дала ему, чтобы подкрѣпить его силы. И когда онъ ѣлъ, брала въ ротъ куски изъ его рта, какъ птенецъ изъ клюва матери.

XXI.

Среди этого угощенія, когда они были заняты болѣе поцѣлуями, чѣмъ ѣдою, появилась рыбацья лодка, плывшая вдоль берега. На морѣ царила тишина, поверхность воды была зеркальной, и рыбакамъ приходилось работать веслами, что они усердно дѣлали, такъ какъ везли въ городъ только что пойманную рыбу для богатаго дома. Гребли и пѣли, по обычаю матросовъ, чтобы обмануть усталость. Хозяинъ запѣвалъ морскую пѣсню, и прочіе гребцы, мѣрно опуская и подымая весла черезъ нѣкоторые промежутки, хоромъ подхватывали. Пока ѣхали въ открытомъ морѣ, звукъ терялся въ необъятности воздуха; когда же, обогнувъ высокій утесъ, въѣхали въ глубокой заливъ, похожий на рогъ новой луны, голоса ихъ сразу сдѣлались громче, пѣсня гребцовъ явственнѣе донеслась къ берегу, потому что глубокой оврагъ въ самомъ концѣ равнины, подобный слуховому рожку, умножающему звукъ, повторялъ, какъ вѣрное эхо, долетавшіе звуки. И эхо было столь ясное, что слышались въ немъ и шумъ весель и пѣсня гребцовъ. Соединяясь и не мѣшая другъ другу, они очаровывали слухъ. Только что въ морѣ звукъ умиралъ, какъ земля рождала отзвукъ, который слѣдовалъ за нимъ и умножалъ его, не смѣшиваясь.

XXII.

Для Дафниса въ этомъ не было ничего новаго. Онъ только смотрѣлъ на море, любуясь лодкой, скользившей по влажной равнинѣ быстро, какъ птица, и стараясь запомнить пѣсню, чтобы сыграть ее на флейтѣ. Но Хлоя, слышавшая въ первый разъ отзвукъ, называемый эхо, то устремляла взоры на море, когда гребцы подхватывали хоромъ пѣснь, то оборачивалась къ лѣсу, желая увидѣть, кто отвѣчаетъ. Замѣтивъ, что молчаніе опять воцарилось въ оврагѣ, когда они проѣхали, спросила она Дафниса: нѣтъ ли другого моря за мысомъ, другой лодки, съ другими гребцами, поющими ту же пѣснь, и не сразу ли всѣ замолчали? Дафнисъ, нѣжно улыбнувшись, еще нѣжнѣе поцѣловавъ ее, возложилъ на голову Хлои вѣнокъ изъ фіалокъ и началъ рассказывать басню о нимфѣ Эхо, потребовавъ, какъ платы за рассказъ, десяти поцѣлуевъ.

XXIII.

«Есть множество различныхъ Нимфъ, о, милая Хлоя; однѣ живутъ въ садахъ, другія—въ рощахъ, третьи—въ поляхъ; всѣ онѣ прекрасны и любятъ гармонію. Отъ одной изъ этихъ Нимфъ родилась Эхо, смертная по отцу, прекрасная, какъ мать-полубогиня. Нимфы вскормили ее, Музы научили играть на свирѣли, флейтѣ, лирѣ, киеарѣ и пѣть различныя пѣсни. Достигнувъ цвѣта юности, водила она хороводы съ Нимфами, пѣла пѣсни съ Музами. Но не хотѣла принадлежать ни человѣку, ни богу, потому что возлюбила дѣвственность. Панъ завидовалъ ея пѣнію, досадовалъ на то, что не можетъ насладиться ея красотою и, возненавидѣвъ Эхо, возбудилъ въ пастухахъ безумную ярость. Какъ стая волковъ или жадныхъ собакъ, разорвали они дѣвушку на части, раскидали въ окрестностяхъ члены ея, все еще полныя музыки. И земля приняла ихъ и пріютила въ угоду Нимфамъ. Земля сохранила ея пѣсни, и, по милости, дарованной Музами, Эхо все еще говоритъ и вторитъ звукамъ, какъ нѣкогда пѣ-

вунья,—вторитъ голосу людей и боговъ, свирѣли и кнеарѣ, и рыканію хищнаго звѣря. Подражаетъ и Пану, когда онъ играетъ на флейтѣ; козлоногій прыгаетъ, бѣгаетъ по горамъ, и одна у него забота изловить шалуна, который прячется и подражаетъ ему, и дразнить».

По окончаніи разсказа, Хлоя подарила Дафнису не десять, а гораздо больше поцѣлуевъ, потому что нимфа Эхо повторила почти каждое слово его, подтверждая, что все это—истина.

XXIV.

Солнце день ото дня становилось жарче, такъ какъ весна кончалась, наступало лѣто. Вмѣстѣ съ тѣмъ ожидали ихъ новыя радости, обычныя спутницы лѣта. Онъ плавалъ въ рѣкахъ; она купалась въ ручьяхъ. Онъ игралъ на флейтѣ, соревнуя съ благозвучнымъ ропотомъ сосенъ; она пѣла, соперничая съ соловьями. Оба охотились на болтливыхъ кузнечиковъ, брали въ плѣнъ цѣвучихъ цикадъ, рвали цвѣты, потрясали деревья и ѣли новые плоды. Потомъ ложились вмѣстѣ, голые, подъ одну козлиную шкуру, и Хлоя легко могла бы сдѣлаться женщиной, если бы Дафниса не удерживалъ страхъ причинить ей боль. И нерѣдко, опасаясь, что не будетъ въ силахъ преодолѣть желаніе, онъ не позволялъ ей снимать одежду. Хлоя удивлялась, но не смѣла спросить, чего онъ боится.

XXV.

Въ теченіе лѣта много было у нея жениховъ. Со всѣхъ сторонъ приходили къ Дріасу сватать Хлою. Одни приносили подарки, такъ что жена Дріаса, Напэ, рассчитывая на хорошую прибыль, совѣтовала поскорѣе выдать Хлою замужъ и не держать въ домѣ взрослой дѣвушки, которая, не сегодня-завтра, гдѣ-нибудь въ полѣ, могла продать свою дѣвственность первому встрѣчному пастуху за корзину яблокъ или розовый вѣнокъ. Лучше же, говорила она, сдѣлаемъ ее

доброю хозяйкою, да и сами получимъ хорошій подарокъ, который сохранимъ для нашего родного сына,—ибо незадолго передъ тѣмъ родился у нихъ мальчикъ. Иногда Дріасъ готовъ былъ уступить этимъ доводамъ и соблазниться предложеніями, болѣе выгодными, чѣмъ могъ ожидать отецъ бѣдной пастушки. А иногда ему приходило на умъ, что Хлоя не создана для мужа поселянина, что если найдутся отецъ и мать ея, то она сдѣлаетъ Дріаса и всѣхъ его родныхъ богачами. И старикъ медлилъ отвѣтомъ, откладывая со дня на день, получая тѣмъ временемъ множество подарковъ. Хлоя видѣла это, огорчалась, но долго скрывала отъ Дафниса, чтобы не причинить ему горя. Наконецъ, когда однажды онъ настаивалъ, молилъ и выпытывалъ, Хлоя, подумавъ, что муки сомнѣнія хуже самой горькой правды, рассказала все,—сколько у нея жениховъ, какъ они богаты, и какъ Напэ торопить свадьбу, и какъ Дріасъ, не отказывая никому, откладываетъ дѣло до сбора винограда.

XXVI.

Этотъ рассказъ привелъ Дафниса въ негодованіе: онъ сѣлъ, началъ плакать, говоря, что умереть, если Хлоя не будетъ приходить на пастбище, и не только онъ, но и овцы Хлои, если отнимутъ у нихъ любимую пастушку. Потомъ немного оправился, мужество вернулось къ нему, и онъ подумалъ, нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы Дріасъ выдалъ за него Хлою замужъ. Онъ уже считалъ себя въ числѣ жениховъ и надѣялся легко побѣдить соперниковъ. Одно только его безпокоило. Ламонъ не былъ богатъ, что нѣсколько уменьшало преимущества Дафниса. Тѣмъ не менѣе, рѣшился онъ посвятить ее, и она одобрила его намѣреніе. Юноша, однако, ничего не посмѣлъ сказать Ламону, но болѣе храбрый съ Мирталой, открылъ ей любовь свою и намѣреніе жениться на Хлоѣ. Миртала сообщила объ этомъ ночью Ламону, которому намѣреніе Дафниса не понравилось. Онъ побранилъ ее за то, что она хочетъ женить на дочери бѣднаго пастуха отрока, которому памятные знаки пророчатъ счастливую долю, ко-

торый, если родители его отыщутся, освободить ихъ самихъ, Ламона и Мирталу, отъ рабства и дать имъ больше земли во владѣніе, чѣмъ теперь они занимаютъ для обработки. Миртала, боясь, чтобы любовь не довела Дафниса до какого-нибудь опаснаго и неразумнаго поступка, если отнять у него послѣднюю надежду, смягчила отказъ предложениями.

— Дитя мое, мы бѣдны,—сказала она,—и не можемъ ничего давать изъ дому, а, напротивъ, желали бы взять въ домъ дѣвушку съ приданымъ. Устрой это какъ-нибудь, попроси Хлою, а она пусть скажетъ отцу, чтобы онъ согласился на свадьбу, не требуя приданаго. Хлоя, конечно, тоже тебя любитъ и пожелаетъ лучше раздѣлить ложе съ бѣднымъ и красивымъ юношей, чѣмъ съ богатымъ уродомъ.

Миртала была увѣрена, что Дріасъ ни за что не согласится, имѣя подъ рукою болѣе выгодныхъ жениховъ, и думала, что ей удалось ловко обойти вопросъ о женитьбѣ. Дафнисъ, въ свою очередь, ничего не могъ возразить. Но видя себя далекимъ отъ цѣли своихъ желаній, сдѣлалъ то, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ несчастные любовники: началъ плакать и призывать Нимфъ на помощь. Онѣ явились къ нему ночью, во снѣ, имѣя тотъ же видъ и обликъ, какъ въ первый разъ. Опять старшая обратилась къ нему и сказала:

— Женитьбу Хлои устраиваетъ богъ иной,—мы же сдѣлаемъ тебѣ подарокъ, который смягчитъ Дріаса. Корабль молодыхъ метимнійцевъ, у котораго козы твои перегрызли ивовый канатъ, цѣлый день носился по прихоти вѣтра, уплывавая въ открытое море. Но въ полночь вѣтеръ измѣнился, подулъ съ моря къ берегу и пригналъ корабль на острые камни сосѣдняго мыса. Судно разбилось, грузъ пошелъ ко дну. Только мошну съ тремя тысячами драхмъ выбросили волны на прибрежный песокъ, и до сей поры лежитъ она тамъ, скрытая подъ водяными травами, рядомъ съ падалью дельфина. Зловоніе удаляло всѣхъ прохожихъ—вотъ почему никто не видѣлъ мошны. Поди, возьми ее и отдай. Теперь нужно тебѣ только казаться не бѣднымъ, но время наступитъ, когда ты будешь богатъ.

XXVII.

Молвивъ такъ, богини скрылись вмѣстѣ съ мракомъ ночи. Дафнисъ проснулся, вышелъ изъ дому, радостный, и поспѣшно погналъ стадо на пастбище. Поцѣловавъ Хлою, помолвились Нимфамъ, спустился онъ къ морю, какъ будто для омовенія,—пошелъ по берегу, влажному отъ прибоя, отыскивая три тысячи драхмъ. Не долго пришлось ему трудиться, такъ какъ запахъ гніющаго дельфина, выброшеннаго волнами на песокъ, скоро достигъ до него, указывая путь. Онъ пошелъ прямо къ означенному мѣсту и, разгребая водоросли, увидѣлъ кошину съ деньгами. Взялъ ее, спряталъ въ мѣшокъ и, прежде чѣмъ удалиться, возблагодарилъ Нимфъ и Море. Хотя онъ былъ пастухъ, но море казалось ему теперь болѣе роднымъ и любезнымъ, чѣмъ суша, такъ какъ оно благоприятствовало его любви.

XXVIII.

Имѣя деньги, не сталъ онъ терять времени даромъ. Считая себя самымъ богатымъ, не только изъ окрестныхъ поселянъ, но вообще изъ всѣхъ людей, тотчасъ побѣжалъ къ Хлоѣ, рассказалъ сновидѣніе, показалъ кошину и попросилъ, чтобы она посмотрѣла за козами. Потомъ во весь духъ побѣжалъ къ Дріасу и, увидѣвъ его съ женою (они молотили хлѣбъ на току), прямо повелъ рѣчь о свадьбѣ и молвилъ такъ:

— Выдай за меня Хлою замужъ. Я хорошо играю на флейтѣ, умѣю подрѣзать виноградныя лозы, сажать деревья, пахать и вѣять хлѣбъ. А какой я пастухъ, о томъ спроси Хлою: дали мнѣ стадо въ пятьдесятъ козъ, и я его удвоилъ. Я воспиталъ племя большихъ, красивыхъ козловъ, тогда какъ прежде надо было для случки водить нашихъ козъ въ чужія стада. Къ тому же я молодецъ, вашъ сосѣдъ и во всемъ безупреченъ. Коза вскормила меня, такъ же какъ Хлою овца.

Кромѣ всѣхъ этихъ преимуществъ передъ другими женихамъ, не уступлю я имъ и въ цѣнѣ подарка. Они обѣщаютъ какихъ-нибудь козъ, овецъ, пару тощихъ воловъ, или зерна столько, что развѣ курамъ на кормъ; я же предлагаю тебѣ три тысячи драхмъ,—только пусть объ этомъ не знаютъ даже отецъ мой, Ламонъ.

И онъ отдалъ ему деньги, обнялъ и поцѣловалъ.

XXIX.

Дріасъ и Напэ, удивленные видомъ богатства, обѣщали отдать ему Хлою и выхлопотать у Ламона согласія. Напэ съ Дафнисомъ остались на гумнѣ и продолжали гонять воловъ вокругъ тока, вытряхая зерно изъ колосьевъ молотильными граблями, а Дріасъ, спрятавъ кошину въ тотъ же ларь, гдѣ хранились памятные знаки Хлои, поспѣшилъ къ Ламону и Мирталѣ, чтобы сватать—неслыханное дѣло!—для невѣсты жениха. Онъ засталъ ихъ тоже за работой; они ссыпали въ мѣру только что провѣянный ячмень, жалуясь, что собрали чуть ли не меньше, чѣмъ посѣяли. Ламонъ сказалъ въ утѣшеніе, что вездѣ плохой урожай. Потомъ заговорилъ о женитьбѣ Дафниса, увѣряя, что другіе женихи предлагаютъ большіе подарки; отъ нихъ же, отъ Ламона и Мирталы, онъ ничего не возьметъ, а, напротивъ, еще дастъ имъ кое-что самъ. Напомнилъ также, что дѣти воспитаны вмѣстѣ, вмѣстѣ водили въ поле стада, и такъ подружились, что ихъ теперь не легко разлучить; наконецъ, что они и по возрасту—мужъ и жена. Къ этимъ доводамъ прибавилъ онъ много другихъ, какъ человѣкъ, получившій три тысячи драхмъ за то, чтобы ихъ убѣдить. Ламонъ не могъ сослаться ни на свою бѣдность, такъ какъ родители невѣсты ничего не требовали, ни на молодость Дафниса, который былъ въ это время взрослымъ юношей. Истинной же причины, то-есть того, что Дафнису прочилъ онъ болѣе завидную долю, чѣмъ бракъ съ его дочерью, старикъ не хотѣлъ открывать. Немного помолчавъ и подумавъ, отвѣтилъ онъ такъ:

XXX.

— Разумно поступаете вы, отдавая преимущество сосѣдямъ передъ чужими, не соблазняясь богатствомъ и уважая честную бѣдность. Да наградятъ васъ Панъ и Нимфы! Что до меня, я былъ бы не менѣ радъ, чѣмъ вы. Ибо годы мои уже преклонные, я нуждаюсь въ опорѣ, а союзъ съ вашимъ домомъ не могу не почесть за великое счастье. Къ тому же и Хлоя будетъ отличной женой,—она прекрасная и добрая дѣвушка, во всемъ безупречная. Но я—рабъ, и все, что есть у меня, принадлежитъ не мнѣ, а господамъ моимъ. Слѣдуетъ, сообщивъ имъ объ этомъ дѣлѣ, испросить согласія. Ежели будетъ на то ваша воля, отложимъ свадьбу до осени. Я слышалъ отъ тѣхъ, кто пріѣзжаетъ изъ города, что господинъ мой будетъ здѣсь къ тому времени. Тогда мы и сыграемъ свадьбу, а пока пусть они любятъ другъ друга, какъ братъ и сестра. Только, молвить правду, ты хочешь сдѣлать своимъ зятемъ того, чья кровь благороднѣе нашей.

Такъ онъ сказалъ, обнялъ его и предложилъ чего-нибудь выпить, ибо часъ былъ полуденный. Потомъ проводилъ, оказывая всяческое вниманіе и стараясь его учествовать.

XXXI.

Дріась, который не пропустилъ мимо ушей послѣднихъ словъ Ламона, ушелъ, раздумывая, кѣмъ бы могъ быть Дафнисъ.

— Его кормилицей была коза,—значить, боги о немъ заботятся. Онъ красивъ и ничуть не похожъ на этого курносаго старика и его лысую жену. Онъ подарилъ мнѣ три тысячи драхмъ,—легко сказать!—да вѣдь козій пастухъ и орѣховъ столько не найдетъ въ лѣсу, сколько у него оказалось червонцевъ! Кто знаетъ, не подкидышъ ли онъ такъ же, какъ Хлоя? Не нашелъ ли его Ламонъ, какъ я—Хлою? Не было ли при немъ такихъ же памятныхъ примѣтъ, какія нашелъ и я? Да будетъ такъ, о, Панъ и любезныя Нимфы!

Можетъ-быть, когда найдутся его родители, откроется и тайна Хлоп.

Такъ размышляя, подошелъ онъ къ своему гумну и увидѣлъ Дафниса, который ожидалъ отвѣта въ большой тревогѣ. Онъ успокоилъ его, назвалъ своимъ зятемъ, сказалъ, что свадьбу сыграютъ по осени и, пожимая руку, далъ ему слово, что Хлоя никому не будетъ принадлежать, кромѣ Дафниса.

XXXII.

Отказавшись закусить и выпить, Дафнисъ полетѣлъ къ Хлоѣ. Она только что выдоила овецъ и приготавливала творогъ для сыра, когда онъ принесъ ей радостную вѣсть. Съ той поры, считая Хлою женой своей, Дафнисъ цѣловалъ ее открыто, какъ невѣсту, и помогалъ ей во всѣхъ работахъ: нацѣживалъ подоинники, заквашивалъ молоко на творогъ и сыръ, сажалъ ягнать-сосунковъ подъ матку, какъ собственныхъ козлятъ. Потомъ, сдѣлавъ все, что нужно, шли они купаться, ѣли, пили вмѣстѣ, гуляли, искали спѣлыхъ плодовъ. А плодовъ было вдоволь, такъ какъ наступило время года, когда все зрѣетъ: всякія группы, садовыя и лѣсныя, множество яблокъ; одни упали на землю, другія еще висѣли на деревьяхъ; упавшія отличались болѣе нѣжнымъ запахомъ, а тѣ, что на вѣткахъ,—болѣе чистымъ румянцемъ; первыя имѣли вкусъ душистаго вина, вторыя блестѣли, какъ золото. Была одна яблоня, съ которой все уже собрали, такъ что не было на ней ни листьевъ, ни плодовъ; всѣ вѣтки были голыя. И только на самой вершинѣ осталось одно послѣднее яблоко, большое, прекрасное, болѣе душистое и сочное, чѣмъ всѣ прочія. Должно-быть, тотъ, кто собиралъ плоды, побоялся лѣзть такъ высоко и не сорвалъ его, или же судьба сохранила прекрасный плодъ для любящихъ.

XXXIII.

Дафнисъ, только что замѣтилъ яблоко, полѣзъ на дерево, какъ ни разубѣждала его Хлоя. Видя, что онъ не слушаетъ просьбъ ея, она оставила его и вернулась къ стаду.

А Дафнисъ взлѣзъ на вершину дерева, сорвалъ яблоко, поднесъ Хлоѣ и молвилъ:

— Дѣвушка! прекрасные лѣтніе дни вскормили это яблоко. На прекрасномъ деревѣ выросло оно. Солнце его позлатило, судьба сберегла. Могъ ли я допустить, увидѣвъ его, чтобы оно упало на землю, чтобы стада, проходя, растоптали его, чтобы ползучій гадъ осквернилъ его ядомъ, или чтобы, оставшись тамъ, въ высотѣ, на диво всѣмъ, оно было испорчено временемъ? Афродитѣ дано было яблоко, какъ награда за красоту,—и тебѣ я дарю его, какъ залогъ твоей побѣды. Судья богини былъ пастухомъ, и я—пастухъ.

Молвивъ такъ, опустилъ онъ тихонько яблоко за одежду, на грудь ея. Хлоя, видя Дафниса близко, поцѣловала его, и ему не пришлось раскаиваться въ томъ, что онъ лѣзъ такъ высоко на дерево, ибо она отдала его поцѣлуемъ, болѣе драгоцѣннымъ, чѣмъ золотое яблоко.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ тѣ дни прибылъ изъ Митилены рабъ, посланный къ Ламону господиномъ его, съ вѣстью, что онъ намѣренъ пріѣхать незадолго до винограднаго сбора, чтобы видѣть, не причинило ли какого-нибудь вреда нападеніе метимнійцевъ. Уже лѣтній зной смѣнила прекрасная осень. Ламонъ готовилъ все къ приему господина и заботился, чтобы взоровъ его ничто не оскорбило: очистилъ родники, чтобы вода ихъ была прозрачна, очистилъ дворъ отъ навоза, чтобы дурной запахъ не потревожилъ господъ, привелъ въ порядокъ садъ, чтобы онъ услаждалъ ихъ взоры.

II.

Этотъ садъ былъ красоты чудесной, великолѣпія царственнаго. Расположенный на высокому мѣстѣ, имѣлъ онъ одну стадію въ длину, четыре плетра въ ширину, образуя продолговатый четырехугольникъ. Здѣсь виднѣлись деревья всевозможныхъ родовъ—яблони, мирты, груши, гранаты, фіги, маслины. Рядомъ вились лозы, свѣшиваясь гирляндами съ яблонь и грушъ, и гроздья, уже янтарныя, соперничали съ другими плодами. Кромѣ плодовыхъ деревьевъ, были кипарисы, лавры, платаны и сосны. По вѣтвямъ ихъ, вмѣсто лозъ, извивались побѣги плюща, и гроздья его, уже черныя, напоминали виноградъ. Плодовый садъ находился внутри и былъ защищенъ отовсюду деревьями, не приносящими плодовъ, которыя окружали и покрывали его, образуя непроницаемую стѣну. И все обнесено было

невысокою каменною оградой. Каждое дерево росло на свободѣ, не мѣшая сосѣдямъ, такъ какъ стволы расположены были правильно, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; и только вверху вѣтви соединялись, смѣшивая листву. Все сдѣлала природа, и все, въ то же время, казалось совершеннымъ произведеніемъ искусства. Здѣсь были и цвѣтники: одни изъ цвѣтовъ выросли сами, другіе были посажены. Садовникъ заботился о розахъ, гіацинтахъ, лиліяхъ; а фіалки, нарциссы, маргаритки росли, никѣмъ не посѣянные. Здѣсь лѣтомъ была тѣнь, весной—цвѣты, осенью—плоды и во всякое время года—неизъяснимое очарованіе.

III.

Между деревьями открывался далекій видъ на равнину, гдѣ можно было отличить пастуховъ, пасущихъ стада. Взоры отрадно покоились на морѣ и корабляхъ, стоявшихъ у берега—новое наслажденіе, которое увеличивало прелесть этого мѣста? Въ самой серединѣ сада, на перекресткѣ двухъ аллей, пересѣкавшихъ его вдоль и поперекъ, возвышался храмъ бога Вакха съ жертвенникомъ. Побѣги плюща обвивали мраморъ алтаря; колонны были затканы виноградными лозами. На внутреннихъ стѣнахъ художникъ изобразилъ подвиги Вакха—рождающую Семелу, уснувшую Аріадну, закованнаго Ликурга, растерзаннаго Пентея. Здѣсь можно было видѣть и пораженіе индійцевъ, и превращеніе Тирренскихъ мореходовъ. Всюду—сатиры, попирающіе гроздя, всюду—вакханки, пляшущія хороводами. Художникъ не забылъ и Пана: козлоногій сидѣлъ на скалѣ, играя на флейтѣ, и подъ мѣрную пѣсню его сатиры скакали въ точилахъ, вакханки плясали.

IV.

Таковъ былъ садъ Ламона. Онъ заботился о немъ усердно, очищалъ отъ сухихъ вѣтвей, подымалъ поникшія лозы, украшалъ изваяніе Вакха цвѣтами. Ключъ, найденный Дафнисомъ, питалъ цвѣтники. То былъ въ самомъ дѣлѣ «ключъ цвѣтовъ», хотя его и называли ключомъ Дафниса.

Ламонъ велѣлъ сыну лучше откормить козъ, думая, что хозяинъ, послѣ долгаго отсутствія, пожелаетъ видѣть стадо. Но Дафнису нечего было бояться: онъ зналъ, что достоинъ похвалы, такъ какъ удвоилъ стадо: волкъ не похитилъ ни одной козы, и онѣ были толще овецъ. Тѣмъ не менѣе, желая снискать особое благоволеніе господина, отъ котораго зависѣла женитьба его на Хлоѣ, онъ посвящалъ стаду всѣ свои труды и все свое вниманіе. Раньше обычнаго времени выходилъ съ ними въ полѣ, домой возвращался позже. Два раза въ день водилъ на водопой, отыскивалъ жирныя пастбища. Надѣлалъ также новыхъ подошниковъ, большихъ кадокъ для молока, свѣжихъ плетенокъ для сыру. Такъ заботился онъ о красотѣ своихъ козъ, что масломъ натиралъ имъ рога, гребнемъ расчесывалъ шерсть. И стадо казалось священнымъ стадомъ бога Пана. Хлоя дѣлила съ Дафнисомъ труды и заботы о козахъ, не жалѣя времени, пренебрегая собственнымъ стадомъ. И ему казалось, что, благодаря лишь ей, козы сдѣлались такими красивыми.

V.

Среди этихъ трудовъ, засталъ ихъ второй вѣстникъ изъ города, съ приказаніемъ, какъ можно скорѣе окончить сборъ винограда. Онъ говорилъ, что долженъ остаться, пока не выдавятъ сладкаго вина, потомъ ѣхать въ городъ и вернуться съ господиномъ ко времени сбора послѣднихъ плодовъ. Этому вѣстнику, котораго звали Евдромъ (Быстроногій),— ибо обязанность его состояла въ быстромъ бѣгѣ, — оказали радушный пріемъ. Тотчасъ приступили къ дѣлу: собрали виноградъ, выдавили, слили вино въ бочки. Но лучшія гроздья оставили на вѣткахъ, чтобы городскіе жители могли насладиться какъ бы нѣкоторымъ видомъ и подобіемъ винограднаго сбора.

VI.

Когда Евдрому пришла пора вернуться въ городъ, Дафнисъ сдѣлалъ ему много подарковъ, предложилъ все, что можетъ дать козій пастухъ: прекрасные сыры, молодого

козленка, бѣлую овечью шкуру съ длинною шерстью, чтобы укрываться зимою въ дорогѣ. Евдромъ, восхищенный, поцѣловалъ Дафниса, обѣщалъ похлопотать за него у господина и ушелъ въ дружескомъ расположеніи. Дафнисъ же остался, погруженный въ безпокойное раздумье, вмѣстѣ съ Хлоей. Бѣдный мальчикъ, до сей поры привыкшій видѣть только овецъ, козъ, поселянъ и Хлою, первый разъ долженъ былъ предстать предъ лицо господина, котораго зналъ лишь по имени. Она была тоже не въ малой тревогѣ за Дафниса: чѣмъ-то еще, думала, кончится свиданіе съ хозяиномъ? И свадьба ихъ пробуждала въ ней опасенія: боялась она чтобы все не разсѣялось, какъ дымъ, какъ сонъ. Теперь, цѣлуясь, они такъ прижимались другъ къ другу, какъ будто хотѣли слиться въ одно существо. Но поцѣлуи были печальны, объятія тревожны, словно хозяинъ уже пріѣхалъ, и страшась, желали они укрыться отъ взоровъ его. Скоро новая бѣда увеличила ихъ тревогу.

VII.

По сосѣдству жилъ волопасъ, именемъ Ламписъ, который также сваталъ Хлою и поднесъ Дріасу множество подарковъ, чтобы склонить его къ согласію. Догадываясь, что Дафнисъ женится на Хлоѣ, если получить согласіе, искалъ онъ средства лишить ихъ милости хозяина. Зная, что господинъ въ особенности любитъ садъ, Ламписъ рѣшилъ осквернить и опустошить его. Рубить деревья не смѣлъ,—стукъ топора могъ бы его выдать. Ламписъ предпочелъ уничтожить цвѣты. Однажды ночью перелѣзъ черезъ ограду и началъ ихъ рвать, ломать, топтать ногами, какъ дикій вепрь. Потомъ скрылся, никѣмъ незамѣченный. Утромъ Ламонъ пошелъ въ садъ полить цвѣты ключевой водой. Когда увидѣлъ онъ обезображенный цвѣтникъ, отчаяніе и запустѣніе—злое дѣло врага, а не вора, то разодралъ свою одежду и сталъ призывать боговъ на помощь, испуская громкіе вопли. Миртала бросила то, что у нея было въ рукахъ, и побѣжала къ нему. Дафнисъ, который уже выводилъ козъ на пастбище, вернулся, и всѣ, при видѣ этого несчастія, начали стонать и плакать.

VIII.

Конечно, по поводу цвѣтовъ такое горе было бы чрезмѣрнымъ: причиной ихъ слезъ былъ страхъ передъ господиномъ. Впрочемъ, даже посторонняго человѣка огорчило бы это зрѣлище: все было разрушено—виднѣлись только черные, влажные комья разрытой земли, да цвѣты, случайно спасшіеся отъ гибели, все еще блестѣли яркими красками, все еще были прекрасны, хотя лежали на землѣ, умирающіе. И пчелы рѣяли надъ ними, съ непрерывнымъ жужжаніемъ, какъ будто оплакивая злое дѣло. Ламонъ стоналъ въ отчаяніи:

— Горе, горе мнѣ! О, мои бѣдныя розы—какъ онѣ сломаны! Мои грядки фіалокъ—какъ онѣ растоптаны! Мои гіацинты и нарциссы вырваны съ корнемъ! Придетъ весна, а они уже не будутъ зеленѣть, придетъ лѣто—они не распустятся; и осенью никто не наплететъ изъ нихъ вѣнковъ. О, Вакхъ, покровитель нашъ, ужель тебѣ не было жаль этихъ бѣдныхъ цвѣтовъ, твоихъ милыхъ сосѣдей, которыми такъ часто мы украшали голову твою? Какъ могъ ты допустить, чтобы на глазахъ у тебя ломали ихъ, топтали ногами? Что теперь дѣлать? Какъ показать господину обезображенный садъ? Что подумаетъ онъ, увидѣвъ это запустѣніе? Повѣситъ бѣднаго старика на сосну, какъ Марсіа! Можетъ-быть, повѣситъ и Дафниса, подумавъ, что это козы растоптали цвѣтникъ.

IX.

Такъ воскликнулъ онъ, и слезы полились у него градомъ. Теперь всѣ уже горевали не о цвѣтахъ, а о собственной долѣ. Хлоя была въ отчаяніи, думая, что Дафниса могутъ повѣсить. Она молила боговъ, чтобы хозяинъ не пріѣзжалъ вовсе, проводила дни въ тревогѣ, и ей иногда казалось, что она уже видитъ, какъ Дафниса бичуютъ. Однажды вечеромъ скороходъ Евдромъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что хозяинъ будетъ черезъ три дня, а сынъ его, молодой господинъ—завтра утромъ. Они рѣшили подумать сообща о

томъ, что дѣлать, и попросили у Евдрома совѣта. Дружески расположенный къ Дафнису, посовѣтовалъ онъ сперва сообщить обо всемъ молодому господину, обѣщая, со своей стороны, похлопотать, такъ какъ пользовался у него нѣкоторымъ благоволеніемъ, въ качествѣ молочнаго брата. На слѣдующій день они сдѣлали такъ, какъ онъ имъ сказалъ.

X.

Астиль пріѣхалъ на конѣ, въ сопровожденіи нѣкаго шута-нахлѣбника, тоже ѣхавшаго верхомъ. Астиль былъ юноша съ подбородкомъ, едва опущеннымъ бородой. Гнаеонъ же (такъ звали его спутника—блюдолиза) имѣлъ щеки давно знакомыя съ бритвой. Ламонъ, сопровождаемый Мирталой и Дафнисомъ, вышелъ навстрѣчу, упалъ къ ногамъ Астила и сталъ молить, чтобы онъ сжалился надъ нимъ и спасъ отъ гнѣва отца стараго бѣднаго раба, ни въ чемъ невиновнаго. Онъ повѣдалъ ему все. Астиль былъ тронутъ; пошелъ въ садъ, увидѣлъ опустошенный цвѣтникъ, обѣщаль умолить отца и смягчить его гнѣвъ, сказавъ, что во всемъ виноваты его, Астиловы, кони, такъ какъ онъ привязалъ ихъ близъ этого мѣста, а они, играя, оборвали привязь, поломали и растоптали цвѣты. Ламонъ и Миртала пожелали ему благополучія за эту услугу. Дафнисъ поднесъ козлятъ, сыры, красивыхъ птицъ съ птенцами, виноградныя гроздья на лозѣ, яблоки на вѣткѣ, прибавивъ ко всему душистое лезбосское вино, лучшее изъ всѣхъ винъ, какія есть въ мірѣ.

XI.

Астиль, поблагодаривъ его, пошелъ охотиться на зайцевъ, какъ богатый юноша, который думаетъ о развлеченіяхъ и пріѣхалъ въ деревню въ поискахъ новыхъ забавъ. Гнаеонъ же, умѣвшій только ѣсть, пить, напиваться и, напившись, развратничать,—увидѣвъ Дафниса, подносящаго подарки, разжегся похотью. Отъ природы любитель красивыхъ отроковъ, восхищенный такой прелестью, какой и въ городѣ не легко найти, рѣшилъ онъ, приступивъ

къ Дафнису, достигнуть своихъ цѣлей, увѣренный, что съ козьимъ пастухомъ дѣло будетъ ему стоить малаго труда. Утвердившись въ этомъ намѣреніи, — вмѣсто того, чтобы сопровождать Астила на охоту, спустился онъ на пастбище, къ Дафнису, говоря, что желаетъ взглянуть на козъ, а въ дѣйствительности, онъ смотрѣлъ только на Дафниса. Чтобы задобрить пастуха, похвалилъ козъ и попросилъ его сыграть на флейтѣ какую-нибудь сельскую пѣсенку. Потомъ сказалъ, что имѣетъ большую власть у господъ и не преминетъ сдѣлать такъ, чтобы они отпустили Дафниса на волю.

XII.

Думая, что мальчикъ прирученъ, онъ подстерегъ его однажды вечеромъ на перекресткѣ, подбѣжалъ и началъ обнимать. Дафнисъ долго не понималъ, когда же понялъ, изо всей силы оттолкнулъ Гнаэона, и блюдолизъ, пьяный, безъ того едва державшійся на ногахъ, упалъ и покатился. Тѣмъ временемъ пастухъ убѣжалъ, проворный, какъ ланенокъ, покинувъ нахлѣбника въ положеніи безпомощномъ и плачевномъ. Съ того дня Дафнисъ къ нему не приближался. Переходя со стадомъ съ одного пастбища на другое, избѣгалъ онъ его такъ же старательно, какъ искалъ Хлон. Гнаэонъ не рѣшался болѣе преслѣдовать отрока, увидѣвъ, что Дафнисъ столь же силенъ, какъ прекрасенъ. Онъ выжидалъ удобнаго случая, чтобы поговорить съ Астиломъ, надѣясь, что молодой господинъ подаритъ ему мальчика въ полное владѣніе, такъ какъ зналъ, что покровитель ни въ чемъ ему не отказываетъ.

XIII.

Пока нельзя было ничего сдѣлать, такъ какъ Діонисофанъ только что приѣхалъ съ Клеаристой, и по всему дому слышался стукъ лошадиныхъ копытъ, голоса рабовъ, мужчинъ и женщинъ. Гнаэонъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы приготовить длинную рѣчь, которою намѣренъ былъ

потѣшить господина при первомъ удобномъ случаѣ. Діонисофанъ, человѣкъ высокаго роста, съ просѣдью въ волосахъ, по красотѣ и здоровью могъ бы еще поспорить съ молодыми людьми; къ тому же былъ онъ богатъ, какъ немногіе, любезенъ, какъ никто. Въ день пріѣзда хозяинъ принесъ жертвы богамъ пастушескихъ и полевыхъ работъ—Деметрѣ, Вакху, Пану, Нимфамъ, и задалъ пиръ всему дому. Въ слѣдующіе дни ходилъ осматривать полевая работа вмѣстѣ съ Ламономъ; видя земли хорошо воздѣланными, виноградники въ добромъ порядкѣ, садъ благоустроеннымъ (такъ какъ Астиль принялъ на себя вину въ опустошеніи цвѣтника), онъ былъ очень доволенъ, поздравилъ Ламона и обѣщалъ ему свободу. Затѣмъ пошелъ на пастбище, чтобы взглянуть на козъ и козьяго пастуха.

XIV.

Хлоя убѣжала въ лѣсъ, смущенная и напуганная шумной толпой. Дафнисъ остался, съ длинношерстымъ козымъ мѣхомъ на плечѣ, съ новымъ мѣшкомъ у бедра, держа въ одной рукѣ свѣжіе сыры, въ другой—молочныхъ козлятъ. Если это правда, что Аполлонъ хранилъ стада Лаомедона, то богъ Солнца былъ, конечно, такимъ, какимъ тогда явился Дафнисъ. Онъ не молвилъ ни слова, только щеки зарумянились,—склонился и поднесъ подарки.

— Господинъ,—произнесъ Ламонъ, —этотъ юноша пasetь твоихъ козъ. Ты далъ мнѣ пятьдесятъ матокъ и двухъ козловъ; теперь у него сто козъ и десять козловъ. Посмотри, какіе они жирные, какая у нихъ длинная шерсть, и нѣтъ ни одного сломаннаго рога. Онъ пріучилъ ихъ къ музыкѣ: они все умѣютъ дѣлать по звуку свирѣли.

XV.

Клеариста пожелала видѣть, какъ они слушаются музыки. Она велѣла Дафнису поиграть козамъ на флейтѣ, какъ онъ это обыкновенно дѣлаетъ, и обѣщала за трудъ но-

вую тунику и сандаліи. Дафнисъ усадилъ присутствовавшихъ, какъ зрителей въ театрѣ, и, стоя подъ ясенемъ, вынулъ изъ мѣшка свирѣль и сперва заигралъ слабо, чуть слышно. Козы насторожили уши, подняли головы. Потомъ—сильнѣе, какъ бы приказывая имъ пастись, и онѣ начали щипать траву, склонивъ головы къ землѣ; затянулъ сладкую, нѣжную пѣсню, и онѣ сразу улеглись на травѣ. Извлекъ изъ флейты нѣсколько острыхъ пронзительныхъ звуковъ, и онѣ шарахнулись, побѣжали къ лѣсу, какъ будто увидѣли волка. Но только что послышалась призывная пѣсня,—вышли изъ роши и радостно вернулись къ его ногамъ. Слуги съ большею точностью не исполняютъ приказаній господина. Всѣ удивлялись, но въ особенности Клеариста, которая поклялась, что не забудетъ подарковъ, обѣщанныхъ красивому пастуху, такъ хорошо играющему на флейтѣ. Потомъ вернулась домой обѣдать, и, послѣ трапезы, господа послали Дафнису лакомыхъ кусковъ.

XVI.

Дафнисъ раздѣлилъ угощеніе съ Хлоей, радуясь невѣдомому вкусу городскихъ блюдъ и думая теперь уже съ большею надеждою о томъ, какъ бы получить согласіе господина на свадьбу съ Хлоей. Гнаеонъ, послѣ всего, что видѣлъ и слышалъ, рѣшилъ, что жизнь потеряетъ для него цѣну, если онъ не будетъ обладать Дафнисомъ, улучилъ удобную минуту, когда Астиль гулялъ въ саду, повелъ его къ жертвеннику Вакха, облобызалъ ему руки и обнялъ ноги. Молодой господинъ спросилъ, что это значитъ, и велѣлъ открыть все, поклявшись исполнить его желаніе. Тогда нахлѣбникъ воскликнулъ горестно:

— О, господинъ, погибъ, погибъ твой бѣдный Гнаеонъ! До сихъ поръ всю жизнь я любилъ только ѣсть и пить, клялся, что въ мірѣ нѣтъ ничего лучше добраго стараго вина, предпочиталъ твоихъ поваровъ всѣмъ милетскимъ отрокамъ,—и что же? Меня уже ничто не радуетъ, кромѣ Дафниса. Я не могу прикоснуться ни къ

одному изъ тонкихъ блюдъ, которыхъ нынѣ каждый день готовятъ такое множество — мясовъ, рыбъ, медоваго пироженнаго. Миѣ хотѣлось бы сдѣлаться козою, щипать траву и листья, чтобы слышать его флейту, и чтобы онъ водилъ меня на пастбище. Спаси твоего Гнаэона, сжался надъ нимъ! А не то, — клянусь великими богами, — въ послѣдній разъ, наполнивъ себѣ чрево яствами, возьму я ножъ и зарѣжусь у двери Дафниса! И ты больше никогда не будешь звать меня своимъ любезнымъ, маленькимъ Гнаэономъ, какъ всегда зовешь меня, лаская.

XVII.

Блюдолизъ заплакалъ и обнялъ ему ноги. Увидѣвъ это, Астиль не могъ побѣдить жалости, тѣмъ болѣе, что зналъ, по собственному опыту, страданія любви. Обѣщалъ выпросить Дафниса у отца и увести его въ городъ, въ качествѣ собственнаго слуги, для того, чтобы отдать его Гнаэону. Потомъ, желая подразнить шута, спросилъ, какъ ему не стыдно вздыхать о коземъ пастухѣ, сынѣ простого земледѣльца. И, нарочно притворившись брезгливымъ, выражалъ свое отвращеніе къ дурному запаху козловъ. Гнаэонъ, какъ человѣкъ, изучившій всѣ басни за обѣденными столами, — не безъ нѣкотораго остроумія отвѣтилъ ему за себя и за Дафниса:

— Гдѣ бы ни была красота, человѣкъ ею плѣненъ. Сохранились рассказы о томъ, какъ люди любили деревья, цвѣты, хищныхъ звѣрей, хотя и достоинъ великой жалости любящій, который принужденъ бояться того, что любить. Конечно, Дафнисъ тѣломъ рабъ, но красота его свободна. О, только взгляни на эти кудри, подобные гіацинту, на эти глаза, блестящіе изъ-подъ бровей, подобно драгоцѣнному камню изъ-подъ золотой оправы! Посмотри на щеки его блѣдно-розовыя и пурпурныя, на уста, украшенныя зубами, бѣлыми, какъ слоновою костью. Кто не пожелалъ бы сорвать съ этихъ устъ благоуханный поцѣлуй? Что же касается дружбы къ простому поселянину, примѣръ боговъ

оправдаетъ меня: Анхизъ былъ волопасъ, и Афродита имъ обладала; Бранхій водилъ козъ на пастбище, и Аполлонъ любилъ его; Ганимедъ былъ пастухъ, и самъ Громовержецъ похитилъ его на Олимпъ. Не побрезгаемъ же и мы отрокомъ, котораго слушаются козы, какъ будто онъ влюбленъ въ него. Возблагодаримъ Зевесовыхъ орловъ за то, что они не похитили его на небо, не лишили землю такой неземной красоты!

XVIII.

Астиль, котораго весьма развеселила эта защитительная рѣчь, посмѣялся и сказалъ, что любовь дѣлаетъ изъ людей риторовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сталъ выжидать удобнаго случая, чтобы поговорить съ отцомъ о Дафнисѣ. Но Евдромъ, незамѣченный, услышалъ весь разговоръ. Расположеніе къ Дафнису, котораго онъ считалъ умнымъ и добрымъ юношей, сожалѣніе о цвѣтущей красотѣ, предаваемой на поруганіе пьяному, развратному нахлѣбнику, побудили его, не медля, пойти къ Дафнису и Ламону и открыть имъ все. Дафнисъ, видѣвъ себя, сперва думалъ бѣжать въ сопровожденіи Хлои или умереть. Но Ламонъ, вызвавъ Мирталу за ворота, сказалъ ей:

— Жена, погибли мы: вотъ, когда откроется, что мы такъ долго скрывали. Теперь, можетъ-быть, Дафнису придется покинуть нашъ домъ, козъ и пастушескую жизнь. Но будь, что будетъ! Клянусь Паномъ и Нимфами, даже если бы я долженъ былъ, какъ говорится, стать воломъ въ стойло, не умолчу о судьбѣ Дафниса. Расскажу, гдѣ нашель его, какъ воспиталь, покажу и памятные знаки, найденные при немъ, — пусть узнаетъ подлый блюдолизъ, кого онъ осмѣлился любить, негодяй! Вынь и приготовь памятные знаки, чтобы они были у меня подъ рукою.

XIX.

Порѣшивъ на томъ, вернулись они къ Дафнису. А въ это время Астиль, улучивъ свободную минуту, приступилъ къ отцу въ просьбой, чтобы онъ отдалъ ему и позволилъ

увезти Дафниса въ городъ: этотъ пастухъ, по словамъ его, такой красивый юноша, что жалко оставлять его въ деревнѣ; Гнаеонъ отлично можетъ приучить его къ полезной городской службѣ. Отецъ охотно согласился, велѣлъ позвать Ламона и Мирталу, чтобы сообщить имъ радостную вѣсть и объявилъ, что отнынѣ Дафнисъ будетъ служить Астилу, вмѣсто того, чтобы пасти козъ и козловъ. Взамѣнъ обѣщаль дать имъ двухъ пастуховъ. Рабы сбѣжались взглянуть на своего новаго товарища и полюбоваться его красотой, когда Ламонъ, попросивъ позволенія говорить, молвилъ такъ:

— Господинъ, прислушай, что скажетъ тебѣ слуга твой старый и вѣрный. Клянусь богомъ Паномъ и Нимфами, не солгу ни единымъ словомъ. Не я — отецъ Дафниса, и Мирталѣ не дано было счастье имѣть такого сына. Родители покинули его младенцемъ на произволь судьбы, быть-можетъ, потому, что у нихъ было много другихъ дѣтей. Когда я нашель его, онъ лежалъ покинутый, и мальчика кормила одна изъ моихъ козъ. Я похоронилъ эту козу въ оградѣ нашего сада, въ благодарность за то, что она была ему матерью. При немъ нашель я памятные знаки. О, господинъ мой, знай, что я сохранилъ ихъ, и по нимъ можешь ты убѣдиться, что Дафнисъ не намъ чета по крови. Пусть будетъ онъ рабомъ Астила, я противъ этого ничего не скажу. Но не могу допустить, чтобы сдѣлался онъ игрушкой Гнаеона, который хочетъ увезти его въ городъ.

XX.

Молвивъ такъ, старикъ замолчалъ и горько заплакалъ. Гнаеонъ въ ярости грозилъ ему побоями. Но Діонисофанъ, пораженный тѣмъ, что услышалъ, приказалъ Гнаеону замолчать, бросивъ на него гнѣвный взоръ. Затѣмъ началъ спрашивать Ламона, велѣлъ открыть всю правду и не сплетать басней, такъ какъ хозяинъ полагалъ, что старикъ все это выдумалъ съ тою цѣлью, чтобы у него не отнимали сына. Ламонъ продолжалъ упорствовать, клялся богами,

выражалъ готовность подвергнуться жестокой казни, если бы оказалось, что слова его ложь. Тогда Діонисофанъ, желая посовѣтоваться съ Клеаристой, которая здѣсь же присутствовала, подошелъ къ ней и произнесъ вполголоса:

Зачѣмъ Ламону лгать? Я же сказалъ, что даю ему двухъ пастуховъ взамѣнъ Дафниса. Да простому поселянину и не выдумать столь хитрой басни. Къ тому же съ перваго взгляда видно, что такой красивый мальчикъ не можетъ быть сыномъ стараго Ламона и Мирталы.

XXI.

И они пришли къ тому заключенію, что лучше всего, не тратя времени на пустыя догадки, разсмотрѣть памятные знаки, дабы убѣдиться, нѣтъ ли въ нихъ указаній на болѣе высокое и благородное происхожденіе мальчика. Тѣмъ временемъ Миртала успѣла сходить домой за драгоценными примѣтами, которыя тщательно хранила въ старой сумкѣ. Когда она принесла ихъ, Діонисофанъ началъ разсматривать первый. Только что увидѣлъ онъ пурпурныя пелены, золотую пряжку, ножикъ съ ручкой изъ слоновой кости,—воскликнулъ:

— О, Боже милостивый!

И поскорѣе позвалъ Клеористу, чтобы она, въ свою очередь, взглянула на примѣты. Увидѣвъ ихъ, она воскликнула:

— Что я вижу! Да вѣдь это тѣ самыя вещи, которыя мы оставили съ нашимъ бѣднымъ мальчикомъ! Не въ это ли мѣсто велѣли мы Софрозинѣ отнести его и положить? Нѣтъ! Нѣтъ! Не можетъ быть никакого сомнѣнія: это мои примѣты, — я узнаю ихъ. Дитя — наше. О, Діонисофанъ! Дафнисъ — твой сынъ, и онъ водилъ на пастбище козъ отца своего!

XXII.

Между тѣмъ, какъ она еще говорила, и Діонисофанъ, цѣлуя памятные знаки, плакалъ отъ радости,—Астиль, узнавъ, что Дафнисъ—его братъ, сбросилъ хламиду и пустился

бѣжать черезъ садъ, чтобы первому обнять его и поздравить. Дафнисъ, завидѣвъ, какъ онъ бѣжалъ къ нему съ цѣлою толпою, услышавъ, какъ всѣ кричали: «Дафнисъ! Дафнисъ!»—подумаль, что они сейчасъ схватятъ и увезутъ его въ городъ, кинулъ на землю сумку, флейту и стремяглавъ побѣжалъ къ морю, въ твердой рѣшимости броситься въ пучину съ высокаго берега. И легко могло бы стать, что чудеснымъ образомъ только что найденнаго сына родители снова и навѣки утратили бы, если бы Астиль, догадавшись о его намѣреніи, не закричалъ:

— Подожди, Дафнисъ! Не бойся! Я—твой братъ! Тѣ, кого ты звалъ господами,—твои родители. Ламонъ разсказаль намъ обо всемъ—о козѣ и о прочемъ. Онъ показаль примѣты. Обернись, посмотри, какіе мы радостные, какъ смѣемся! Ну, обними же меня перваго,—клянусь тебѣ Нимфами, что я не лгу.

XXIII.

Дафнисъ остановился послѣ этой клятвы и подождаль Астила. Тотъ подбѣжалъ и обнялъ его. Тѣмъ временемъ, всѣ вышли изъ дому и поспѣшили къ нему—слуги, служанки, отецъ, мать. Всѣ обнимали его, цѣловали съ восторгомъ и слезами. Дафнисъ выказываль особенную нѣжность къ отцу и матери. Онъ прижималь ихъ къ своей груди, какъ будто зналь давно, и не могъ оторваться отъ нихъ,—такъ могущественъ голосъ природы. Онъ на одно мгновеніе забыль даже Хлою. Когда вернулся домой, его облекли въ богатая одежды, отецъ посадиль его рядомъ съ собой, и сказалъ:

XXIV.

— Дѣти мои, я женился въ ранней молодости. Скоро родился у меня сынъ, и я былъ счастливъ. Потомъ родилась дочь, и, наконецъ, второй сынъ—Астиль. Полагая, что трехъ дѣтей довольно, я велѣль покинуть на произволь судьбы четвертаго, который родился послѣднимъ, и приказаль, чтобы съ нимъ положили эти вещи, не какъ памятные знаки, а

скорѣе, какъ могильныя украшенія. Судьба рѣшила иначе: болѣзнь въ одинъ и тотъ же день похитила у насъ и первенца и дочь. Тебя же, Дафнисъ, боги сохранили, чтобы мы имѣли опору на склонѣ лѣтъ. О, не суди меня, сынъ мой, за то, что я покинулъ тебя: знай, что я сдѣлалъ это противъ собственной воли, побуждаемый волей боговъ. Ты же, Астиль, не сокрушайся, что долженъ уступить половину имѣнія Дафнису, ибо для сердца благороднаго нѣтъ ничего драгоценнѣе брата. Любите же другъ друга, дѣти мои, а что касается богатства, можете считать себя равными царямъ; я оставляю вамъ большія земли, множество искусныхъ рабовъ, золото, серебро и все, что дѣлаетъ людей счастливыми. Только одного желаю, и объ этомъ будетъ упомянуто въ моемъ завѣщаніи,—чтобы въ долю наслѣдства, которую получить Дафнисъ, вошли этотъ домъ и земля, вмѣстѣ съ Ламономъ, Мирталой и козами.

XXV.

Едва успѣлъ онъ кончить, какъ Дафнисъ вскочилъ и, молвилъ:

— Хорошо, что ты мнѣ напомнилъ, отецъ. Я вѣдь еще не поилъ козъ, а между тѣмъ давно пора. Онѣ навѣрное томятся жаждою и ждуть звука моей свирѣли. А я сижу здѣсь въ праздности!

Всѣ улыбнулись, видя, какъ, сдѣлавшись господиномъ, онъ все еще не пересталъ быть козымъ пастухомъ, и послали другого позаботиться о козахъ. Потомъ принесли жертву Зевсу-Спасителю и устроили большой пиръ. Одинъ Гнаеонъ не участвовалъ въ праздникѣ и, дрожа, просидѣлъ весь день, всю ночь, во храмѣ Вакха, какъ преступникъ, умоляющій именемъ бога о помилованіи. Когда распространилась молва, что Діонисофанъ нашелъ потеряннаго сына, что Дафнисъ-пастухъ сдѣлался владѣльцемъ имѣнія, отовсюду прибѣжали сосѣди поздравить счастливца, поднесли подарки отцу. Дріасъ, воспитатель Хлои, пришелъ первый.

XXVI.

Діонисофанъ просилъ всѣхъ принять участіе въ праздникѣ, которымъ долженъ былъ ознаменоваться радостный день. Приготовили множество винъ, пшеничнаго хлѣба, дичи, молочныхъ поросятъ, всякаго пироженнаго. Совершили закланіе безчисленныхъ жертвъ сельскимъ богамъ. Дафнисъ собралъ свою пастушескую снасть и, раздѣливъ ее на нѣсколько частей, посвятилъ Вакху оленій мѣшокъ и ланью шкуру, Пану—свирѣль и многоствольную флейту, Нимфамъ—посохъ и самодѣльные подойники. Но, разставаясь съ этими предметами, не могъ удержаться отъ слезъ: до такой степени привычка сладостнѣ неожиданнаго счастья. Онъ не имѣлъ духу проститься съ подойниками, не выдоивъ козъ на прощанье, ни съ ланьей кожей,—не одѣвшись въ нее, ни съ милой флейтой,—не сыгравъ на ней. Осыпалъ ихъ поцѣлуями, привѣтствовалъ козъ на прощанье, назвалъ cadaго изъ козловъ по имени. Пошелъ также напиться въ томъ родникѣ, куда часто хаживалъ съ Хлоей. Что касается любви, то онъ не смѣлъ еще говорить о ней, выжидая удобнаго случая.

XXVII

Въ то время, какъ Дафнисъ занятъ былъ жертвоприношеніями, вотъ что происходило съ Хлоей. Одна, въ поляхъ, сидѣла она, всѣми покинутая, вздыхала и жаловалась:

— Дафнисъ забылъ меня. Онъ думаетъ о богатой нѣвѣстѣ. И зачѣмъ только я заставила его поклясться козами, а не сельскими Нимфами! Онъ забылъ своихъ козъ такъ же, какъ Хлою. Принося жертвы Нимфамъ и Пану, не вспомнилъ обо мнѣ, не пожелалъ меня видѣть. Вѣрно, нашелъ въ домѣ матери своей рабынь болѣе прекрасныхъ, чѣмъ я. Ну, что же, будь счастливъ, Дафнисъ! Но Хлоя не будетъ жить безъ тебя!

XXVIII.

Пока она такъ вздыхала и предавалась горю, коровій пастухъ Ламписъ пришелъ съ толпой поселянъ, схватилъ

и унесъ ее, вполне увѣренный, что Дафнисъ болѣе не помышляетъ о женитбѣ на Хлоѣ, и что теперь Дріасу нѣтъ причины отказывать ему, Лампису. Кто-то изъ сосѣдей увидѣлъ похищеніе, услышалъ пронзительные крики и побѣждалъ извѣстить Напэ; Напэ сказала объ этомъ Дріасу, Дріасъ—Дафнису. Дафнисъ не имѣлъ силы ни открыть свою любовь отцу, ни покориться несчастію. Онъ бѣгалъ по саду, ломая руки и жалуясь:

— Зачѣмъ на бѣду нашель я отца моего! Зачѣмъ не остался въ поляхъ попрежнему пасти моихъ козъ! Насколько быть я счастливѣе въ рабствѣ и бѣдности! Тогда я видѣлъ Хлою, тогда мы любили другъ друга. А теперь Ламписъ схватилъ ее, унесъ; ночь наступить, и онъ ляжетъ съ нею на ложе. Напрасно клялся я Паномъ, козами и Нимфами!

XXIX.

Жалобы Дафниса услышалъ Гнаѳонъ изъ своего убѣжища въ храмѣ Вакха. Подумавъ, что наступило время помириться съ новымъ господиномъ, пригласилъ онъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, товарищей Астила, отыскалъ Дріаса, велѣлъ ему указать путь къ дому Ламписа, и всѣ побѣжали туда. Они застали пастуха въ ту минуту, когда онъ входилъ въ свой домъ съ Хлоей, вырвали изъ рукъ его дѣвушку и нещадно избили всѣхъ, помогавшихъ ему въ насиліи. Гнаѳонъ хотѣлъ связать Ламписа и увести его, какъ военноплѣнника съ поля сраженія, но Ламписъ убѣждалъ и скрылся. Совершивъ этотъ подвигъ, Гнаѳонъ, съ наступленіемъ ночи, вернулся домой. Діонисофанъ почивалъ, но Дафнисъ бодрствовалъ и продолжалъ плакать въ саду. Блюдолизъ привелъ къ нему Хлою рассказалъ все, что случилось, умолялъ простить его, считать отнынѣ преданнымъ, вѣрнымъ рабомъ своимъ и не лишать стола, чтобы не умереть ему, бѣдному нахлѣбнику, съ голоду. Дафнисъ, увидѣвъ Хлою и обнявъ ее, забылъ, простилъ все и началъ умолять дѣвушку, чтобы и она простила его безпечность.

XXX.

Посоветовавшись, рѣшили пока никому не говорить о свадьбѣ. Дафнисъ тайно будетъ приходить на свиданія съ Хлоей и откроетъ любовь свою только матери. Но Дріасъ не одобрилъ этого рѣшенія, хотѣлъ сказать отцу обо всемъ и обѣщаль получить его согласіе на свадьбу. Раннимъ утромъ положилъ онъ въ сумку памятные знаки, пошелъ къ Діонисофану и Клеаристѣ и увидѣлъ ихъ сидящими въ саду. Тамъ же были Астиль и Дафнисъ. Когда всѣ умолкли, онъ повелъ рѣчь свою такъ:

— Необходимость, заставившая говорить Ламона, теперь побуждаетъ и меня открыть тайну, которую хранилъ, я донинѣ. Хлоя—не дочь мнѣ, и не жена моя кормила ее своей грудью. Кто родители—не знаю. Она была покинута въ пещерѣ Нимфъ и вскормлена овцой. Я самъ это видѣлъ,—удивленный, взялъ къ себѣ въ домъ и воспиталъ ее. Что слова мои не лживы,—можете убѣдиться по ея красотѣ, ибо она не имѣетъ ничего общаго съ нами. Объ истинѣ свидѣтельствуютъ и памятные знаки: для пастуховъ они слишкомъ богаты. Разсмотрите же ихъ, постарайтесь найти родителей и рѣшите, достойна ли Хлоя сдѣлаться супругой Дафниса.

XXXI.

Не безъ тайнаго намѣренія намекнулъ онъ въ послѣднихъ словахъ на эту свадьбу, и Діонисофанъ не пропустилъ намекъ мимо ушей. Взглянувъ на Дафниса, увидѣлъ онъ, какъ щеки его вспыхнули, какъ юноша удерживаетъ слезы, и тотчасъ догадался о его любви. Вотъ почему рѣшилъ онъ какъ можно внимательнѣе провѣрить слова Дріаса, правда, болѣе изъ любви къ сыну, чѣмъ изъ участія къ незнакомой дѣвушкѣ. Но, взглянувъ на принесенные Дріасомъ памятные знаки—золоченныя сандалии, полусапожки, сѣтку для волосъ, велѣлъ позвать Хлою и обладежилъ ее, сказавъ, что мужъ у нея уже есть, а скоро отыщутся и родители. Клеариста взяла ее къ себѣ и позаботилась, чтобы Хлоя была

одѣта, какъ приличествовало женѣ ея сына. Діонисофанъ въ свою очередь, отвелъ Дафниса въ сторону и спросилъ, сохранила ли Хлоя дѣвственность, на что Дафнисъ отвѣтилъ, что между ними не было ничего, кромѣ поцѣлуевъ и объятій. Отецъ улыбнулся, услышавъ объ ихъ взаимныхъ клятвахъ, и посадилъ ихъ за столъ.

XXXII.

И тогда всѣ увидѣли, что значитъ прекрасная одежда для прекраснаго тѣла: Хлоя въ великолѣпномъ нарядѣ, съ кудрями, красиво заплетенными, съ умытымъ лицомъ, показала такую прекрасной, что самъ Дафнисъ едва узналъ ее. Если бы вовсе не было памятныхъ знаковъ, и то можно бы побиться объ закладъ, что она—не дочь Дріаса. Со своею женой онъ участвовалъ въ пирѣ, оба возлежали на одномъ ложѣ. Ламонъ и Миртала—противъ нихъ. Въ слѣдующіе дни повторились жертвоприношенія Хлои, и столы снова были накрыты. Хлоя, въ свою очередь, посвятила божествамъ все, что имѣла,—свирѣль, мѣшокъ, козій мѣхъ, подойники. Пролила вино въ ручей, струившійся въ глубинѣ грота, потому что здѣсь была она вскормлена овцой и здѣсь же часто совершала омовенія. Затѣмъ увѣнчала цвѣтами могилу овцы—своей кормилицы. Дріасъ указалъ ей мѣсто. Она захотѣла также въ послѣдній разъ поиграть на флейтѣ своему стаду и, сыгравъ, помолилась Нимфамъ и попросила ихъ, чтобы ея родители, если они когда-нибудь найдутся, оказались достойными ея союза съ Дафнисомъ.

XXXIII.

Насладившись сельскими праздниками, рѣшили они вернуться въ городъ, отыскать родителей Хлои и не откладывать свадьбы. Однажды утромъ, окончивъ приготовленія, сдѣлали Дріасу новый подарокъ въ три тысячи драхмъ; назначили Ламону плоды и жатву съ половины земель, козье стадо съ пастухами, четыре пары воловъ, зимнюю одежду. волю ему и женѣ. Потомъ направились въ Митилены, въ сопровожденіи множества коней и колесницъ. Граждане

не могли узнать объ ихъ прибытіи въ тотъ же день, такъ какъ они пріѣхали ночью. Но на слѣдующее утро передъ воротами собралась толпа мужчинъ и женщинъ. Мужчины поздравляли Діонисофана съ возвращеніемъ потеряннаго сына, и привѣтствія ихъ сдѣлались еще радостнѣе, когда они увидѣли красоту Дафниса. Женщины дѣлили радость Клеаристы, нашедшей сына и невѣсту. И онѣ не могли надивиться несравненной красотѣ Хлои. Весь городъ былъ въ движеніи, всѣ только и говорили, что объ этомъ юношѣ и дѣвушкѣ, громко хвалили прекрасный союзъ. Высказывали пожеланія, чтобы рожденіе Хлои соответствовало ея красотѣ. Многія изъ богатыхъ женщинъ молили боговъ и думали: о, если бы оказалось, что мать этой прекрасной дѣвушки—я.

XXXIV.

Между тѣмъ Діонисофанъ, послѣ долгаго раздумья о судьбѣ Дафниса и Хлои, уснувъ глубокимъ сномъ, имѣлъ видѣніе: приснилось ему, что Нимфы умоляютъ Эроса, чтобы онъ согласился на этотъ союзъ. Эросъ, ослабивъ тетиву на лукѣ, кладетъ его рядомъ съ колчаномъ и повелѣваетъ Діонисофану пригласить на пиръ именитыхъ гражданъ митиленскихъ, — потомъ, когда послѣдній кубокъ будетъ наполненъ, обнести, показать всѣмъ памятные знаки и пропѣть свадебный гимнъ. Пораженный вѣщимъ сномъ и велѣніемъ бога, онъ всталъ на разсвѣтѣ, приказалъ готовить великолѣпную трапезу, гдѣ соединилъ все изысканное, что производятъ море, земля, озера, рѣки, и пригласилъ на торжество знаменитѣйшихъ гражданъ митиленскихъ. Вечеромъ, когда чаша, изъ которой творятъ возліанія богу Гермесу, была наполнена, одинъ изъ рабовъ принесъ на серебряномъ блюдѣ памятные знаки и сталъ обходить столъ, показывая ихъ, поочередно, каждому ихъ возлежавшихъ.

XXXV.

Всѣ объявили, что не знаютъ ихъ, за исключеніемъ Мегакла, который, по причинѣ своей почтенной старости, возлежалъ на верхнемъ концѣ стола. Только что увидѣлъ онъ

памятные знаки, какъ узналъ ихъ и воскликнулъ голосомъ громкимъ и мужественнымъ.

— Что это? Гдѣ ты, дитя мое? Неужели ты жива еще? Или отъ тебя остались только памятные знаки, сохраненные пастухомъ? Діонисофанъ, откуда у тебя примѣты моей дочери? Не лишай меня радости найти ее такъ же, какъ ты нашелъ Дафниса!

Діонисофанъ попросилъ сначала рассказать, гдѣ и какъ она была покинута. Тогда онъ произнесъ голосомъ, не менѣе твердымъ:

— Въ то время, когда я былъ очень бѣденъ,—такъ какъ истратилъ все, что имѣлъ, на устройство народныхъ игръ, на военныя галеры,—родилась у меня дочь. Боясь, что придется воспитать ее въ нищетѣ, я украсилъ ее этими памятными знаками и покинулъ на произволь судьбы, ибо зналъ, что есть не мало людей, которые, не имѣя собственныхъ дѣтей охотно берутъ чужихъ на воспитаніе и замѣняютъ имъ родителей. Я велѣлъ положить ее въ пещеру Нимфъ, довѣривъ покровительству богинь. Впослѣдствіи счастье вернулось ко мнѣ, богатства мои возрастали, а наслѣдниковъ не было, такъ какъ боги уже не посылали мнѣ не только сына, но и второй дочери. Между тѣмъ, какъ будто смѣясь надо мной, то и дѣло, они посылаютъ мнѣ сновидѣнія и возвѣщаютъ, что овца возвратитъ мнѣ дочь.

XXXVI.

Услышавъ это, Діонисофанъ воскликнулъ еще громче, чѣмъ Мегакль, вскочилъ, велѣлъ позвать Хлою, облеченную въ богатая одежды, и сказалъ:

— Вотъ дитя, которое ты покинулъ на произволь судьбы. Овца вскормила ее, благодаря попеченіямъ боговъ, такъ же какъ Дафниса — коза. Прими же эти памятные знаки и дитя твое, прими и отдай ее сыну моему. Мы оба покинули ихъ, оба нашли; мой сынъ и дочь твоя спасены покровительствомъ Пана, Нимфъ и бога Любви.

Мегакль согласился, велѣлъ позвать жену свою Родэ и долго держалъ Хлою въ объятіяхъ. Когда наступилъ

часъ отдыха, всѣ остались переночевать въ домѣ Діонисофана, ибо Дафнисъ поклялся, что теперь уже никому не довѣритъ Хлою, ни даже ея собственному отцу.

XXXVII.

На слѣдующій день порѣшили вернуться въ деревню, по настоянію Дафниса и Хлои, которые не могли привыкнуть къ городской жизни. Кромѣ того, хотѣли устроить свадьбу по сельскому обычаю. Итакъ, вернулись къ Ламону, гдѣ Дріасъ былъ представленъ Мегаклу, Родэ познакомились съ Напэ, и всѣ вмѣстѣ начали приготовленія къ блистательному пиру. Мегакль посвятилъ Хлою Нимфамъ, принесъ имъ въ даръ, среди множества другихъ жертвъ, памятные знаки и увеличилъ казну Дріаса до десяти тысячъ драхмъ.

XXXVIII.

Діонисофанъ, пользуясь прекрасною погодою, велѣлъ устроить лиственныя ложа для трапезы, передъ самою пещерою Нимфъ. Онъ пригласилъ на роскошный свадебный пиръ всѣхъ окрестныхъ поселянъ. Здѣсь присутствовали: Ламонъ и Миртала, Дріасъ и Напэ, отецъ и мать Доркона, Филетасъ и сыновья его: Хромисъ и Ликеніонъ. Даже Лампису простили и позволили участвовать въ пирѣ. Все въ этомъ праздникѣ было устроено нарочно такъ, какъ водится у поселянъ и пастуховъ. Одинъ пѣлъ жатвенную пѣсню, другой представлялъ что-нибудь забавное, какъ это дѣлается вокругъ точиль виноградныхъ; Филетасъ игралъ на свирѣли, Ламписъ—на флейтѣ, Дафнисъ и Хлоя обнимались. Рядомъ паслись козы, какъ будто принимали участіе въ праздникѣ. Молвить правду, это было не совсѣмъ по вкусу горожанамъ, но Дафнисъ звалъ то одну, то другую по имени, угощалъ ихъ свѣжими листьями, бралъ за рога и цѣловалъ.

XXXIX.

На этомъ не кончилась пастушеская жизнь Дафниса и Хлои: до конца дней посвящали они стадамъ большую часть времени и заботъ. Съ особеннымъ усердіемъ чтили Пана, Нимфъ и бога Любви, приобрѣли множество козыхъ и овечьихъ стадъ и всегда предпочитали тонкимъ блюдамъ плоды и молоко. Когда родился у нихъ сынъ, пожелали они, чтобы коза была ему кормилицей, а дочери, родившейся потомъ,— овца. Сына назвали Филопеменомъ, дочь—Аглеей. Такъ провели они долгіе дни въ поляхъ, украсили пещеру Нимфъ, воздвигли въ ней изваянія и устроили жертвенникъ пастушескому богу Любви. Панъ также не былъ забытъ: вмѣсто сосны, которая осѣняла его нѣкогда, воздвигли храмъ и назвали его храмомъ Пана-Воителя

XL.

Но все это случилось впослѣдствіи. А теперь, съ наступленіемъ ночи, проводили они жениха и невѣсту въ брачный покой, одни возглашая гимны на свирѣли, другіе—на флейтѣ, третьи сопровождали ихъ съ большими горящими факелами. Остановившись передъ дверями дома, голосомъ грубымъ и дикимъ, грянули пѣснь, болѣе похожую на грохотъ Посейдонова трезубца, разсѣкающаго землю, чѣмъ на гимнъ Гименея. Дафнисъ и Хлоя возлегли, голые, на брачное ложе, обняли другъ друга, стали цѣловаться и провели ночь, болѣе бессонную, чѣмъ совы. Дафнисъ показаль на дѣлѣ, что поняль урокъ Ликеніонъ, и Хлоя теперь только постигла, что всѣ ихъ прежнія ласки были дѣтскими играми,

Примѣчанія.

Любовь сильнѣе смерти. Впервые появилось въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» за 1896 г., № 8, стр. 99—113. Въ отдѣльномъ изданіи было выпущено книгоиздательствомъ «Скорпіонъ» въ 1902 г., М., 8^о, стр. 178+1. Второе изданіе (М. В. Пирожкова) появилось въ 1904 г., Спб., 8^о, стр. 1+152. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. VI.

Наука любви. Впервые было напечатано въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» за 1896 г., № 8, стр. 89—99. Въ отдѣльномъ изданіи появилось вмѣстѣ съ предыдущей новеллой въ 1902 г. (изд. «Скорпіонъ»). Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. VI.

Желѣзное кольцо. *Въ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго появляется впервые въ настоящемъ изданіи.* Напечатано было въ журналѣ «Всемирная Иллюстрація» за 1897 г. № 1, стр. 5—8; № 2, стр. 32—33; № 3, стр. 52—53.

Рыцарь за пряжкой. *Въ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго появляется впервые въ настоящемъ изданіи.* Напечатано было въ журналѣ «Нива» за 1895 г. № 52, стр. 1238—1247.

Превращеніе. *Въ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго появляется впервые въ настоящемъ изданіи.* Напечатано было въ журналѣ «Нива» за 1897 г., № 7, стр. 146—152, № 8, стр. 176—183.

Святой сатиръ. Впервые напечатано было въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» за 1895 г., № 11, стр. 243—257. Вошло въ сборникъ новеллъ книгоиздательства «Скорпіонъ» въ 1902 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. VI.

Дафнисъ и Хлоя. Въ отдѣльномъ изданіи (М. М. Ледерле) появилось въ 1896 г. Въ 1904 г. вышло въ изданіи М. В. Пирожкова. Это изданіе повторено было въ 1907 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. VI.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Любовь сильнѣе смерти	5
Наука любви	24
Желѣзное кольцо. (Новелла XV вѣка.)	38
Рыцарь за прялкой. (Новелла XV вѣка.)	63
Превращеніе. (Флорентинская новелла XV вѣка.)	85
Микель-Анжело	113
Святой сатиръ. (Флорентинская легенда. Изъ А. Франса.)	179
Дафнисъ и Хлоя. (Повѣсть Лонгуса.)	199
Примѣчанія	310
